

*Мы приходим
на землю*

с. Майма
2019 г.

REDMI NOTE 9
AI QUAD CAMERA

*Мы приходим
на землю*

г. Горно-Алтайск, 2019 г.

Мы приходим на землю. — г.Горно-Алтайк, 2019. — __
стр.

Текст

Подпись

Предисловие

Вы когда-нибудь приезжали совсем в незнакомый город? Выходишь из автобуса, и в душе лёгкая боязнь: что я здесь встречу, что увижу необычного, какие впечатления произведёт этот город своим внутренним содержанием.

Примерно, то же происходит с нами, когда мы берём в руки новую книгу, ещё пахнущую типографской краской.

Если эта книга — сборник разных поэтов и прозаиков, то наш интерес вырастает как раз во столько раз, сколько в ней авторов. Такая книга интересна тем, что авторы все разные — и на мир смотрим каждый со своей «колокольни», и пишем, пропуская слово через личное восприятие мира. Но то, что нас объединяет в одно общество, в одну книгу — это понятие нравственности, совести, морали, тактичности и терпимости.

Любое творчество направлено на созидание, на воспитание лучших Человеческих качеств. И если наш сборник поможет кому-то в трудной жизненной ситуации воспрянуть духом; понять, что ты не гость на нашей земле, а, как и любой Человек, пришедший на Землю, должен её сделать светлей и краше, то мы своим пером достигли цели.

Мария Образцова, член СП России, член клуба «Лира»

Всё когда-то случается. Плохое и хорошее, близкое и далёкое, чужое и своё. С годами всё рассортировывается; что-то забывается — уходит, а что-то остаётся, чтобы в нужный момент проявиться и стать тем компасом, с которым кто-то уже прошёл, оставив разметки.

Мы приходим на землю...

Нет такого человека, которого бы не посещали мысли: для чего, тем ли делом занимается, можно ли жить в ладу с собой и окружающими людьми?

Перед вами новый сборник Майминского литературного объединения «Лира». Похож ли он на издания ему предшествующие? И да, и нет.

Отличие его заключается в том, что он обозначает проблемы для homo sapiens (человека разумного). Здесь нет ничего надуманного. Всё взято из жизни. Да и сложно придумать создавшиеся ситуации.

Огромная благодарность людям, которые нашли в себе смелость поделиться своими пережитыми трудностями, и не меньшая авторам, сумевшим подать эти творческие находки.

Отчасти сборник является и некоторым пособием по выживанию, вариантами выхода из сложных жизненных ситуаций.

А еще приятно осознавать, что расширяется география наших авторов, которые, надеемся, будут для вас интересны.

*Галина Свириденко – член Союза журналистов,
дважды номинант Международной премии «Филантроп»,
член Петровской Академии наук и искусств,
член литературного объединения «Лира»
филиала библиотеки № 13 с. Майма.*

Нравится мне, что наше литературное объединение «Лира» существует или сосуществует при филиале библиотеки с загадочным тринадцатым номером, что придает, по моему, некий элемент сказочности или загадочности как самим участникам объединения, так и персонажам их творчества.

Мне интересно всё: и разнообразие тем в стихах О.Хлопотовой и Н.Капустиной, привычная «рассказность» прозы М.Пахоруковой и А.Кобзева, философские стихотворные размышления Г.Черных, как и его «вынужденный комментарий» к одному из своих стихотворений. Интересны рифмованные попытки Веры и Надежды Ленских, а так-

же А. Дударева о смысле бытия, интересны россыпи стихотворных и прозаических строк О.Истоминой, Л.Гришки, Т.Чанчибаевой, С. Костиной и Н. Кетрарь. Близки мне стихотворные сожаления В.Уделяева о быстротечности человеческой жизни, как и о бесовщине в морали поколения начала 21-ого века. Обилие – на небольшую книжку – рассказов Л.Алтуниной, М.Образцовой и Г.Свириденко; классики – остаётся лишь восхититься их творческими возможностями. Непривычная краткость стихотворений обычно многословно-поэтного А.Гаева..., обаяние рифм В.Тюхтеновой и В. Пестеневой..., прозаическое повествование Г.Балакина и зарисовки Е.Мансуровой..., отдельные стихотворные и прозаические заметки Любви и Бориса Семенцовых..., поэзия молодых: З.Бузыревой и М.Ломакиной – внимательнее бы покопаться в рифмах их мыслей; они пойдут в жизни далее нас...

Как мне представляется, разнообразие тем и жанров отражает реальную жизнь людей, проживавших или проживающих в большинстве своём на низкогорье Русского Алтая. Не всё, представленное авторами, нравится мне. Не всё. Наверное, и читателям тоже понравится не всё, собранное в этой книге. Мир и люди, живущие в нём, оживают в твоей голове лишь тогда, когда они становятся интересны именно тебе, читатель. И ты становишься необходимым для окружающих лишь тогда, когда они видят твою заинтересованность во взаимном общении.

Борис Семенцов, человек

Оксана Хлопотова

Я, Хлопотова (Кузина) Оксана Александровна 1971года выпуска, в юности печаталась под фамилией Малышева. Родилась в заповеднике, выросла непуганой и счастливой в п. Многоозёрном (Боровлянский государственный заказник) Алтайского края. Я — стопроцентная женщина, конечно не совершенство, но шедевр ещё тот, эмоциональна и крайне чувствительна.

С 2014 г. член Петровской Академии наук и искусств России. Финалист Фестиваля «Поэзия Улиц в Санкт-Петербурге 2015», финалист национальной, литературной премии «Поэт года 2015» . Автор сборников «Акварели души», одна из авторов сборников: «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить».

Люблю жизнь во всех её проявлениях. Замужем. Счастлива.

Побеждает любовь!

*Полосатые тени на дорогу ложились,
Полосатые тени от деревьев с луной,
Я одна приходила, на деревья молилась.
Я одна проходила этот путь неземной.
Я несла в себе долю сразу тысячи женщин,
Отдавала луне эту зыбкую боль.
С непонятной тоской путь земной мой повенчан,
Но всегда на земле побеждала любовь!
Я дарила лугам этой боли надломы,
Оставляла воде эту сладкую боль...
И пускай только мне эти всплески знакомы,
Но всегда на земле — побеждает любовь!*

Только гости...

*Мы на этой земле только гости,
Беспечные гости.
Погостим, погрустим
И оставим насиженный дом.
Мы приходим на землю,
Наверное, только для грусти
Да еще для любви,
О которой, не вспомним потом.
Мы приходим на землю,
Пытаясь найти половину,
Половину себя,
Своего непокорного «Я».
Или что-то создать,
Ну, а может быть, вызвать лавину,
Что настигнет тебя
За последней чертой бытия...*

Не бережём

*Что есть у нас? Кто любит, кто любим?
Не бережем. В небрежности беспечной
Сгораем нерастраченным огнем,
Не доотдав, уходим в бесконечность.
Что есть у нас? Вопросы в тишину!
Не доуслышав, не дадим ответов,
Не доглядим на солнце и луну,
Оглохшие – не допоем куплетов...*

Когда твой ум научится молчать

*Когда твой ум научится молчать,
А не болтать, когда его не просят,
Ты каждой клеткой будешь ощущать
И этот чудный мир, и эту осень,
И эти листья с каплями дождя,
Где в каждой капле звездный путь
Твой виден,
Всю глубину и смысл бытия,
Который оказался очевиден.*

Тишина

*Вникаю в тишину, она течёт как мёд,
Густой волной на веки мне садится.
Пытаюсь ей как мёдом насладиться.
Журчит ручей, и бабочки полёт,
Я слышу всё, и тишина встаёт
Сплошной стеной, я слышу скрежет мысли,
И Бога, как предчувствие конца.
В себе я слышу маму и отца,
И трепет зарождающейся жизни.
Тогда я — не одна, и Бог во мне живёт,
Когда несёт поток любовь мою по венам.
Я снова слышу бабочки полёт,
И тишину, как центр моей Вселенной.*

Станешь добрым воспоминанием...

*Если солнцем наполнен остров
Твоего небольшого сердца,
Помоги, помоги другому
У тепла твоего согреться.
Передай по крупинкам счастье,
Если веришь, что жизнь прекрасна.
Научи, научи другого
Не завидовать понапрасну.
Может быть для кого-то лучше
Теплый взгляд, чем в ладошку рубль.
На двоих один хлеб насущный, –
Небольшая, поверь мне, убыль.
Стань «жилеткой», молчи и слушай.
Добрый — сердцем не оскудеешь,
Даже если и ошибёшься,
Станешь искренней и сильнее.
Ну, а если однажды стужа
Заморозит твоё дыханье,
Это тоже кому-то нужно –
Станешь добрым воспоминанием...*

*Для меня запретных нет дверей,
Я везде и в воздухе, и в звуке...
Я с тобой и в радости, и в муке,
В свете дня и в сумраке ночей.*

*Я могу тебя поцеловать:
Ветерком, цветком, скользнувшей веткой
По щеке, слезой хрустальной, редкой,
И душою нежно укрывать.*

*Для меня закрытых нет дверей,
Нет оков, цепей, верёвок, тюрем.
Этот мир свободой даруем!
Для людей, постигших суть вещей
Вообще запретных нет дверей...*

Мне прошлого не жаль

*Мне прошлого не жаль, и слёз моих не видно,
О прошлом говорю по-прежнему светло.
Господь меня любил, и это очевидно,
И ангел надо мной простёр своё крыло...
Мы в суетной борьбе, всё боремся не с теми,
И робкое «сейчас» не в силах оценить,
А за спиной года, находки и потери,
И к Богу не тропа, а тоненькая нить.*

Я люблю этот мир

*Я люблю этот МИР: восторгаюсь поющей рекой,
Или солнечным днём, или звонким ликующим утром.
Я люблю эту Жизнь: и за тихий болотный покой,
За туман, что укрыл этот мир голубым перламутром.*

*И за нити дождя, и за слякоть в октябрьский день
Я люблю этот мир, что бы в нём и когда не случилось,
Где легла на плетень кружевная черемухи тень,
А под нею и я отдохнуть на часок притулилась.*

*Я люблю этот мир и особенно остро теперь,
Когда смотрит в глаза, не моргая, холодная вечность,
Когда очень близка между мною и вечностью дверь.
Я люблю эту жизнь, лишь печалит её скоротечность.*

Зарисовки

*Тихо, зарево над лесом алой дымкой,
Как моя страна чудес — счастье зыбкое.
Прилетают снегири, стынть осенняя,
И рождается с зарей Воскресение!*

Мы встречали рассвет...

*Мы встречали рассвет, тихий Белдеби спал.
Нагишом мы входили в солёную воду,
Нас лучами рассветными ветер ласкал,
Море щедро дарило восторг и свободу.*

*Мы встречали рассвет, а следы на песке
Исчезали под пенной полоской прибоя,
И в дыхании моря причудилось мне —
Мы Атлантов потомки с тобою.*

*Свет померк. Время сдвинулось, вспять потекло.
Как следы на песке гибли древние стены,
Уходили под воду и словно стекло,
Разбивались надежды на помощь Вселенной.*

*Мы в одеждах шагнувших с Олимпа богов
На безумие это сквозь слёзы смотрели...
Ты держал мою руку, и не было слов,
Нас встречая, тихонечко ангелы пели.*

*В толще лет заблудились бывшие враги,
На руинах построили новые стены,
Но осталось тепло твоей крепкой руки,
Как незыблемый знак постоянства Вселенной.*

*Мы встречали рассвет, тихий Белдеби спал.
Горизонт обжигая, вставало Ярило.
Ты руками за плечи меня обнимал,
И любовь нам бессмертье дарила.*

* * *

*Тонкую ветку тяжелая капля нагнула,
Дождь целый день, на тропинках, дорожках — вода,
Я, отразившись в воде, в небесах утонула,
И воробей на меня отряхнул провода...*

* * *

*Может быть когда-то, где цвела весна,
Стороной прошла я, глаз не подняла,
Может быть когда-то, где-то там, вдали,
Пролетали мимо клином журавли,
Ты меня приметил, но цвела весна,
Я навстречу лету стороной прошла.*

Весеннее 2018

*Снова нелепо вывернут зонтик,
Ветром надуло в мокрую душу...
Это весенний ветер-бродяга
Музыку дождика первого слушал.
Это весеннее зеркало лужное
Комкало тучное тело небесное,
Тоже в ответ громыхало простужено,
Мыло асфальт, как уборщица честная...
Зонтик, наверно, придётся мне выкинуть,
Жаль, что с душой так легко не управиться...
Только любовью ты высушишь, выгладишь,
С этой работой один и не справишься.
А воробьи, накупавшись, нахохлились
На проводах — точно нотная грамота.
И на душе, как симфония вечная,
Музыкой цвета рождается радуга!*

Мария Нахорукова

Живёт в посёлке Самусь Томской области.

Более 35 лет проработала учителем в школе. Была учителем географии, педагогом-психологом, заместителем директора лицея по учебно-воспитательной работе. Занимается индивидуально с детьми-инвалидами V111 вида.

Печатается в местных газетах, одна из авторов сборников: «Пока душа во мне живёт», «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить».

Увлекается фотографией, участвует в фотоконкурсах.

Любила и любит свою профессию и вообще жизнь!

Бессонница

Не спалось...

Впереди Её ждала долгая-долгая морозная декабрьская ночь. Не ночь, а сплошная бессонница. И не первая в жизни. Сколько их было, таких ночных бдений, размышлений.

Ей часто вспоминается первая бессонность. События десятилетней давности, а словно сейчас происходило.

Уход из жизни близкого человека – всегда неожиданность. А если это произошло внезапно? Ещё в обед разговаривала с мамой. Строили планы на огородно-полевой сезон. А вечером, придя с работы, застала её бездыханной на полу. Вердикт врачей – инсульт. И та первая бессонница без мамы. В соседней комнате её тело покоилось в домовине, родственники рядом коротали ночь, вели, как и положено в таких случаях, разговоры о земной жизни покойницы.

Уже за полночь Её голова коснулась подушки, ноги, руки не шевелятся от усталости, а глаза – словно песок насыпан – не закрываются. И так до рассвета. Тогда Она впервые почувствовала выражение «глаз не сомкнула». Думала, вспоминала свою жизнь, потому что на тот момент вся Её жизнь была неразрывно связана с маминкой: теперь без мамы Ей нет никакой защиты, тылы исчезли. Тогда осознала, что пока Она жива, Её дети будут чувствовать себя защищенными в жизни, и дала себе слово «жить как можно дольше, и во что бы то ни стало», тогда меньше будет сирот на Земле...

Утром вновь хлопоты, посещение похоронных служб, необходимые обрядовые заказы. После обеда – вынос тела, кладбище, ритуальный обед, принятие соболезнований. Все разъехались по своим земным делам. И осталась Она одна. Да нет, не одна. Много друзей, сослуживцев, соседей. Но наступает ночь. Вот тогда одиночество подступает к горлу. И так весь первый год: ложилась, закрывала глаза, и весь тот день проходил в мельчайших подробностях. Она и не пыта-

лась запретить себе думать об этом, словно таким способом вымаливала прощение у мамы за все вольные и невольные обиды, нанесённые за годы непростой совместной жизни. И если бы Ей подсказал толковый человек, что таким образом она здоровье своё разрушает и только... Через год загремела в больницу, ещё через год – полостная операция. И до конца жизни – поддерживающая терапия и наблюдение у врачей...

Сегодняшняя новогодняя ночь вернула Её в детство, когда время тянулось невообразимо медленно. И чтобы приблизить желанный праздник, Она шла на хитрость – пораньше ложилась спать...

Или ещё, более поздние, воспоминания. Ночь школьного выпускного вечера. Как всем вчерашним школьникам, утомлённым шестью экзаменами, к утру хотелось спать. Но традиция от школы до главной площади города дойти, чтобы встретить рассвет новой жизни, была крепка. Утренняя прохлада, стёртые в кровь новыми туфлями ноги ничто по сравнению с желанием спать...

Не стёрлись из памяти предэкзаменационные бессонные ночи в институте. И кому пришла в голову шальная мысль: только первыми заходить на экзамен. К летней сессии IV курса дело дошло до того, что очередь на экзамен занимали в два часа ночи. Сессия закрывалась на «отлично». И это была высшая степень гордости за свои успехи...

Было время дружбы-влюблённости, когда ночи напролёт гуляли по улицам города, целовались, мечтали, строили планы. Впереди такая длинная распрекрасная жизнь. Одно огорчало, что «вот уж время расходиться, а расстаться нету сил»...

За плечами бессонные ночи тревоги и беспокойства за подрастающих детей. «Малые дети спать не дают, а с большими сам не уснёшь». Теперь мысли о внуках не дают уснуть...

И вот она вчерашняя предновогодняя ночь. Какая-то тре-

вога не покидала Её в течение дня. Всё благополучно. Поздравления от детей, внуков пришли своевременно. Кажется, нет причин для беспокойства. Ну, поди ж ты, не спится. Так и проходит время ночных рассуждений, которые всё чаще занимают Её мысли...

Сколько ещё жить на прекрасной Земле, не вопрос. Главное, научиться мудрости мирного сосуществования с ночными мыслями в часы бессонницы.

По заслугам

Мечтали школьники послевоенной поры – как ни в какое другое время. Мечты были светлые и возвышенные. Их не скрывали от одноклассников. И горе было тому, у кого мечта не вписывалась в стандарт мышления подростков. А если мечтателем оказывалась неказистая, маленькая, девчонка, тогда у неё было два пути: либо терпеть насмешки, либо защитить свои мечты.

Октябрина во все годы учёбы на уроках физкультуры в строю стояла на правом фланге – последней. Худенькая, даже костлявая, но жилистая. Любая работа ей была по плечу и в школе, и дома.

Но угораздило же ей влюбиться в профессию вулканолога. Тогда мало что было известно об этой профессии. Одно все знали точно: вулканолог – профессия мужчин, только смелых, только сильных духом. А здесь пигалица какая-то возомнила о себе. Родители ей выписывают специальные журналы и другую литературу. По возможности приобретают атрибуты такой героической профессии для дочки. Вот и накануне тех событий мама принесла – купила в сельмаге по дороге с работы домой – дочке головной капроновый платок. Да такой красивый. На всю площадь полотна изображение вулкана Кроноцкая сопка, который Октябрина видела в журнале «Турист». Красота силы природы, не подвластная разуму человека.

Как радовалась такому неожиданному подарку дочка, примеряла его. А наутро, торжественно подвязав его на подбородке, пошла в школу, навстречу своему самоутверждению.

Прошло два урока. И тут угораздило же Сеньке, соседу по парте, здоровяку класса, заглянуть в портфель одноклассницы. Там он разглядел необычный рисунок и сразу понял, что этот недомерок примеряет мечту уже и на своих девчоночных нарядах. Выхватил платок из сумки, растянул его, как тореадор красную тряпку перед жертвой.

– Поймай, поймай, горе-вулканолог, подпрыгни, поймай.

В другое время на любые чудачества мальчишек она ответила бы холодно-презренным равнодушным взглядом. Но только не в этой ситуации.

Девочка, сурово сдвинув брови, шла на него, глядя снизу вверх и приговаривая сурово:

– Отдай!!! Последний раз говорю, отдай, а то хуже будет...

В душе девочки одновременно росли отчаяние и решимость постоять за поруганную мечту, защитить своё достоинство. Она чувствовала себя словно в стае волков, которые со всех сторон улюлюкали и поддерживали Сеньку:

– Ату её, Сеня, ату!..

Перед ней в тот момент стоял смеющийся враг её мечты, в ушах звон и крики мальчишек. Подступив вплотную, она вдруг слышала за спиной тишину, пугающую её. Но отступить не собиралась...

Прозвенел звонок на урок. Учитель уже вошёл в класс. Одноклассники, кто с интересом, кто со страхом ждали развязки.

Октябрина решила: после очередного предупреждения, зажмурившись, дала обидчику пощёчину такой силы, что в следующее мгновение, открыв глаза, увидела алый след своей ладони на его щеке.

Сгорая от стыда, Сеня – гроза всех малышей – протянул ей платок:

– На! Возьми!

– Я же предупреждала тебя, что хуже будет!

Все разошлись по своим местам.

А учитель, прошедший военным лётчиком всю войну, только воскликнул:

– Вот это да-а-а...

С того времени она не только получила признание и уважение своей мечты, но и стала среди подростков третейским судьёй.

... А мечта её всё-таки исполнилась.

Мой Солженицын

Далё-ё-ёкий 1971 год.

Осень.

Встретились мы – желторотые первокурсники, вчерашние одноклассники, сегодня студенты разных факультетов педагогического института.

Аллея парка в золоте опадающей листвы. Солнце блаженно светит, но уже не печёт так нещадно жарко, как в пору сдачи вступительных экзаменов.

Радость от встречи, обнимания, обмен впечатлениями от первых лекций-семинаров с непрекращающимися перебивками:

– А у нас на факультете!..

– А мы в своей группе!..

– Напрасно ты не пошла со мной на один факультет!

Звучит более подробный обмен мнениями. И тут наша сказительница ещё по школьной жизни, а теперь студентка филологического факультета восторженно говорит:

– Представляете, весь наш первый курс был приглашён на митинг протеста...

Мы замерли в удивлении:

– Протеста против чего?..

– Ни чего, а кого... Мы сегодня, все как один, проголосовали на митинге против творчества писака Солженицына!

Наш преподаватель истории КПСС так и сказал «писака». А уж он-то знает...

Раздался робкий удивлённый голосок одной из нас:

– И вам дали почитать его произведения?.. Как? Ведь он у нас в СССР запрещён?

– Мы их не читали. Зачем читать, если нам сказали наши педагоги, что он пишет вредную и плохую литературу. Вот мы и протестовали против его творчества.

Вновь тот же голосок:

– Значит, вы проголосовали за решение лишить его жизни?! По-другому как можно запретить ему писать?

Теперь настала очередь замереть в удивлении нашей сказительнице:

– Зачем его убивать? Пусть не пишет! И всё тут! Если ничего другого не умеет делать, пойдёт работать дворником. У нас в СССР их не хватает...

Разговор как-то сам собой поутих. Расстались мы почти молча, не прощаясь.

А у меня после этого появился непреложный интерес к творчеству Александра Исаевича.

Мы, у которых школьное детство закончилось в начале семидесятых, воспитывались на законах марксизма-ленинизма, на демократическом централизме и прочих «измах», оценивать которые здесь не входит в мой круг повествования.

О Солженицыне я впервые услышала от своего отца. Он рассказывал о нём нам в годы правления Хрущёва. Голодно было, но уж дай русскому человеку глоток свободы, а надежда у него расцветёт, как подснежники на опушке, вопреки предстоящим весенним заморозкам.

... Далеко за Уралом дошла до читателей первая литературная весть, правда, пусть и горькая. В сельской библиотеке пошёл в народ «Новый мир» в преддверии наступающего 1963 года. Дочитали бы до дыр. Благо, мудрая дальновидная библиотекарь после пятого читателя изъяла журнал и в свободное от работы время перепечатала «Один день Ивана Денисовича» в пяти экземплярах, переплела, как её учили

в библиотечном техникуме, и присвоила этим книжкам инвентарные номера. А журнал, вопреки библиотечному этикету, оформила, как утерянный, и унесла домой со словами:

– Поживём – увидим, а пока до хороших времён у меня ему надёжнее будет.

После той памятной для меня студенческой встречи, в первый же приезд домой, я зашла в библиотеку.

Всё тот же библиофил на абонементе выдаёт книги. Седенькие букли на висках и на затылке скреплены тремя заколками. Ничего не изменилось в её облике, только волосы стали реже и приобрели цвет возраста и житейских неурядиц.

Я спросила о том, помнит ли она далёкий 63-й год.

Такой ответ может дать только человек, преданный своему делу:

– А как же, и даже знаю, о чём ты меня спросишь. Заходи ко мне вечером на чай, я не только «Ивана Денисовича» покажу, но и многое другое, что тебя заинтересует в моей книжной кладовой.

И был вечер.

И была встреча.

И был долгий-долгий разговор.

О книгах, их авторах, о судьбе тех, кто думает «не в унисон воззваниям партии, единственно верной, а потому непобедимой».

Прощаясь, она мне открыла за кухонной занавесочной потайную дверь в свою кладовую и вынесла семь книг, которые вопреки распоряжениям ЦК КПСС, не уничтожила во время гонений на их авторов. Аккуратно упакованную в серую обёрточную бумагу, перевязанную бечевой, передала эту связку мне со словами:

– Верю, что ты доживёшь до того времени, когда их будут переиздавать миллионными тиражами. А пока заberi, и распоряжайся ими так, как позволит тебе твоя совесть и воспитание. В семье твоих родителей – моих читателей – они займут достойное место. Так и мне спокойнее будет.

Вскоре взрослые дети забрали её к себе в Крым...

Дома я распечатала книжное богатство.

И конечно, пока была на каникулах, мы всей семьёй знакомились с содержанием тех книг, устраивая громкие читки по вечерам. И в первую очередь журнал «Новый мир» с «Одним днём Ивана Денисовича». Отец после услышанного рассказа минут сорок молчал, курил на кухне, очевидно, вспоминая свой нелёгкий жизненный путь, а потом только и сказал:

– Сильная вещь!

Это была высшая степень его похвалы.

По истечении четырёх десятков лет я помню из той связки все книги, но особняком в моей памяти стоит журнал «Новый мир» №11 1963 года издания с рассказом Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

P. S.

Этих книг у меня сегодня нет, но я не сожалею об этом, потому что они заняли достойное место в библиотечном музее.

Сделка с жизнью

Вечерело...

Вот, кажется, и всё. Заканчивается день и его жизненный путь. Устал.

Устал жить, притворяясь сам себе в своих, якобы, честных отношениях.

Устал от пьянки в забытии.

Устал.

Устал.

Устал...

Опять впал в потерю сознания.

Кажется, на прошлой неделе приходила его первая, а может быть, вторая жена. Кто теперь вспомнит и разберёт,

кроме его самого. А у него память выпадает из действительности. Не мудрено, уже восьмой десяток разменял. Предки его жили по 90 лет, а бабка по отцовской линии перевалила за сотню.

Итак, Надежда — его главная жена, с которой прожил тридцать лет. Он не может себе признаться, что в любви и согласии. У них есть дети, внуки. А после разговора с ней узнал, что уже правнуки, о-очень похожие на него, как и все дети. Жена была недолго, пока последняя — Вера, в магазин ходила. Он и договорился с соседкой, чтобы привела её в отсутствии Веры. Встретились, и сердце защемило, как в молодости.

Тогда, полвека назад, у него была тревога: где остановиться на ночлег. На дворе начало марта. Пять лет прошло с первого дня Победы. А он по-прежнему неприкаян. Служба в армии спасала, пока по возрасту срок не вышел. Отдали военный билет, вещмешок и за ворота части выпроводили на все четыре стороны. На деньги, что были у него, взял билет в один конец. Пока ехал в железнодорожном вагоне, отсыпался.

Станция прибытия. На горизонте копёр виден — шахтёрский городок, где после войны нужны рабочие руки.

Вечерело.

Морозец крепчал. Вокзал на ночь запирался на ключ.

Спешат со смены рудодобытчики. А он — воин-победитель стоит на распутье.

Встретился взглядом с одним из жителей Городка. Тот сам подошёл, поздоровался, первый заговорил о проблеме его ночлега. И предложил: «Иди к моей теще. Сыновья и муж с фронта не вернулись. Она сама немощная, живёт с дочкой-перестаркой. Да и где нынче женихов взять. Всех война проклятушая выкосила. Вот и пойдёшь в примачи, а там как сложится».

Согласился солдатик, пошёл на сделку с жизнью уже второй раз.

...Впервые он смалодушничал до войны: любовь у него была красивая, большая. Хоть роман пиши. Но, наверное, ненастоящая, коли, узнав, что Любушка понесла от него, сбежал в соседний район. Там и перекантовался до армии.

Поэтому он и считал Надежду второй женой.

Опять мысли его понесли вспять. Вспомнил, как, уже четверо детей у него с Надеждой было, приехала Любушка с сыном. Она ничего не просила. Просто переступила порог и стояла, обняв своего, нет, их пятнадцатилетнего сына – фотографическую копию его, с такой же щербинкой на верхних передних зубах.

Тогда у него впервые память выпала из действительности. Он слова сказать не мог, и ноги отказали. Надежда замерла у кухонного стола со страхом в глазах: уведёт его женщина с сыном, и как же она одна будет поднимать четырёх дочек.

Но не хватило духу у него даже слово сказать. А Любушка с сыном, постояв так минут пять, ушла, словно её и не было. Растворилась...

Только с этого дня тревога поселилась в сердце Надежды, и не покидала, пока дети росли и вставали на ноги.

Жил он себе не в радость, а окружающим – жене и детям – в тягость. Дочери подрастали, понимая, что не всё ладно в отношениях родителей, стеснялись этих отношений. И позднее люто возненавидели отца за то, что он погубил жизнь матери.

Интересно, когда он уйдёт из жизни... Скорее бы, устал уже так жить – вспомнят ли они его добрым словом, простят ли?... Нет, на это он не надеялся...

Память вернула ему ещё один эпизод. Страшный эпизод – теперь-то он это понимает. Подошла очередь получать квартиру. Старшие двойняшки оканчивали школу, самая младшая в седьмой класс пошла. А семья его жила всё в той же каморке, в которую он вошёл в солдатской гимнастёрке:

комната одна с печкой в центре. Здесь и спали, и обедали, и уроки делали. И он плотничал по вечерам.

А новая квартира трёхкомнатная, светлая в кирпичном доме на втором этаже, балкон и лоджия. Уже побывали в ней. Прошли по комнатам, мечтая, как будут обживать её.

В день получения ордера он отказался от квартиры, объяснив на заседании жилищной комиссии, что жена привыкла печку топить, и подписал письменный отказ. А дома, свернув дулю, злобно рыкнул: «Вот вам, а не квартира! Ишь, захотели городской жизни! Не бывать тому!»

Вспомнить страшно, как плакали жена и дочери. А потом старшая сказала, как плетью хлестнула по лицу: «Это ты будешь жить здесь, где тебя тёща приютила, до конца дней своих!»

И что на него тогда нашло?..

А дочери после школы получили профессии и забрали Надежду от отца, сказав: «Хватит ему измываться над нами. Тридцать лет терпела ты и мы вместе с тобой».

Стыдно, ой, как стыдно...

Вот бы раньше, когда был в силе, поехать к ним и на коленях вымаливать прощение за свои деяния. Думая так, он понимал, что никогда бы так благородно не поступил. Духу не хватило бы, как и сейчас.

После Надежды подобрала его пьяного Вера, третья жена, которой, как и ему, после армии, негде было жить. Отмыла, привела в чувство, и ...вместе с ним начала пить. Прожил он с ней всё в той же каморке 15 лет. Только и было радости, что в редкие дни её трезвости. Тогда он осознал всю мерзость своего отношения к Надежде и дочерям. Но жизнь прошла...

Только и осталось, что по вечерам на завалинке рассказывать останавливающейся молодёжи, какая интересная у него судьба была. Так правдиво рассказывал, что и сам в это начинал верить.

Сегодня тёплое июньское утро. Вчера прошёл выпускной вечер у внучки. Позавчера, в день своего двадцатидвухлетия внук получил диплом об окончании лучшего ВУЗа страны. Они далеко. Он, словно чувствуя эту радость внуков, постарался оттянуть свой уход, чтобы не омрачать их праздники. Хоть так он мог загладить свою вину перед близкими.

...Наверное, сегодня последнее его утро. Он почувствовал это и тихонько окликнул Веру. Та, после вчерашнего перепоя (он последний год уже не пил), вызвала ему сразу скорую, пожарную, милицию, и опять уснула. Как раз к тому времени, когда взошло солнце и все три службы встретились у дверей каморки, его душа, не прощённая Надеждой и детьми, покинула этот мир...

Восьмая заповедь, или пожизненное добровольное заключение

Гюльчатай – старшая дочь в многодетной семье – гордость и надежда родителей. Поступила и проучилась в пединституте благополучно. Через неделю выпускной вечер, куда она, хоть и беременная, обязательно пойдёт. Ну и что, если обидела на своём пути немало друзей детства, студенчества. Живя в крайней скромности, хотела жить красиво и богато. Но как это сделать?

Девчонки-школьницы по-соседски собирались вдвоём, втроём, брали литровые стеклянные банки и шли на ближайшие сопки по ягоды. Сочная, необыкновенно душистая и сладкая земляника – лучшая ягода всех времён и народов. Вот и в этот раз Гюльчатай с сестрой и её одноклассницей начали сбор земляники. В самом начале Гюльчатай предлагает наполнять банки по очереди – так быстрее будет. Первую, по старшинству, заполнили банку Гюльчатай, потом – её сестры, так как она была на неделю старше одноклассницы. Только закрылось дно третьей банки, как Гюльчатай вдруг со страхом, расширив глаза, закричала: «Там, в кустах, какой-то мужик сидит, за нами наблюдает. Сейчас выскочит! Бежим!...»

И только дома, перед сном, обдумав ягодное происшествие, соседка-однокурсница поняла, что эту уловку – набрать быстрее ягоду, и только для своей семьи – Гюльчатой спланирована заранее.

На третьем курсе ей очень понравился отрез парчи, который вынула из своего чемодана соседка-первокурсница по комнате. Жили втроём. Гюльчатой продумала и здесь беспроегрышный вариант: всю вину свалить на третью соседку, тем более что она ездила домой, а значит, могла увезти ткань. И неважно, что её могут отчислить из института. А может быть, рассорив таким образом, сможет уговорить хозяйку отреза парчи не давать делу хода, а только выселить «воровку» из комнаты. Так всё и случилось. Прошло ещё два года, за которые то у одной, то у другой студентки пропадали или половина денег из кошелька, или духи в начатом флаконе. Все недоумевали. А когда спрашивали у Гюльчатой о пропажах, она отвечала всегда заученную фразу: «Я не брала. Мне чужого не надо».

Жильцы по комнате менялись, но та, владелица парчи, жила с ней постоянно. Жертвами изворотливой Гюльчатой одни и те же студенты дважды не становились. Во время поездки на практику после четвёртого курса одна из студенток нашла крупный золотой перстень с натуральным камнем. В то время, чтобы купить такой, нужно было работать весь летний сезон в стройотряде, то есть этих денег хватило бы на скромное студенческое проживание в течение года. Не успели студенты вернуться с практики, как перстень у той нечаянной счастливой обладательницы исчез. «Бог дал, Бог взял», – только и сказала она...

Ну, вот и выпускной скоро. Вещи свои Гюльчатой переносит к своему будущему мужу. А жила она в тот последний год учёбы по-прежнему с хозяйкой парчи и однокурсницей Надеждой, поступившей в институт из детского дома. Но даже это последнее обстоятельство не остановило Гюльчатой. Лакированные туфли Нади, приобретённые к выпускному вечеру, перекочевали из коробки хозяйки в сапоги Гюль-

чатай, которые были упакованы в рюкзак. Ответ на вопрос: «Ты мои туфли не видела?» был стандартным, как и во все годы общения: «Мне чужого не надо. Я не брала».

Одногруппницы, живущие в общежитии, собрались на совет, вспомнили все годы жизни рядом с Гюльчатай. И приняли решение: зашли в комнату, где она собирала последние вещи, чтобы уже навсегда покинуть общежитие и предложили ей два варианта: или вызвать милицию (со всеми вытекающими последствиями), или самим произвести досмотр её вещей.

Туфли нашли, забрали. Учитывая её беременность, не стали заявлять в милицию, но посоветовали не пересекаться с ними на жизненном пути. Больше её никто не видел.

А спустя полвека стало известно, что она, их однокурсница, живёт в горном ауле. Опасаясь встречи с теми, кого обидела, всё это время практически не выезжает за его пределы — тем самым обрекла себя на пожизненное добровольное заключение.

А ну-ка, прыгни и скажи...

Пятиклассник Васька «пить, курить, говорить начал одновременно». Свои новогодние подарки в школе выменивал на папиросы.

В деревенскую школу по распределению на отработку трёх лет после пединститута прибыли две учительницы. Скучали они по студенческой жизни, по городу, где остались их друзья-товарищи. Но делать нечего, надо «сеять разумное, доброе, вечное», а там уж как получится...

Учителям кроме предметной нагрузки дали классное руководство. Достался им самый беспокойный возраст — пятый и шестой классы. В пятом классе Васька был самый худой, тщедушный, несусветный курильщик-матершинник с уже глубокими морщинами под глазами.

Прошёл он курс наук в начальной школе номинально. С памятью были немалые проблемы, логика хромала. И не

мудрено. Он был ребёнком второго поколения, который получал табак и алкоголь с первых дней своего зачатия. А отец с матерью, как и бабушки с дедушкой, считали своего последнего гениально талантливым ребёнком. Таблицу умножения он осилил только на «2». Писал, как слышал: «Я шОл в школу, ШтобАхАрАшоучиЦА». А ещё и местные диалекты в речи проскальзывали: «А чАВоучительше надо? Штоб я кажНый день в школу ЧАПАЛ? Што ли?»

В пятом классе каждый из учителей-предметников подходил к Васькиной «классухе» и жаловался на ученика. Хотя они, предметники, коренные жители деревни, лучше молодых специалистов знали всю историю зачатия («по пьяне») и рождения Васьки. И уже тогда предсказывали его полный неуспех в учёбе.

Но надо же было показать молодым своё педагогическое рвение. Поэтому каждое утро в учительской начиналось с советов наставников: «Вы, как классные руководители, должны посещать квартиры учеников, проверять уровень их жизни в семье и давать рекомендации по воспитанию детей».

Учителя по одному ходить к ученикам опасались – уже перестройка приближалась – можно и пострадать от своих воспитательных бесед.

Приближался Новый год. И за вторую четверть Ваське опять светили «двойки» по пяти предметам. На педсовете вынесли решение – обязать классного руководителя и учительницу математики посетить квартиру Васьки и провести воспитательную беседу не только с Васькой, но и с его родителями.

Пришли. Мать-доярка была на ферме. Отец который день «не просыхал» после аванса. А в этот раз он спал на диване в горенке, в кирзовых сапогах с прилипшими ошмётками навоза на подошвах. Васька, шмыгая носом и пританцовывая на одной ноге, вторая была абсолютно голой, жевал хлеб, собирая крошки с грязного стола и отгоняя назойливых мух. В алюминиевой миске лежали очистки от картошки, которую он жевал, торопливо запивая из носика чайника холодным

кипятком. Торопился на улицу, покурить. А тут эти две учительши, будь они неладны, нарисовались.

Ваське пришлось по их требованию будить отца. Тот едва открыл глаза, выхватил у Васьки из рук чайник и приложил к носику. Пил жадными глотками, пока не опустошил со- суд.

После некоторого замешательства до отца стали доходить слова пришедших. А опохмелиться страх как хочется. Примерился взглядом к столу, на котором, кроме мух и чашки с картофельными очистками, стояла пустая бутылка из-под вчерашней «Московской». Шатающейся неуверенной походкой подошёл к столу, взял бутылку, заглянул в горлышко, опрокинул её в рот, пытаясь вытрясти хотя бы пару капель горячительного. Но где там. Если что и осталось с вечера – уже испарилось.

До отца стали доходить слова-тирады учителей о слабой учёбе сына, его невоспитанности, курении на каждой перемене.

На душе у него и без того было тошно, а они жужжат и жужжат...

Развязка для всех присутствующих, в том числе и для самого отца, была крайне неожиданной. Он стукнул по шатающемуся столу, да так, что бутылка опрокинулась и скатилась на пол, и крикнул, обращаясь к испуганному сыну: «А ну-ка, мать твою, пере-мать, прыгни и скажи: будешь учиться?!! Или нет?!!»

От такой неожиданности вместе со страхом горох внутреннего смеха рассыпался в душе учительниц. Поспешно попрощавшись, они покинули жилище, стряхивая с себя упавших с потолка тараканов...

После этого случая в деревне не было ни одного посещения учителями квартир учеников с целью проведения воспитательных бесед.

Эта сказочка моя про тебя и про меня

Ах, эта сказка – быль иль небыль...

Не помню – был я или не был

В том сказочном небытие.

Но всё же лучше было мне,

Что я в действительности был,

И эту сказку сочинил.

В лесу, у края на опушке,

Стояла ветхая избушка.

В избушке той бывал и я,

Скажу вам, братцы, не тая.

Там из сказочных героев

Проживало только трое.

Двое были: Так и Сяк,

Третий – Сказочный Дурак.

Так и Сяк себя считали

Выше всех и круче всех.

В облаках они витали,

Поднимаясь только вверх.

Но король и здесь был голый,

Наступил расплаты час.

И скатились вдруг с престола

Так и Сяк – никто не спас.

А Дурак, он был из сказки,

Чуть ленив, чуть нерадив.

Жил всё больше по подсказке,

И не знал альтернатив.

Ум был задний, всем известный

«Если бы, тогда бы, вот...»

Жил он жизнью легковесной,

Тем, что Бог ему пошлёт...

Год за годом проходил,

Скажем сразу наперёд:

Наш Дурак как прежде жил

Тем, что Бог ему пошлёт.

Вот и думайте, читатели:

– Кем Дурак тот был?
– Мечтателем...
Дальше мысль не развиваю,
Потому что точно знаю –
Мораль у каждого своя,
Она всегда – от бытия*.

* «Бытие определяет сознание» — К.Маркс

Георгий Черных

Георгий Черных родился в 1975 г. в г. Красноярске. Стихи начал писать с 9 лет, долгое время не придавая этому серьезного значения.

И в один прекрасный момент ему открылись ворота поэтического мира, ключи к которому он подобрал своими стихами.

2001 г. – начало публикаций в газете «Постскриптум» и 5-е место в первом литературном конкурсе, организованном этой газетой.

2006 г. – третье место в конкурсе «78 слов о Горно-Алтайске» (газета «Вестник Горно-Алтайска»)

2007 г. – Георгий становится победителем районного фестиваля «Вместе мы сможем больше» в номинациях «Литературная» и «Видеоматериалы», а затем на подобном республиканском фестивале жюри присвоило ему вторую премию в номинации «Поэтическое творчество». И вот он уже один из авторов сборника «Я сердцем чувствую стихи».

2008 г. – создание литературного клуба «Повозочка» в Майме, и он вступает в его ряды.

Его стихи начинают выходить в сборниках: «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «Снова память распахнута настежь», альманах «Майминское прикату-нье», «Майма литературная», «Отражение веков», «Среди од-нотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить» и, на-конец, первый авторский сборник – «Времена жизни».

Георгий участник Международного поэтического конкурса 2009 г. «Золотая строфа». Его стихи вошли в три альманаха, вы-пущенные по результатам конкурса.

Член Петровской академии науки и искусств.

*Апрель изменчив. Впрочем, как всегда.
Он, то юнец, журчащий на пригорках.
То молодец, обнявши на задворках
Девицу Вербу прямо у моста.*

*То зрелый муж – серьёзен по утрам,
Сердит и молчалив. Но всё ж отходчив.
И оттого, как гениальный зодчий
Вдруг превращает мир в священный храм!*

*В нём всюду различаешь ипостась.
В любой проталине рисуется икона.
А каждым утром с колокольным звоном
Видна в заре особенная вязь.*

*Апрель таков! Он может всё. И всё,
К чему ни прикоснётся, оживает,
Пылает, расцветает! И как в рае
Планета вся молитвою живёт.*

*Апрель свою раскрасит акварель
Божественным: весь мир и поднебесье.
И запоёт хоралом вся капель
Под благовест: Иисус Христос воскрес.*

Я так хочу за облаками

*Я так хочу за облаками плыть.
Взлететь до них и, без единой мысли,
До вечной бесконечности парить,
Не думая о смысле этой жизни.*

*Я растворюсь на небе голубом
Всем существом, где буду с другом ветром
Лететь, лететь, отдавшись целиком
Прекрасным, восхитительным моментам!*

*Я буду плыть на облаке своём,
Вдыхая красоту земных творений.
И плакать, как дитя, грибным дождём
От музыки и вдохновений.*

*И, как в ответ, вся эта красота
Мне улыбнётся радугой и светом!
На мир прольётся неба чистота.
А я останусь в небе синем этом.*

Хорошо ли это

*Хорошо ли это, ввысь взлетев, как птица,
В горизонт влюбиться, в голубой простор?
Долететь, достигнуть самых синих гор?
Хорошо ли это — птицей быть стремиться?*

*Хорошо ли это, став прозрачной речкой
Без моста и брода, где волна вольна,
Быть и вечной жизнью, и последней свечкой?
Хорошо ли это — быть рекой без дна?*

*Хорошо ли это, вслед за вольным ветром
Чьё-то жизни поле взяв, предугадать?
Разложить по строчкам и ... окрасить светом?
Хорошо ли это — вольным ветром стать?*

*Хорошо ли это, став бездонным небом,
Синь схватить руками, чтобы грянул гром
Лучезарным ярким радужным огнём
С проливным дождём и ...! А затем, потом
Сожалея думать: жаль, что небом не был.*

Мы с тобой две реки

*Мы с тобой две реки: широки, глубоки.
То легки, то срываемся в омут с порога.
Мы впадаем в один океан. Но для Бога
Всё равно, что мы в волнах его как щенки.
Наши воды, конечно же, встретятся с бездной,
Но не станет та встреча ни сладкой, ни пресной,
И без нас не развалится мир на куски.*

*Но в большом океане мы вновь оживём
Под лучами пылавшего зноем светила.
Нас поднимет над волнами мощная сила
Дел и мыслей, которые мы возведём.
Возвращаясь на землю, вернувшись с небес,
В этом мире прекрасном, где горы и лес,
Вдруг сольёмся с живым благодатным дождём.*

*Станем мы, как две капли воды на стекле,
Параллельно текущие вниз, ожидая
Своего персонального, тихого рая.
Но срываемся и исчезаем во мгле.
И разбившись о мокрый асфальт гулко, звонко,
Растворимся в ручье и уйдём ненадолго,
Исчезая на время в холодной земле.*

*А оттуда по корням весенних цветов,
Наполняясь живительным соком нектара,
Отдадим без остатка из нашего дара
Аромат и целебность прекрасных медов.
Будут все, восхищаясь, хвалить этот мёд,
Но ни кто не узнает, ни кто не поймёт,
Что за счастье – достичь, наконец, облаков!*

Размышление

Что значит жизнь?
Она тот шаг,
И переход души
Туда, где синь,
Не свет, не мрак,
И от чего першит.
Душа вопит,
И тело рвёт,
Пытаясь вырваться
Из тесных плит,
Мирских тенёт,
Обратно до творца.

А что есть смерть?
Кратчайший путь
В скоропостижный миг,
Где тело — в твердь,
Душе — вспорхнуть.
И под счастливый вскрик
Объять опять
Простор небес,
Вселенной весь масштаб.
И вновь считать
Земной процесс,
Как пройденный этап.

Раздумий нить,
Что голый нерв,
Как эпитафия.
Где выбор: жить,
Не умерев,
И умереть, живя.

Прозрение

Он ждал в жизни к счастью перемены.

Но – не повезло:

На губах остался вкус измены,

И обиды зло.

Той измены, что заходит в сердце,

Ревностью плюя,

Жёсткой, хлёсткой болью цвета перца,

Вкуса миндаля,

Перешедшей враз в слепую ярость.

Как трава полынь,

Изнутри съедает. Что осталось,

Превращает в пыль.

Покрывает ядом и отравой

Верности очаг

Вперемешку с грязью, жгучей лавой

Этот грозный враг

Счастье жжёт и топчет, не жалея,

Как вандал — псалтырь,

Превращая узы Гименея

В свалку и пустырь...

— Впрочем, ничего здесь не изменишь, —

Он себе шептал, —

Но твоя вина — в её измене,

С первых дней, с начал.

И кричал, уже остервенело:

— Посмотри назад,

То, что в сердце чувство онемело,

Ты и виноват!

Как случилось, что уже в начале,

Счастью вопреки

В пресном быте чувства расплескались

Брызгами тоски?

Что ты делал, чтобы дом был домом —

Милым и родным...?

Ты ли не был "кухонным боксёром"

Пьяным, страшным, злым?
И не слышал с каждой новой ссорой:
"Милый, пожалей?.."
Что ты сделал, чтобы стать опорой
Для семьи своей...?
НИ-ЧЕ-ГО...

Так коротко, что страшно,
Что бросает в дрожь.
И внезапно вдруг так стало важно
Всё, что не вернёшь....
Голос не звучал уже так лихо,
Кончился порыв.
— Что ты натворил, — сказал он тихо,
Голову склонив.
И сидел, смотря на отзвук прошлых
Прожитых картин,
В наступивших ночью бликах звёздных,
У крыльца.
Один.

Охальная

Нет, мне крайне интересно,
Что я значу в этом мире?
Кто я, кремёнь или тесто?
Как умру, в какой квартире?

Но, по правде, лучше — честно,
В пьяной драке в ресторане.
Чтобы с музыкой оркестра,
А не дома с бритвой в ванне.

Даже, может быть, полезно
Прикатить на личном гробе,
В гости к Богу. И конечно,
Оказаться вновь в утробе.

Нет, мне очень интересно,
Для чего, молясь в постели,
Вижу ангела прилежно,
Как ни странно, на панели?

Но от данных мыслей тесно.
И уносит в паранойю:
Как же быть, моя невеста
Стала вдруг очередною?

Что ужасно, то прелестно....
Но какой резон от истин.
Ведь везде и повсеместно
Человек своекорыстен.

Да, мне просто интересно
Размышлять неадекватно:
Крайне чётко, ясно, веско,
Внятно, громко, многократно.

Лишь бы было тут уместно
Закипать мозгам и крови.
Чтобы все: кто зло, кто лестно
Морщили и лоб, и брови.

В жизни всё имеет место –
От морали до цинизма.
Но бывает как-то пресно
И от абстракционизма.

Звёзды. Ночь. Крещенские морозы.
Серебрятся в кружевах снега.
Хоровадят белые берёзы
На покрытых льдами берегах.

В звонкой тишине трещат осины:
Мёрзнет в их стволах до корня сок.
А из леса слышен рёв лосиный,
Возвещавший, что подходит срок.

Вздрогнет волк от этого под ёлкой,
Озираясь в страхе в темноту.
Убежит со вставшей дыбом холкой,
Позабыв, что он хозяин тут.

Бросив шишку, молнией умчится
Белка, юркнув в близкое дупло.
Да от злости зашипит куница –
Ведь такое лакомство ушло.

Спящая медведица в берлоге,
Глаз не открывая, наугад,
Рыкнет сонным голосом нестрогим,
Прикрывая лапой медвежат....

Превратится звук в узор мороза.
Вновь затихнет спящая тайга.
В инеевой шали спит берёза.
Звёзды. Ночь. Крещение. Снега.

Задумывая жизни этой путь, –
Ещё зелёный, юный и счастливый
Идеалист, никем непобедимый, –
Искал я правды подлинную суть.

Но находил в ней только злость и боль –
Неотвратимость сходства их природы.
И понял я: у правды нет свободы.
Вот в мире этом бренном жизни соль.

И, воздевая руки к небесам,
Кричал, что было сил до боли в связках:
"Не надо грязной ложью в пошлых сказках
Песочными словами по глазам"....

Но для души до неба – три версты.
Моя мечта слезой омывает раны,
А звёзды, и леса, и океаны,
Как жаль, не будут вновь со мной на "ты".

И будет мрак. Замкнётся жизни круг
От смерти и до будущего вздоха.
Но, собирая истину по крохам,
Я вынесу её на свет сквозь мглу.

Да, верю я, наступит день идей.
Придёт в наш мир эпоха Водолея!
Я тороплюсь, и, дай-то Бог, успею.
Увижу я смеющихся людей!

Кульминация

Когда слепой —
Мгновений нет.
А надо в бой
За жизнь, за свет.

А жизнь — порог.
И мысль верна:
Любовь — то Бог,
Месть — Сатана.
А свет ... где взять?
Ведь взгляд чужой.
И снова вспять.
А значит — злой.

И мыслей — ноль.
Но — как удар:
Я вижу боль —
О, страшный дар.
Он мельком вскользь
Напомнит мне
Те дни — насквозь
Во лжи — на дне.

Есть время? Нет.
Есть время на
Один сонет,
Где мысль одна:
Что в судный день
Земная мгла,
Как неба тень, —
Почти смогла.

Я смерти рад.
Но этот тон,
Как яд, как ад
Взрывает сон.

Лечу в зенит.
Погиб. Ура!
— Свеча горит?
— Нет... Свет от бра....

Вся жизнь — игра,
Но без монет.
Мне жить пора.
А нет — так нет.

Последствия

Говорят, что когда ты дотронешься звёзд,
Тех, которыми грезил и долго мечтал,
И начнёшь рисовать жизни будущей холст
Акварелью с алмазной космической пылью,
Вдруг, небрежным движением кисти внахлёст,
Сдвинешь звёзды с орбит, и их яркий накал
Подожжёт твой построенный только что мост,
Опаляя глаза и чудесные крылья.

И тогда, не постигнув незримых глубин
Вечных знаний и истин в обычных словах,
Ты нырнёшь глубоко, так, что гемоглобин
Испарится из вен и из воздуха в лёгких,
И, когда, отражаясь в осколках витрин
Лицемерной улыбкой на тонких губах,
Завладев подсознанием, выползет сплин
С головой Василиска в одеждах неброских,

Мир провалится в бездну, где царствует стресс,
Изменяющий принципы и полюса.
И исчезнет мотив. И пройдёт интерес.
Станет жизнь неприличного скисшего цвета.
Вновь, взлетая до звёзд, ты достигнешь небес.
Лишь небес, но не выше. Они — небеса —
Станут твёрдыми, словно серебряный крест,
Безвозвратно утерянный в прошлое лето.

Где же ты находишься сейчас?
Где же ты, не зная сомнений,
Забывая о грехах на раз
На словах — от редких откровений?

Где же мир, придуманный тобой,
Что с твоим уходом начал таять?
Где ж он был, когда ночной порой
От тебя осталась только память?

Да, луна холодная, когда
Озиралась сквозь туман и тучи,
Вот тогда ты, именно тогда,
Расплескалась под кустом колючим.

И лежать осталась на земле,
Сломанной растерзанною куклой,
В рваном платье, в предрассветной мгле,
Сохраняя гордость в позе жуткой....

Через тьму ненужных рваных слов,
Сквозь росинки выглядит иссиня
Весь туман, закрывший влажный мох,
Что покрыл исчезнувшее имя.

Уходил холодный чёрствый век
В красочном невиданном убранстве.
Где же ты, мой странный человек?
Где же ты, забытая в пространстве?

Три дня назад я потерял
Ту, что всю жизнь свою искал.
Нашёл, лепелял. Но не смог
Сберечь любовь от этих строк
В последний вечер. Ночь близка.
До слёз от дыма табака,
Пишу тебе. Ну, а в глазах
Твоей руки прощальный взмах.
Три дня подряд, как сам не свой.
Я ощущаю всей душой
И помню твой печальный взгляд.
А в нём "прощай" – три дня подряд.
И снова в клочья рву листы.
Но вновь до боли, хрипоты
Пишу. Но давит на виски
Прощальный взмах твоей руки.

Три дня прошло. Три дня всего.
Как триста лет. Как нелегко
Быть у рассудка на краю
И жить в аду, а не в раю.
Три дня пишу и жгу любовь,
Но память возвращает вновь
Ещё отчётливей, ясней
Прощальный взмах руки твоей.

Притча о рождении рассвета

*Лёгкой походкой спустилась с горы
Звёздная Ночь на сады и дворы.
Гостьей желанной вошла в каждый дом,
Всех одарив крепким красочным сном.*

*Но на одном из дворов небольших
Ночь задержалась у ставен резных:
Это её своим светом привлёк
Вспыхнувший вдруг за окном огонёк.*

*Страстно пылая для Ночи в ночи,
Ярко зажёгся Огонь от свечи.
Пламенно путь освещая собой,
Плавился, таял слезой восковой.*

*Нет, он не плакал. Он — просто любил:
Искренне, трепетно, изо всех сил,
Что колыхалась душа мотыльком.
С нежностью глядя на Ночь за окном,*

*Ей говорил: "Моя ясная Ночь,
Как мне преграду окна превозмочь,
Чтобы дотронуться шёлка одежд,
И — утонуть в океане надежд?"*

*И под одеждой почувствовать всплеск
Бархатной кожи. Увидеть глаз блеск!
Взглядом целуя волнистость ресниц,
Вечно гореть и любить без границ!"*

*Ночь, всей душой откликаясь на зов,
Заворожённая нежностью слов,
Сердцем внимая, стоит у окна.
Ночь очарована! Ночь — влюблена!*

Глядя на пламя и тоже горя,
В ней разливались от счастья моря
И необъятный мерцающий свет
Звёздных скоплений и ярких планет.

Нежно шепча: "Милый мой, не молчи,
Пусть ещё жарче пылают лучи.
Стань для меня навсегда ярче звёзд,
И я истаяю росой до слёз.

Дай мне согреться тобой от тебя,
Также безмерно и жарко любя.
Дай прикоснуться к тебе хоть на миг,
Чтобы и ты тепло ночи постиг".

Ночь, отражаясь, глядит сквозь окно -
Ей прикоснуться к Огню не дано.
Смотрит печально на яркий Огонь,
Руку свою положив на ладонь.

Пусть не касаются. Пусть сквозь стекло.
Но и от этого будет тепло,
Что, так почувствовав пальцами дрожь,
Этот миг станет на счастье похож.

Как же им быть: хоть кричи, хоть реви...
Но — без чудес не бывает любви:
В этот момент молодой ветерок,
Мимо окна пролетая, помог!

Юный, беспечный, он что было сил
Резким порывом окно отворил
И улетел, испарился, исчез.
Да, не бывает любви без чудес...!

Ночь и Огонь друг на друга глядят.
Нет между ними препятствий, преград.
То, чего ждали они так давно,
Стало реальным — открыто окно.

В это мгновение счастья порыв
Их поглотил, с головою накрыв!
За руки взявшись, они как один
Вместе достигли духовных глубин.

Счастьем, любовью горят их сердца,
Дружно прося одного у творца:
"Боже, будь добрым, благоволи,
Это мгновенье навеки продли.

Если нельзя этот миг удлинить,
Сделай бескрайней любви нашей нить.
Сделай едиными нас навсегда.
Не разлучай ни за что, никогда!"

Эту молитву услышал Господь,
Соединил им и душу, и плоть:
Пламя Огня растворилось в Ночи,
Ночь же наполнилась жаром свечи.

Нет, от любви не погибли они.
Ночь и Огонь стали целым, одним.
Так, раз за разом во множестве лет,
Утром рождается в небе рассвет.

Триптих

ПРИЯТИЕ

У Бога нет других рук, кроме твоих.

Из библейской притчи

/

*Порой, любясь восходящею луной
На звёздном небе и на свежие сугробы,
Я понимаю – жизнь проходит стороной
От лона матери до гробовой утробы.*

*Не оттого ли я, встречая каждый день,
Спешу постичь весь мир от действия до слога
И никогда не тороплю дневную тень?
Не потому ли не стремлюсь стать частью Бога?*

*Но зная, что кто я ему и кто он мне,
И на распятии, конечно, не воскресну, –
Что человек я и, как все, горю в огне, –
Осознаю, что это мне давно известно.*

*Не значит оное, что всё перечеркну
И растеряю в серебре и пошлом быте,
И разорву, им, Богом данную, струну
Мгновений лет бесценных от бесцельной прыти.*

*Не значит это – жизнь проходит стороной
И так похожа на бездумную потерю.
Нет. Я люблюсь восходящею луной.
А это значит, что я верую и верю!*

II

Не вспоминая об ушедшем о своём,
Собрав в едино все желания и мысли,
Я, зачерпнув из сердца кистью краски жизни
На лист бумаги вылью радужным дождём.

Нет! Расплещу и всплеском радости раздам!
Пусть хоть по капельке, но будет в каждой чашке:
Восторгом брызг росы, опавших на ромашки,
Слезам счастья всех влюблённых – пополам!

Всё, что останется – во мне, и от меня, –
Я, в унисон с приятным тёплым пряным ветром,
С небесным куполом и с вечным горным кедром
Раскрашу жизнь, ручьём плескаясь и звеня!

Украшу светлым все оттенки бытия,
Смешав эмоции и мысли на палитре.
И опишу всего себя, без скобок в титре,
Судьбе вверяясь, в Бога веря и любя.

И тут же сразу, и в душе, и вдалеке
Зажжётся яркий огонёк свечи прощённой.
И засияет лунный свет в ночи бездонной.
И звёзды в небе, словно жемчуг на песке.

III

*Гляжу в глаза, из зеркала смотрящие.
В них вижу непростое настоящее.
И искры будущего, и бывшего всплески.
И изнутри деяния палящие.*

*Не вижу главного ответа на вопрос,
Как разрешить неразрешимый парадокс:
Зачем, имея, не храним и не жалеем,
А потерявши – до кровавых плачем слёз?*

*Зачем пытаемся спустить стальной курок,
Избрав свой путь в тупик, как есть из всех дорог?
А, оказавшись в нём, не видим то, что выход –
Порог, который перейти искус помог.*

*Вернись к черте, познав себя, неся в груди
Любовь и веру к свету: всех за всё прости.
И помни то, что человеком Бог стал чтобы
Всем людям мира стало с Богом по пути.*

*Иди! Смотри — в душе закончена война.
Любуйся красотой — с глаз спала пелена.
Твори добро, его подбрасывая к звёздам,
Туда, где в небе лучезарная луна.*

ВЫНУЖДЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Предлагаю вашему вниманию стихотворение "Неведение зла".

Но, прежде чем вы его прочтёте, я считаю необходимо-стью кратко прокомментировать общую суть нижеизложенного стихотворения.

Как-то, в одной из телепередач, довелось мне увидеть отображение российской действительности и её сравнение с японской душой. Хочу оговориться сразу, что в этой передаче шла речь о конкретных моментах и действиях в жизни России.

И, что самое интересное, описание происходило на примере японской нэцкэ (на – "корень", цукэ – "прикреплять"), которая изображает трех обезьян, каждая из которых закрывает лапками либо рот, либо уши, либо глаза. Этот сюжет является иллюстрацией буддийской идеи «не видеть зла, не слышать зла и не говорить зла», или «ничего не вижу, ничего не слышу, не произношу зла» (по-японски это звучит, как "мизару, киказару, ивазару").

Да простят меня истинные любители японской культуры, что за основу этого стихотворения я выбрал прекрасную и изящную, пронзительно мудрую, заставляющую осмыслить все поступки, действия, слова и даже мимику и мысли в нашей жизни, нэцкэ Самбики-сару, что в переводе на русский язык означает "Неприятие зла".

Вообще, эта нэцкэ служит как для защиты от зла, так и как напоминание не совершать его. То есть не совершать недобудуманных поступков, не обращать внимания на глупость, не вступать в спор с дураком.

Но я, автор, живу в России, в которой образ жизни Европы постоянно переплетается с культурой мысли Азии, отчего получается свой, своеобразный, слой, в корне отличающийся как от Запада, так и от Востока.

На стыке двух таких разных культур и получился менталитет русского человека, сущность которого – крайность.

Это, образно говоря, палка, у которой есть только два конца и совершенно отсутствует середина.

Русский человек, если любит, то без остатка, а ненавидит – так до смерти.

Нежно глядя одной рукой, беспощадно бьёт другой.

Прощает от всей души или же в сердцах убивает.

Он может снять с себя последнюю рубашку, но сможет ободрать всех и вся.

Так и в этой нэцкэ, говорилось в телепередаче, мы сможем увидеть лишь бессердечие и жестокосердие, равнодушные и безразличие, безынициативность и малодушие. Ну, в лучшем случае, лояльность.

На основе японской нэцкэ "Неприятие зла" я попытался выразить главные, на мой взгляд, недостатки русской, да что там русской – общечеловеческой психологии.

Стихотворение написано Мнимой прозой. В некоторой степени для того, чтобы скрыть некоторые технические "вольности", отчасти потому, чтобы показать монолог человека, пытающегося объяснить, по большей части, самому себе своё поведение в той или иной ситуации.

P.S. Так же хочется выразить сожаление по поводу того, что здесь нельзя выложить стихи с рисунками.

В каждой строфе было изображение обезьянки "Ничего не вижу", "Ничего не слышу", "Не произношу зла". В заключительной — композиция из трёх, "Самбики-сару".

Вот по этому поводу и мой комментарий.

С уважением, Георгий Черных.

НЕВЕДЕНИЕ ЗЛА

Не вижу.
Ослеп.
От избытка дурмана
Стаканного быта и пошлых утех
Не вижу ни боли, ни лжи, ни обмана.
Не видят глаза. Слеп мой взгляд как у всех.
Как все, не подам руку помощи в горе.
Не стану скорбеть, не подставлю плечо.
Во всём равнодушие: в радости, в ссоре –
От них мне ни холодно, ни горячо.
Смотрю на себя, но не вижу порока.
Не вижу людей и не чувствую. Бога.
Не вижу. Не знаю, и знать не хочу.
Живу-существую не думая, просто:
Ведь жизни дорога ведёт до погоста.
А значит, не нужно и ставить свечу.

Какое блаженство – не слушать!
Не слышать о горе людском и о бедах земных.
Не воспринимать. Брать не больше, не выше,
Чем можешь – хватает проблем и своих.
Я в жизни суровой нашёл свою нишу
И не размышляю о завтрашнем дне.
От скверны свой внутренний голос не слышу.
Я глух ко всему. Я – как рыба на дне
Лежу, и не слышу. Не помню. Не знаю.
Кто рвётся вперёд, кто не хочет быть с краю,
Кто против течения – наперечёт.
Приятней лежать так, под илистым камнем,
И слушать волнение волн с замираньем –
Под камнем лежащим не страшен сам чёрт.

Молчу.
Не ропщу.
Не кричу.
Не взываю.
Безмолвствует разум, и совесть без слов.
Я знаю одно, что моя хата – с краю
В бескрайней, огромной стране... молчунов.
Не спорю, молчу, когда хлещут словами,
Когда попирают закон и права,
И топчут в грязь кирзовыми сапогами.
Когда на губах кровь, песок и трава.
Не каждый возьмётся прожить бессловесно,
Без звука. По-моему, это уместно –
Молчать про своё, как скала-монолит.
Молчание – золото. Больше, чем чувство.
Молчание – это большое искусство.
Особенно там, где никто не смолчит.

Философ сказал: «Жизнь – колосс, или колос? –
Огромна, изящна, но не навсегда».
А, значит, мне лучше не слушать свой голос,
Смотря НА НИЧТО, В НИЧЕГО, В НИКУДА.
Ведь это же просто – не видеть изъяны,
Глядясь в отражение ЭГО-зеркал.
А что вместо мыслей одни «тараканы»,
Так это у всех – я вчера узнавал.
Но давит на мозг одна мысль не по-детски
Про три обезьяны – японское нэцкэ
«Не вижу, Не слышу и Вечно молчу».
Заснуть бы, а думы засунуть за память.
Во сне, как известно, всё может растаять.
А утро – не вечер, там всё по плечу.

Вера Пенская

Арляпова (Ленская) Вера Ивановна родилась 19 марта 1975 года в шахтёрском посёлке Акташ, Улаганского района, Горно-Алтайской АО. После окончания школы в 1992 году поступила в Горно-Алтайский педагогический колледж. Получив диплом учителя начальных классов, учителя русского языка и литературы, продолжила обучение на филологическом факультете ГАГУ. Во время и после учебы два года работала учителем в селах Тихонькая и Верх-Уймон, Усть-Коксинского района. Там же в 1996 году родился сын Иван. Затем восемь лет работала воспитателем Акташского детского дома, одновременно – корреспондентом районной газеты «Улаганнын солундары». После

ликвидации детского дома была назначена на должность главного редактора районного издания. Второй раз стала мамой – в 2005-м на свет появилась дочь Лиана.

Смена власти повлекла за собой перемены в трудовом пути и в жизни. Некоторое время работала оператором АЗС, обозревателем газеты «Листок», открыла частную фотостудию в качестве индивидуального предпринимателя. Занималась экскурсионной туристической деятельностью при туристической базе «Кочевник».

В 2012 году с детьми переехала в Горно-Алтайск.

В настоящее время – корреспондент газеты «Сельчанка» в Майминском районе».

Увлечения: народное пение, плавание, велосипед, рукоделие.

Мечта — построить собственный дом.

Молитва

*Утро быстро переходит в вечер,
Мчатся дни, им счёта не видать.
Перед Ликом мерно тают свечи.
За молитвой – героиня-мать.*

*С чистым сердцем обращаясь к Богу,
Просит детям светлого пути:
«Святой Боже, укажи дорогу,
Дай им с миром путь земной пройти».*

*Не богатства просит, а терпенья,
Не великой славы, а ума.
Чтобы в вере не было сомненья,
И добром душа была полна.*

*Подрастут, от мала до велика,
Укрепившись, встанут на крыло,
И, как мама, стоя перед Ликом,
Благодати ощутят тепло.*

Подвиг

*Был в сорок первом призван на войну
Туринским ГВК, Ойротской области.
Ушел на фронт, чтоб защитить страну,
Которой оставался шаг до пропасти.*

*Вдали от дома, на чужой земле
Он бил врага, что был десятым, сотенным.
В жестоких схватках, яростном котле
Стоял солдат, освобождавший Родину.*

*И, не дожив до возраста Христа,
Пал смертью храбрых, смелый и отчаянный.
Он был одним из тысячи, из ста,
Кто пал в бою душою неприкаянной.*

*С тех пор прошло-минуло много лет.
Покой и тишь над братскими могилами.
Для Них давно зажжён нетворный свет,
Вот только бы увидеться с любимыми!*

*В иных мирах возможностей не счесть,
А на Земле святая память множится,
Ведь память для потомков – это честь,
Сокровища великого подножие.*

(Посвящается похороненному в братской могиле у д. Леонполь Семёну Фроловичу Неретину 1913 г. р., погибшему 5 июля 1944 года в жестоком бою в районе д. Слобода, Беларусь).

Я проснулась

*Я проснулась.
Будто солнце запуталось в волосах.
Твои глаза.
Как два диска, омытых затмением.
Прошрое.
Янтарной смолой на моих слезах.
Сейчас.
Твоих шагов жду с нетерпением.
Завтра.
Будет пропасть иль крыльев взмах.
Всё равно.
Нет места сомнению.
Я проснулась.
Я – сердце в твоих руках.
По Его прямому велению.*

А я хочу, чтоб не было войны

*(Песня написана совместно
с сыном Иваном Арляповым)*

*Плывут-плывут стальные облака
Под куполом небесным голубым.
С вершины снежной горная река
Несётся буйно к соснам молодым.
В ней – сила жизни для родной земли,
И мудрость неба, и сиянье звёзд,
А я хочу, чтоб воды унесли
Печаль беды и море женских слёз.*

*А я хочу, чтоб не было войны,
Чтоб дети не пугались страшных снов,
Желаю мира для своей страны,
Счастливых матерей, живых отцов.*

Служили деды, и отец служил,
Ещё не стихли боли от потерь.
Он мать в письме из армии просил:
«Войны не будет, милая, поверь!»
Пусть горы берегут покой и сон,
И пусть сестрёнка на плече сопит.
Врагу наш мат суровый припасён,
Ведь армия российская не спит!

А я хочу, чтоб не было войны,
Чтоб дети не пугались страшных снов,
Желаю мира для своей страны,
Счастливых матерей, живых отцов.

Над миром пролегла ночная тень,
И кровью вновь удобрена земля,
А ты, Россия, встретишь новый день,
Разбудишь васильковые поля.
Стальные облака опять белы,
Слезам нет места в маминых глазах.
Сыны Алтая, горные орлы
Несут достойно службу на постах.

А я хочу, чтоб не было войны,
Чтоб дети не пугались страшных снов,
Желаю мира для своей страны,
Счастливых матерей, живых отцов.

Синичкин день (миниатюра)

Перед рассветом, который в январе с каждым днем наступает всё раньше, во дворах царит тишина. Сонный сумрак окутывает дома, а жильцы квартир досматривают эпилоги своих снов. Время от времени покой нарушает далёкий лай собак и скрипучие шаги спешащих на работу ранних прохожих.

Не слышно птиц. Они прячутся от мороза и ветра в укромных уголках природы, дворовых построек и крыш.

И вот очередной зимний день вступает в свои права, продолжая череду будней, парадно и радостно ведущих нас к долгожданному лету. Встречая бодрое утро, призывно начинают солировать невидимые птицы, и вскоре прозрачный воздух наполняется переливами голосистого пения в хорошем исполнении сотен пернатых. Спев гимн начавшемуся дню, птицы группами собираются на деревьях и кустарниках, украшая их подобно живым плодам. В поисках пищи они устремляются туда, где заботливая рука человека предусмотрительно оставила для диких питомцев корм – семечки, крупу, хлебные крошки.

Как приятно наблюдать за происходящим со стороны! Шустрые воробьишки, внимательные синички, хохлатые свиристели доверчиво прилетают к кормушкам – домикам, коробочкам, деревянным и картонным листам и на миг, укрепившись коготками за бортики, схватывают корм и улетают на ближайшее дерево, уступая место сородичам. Более мудрые птицы-лидеры могут оставаться в кормушке и привередливо выбирать из общего котла любимые семечки.

Вторая половина зимы для крылатых обитателей городов и весей – нелёгкая пора, ведь с каждым днем становится меньше природного корма. Но если на помощь приходят люди, птицы перезимуют легко, и каждое утро будут радовать своих благодетелей мелодичным пением.

Ольга Ельдекова (Ўстомина)

Родилась в 1957г. в г. Балхаш, Карагандинской области.

Окончила Томский геологоразведочный техникум и Горно-Алтайский государственный университет, факультет филологии.

С 1975 по 1992 гг. работала в Алтайской геофизической экспедиции, техником-геофизиком.

С 1995 по 2013 гг. — библиотекарем, заведующей Майминской библиотеки, главным хранителем фонда Музея камня, экскурсоводом частной картинной галереи.

С 2013 г. по настоящее время — заведующая Майминской сельской модельной библиотеки МБУ «ЦК и ЦБС» МО «Майминский район» с. Майма.

Одна из авторов и составитель сборников: «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «От февраля до сентября», «Майма литературная», «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить», «Россыпи Алтая», «Мир без войны», «Стишинки для Аринки» и др.

Номинант на премию «Поэт года» в 2016, 2017, 2018 гг.

Член Международного союза писателей «Новый современник», с 2017 г, член Петровской Академии Наук и Искусств.

*Мы приходим на Землю комочком желаний,
Малым зёрнышком, ждущим священной воды.
Для кого-то становимся центром Вселенной,
Защищающей нас от костлявой беды.*

*Мы растём, торопясь, познавая невзгоды,
Чувств пройдя череду и бесчувствие зла,
Мы зависим порой от судьбы и погоды,
От пронзённого ядом языка-помела.*

*Жизни ниточка тонка, и кто это знает,
Тот торопится жить, начиная с нуля,
Рядом с нами любовь — та, что точно святая.
И пока она есть — мы с тобой у руля!*

Обещание

Степь Хакасии, словно на блюде
Часто снится. Мечтаю о ней.
Гор и сопок покатые груди
Примелькались за множество дней.

Мне милы ковыля шевелюры
И цветастый её сарафан,
И ветряно-степные амуры,
И дорог запылённый изъян.

И томлёное солнце дневное,
Степь палящее не со зла,
То кормящее землю покоем,
То сжигающее дотла.

Синих ирисов взгляд знакомый
Вдоль атласных пустынных дорог
Говорит мне, что я уже дома:
Вот — врата и крыльцо, и порог.

Захожу. Проживаю снова
Всякий раз, будто в первый раз.
Каждый шаг, от слова до слова,
Даже мысли и те подчас.

Нагляжусь в облаков роли
И в глаза незнакомых лиц.
Вспомню съеденный здесь пуд соли,
Преклонюсь пред Всевышним ниц.

А потом я махну на прощанье
И на время покину Храм,
Дам вернуться сюда обещание...
И к любимым вернусь горам.

Спрятаны все улики

*Сто поражений было, тысяча сто побед.
Лава горела, стыла в сердце безликих лет.
Тень промелькнула рядом, надолго только след.
Скупое за той оградой тлел этот дивный свет.*

*Первым снежком осенним тронуты тополя.
После стотысячных зим новую ждёт земля.
Слабо сопротивляясь, снег невесом парит,
Искрами украшая этот земной магнит.*

*Трудно по бездорожью вновь отыскать тот след -
Спрятаны все улики в белый махровый плед.*

Хватит глотка свободы...

*Снова шагаем в горы, чтобы понять основы,
Твёрдо поверить в чудо, скинуть с души засовы.
Скалы оскалили зубы, радуясь этой встрече:
«...Что, мол, идёте, Люди? Значит ещё не вечер!»*

*Каменные туманы в складке меж гор застряли
И на кофейной гуще съехать ли вниз гадали.
Сверху лежало небо в синей ночной рубашке,
А по рубашке тихо стадом брели барашки.*

*А на ступеньку ниже осень качалась в кронах,
Вся в акварельных разводах жёлтых, оранже-
зелёных...
Значит ещё не вечер! Рано считать годы...
Чтоб обрести силы, хватит глотка свободы!*

Я простилась, деревня, с тобой

*Я простилась, деревня, с тобой,
Не на веки, на время, поверь.
Я тебя представляю такой:
Дом, порог, открывается дверь...*

*Вот ты вся на ладони степи
Дружно трубами небо коптишь,
По утрам ждёт работа тебя,
Тёмной ночью тихонечко спишь.*

*По колено увязла в сугроб,
Споришь с ветром смиреньем святой.
Бродит старость в морщинах дорог,
Ведь не вечно же быть молодой.*

*Я не скоро вернусь в этот рай –
Край степных ковылей, ветров грусть.
Потерпи, обо мне не скучай,
Я сюда непременно вернусь!*

*Мы с тобой повстречаемся вновь,
Ничего, никого не виня,
И заря будет жечь как любовь,
Светлой памятью чистой маня.*

В поисках того самого места

Когда Ольке исполнилось восемь лет, она случайно услышала, как мама говорила своей подруге, что они с папой не сошлись характерами. Из этого разговора она поняла, что, вообще-то, люди сходятся этими самыми характерами где-то в одном уютном месте и им там хорошо, а если не сходятся, надо ехать и искать его. И вот они едут в поисках того самого места. Едут в далёкую Хакасию. Там у мамы сёстры, которые помогут ей «сойтись характерами» только уже не с папой.

В стёкла настойчиво стучится, просится погреться проливной дождь. Мама снова рассказывает про неуживчивость характеров, теперь уже таксисту. Дождь льёт по окнам уже сплошным потоком, так что дорогу почти не видно. У Ольки в голове крутится песенка: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня, самая нелепая ошибка, Мишка, то, что ты уходишь от меня». Нестерпимо жаль Мишку, то есть папу, себя и маму. К горлу подступает комок, по щекам течёт дождь. Она вытирает его так, чтобы мама не видела, но ей не до дочери. Она всё ещё объясняет незнакомому человеку причины и следствия несхожести, делится надеждами на будущую счастливую, ждущую её с нетерпением жизнь.

«Теперь я свободна от вечного «должна», — последнее что, уже засыпая, услышала Ольга.

Хакасия встретила щедрым, приветливым солнцем. Ольке понравилось здесь всё с первого взгляда. Но что поразило особо – это Небо! Оно было огромное, просто бесконечное, где-то внизу к самому его краешку была приклеена эта загадочная Хакасия. После двухчасового разглядывания небес, она, наконец, опустила глаза на Землю и поразилась ещё больше. Земля была не чёрная, как все привыкли считать, а серая, с проступающей то тут, то там солью, иногда её украшали рыжие подпалины. Позже Ольга узнала, что такая

почва называется солончаками. Местами из них кокетливо торчали волосатые кочки. А весной ещё и целые поля диких, голубых, а реже желтых ирисов. Казалось, все остальные места занимала полынь, наполняющая снизу доверху голову кружащим ароматом.

Запах полыни, тополей и лета, бесконечность неба, степной ветер как-то сразу проникли, пропитали насквозь Олькино сердце, изрядно измученное «несхожестью родительских характеров». На какой-то миг показалось, будто за спиной прорезаются крылья. Это чувство усилилось, когда её провели через огороды на яр. Отсюда открывался вид на степь, бежавшую до далёких неясных гор, гулял ветер свободы. Он рвал Олькино новое платьишко и расправлял пока ещё скукоженные, но уже начавшие крепнуть крылья.

Впечатления от Хакасии усилились, когда она вошла в дом своей тётки – здесь им теперь предстояло жить: домотканые дорожки, салфетки, вышитые руками бабушки и тёти белоснежные скатерти. В зале на окнах — капроновые шторы с кистями, такие она видела впервые; массивный комод ручной работы. Сколько на нём разных безделушек! Но больше всего удивил чёрный кожаный диван, царствующий в этой комнате, а ещё проигрыватель с пластинками. С тех пор запомнились и полюбились «Ямайка» в исполнении Робертино Лоретти, «Шербургские зонтики» и многое другое.

В спальне самой интересной вещью стала самодельная этажерка с книгами. Сколько бы Оля не возвращалась позже в этот дом, этажерка была для неё тайной. Сидя на полу, она перебирала часами книгу за книгой, перечитывая понравившиеся места, иногда находила в них засушенные листочки деревьев, какие-то пометки, выписанные рецепты блюд. И это тоже была тайна, которую она тщательно расшифровывала.

В бабушкиной комнате телевизор – большая редкость по тем временам, кровать с блестящими металлическими шарами на спинках и уютный чудо-сундук с крепдешиновыми

и шёлковыми красивыми платьями, в которые они наряжались с подружками, когда дома не было старших.

В кухне главное место занимала огромная русская печь. Она была настоящей спасительницей – сюда ребятишки, нашкодив, прятались от заслуженного наказания, здесь согревались после долгого пребывания на лютom морозе, сидели за занавеской, когда приходили гости, чтобы не мешаться под ногами и не докучать взрослым. Печь была кормилицей всей семьи, её украшали особо тщательно – чистыми занавесочками, частой побелкой, отчищенными до блеска чугунками, удобным, приставленным к ней ухватом.

Позже она разглядела, что все дома в этом маленьком, но аккуратном селе – за высокими плотными заборами, к каждому пригорожен палисадник, за которым росли какие-то неприхотливые цветочки или аккуратно подстриженные акации. Посреди улицы, прямо у дороги цвели пикули – так местные жители называли дикие ирисы. Любимым занятием всех ребятишек было плетение из их длинных листьев поясочков и плёточек.

Прошло полгода счастливой жизни, но, однажды, уехав в городскую больницу на обследование, Олькина мама потерялась. Надо было выходить на работу, а она всё не приезжала. Ольга услышала, как тётя строгим голосом говорила бабушке, что Анна – мать Ольки, должна завтра пойти на завод и, если не приедет, то потеряет работу, а раз так, то пусть поищет других дураков, которые её будут кормить.

Олька не верила своим ушам! Как же так, ведь, когда они ехали в Хакасию, мама говорила, что отныне она никому и ничего не будет должна!

Полночи Ольга не могла заснуть и со страхом думала, где же им теперь жить. А утром твёрдо сказала тёте, что знает, где мать — она у своей подружки Вали. Ольга съездит в город, и сегодня же они с мамой вернутся. Ехать больше было некому – тётя – на работе, бабушка слишком стара. Третье-классницу Ольку посадили в автобус и отправили в город,

подробно проинструктировав, где купить билет во время пересадок в Минусинске и Абакане.

И вот она уже бежит по знакомому городу, в котором до переезда к тётё, они с матерью прожили около года, по пути забегая в столовки и пивные, куда любила заходить мать. Но там её не было.

Вот и знакомая улица Ленина, а вот и дом, в котором они жили в коммунальной квартире. Во дворе на лавочках те же бабули:

— Олька, здравствуй! Ты мамку ищешь?

— Да, здрасьте...

— Так она сейчастолько перед тобой к Вальке-подружайке зашла. Иди, там она.

Олька долго стучалась в знакомую дверь, наконец, она открылась. На пороге, не пропуская Ольку дальше, стояла тётя Валя. Она уверила девочку, что матери здесь не было.

— Доча, а матерёнка-то твоя пока ты там стучалась, вылезла в окно и убежала.., — сказали сердобольные старушки, жалостливо глядя на вышедшую из подъезда Ольку.

Она не поверила им – не может мама бегать от неё и прятаться.

Надо было возвращаться, чтобы успеть на последний рейс. Она бежала на вокзал, боясь остаться одна в чужом городе. И только сев в автобус, вспомнила о матери. Было жаль её и нестерпимо стыдно и всё-таки она всю дорогу искала для неё оправдания: « Это, просто, я получила двойку и забыла помыть посуду — она обиделась, вот и не хочет меня видеть; мама болеет; у неё всего одна подружка – тётя Валя и та живёт далеко – маме без неё скучно; ведь она всё еще не нашла мужа, с которым бы они сошлись характерами».

Но долго думать об этом и грустить Олька не могла – делать это ей мешало детство. Она разглядывала пробегающие мимо поля, радовалась, замечая стоявших столбиками вдоль дорог сусликов, мысленно махая им на прощание ручонкой – предстояло прощание с Хакасией.

Чебураха

(Написано по воспоминаниям Т.И.Калининой)

Покупая Чебураху, наши родственники и предположить не могли, что вместо овчарки, как это было написано в паспорте, в графе «порода», им подсунут помесь пекинеса с дворнягой. Поэтому и кличку для него приготовили соответствующую — Зевс. Но когда щенок стал подрастать, стало совершенно очевидно, что это не Зевс, а попросту – Чебурашка, унаследовавший от своих китайских предков длинную шерсть, выразительные, выпуклые черные глаза, вздернутую вверх мордочку, крупную нижнюю челюсть и царственную походку. От дворняги ему достался живой ум и преданность к тем, кто его любит

Однажды его хозяевам надо было срочно куда-то уехать. Чебурашка остался на нашем попечении. Мы, работая с мужем в Алтайской геофизической экспедиции, готовились к полевому сезону. К нашему отъезду родственники не вернулись, пришлось взять Чебурашку с собой в поле.

В отряде собачку полюбили сразу. Вскоре он стал душой компании, его ласково называли Чебурахой.

Каждый вечер после трудового дня народ собирался у костра – разговоры, смех, песни под гитару. Чебураха — в центре внимания. А ему только этого и надо! Ведь пекинесы всегда жаждут напоминать друзьям о своём царственном происхождении, любят, когда их лелеют и балуют.

Когда в один из вечеров мужу пришла в голову идея поучиться художественному свисту, используя бересту, Чебураха, естественно, поддержал друга и затянул под музыку задушевную собачью песню. С тех пор ни один вечер не проходил без авторского Чебурашинского концерта.

Как-то раз один из рабочих, потешаясь над пёсиком, сунул затушенный окурок, оттопырив ему послушную верхнюю губу. Тот принял предложение и отныне стал сидеть у

костра, важно попыхивая сигаретой, вызывая шутки и смех зрителей.

Отношения со мной у него сначала не заладились.

Приехав в поле, муж поставил палатку, сколотил нары, я навела в нашем временном жилище порядок, как могла, создала уют. Когда после ужина вернулась в палатку и забралась в спальник, чтобы сладко заснуть до утра, обнаружила в нём мокрого от росы и грязного пёсика. В сердцах я отругала его и выгнала вон из палатки. Чебураха очень обиделся. Он шёл к выходу, опустив низко голову, недовольно сопя и сердито оглядываясь на меня, не понимая, за что попал в такую немилость.

Всю ночь Чебурашка не появлялся. А утром, когда я сидела и заполняла полевой журнал, услышала сзади обиженное сопение. Оглянувшись, увидела, как дверь чуть приоткрылась, появился один выпученный чёрный глаз, внимательно изучающий моё настроение. Мне стало стыдно и жалко друга. И я, повернувшись к нему, миролюбиво стала объяснять своё вчерашнее недостойное поведение. Кажется, он понял и простил, потому что как-то бочком втиснулся в палатку и вскоре уже спокойно похрапывал, положив голову на мою ногу.

Примерно раз в неделю муж с Чебурахой ездили в близлежащую деревню за продуктами. Это была их прямая обязанность. И пёс её строго и ответственно выполнял. Стоило только Юре сказать: «Ну, что, Чебураха, едем в деревню?», как тот вперёд него нёсся к машине, запрыгивал на переднее сиденье, если кабина была открыта, или нетерпеливо топтался рядом, ожидая пока его персоне откроют дверь. Важно ехал, внимательно осматривая окрестности, облаивал непутёвую корову, стоящую в удивлении, как будто первый раз увидевшую ГАЗ-66, ненавистных кошек или бестолковую собачонку, пробегавшую по дороге и мешающую их движению. Короче, следил за порядком, основные заботы перекладывал на свои не такие уж и мощные плечи. Юре оставалось только рулить.

Но как-то раз одна собачка показалась ему не такой уж и бестолковой. Что-то в ней было, отчего Чебураха заёрзал на сиденье и, когда Юра ушёл в магазин, он поспешил с ней познакомиться поближе. С тех пор поездки в деревню стали для него ещё более желанными.

Полевой сезон подошёл к концу, надо было последний раз съездить в деревню. А Чебурахе уже не надо звать! Он чётко чувствовал время командировки и уже нёсся к машине, разметая хвостом дорогу хозяину.

Когда Юра вышел из магазина, Чебурахи нигде не было. Он долго звал его, объехал не одну улицу, но того и след простыл. Надо было возвращаться в отряд. Полевики заметно расстроились, узнав о пропаже всеобщего любимца.

Уже уезжая домой, ещё раз всем отрядом заехали в деревню, хотя это было не по пути, проехали по улицам, звали своего дорогого «дружбанчика» и всё безрезультатно.

Впереди предстояла долгожданная встреча с близкими людьми, но тень от потери Чебурахи легла на лица геологов и не сходила до самого приезда в Майму.

Выдумщица

В пять лет у Надьки было уже очень развито воображение. Укладываясь спать, закрыв глаза, она смотрела сказки, режиссером-постановщиком которых была сама, да зачастую и актером, впрочем. По утрам мама долго не могла поднять её с кровати, потому что в это время следовало продолжение вчерашней серии. Необходимо, чтобы у героев её сказки всё было, в конце концов, хорошо, а на это требовалось время.

В восемь лет её спектакли и концертные программы уже смотрели зрители – соседские ребята, рассевшись на ступеньках подъездной лестницы. Согнать их родителям отсюда стоило больших сил и нервов.

Надька пела песенки, показывала фокусы, плясала, меняя мамнины наряды один за другим. Расхаживала в туфлях

на шпильке, читая стихи и рассказывая страшные сказки. Мальчишки не сводили с неё восхищенных глаз, девчонки завистливо и придирчиво наблюдали, стараясь найти хоть один изъян в наряде. Но так ничего и не найдя, раскрывали рты от обилия свалившейся на них информации, буйной Надькиной энергии и безграничной фантазии.

До вечера время пролетало незаметно. Но он наступал, и вот уже из разных квартир то и дело высовывались строгие лица родителей.

— Танюша, домой! Кушать, мыть ноги и спать! — приказывала чопорная тётя Лена из третьей квартиры.

— Лёнька, тебя сколько можно звать, паршивец?! Не загоняется домой! — кому-то, видимому в пространстве лестничной площадки только ей, возмущённо сообщила тётя Клава из второй.

Постепенно подъезд пустел, неохотно, по одному отпуская своих обитателей.

Чем меньше оставалось зрителей, тем больше старалась развеселить их Надька, не отпуская от себя — не хотелось оставаться одной.

Наконец, и последнего зрителя, Гришку, щёлкнув по лбу для профилактики, увёл разгневанный отец.

Надька осталась одна на ступеньках лестницы. Из квартир, казавшихся девочке раем, доносились голоса, гремела посуда, урчал, умываясь, унитаз.

— Танюша, ты будешь со щавелем или с луком и яйцом? — вопрошала тётя Лена.

— Гришка, не ковыряйся за столом в носу!

— Ах, добрый аист, мы, наконец, тебя дождались..., — ворвался голос Майи Кристалинской из пятойверху.

— И я иду тебе навстречу, и я несу тебе цветы..., — перекрикивал Муслим Магомаев из шестой.

Надька с интересом прислушивалась — начинался концерт для неё.

Она живо представила, как тётя Лена аккуратно подвязывает пояском от старого халата лоснящийся подбородок,

наивно думая, что это спасёт его от отвисания. А подбородок с каждым днём становился всё более складчатый.

Тётя Клава смачивает реденькие волосы сахарным сиропом, а потом закручивает их на самодельные бумажные бигуди. В задачу сахарного сиропа входило держать в форме нежные локоны. Эти нехитрые секреты красоты Надька давно познала от мамы.

Дядя Петя после сытного ужина на десерт поглощает новости, расположившись на стареньком диване. Одна рука его держит газету, а другая неустанно роется в плешивой голове, выискивая последние волосинки. Это у него привычка такая. Еще два года назад, когда он был лохматый, и у него робко стали появляться первые седины, он с таким остервенением бросился вырывать их с корнем (стареть-то никому не хочется, понимала Надька), что уже через год голова стала светиться нежным, розовым светом рассвета. Скоро волос не стало, а привычка дергать их осталась. Надька представила дядю Петю с футбольным мячом вместо головы. Вот он перевернулся с ног на голову, вернее на мяч и несколько раз подпрыгнул, чихнул от поднятой пыли и почесал то место, где должно быть ухо. Смешно.

Но вот наступает тишина, которой так боится Надька. Спасаясь от её неизбежности, она стремглав бежит домой, богатое воображение подсказывает ей, что сзади за ней гонится какое-то чудовище со страшными волосатыми руками. Она хлопает у него перед носом дверью и судорожно накидывает крючок. На какое-то время становится легче, но ненадолго.

Садится с ногами на окно и напряженно всматривается в жуткую и неумолимую темноту улицы, высматривая мать. Но её не видно, скоро голова начинает клониться и безвольно падает на грудь. Помучившись так некоторое время, она ложится в постель, залезая с головой под одеяло, потя, и все же боясь вылезти, ведь рядом над ней уже зависла в ожидании волосатая лапа страшили. Сжавшись в комочек, она с силой сжимает в кулаках одеяло, чтобы злодей не вырвал и не открыл её.

Ночью, на счастье, приходила мама, которую Надька любила больше всего на свете, и ложилась рядом. Теперь ничего не страшно. Уткнувшись носом под мышку к матери, она спокойно засыпала, чтобы утром, проснувшись, мечтать о дальних странствиях, плыть на корабле по тёплому, ласковому морю, подружиться с чёрной пантерой, которая разорвёт на части страшное чудище с волосатыми руками...

Хорошего настроения не бывает много

На экскурсию пришла пожилая женщина. Она была одета в сатиновую цветастую юбку и яркую спортивную футболку. «Улыбчивая», — это о ней сказать мало!

Её улыбка была особенная — тёплая, летняя, настолько счастливая, что было видно, как счастье переполняет эту чудесную женщину так, что, кажется, от него сейчас лопнут её выпуклые загорелые щёчки. Его в ней — в избытке. А избытком, как известно, всегда хочется поделиться. Ей нравилось всё: экскурсоводы, художница, картины. Она радостно показывает пакет, наполненный шампиньонами, собранными по дороге к нам.

— Сегодня у нас с подругой будет шикарный ужин — жареные грибы с чёрным хлебушком!

Вскоре мы узнали, что ей 68 лет, она бывший врач. С тех пор как пошла на пенсию, путешествует автостопом. Многие люди, став пенсионерами, не знают, куда себя девать, откровенно страдают, считая, что жизнь пошла на закат, а эти мысли, материализуясь, на самом деле начинают вести их в том направлении. У этой — всё по-другому. Она считает, что началась другая жизнь, ещё интереснее, кипучее. Найдя себе подругу по духу, за тринадцать пенсионных лет они исколесили всю Россию вдоль и поперёк, а два года назад добрались до Австралии. С собой всегда палатка, в рюкзаке необходимое снаряжение, собранное по минимуму. Деньги обычно на нуле.

На мой вопрос:

— А чем же питаетесь?

Спокойно отвечает:

— Земля-матушка кормит, и люди добрые помогают.

Я подумала: «А ведь на самом деле, в огородах столько всего растёт — люди не съедают и, в лучшем случае, кормят скотинку, но многое сгнивает и выбрасывается. Так уж лучше отдать нуждающимся». Что, видимо, и происходит. Их часто пускают переночевать, угощают, как у нас издревле принято на Руси. А они, в свою очередь, с удовольствием помогают по хозяйству. А потом идут дальше, делясь добром и, принимая его просто, как само собой разумеющееся, одаривая улыбкой счастливого человека, любящего жизнь и всё живое, потому, что оно Божественное.

В своих путешествиях эта женщина пишет заметки, которых всегда ждут в её родном городе Самаре. Я подумала, что самарянам повезло с землячкой. Очерки этой женщины, я уверена, учат людей быть счастливыми.

Свободная художница

Сегодня на экскурсию в частную картинную галерею пришла сама скромность, с тёплыми какими-то кошачьими глазами. Её образ напомнил образы деревенских женщин начала двадцатого века. На ней была собранная на талии в «татьянку» юбка, простая ситцевая кофта, открывающая крепкие, загорелые плечи и шею. Посмотрела на её руки — крестьянской работы они не пробовали. Когда она заговорила, я ещё раз в этом убедилась. Несоответствие внешнего облика и грамотно построенной речи сначала поразило, но очень скоро я об этом просто забыла.

Она рассказала, что окончила художественное училище, рисует в разных техниках, в последнее время отдаёт предпочтение акриловым краскам.

Живёт под Москвой, вместе с мамой. Сказать «живёт под Москвой» в этом случае ничего не сказать. Гиляра, как пред-

ставилась эта женщина, всегда в пути. Она изучает мир и ищет в нём себя.

«Когда-то, — говорит, — я пробовала создать семью, но все мои попытки заканчивались ничем. Почему-то молодые люди, которые мне попадались, были пьющие. Но я свято верила, что могу их исправить. И в двух случаях из семи мне, на самом деле, удалось это сделать. Только, исправившись, они уходили к другим женщинам».

Многих такие жизненные ситуации ломают, а Гиляра выстояла, хотя опять оставалась одна. Тогда она, наконец, поняла — зачем мучиться, пытаюсь кого-то перевоспитать? Не лучше ли начать с себя? Одним из методов самовоспитания выбрала путешествия.

С тех пор бродит по свету 15 лет. Деньги, необходимые на дорогу и питание, зарабатывает тем, что нанимается расписывать стены, потолки в детских садах и больницах.

— Правда, часто платят так мало, что хватает только на краски, — говорит она.

Тогда она рисует по дороге портреты всем желающим, мастерит сувениры из дерева, корней, расписывает дорожные камни и, продавая их, прокладывает себе дорогу всё дальше и дальше по свету.

На мою фразу, что я не была в Петербурге, она очень просто сказала:

— Да, там есть что посмотреть. А я туда попала совершенно случайно. В нашем доме жил дедушка, и ему как ветерану войны дали два билета бесплатно в этот удивительный город. Но желающих сопровождать его среди родственников не нашлось. Тогда он, зная, что я люблю путешествовать, предложил мне, а я, конечно, с удовольствием согласилась. И дедулю свозила, и сама скаталась! Правда, в самолёте он меня напугал — умирать вздумал, но, слава Богу, откачали.

Гиляра долго ходила по выставке, смотрела профессиональным взглядом, хвалила художников за те моменты, которые ей особо понравились. Даже в ранних работах она нашла «изюминку»:

— Видно, что художник делал это с большим чувством, теплотой и любовью!

Было понятно, что Гиляра очень тонко чувствует, что человек она крайне тактичный. По окончании экскурсии деликатно спросила:

— Я ничем Вас не обидела?

А сколько было таких, которые не могли спокойно переносить успех других, и тогда в ход шли любые средства и доводы. Вплоть до полного пренебрежения. Человеческая зависть – губительный порок в первую очередь для самих завистников, да и для тех, на кого она направлена, если этот человек слаб духовно.

После часовой беседы с Гилярой мы договорились встретиться ещё на Катунь, чтобы продолжить интересное для всех общение.

И вот, уже вечером, сидим на брёвнышке у зеленоватомолочной реки. Слушаем катунский шепоток и рассказы Гиляры о том, как она от московской жары убежала однажды на Кольский полуостров, как ходила одна на плато Укок на Алтае, а оттуда под Белуху, где ей всю ночь не давал спать то ли снежный человек, то ли медведь — она так и не поняла. Он ходил вокруг её палатки, топая и тяжело дыша. А когда выбегала с фонариком, то никого вокруг не было.

— Не ходи одна, это опасно, — пробовали мы убедить её, понимая, что говорим зря – всё равно пойдёт. Это уже образ жизни, многолетняя привычка, без которой она просто не сможет жить.

Лёгкого тебе пути, Гиляра, и добрых людей на твоих дорогах!

Александр Дударев

Родился 10 февраля 1961 г. в Бийске. Осмысленно писать начал лет в 15 лет. В армии перешёл на сочинение песен. После армии вернулся в родной город, участвовал в Литобъединении, печатался в газете «Бийский рабочий».

Окончил в 1980 г. Бийский химико-механический техникум, слесарь КИПиА;

В 2012 г. — Алтайский государственный университет им. И.И. Ползунова, инженер по эксплуатации автотранспорта.

В 1988 г. переехал в Майму. Участвовал в конкурсах авторских песен Майминского района, неоднократно побеждал в фестивалях авторской песни «Катунь».

Победитель конкурса авторской песни «Звенигора» Змеиногорского района.

Полтора года руководил клубом авторской песни Майминского района.

Романтик дорог, по специфике своей профессии исколесил Республику Алтай вдоль и поперёк.

Одна из центральных тем в песенном творчестве Александра Дударева – Горный Алтай.

Уходят в даль друзья

*Уходят в даль друзья мои,
Уходят тихо, сердце раня,
Сквозь поредевшие слои
Мирской судьбы, к воротам рая.*

*Через мятежность и печаль
Полётом мыслей тень пронзая,
Срывая плотную вуаль,
Одним, лишь, словом, свет рождая.*

*О, Боже правый, где твоя
Фигура вечного забвенья,
Что всякий раз разит меня
Потоком лунного затмения.*

*Ты чудо чудом сотвори,
Сомкнув ряды словесной рати.
Тогда и отблески твои
Нам будут впрок, и будут кстати.*

*Друзей небесный хоровод
Споёт мне песню удалую
Про тех, кто был и кто придёт,
Как прожил жизнь я непростую.*

*Недаром люди говорят,
Что старый друг — двоих дороже.
В душе моей костры горят,
А сердце — больше не тревожит.*

А на улице моей

А на улице моей
Круглый год
Кружит белая метель,
Дождь идёт.
И в потоках суеты
Гаснет свет.
Там на многое уже
Есть ответ.

Будет по небу лететь
Самолёт,
Унося тому мечты,
Кто их ждёт.
И пусть льётся за окном
Детский смех,
А не верить в чудеса -
Это грех.

Верю я, что впереди
Ждёт любовь,
И толкает неспроста
Сердце кровь,
Потому что жизнь одна -
Нет другой.
Будем счастливы всегда
Мы с тобой.

Но не знаю я, когда наступит час,
И любовь своим крылом укроет нас,
Забросает прошлогодною листвою,
Чтобы мы однажды встретились с тобой.

Я бежал по весеннему полю

*Я бежал по весеннему полю,
Поднимая колени все выше.
Я — чудака, я об этом не спорю,
Но зато я так лучше слышу.*

*Вижу, как колятся травы,
Чую запах степной земляники.
Мне не нужно ни денег, ни славы.
Жаль, что к этому люди привыкли.*

*Будут свежими гроздья рябины,
Будут вечно жара и морозы,
А любимые всюду любимы,
Несмотря на печали и слёзы.*

*Берегите своё вдохновенье,
Вам оно пригодится больше.
И придёт, и наступит прозренье,
И любовь с вами будет всё дольше.*

*Не хочу жить в печали о прошлом,
Не люблю поминальные свечи,
Надо думать всегда о хорошем,
Вспоминая заветные встречи.*

*В небе вновь заискрятся звёзды,
Их тепла не на всех хватает.
Я вернусь, только будет поздно,
Но об этом никто не узнает.*

Людмила Гришка

Людмила Гришка — поэт-прозаик. Разносторонняя натура; любит природу, музыку, живопись. Мастер корневой скульптуры-корнепластики и авторской куклы.

Участник Республиканского фестиваля поэзии, конкурсов, выставок. Печаталась в местных изданиях: «Листок», «Восход», «Родина». В сборниках: «Созвучье слов живых», «Мультикинские встречи», «Дороги солнечная нить»; автор сборника стихов и рассказов «Подниму тихонечко завесу...».

Член Петровской академии наук и искусств.

Окно

Когда-то, может быть, давным-давно
Уже стихи слагали про окно.
Оно летящих мотыльков свело с ума
Натертым блеском своего стекла.
Окно порталом было меж мирами
Домашнего уюта и горами,
К которым, обрамлённое, должно
Так неизменно быть обращено.
В нём виден был восход лучей живых,
И отраженье облаков седых,
Зелёный малахит большой берёзы,
И иней на стекле в морозы.
Как в зеркале в нём отражались птицы,
Садились на карниз синицы.
В нём ветер поправлял деревьев кроны,
И перья чистили, смотрясь, вороны.
Оно играло радуг ярким светом
И точкой было отправной поэтам.
Окно могло весною молодую
Две створки распахнуть рукою.
Впустить с горы струю прохлады,
И звёзд шальных ночные мириады.
Черёмухи, жасмина ароматы,
Влюблённых вздохи, лунные сонаты.
Оно могло согреть в лихую стужу,
Оно привыкло быть кому-то нужным.
Но в миг один, счастливое, оно
Разбито камнем, брошенным в стекло...
Не отразятся больше небеса,
И не блеснёт луной реки коса.
И не согреет в холод ледяной
Стеклянного окна заслон простой.
Жизнь есть во всём! А мы порой не знаем,
Что так легко нарушить её ход.
И, если что когда-то разрушаем,
Оно частицу нас же унесёт.

*В моём стихе сокрыто назиданье
Для всех людей, живущих на земле!
Прекрасно в жизни только Созиданье,
Картиной, отразившейся в окне.*

Чтоб родиться на свет...

*Чтоб родиться на свет, мы уже умирали,
Обрекая себя на бесценный урок.
Мы начало своё в небесах прописали,
Каждый сам для себя свой отмерили срок.
Породниться с землей, стать с ней целым единым
Нет задачи главней, хоть сто жизней живи.
Быть в согласьи с душой, миру необходимым,
Раствориться в Вселенской огромной любви.
Верить в силы свои, по дорогам шагая,
Все обиды простить, человека любя.
Жить, как в детстве легко, беззаботно играя.
Знать, что Небо и Свет очень любят тебя.*

Бессмертная душа

*Копим в душу грехи подневольные,
Как в сундук потаённый их прячем.
А она оттого, что ей больно,
Тихо всхлипывая, горько плачет.
Долго ждёт она дня очищения,
Замирает, страдает и мается.
Уж готова она на прощание
Перед Богом самим покаяться.
Помогите Душе, люди гордые!
Покажите ей путь к избавлению,
Чтобы крылья расправила ровные
И вдохнула глоток обновления.
От того наша жизнь вся нескладная,
Что на время нехватку все сетуют.
Люди Божии, вас призываю я
Полюбить свою Душу Бессмертную.*

В ресторане хмельном

*В ресторане хмельном под игру скрипача
Фианиты искрятся огнями.
Оголённые души, смеясь, хохоча,
Ищут истину в винном стакане.
Что хотите, убежище ищите где?
От кого в этой жизни бежите!?
Правду-матушку в сладком игривом вине
Отыскать непременно хотите?
Заливается скрипка в ночной тишине...
Веселитесь, но утро настанет.
К тем проблемам, что ночью топили в вине,
Утро новых проблем вам добавит.
Снова плачет душа, с миром всем не в ладу.
Ищет выход, но снова не видит.
Ей приходится ждать в полусонном бреду,
Когда на небо солнышко выйдет.
Его луч поутру через призму стекла
Просочится в глубины сознания.
Он разбудит тебя, чтоб почувствовал ты,
Что стоишь на краю мироздания.
И, очнувшись от чар, вдруг увидишь весь мир
В новых красках сияния лета!
И воскреснет Душа, получив ориентир,
На спасенье в духовности Света.*

Глазом не достать...

*Мне этой дали глазом не достать,
Не разглядеть за синими горами.
Но, Боже, как же хочется узнать,
Что будет после этой жизни с нами.
Как много говорят о воскрешении,
Что за завесой всё доступно нам,
И не имеет, может, там значения,
Что главное, а что второстепенное.
Есть лишь одно — извечное, нетленное
Родство души, веками незабвенное,
Зовущее к родимым берегам.
И в темноте иль свете быть придётся?
Дождёмся ли другого воплощения?
А кто кому учителем сведётся
Узнаем мы задолго до рождения.
А, может, будем в сгустках облаков,
В лучах заката, в белизне снегов
И Млечного Пути в армадах звёздных,
И в каплях дождика живых и неужённых...
Наверное, за синими горами
Мы будем по родной Земле скучать.
Но, сколько бы мы с вами не гадали,
Нам этой Дали глазом не достать!*

Только зимой

*Первый снежок. Сколько радости в лицах!
Инеем звёздным на ветках искрится,
Поступью гордой восходит сама
В Тронную Залу Царица-Зима.
Только зимой начинается год!
Ёлки в нарядах встают в хоровод.
Только зимой Дед Мороз и подарки,
Жизнь начинается праздником ярким.
Только зимой величаются Святки,*

На Рождество по деревням колядки.
Зимние праздники – удадь людская!
Крестят в Крещение, в прорубь макая.

Только зимой завывают метели,
Речки студёные льдом заблестели.
Только зимой звери прячутся в норы,
Белый покой завершится не скоро.
Треснет мороз, зарумянятся щёки,
Дети на санках покатаются с горки.
Снежную бабу – хозяйку дворов
Вылепить каждый мальчишка готов.
Только зима на замёрзшем окне
Кистью рисует узор на стекле.
Столбиком ровным дымок из трубы –
Всё это признаки русской зимы.

Бури, бураны, коньки, снежиры,
Длинные ночи, короткие дни.
Вьюгам косматым ночами не спится...
Только зимой это может случиться.
Клюшки, коньки, шайба и сноуборд,
Сани, снежки, лыжи и снегоход,
Валенки, шубы, ушанки, шарфы –
Все атрибуты холодной зимы.
Масленка тоже бывает зимой,
Чуть только в небе запахнет весной,
Зиму сжигают на жарком огне
И провожают блином в феврале.
Ровно на год мы зимою взрослеем,
Только об этом не все мы жалеем.
Весел и радостен русский народ.
Вот сколько счастья зима нам даёт!

Пень

Это случилось во время весеннего паводка на Алтае. Вода, поднимаясь в реке, выйдя из берегов, затопила всё прибрежное пространство так, что подходившая к дому дорога тоже была скрыта и подобраться к нему можно было только на лодке.

Благо, дождей не было, и вода стала постепенно уходить, открывая взору печальные виды.

Вся придомовая территория была в страшном беспорядке: наносы, завалившие некогда живописный уголок, превратили его в чудовищный хаос. Деревья, принесённые с верховьев реки, торчали вверх корнями и образовывали горы деревянно-каменистого мусора. Молодые ели, распрямляясь, освобождали свои раскидистые лапы от ила и песка. Ветер старался просушивать накопившуюся влагу, разгоняя над лесом стойкий запах плесени. Спустя пару недель хорошей солнечной погоды всё стало приходить в норму: зазеленело, зацвело в лад с наступившим летом.

Но в стройность этой июньской красоты не вписывался принесённый паводком огромный пихтовый пень, который застрял между двух ёлок. Проходя мимо него, нельзя было не увидеть ту безысходность, в которой он оказался. Пень пострадал дважды. Первый раз, когда было спилено дерево, и второй, когда вода подмыла его корни, вырвав из земли и отправив в свободное плавание. Корни его расплозились по поверхности, и он был похож на огромного осьминога, выброшенного волной на берег.

— Так вот ты какой, мой последний причал, — подумал Пень, — ну что ж, всё к лучшему! В земле я бы быстро сгнил, превратившись в труху, а так у меня ещё есть шанс пожить какое-то время.

Просушенный солнцем и ветром, он смирился со своим существованием и стал потихоньку обживать на новом месте.

Пень подружился с соседями: двумя ёлками, укрывавшими его от дождя, с кустами малины, сплошной стеной закрывавшими вид на реку, со жгучей крапивой, жалившей всех, кто пытался приблизиться к нему. Он приютил под одним из своих корней кучку муравьёв, а рядом весёлый бурундук нашёл себе пристанище. Частыми гостями у Пня были дрозды, развлекая его звонким пением. Принося свежие лесные новости, прилетала сорока. А недавно возле одной из ёлок поселился молодой хмель. Он до самой верхушки обвил свою избранницу цепкими лианами и к осени украсил её множеством шишек.

Пень, наблюдавший со стороны за их дружбой, даже немного завидовал им. Он был большим романтиком и мечтал, чтобы в его окружении появился хотя бы один красивый цветок. Но ревнивая крапива не подпускала к нему никого. Ведь всем известно, там, где крапива, цветы не растут.

Больше всего Пень боялся быть распиленным на дрова, когда шла уборка территории от паводка. Хозяин подходил к нему и озвучивал то, от чего у Пня душа уходила «в пятки», мол, он здесь ни к чему, нарушает красоту газона, и возле его корней неудобно скашивать траву. Звук газонокосилки Пень ненавидел так же, как и треск рабочей бензопилы.

В этот день опасения были напрасными, его не распилили. Уставший от дневных страхов, с наступлением ночи Пень уснул. Ему снился один и тот же сон, где он пребывал в компании прекрасных кружевных цветов, вдыхал их чудные ароматы, но с первыми бликами рассвета он снова оказывался в обществе жгучей Крапивы и колючей Малины. Утром Пень заметил суету возле дома. По дороге то и дело проезжали легковые и грузовые машины, причем грузовые были загружены домашними вещами. Он терялся в догадках, пока прилетевшая сорока не внесла ясность, сообщив новость, что дом продали, и теперь в нём будут жить новосёлы. Пень облегчённо вздохнул, оттого, что остался не распиленным и погрузился в тревожные мысли: какие они будут, новые хозяева?

Однажды во время сбора малины к нему подошла молодая женщина. Она с интересом разглядывала Пень со всех сторон и, вдруг сказала:

— Ох, ты какой красавец! Что же ты притаился здесь, в крапиве? Она еще постояла позаглядывала вокруг и произнесла: «Я знаю, что надо с тобой сделать!»

Когда хозяйка удалилась, Пень смущенно улыбнулся. Впервые за всё время, когда он стал пнём, им кто-то восхищался. Вскоре пошли осенние дожди, на смену им – белая снежная зима.

Пень, укрытый еловыми лапами и усыпанный лиственным одеялом, благополучно перезимовал под толстым снежным покровом.

Разбуженный весенним солнышком, он с интересом разглядывал пространство, здороваясь с каждым новым ростком. И вдруг он увидел, что прямо к нему направляются хозяева, и последнее, что он запомнил, был звук заведённой бензопилы...

Очнулся бедный Пень, когда хозяйка посыпала его землей.

«Что это было? Я ещё жив! Меня не распилили», — радостно отметил он, любясь своими шикарными корнями. Суэта возле Пня продолжалась: стучали молотки, жужжали электроинструменты, вокруг были расставлены ящики с зелёными ростками, тазы с землёй и лейки с водой. Работа кипела! В середине пня вырезали углубление, заполнили его садовым грунтом и высадили крепкую рассаду цветов. Корни покрыли аэрозолями, предохраняя от разрушения. Напротив Пня соорудили резную деревянную скамейку, от которой пахло недавно нанесённым лаком.

Оставшись наедине с собой, Пень пребывал в изумленном состоянии, привыкая к новому качеству клумбы, которую по утрам хозяйка поливала из лейки.

Лето с каждым днём набирало свой разгар. Ранним утром, пробудившись рассветными лучами, Пень увидел себя окружённым целым морем прекрасных цветов.

— Я не проснулся, — подумал он, но прилетевшая сорока подтвердила, что это не сон.

— Ты посмотри-ка, какая красота! — каркнула она. — Жаль только, что присесть мне негде.

А сама уже облюбовала одну из веток на ёлке: «Ну, ладно, полечу, расскажу всем, как ты расцвёл!»

И она, взмахнув крыльями, с криком полетела над прибрежным лесом.

Пень не мог поверить в то, что с ним произошло. Что он снова обрёл смысл в жизни, и она у него продолжалась, яркая и желанная, такая, о которой мечтал. Теперь он красовался, увенчанный цветочной шевелюрой, среди чисто выкошенного газона.

Много гостей стали приходить и фотографироваться у шикарной клумбы, а Пень, чувствуя свою значимость, думал: «Как прекрасна жизнь!»

Ему хотелось на весь свет закричать: «Верьте в мечту, и она обязательно сбудется!»

Пень был счастлив. А счастьем у нас издавна принято делиться.

Отрекаюсь...

Шли девяностые годы двадцатого столетия. В стране началась перестройка. Советский Союз, в котором мы родились, выросли, учились, женились, рожали детей, распался на множество отдельных суверенных государств. Люди — растеряны, повсюду царил разруха. В результате повальной приватизации были закрыты многие промышленные предприятия, рабочих с заводов сокращали, а те, кто оставался на своих местах по полгода не получали заработную плату, или она выдавалась товарами производства. В магазинах пустовали прилавки, вводились продовольственные карточки. Люди стали чаще задумываться о своей национальной принадлежности, и это неизбежно привело к большой волне

миграций. Действуя по принципу: «Рыба ищет, где глубже, человек – где больше рыбы», народ переезжал из насиженных мест кто куда.

В моей семье тоже возникали желания перебраться на историческую родину, но для начала нужно было обсудить всё это с близкими, в том числе и в ближнем, теперь уже, зарубежье. И вот однажды мы с четырехлетним сыном Андрюшкой решили навестить нашу бабушку в России.

Сойдя с поезда, мы направились на остановку, но единственный автобус, подходивший к поезду, уехал, не дождав- шись пассажиров. Нам ничего не оставалось, как выйти на трассу и ловить попутку.

К нам подошёл молодой человек и с улыбкой спросил: «Вы тоже опоздали?»

Я кивнула головой: «У меня сумки, а с ребёнком не раз- бежишься».

«Ладно, ничего, ещё белый день, что-нибудь придума- ем», — сказал мужчина, и мы вместе стали поджидать по- путку. Стояли долго, легковые машины пролетали мимо и, вот, наконец, наши попытки возымели успех. На обочине дороги, грохоча и пыхая выхлопными газами, остановился «КАМАЗ», гружёный углем. Наш попутчик, которого звали Денис, помог подняться в машину сначала мне, потом усадил Андрюшку, впихнул сумки и последним уселся сам. Сначала было тесновато, но во время пути немного утряслись, и нам уже было очень даже комфортно. Водитель — немолодой мужчина -шутил, подтрунивая над Андрейкой, принимаю- щим любую шутку за чистую монету. Ехать было весело.

...Бабуля встретила нас радостно, хотя мы свалились как снег на голову. Был канун Нового года, и наш сюрприз удал- ся. Через несколько хлопотливых минут мы сидели за сто- лом, пили чай и оживленно беседовали. Сынок, подкрепив- шийся бабушкиным угощением, уснул прямо за столом.

Я рассказала, как мы добирались, как познакомились с Денисом, что он, так же, как мы, ехал к своим друзьям сюр- призом. А когда расставались, спросил адрес бабушки на

случай, если их не окажется дома. Баба Лида на радостях согласилась принять ещё одного гостя, если он придёт.

Во второй половине короткого зимнего дня небо потемнело, предвещая снегопад. Редкие резные снежинки плавно кружились в угасающем дне, а вскоре снег повалил белой стеной. Настоящая новогодняя погода! Мы сидели на кухне и делали салаты для предстоящей ночи. Баба Лида отодвинула шторку и спросила: «Посмотри, там человек какой-то стоит у ворот. Это не ваш попутчик?»

Я вышла на крыльцо. Действительно, это был Денис — весь в снегу, как Дед Мороз.

— Как хорошо, что я вас нашёл. Пустите в дом? Не знаю что делать, моих друзей не оказалось дома. На улице уже темнеет, автобусы не ходят, до станции не добраться. В общем, если прогоните, я не обижусь, если оставите — буду благодарен бесконечно. Кроме вас у меня здесь никого знакомых нет.

Речь гостя была настолько убедительной, что бабушка сразу же радушно пригласила его встретить новый год с нами. С виду Денис был улыбчивым молодым человеком, такие сразу входят в доверие, хотя «провести на мякине» нашу бабу Лиду было не так-то просто. Уж она-то за версту недоброго чуяла, а новогодний гость был таким знакомым, как будто только вчера расстались.

В свои тридцать с небольшим лет он выглядел солидным представительным мужчиной. Высокого роста, крепкий в плечах, темноволосый, с модной стрижкой и голубыми глазами. Одет со вкусом, и от него пахло дорогим парфюмом. В общении подкупала его улыбка и шикарный баритон, слушать который было одним удовольствием. Денис приехал из Казахстана с целью устроиться на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Он с интересом расспрашивал бабушку обо всём в этом плане, она, в свою очередь, интересовалась его жизнью.

Мужчина искренне поведал нам, что после окончания института в Томске устроился работать в управление го-

родского исполкома на руководящую должность. Женился, вскоре родилась дочь, начались кадровые перестановки, и он остался без работы. Подрабатывал кое-где и кое-как, пока не завёл с женой разговор о переезде в Россию. Но она наотрез отказалась уезжать от своих родителей. Эти непонимания и отсутствие общей цели привели к тому, что решил уехать один, устроиться самостоятельно и затем все-таки перевести семью...

В дверь постучали. Бабушка пошла открывать. На пороге, весь в снегу, стоял соседский парнишка Ванька: «Баб Лид, тебе ёлку надо?»

— Ой, да ты мой хороший, — ойкнула бабушка, — мне Бог гостей дал, Новый год на носу, а ёлки нет. Конечно, надо!

Она пригласила парня в дом, угостила вкусняшками и он с полными карманами побегал домой. Денис начал обу-страивать ёлку, от которой по всему дому разливался аро-мат. Вскоре она стояла убранная в наряды. На «Раз, два, три, ёлочка — гори!», он включил гирлянду, и новогодняя кра-савица засияла множеством цветных огоньков. Радости Ан-дрюшкиной не было предела.

Денис стал настраивать телевизор на нужный канал, что-бы вовремя можно было услышать бой курантов. Он негром-ко напевал какую-то песню и вдруг, прервавшись, сказал:

— Эх, гитару бы сейчас!

— А ты играешь? — спросила бабушка

— Да так, маленько, — ответил Денис.

Бабушка молча сунула ноги в пимы, накинула на голову шаль и вышла из дома. Через несколько минут дверь распах-нулась, и вместе с морозными клубами появилась баба Лида, в снегу и с гитарой в руках.

— На, сынок, — протянув инструмент, сказала она, — играй!

— Вот это да! — воскликнул Денис и, с улыбкой подхва-тив инструмент, стал настраивать его. Первые стройные ак-корды окончательно утвердили атмосферу праздника. Баба Лида сразу запела частушки, голос у неё был звонкий, задор-

ный, тут же подключился Андрейка, слывший в своём совсем юном возрасте знатным частушечником. Денис аккомпанировал с удовольствием и профессионально. Это он из скромности сказал бабушке: «Да так, маленько». На самом же деле оказалось, что играет он виртуозно, впрочем, как и поёт. Голоса сливались, песни выстраивались сами собой, и исполнители наслаждались игрой звуков. Утром соседи спрашивали у Михайловны сколько человек к ней прикатило, что песни слышно было на всю улицу.

Как-то так распорядилось небо, собрав в эту волшебную ночь три одиноких души, устроив тем самым настоящий праздник — искренний, чистый и желанный, отодвинув в сторону хотя бы на одну ночь все тяготы непростого времени и жизненных забот.

Утро наступившего года выдалось ясным и морозным. Снег, наваливший за ночь, засыпал дороги и протоптанные тропинки, и день начинался с торжественно белого чистого листа.

Денис, поспав немного, вышел на улицу, взял деревянную лопату и аккуратно разгрёб дорожки возле дома. Затем утро продолжилось горячим завтраком, хотя есть после новогодней ночи совсем не хотелось. Пили чай, шутили, смеялись. Поинтересовавшись у бабушки возникшими вопросами по поводу его переезда, горячо поблагодарил нас за гостеприимство и ближе к обеду ушёл.

Отгостив новогодние праздники, я с сыном вернулась к себе домой и, приняв твёрдое решение о смене места жительства, уже к весне обустраивалась на своей малой родине.

Этой же весной я вновь случайно встретила с Денисом. К тому времени я успела устроиться на работу и снять квартиру, а он остановился у своих друзей. Все его попытки найти работу, какую он хотел, были тщетными. Денис был грамотным специалистом в области управления, неплохо разбирался в политике. Однако на новом месте все его разработки и концепции по управлению в наступившем периоде перестройки оказались никому не нужны.

Молодого специалиста никто не захотел принимать в «свой монастырь» с его уставами, тем более что все сидели на местах, ревностно их сохраняя. А жить надо было каждый день, платить за квартиру, покупать еду и предметы личной гигиены. Нужда заставляла работать по найму, где, в лучшем случае, расплачивались едой и небольшими деньгами, а в худшем – самогонкой, на которую тут же находились любители «разделить» людскую участь и за стопкой «горя помыкать». Несколько раз он приходил к бабе Лиде, заходил и ко мне, жаловался, что жизнь к нему не справедлива, что он никому ничего плохого не сделал, чтобы так страдать. Денис, по сути, был генератором идей, раздавая их налево и направо, но к себе приложить ничего не попытался. На все его затеи требовалась хорошая команда творческих людей, которую он подобрать не мог, может, боясь довериться, может — ошибиться.

Я предложила ему походить в церковь и горячо помолиться, испросить прощения у Господа, причаститься и верить, что всё наладится. Но шло время, каждый был занят устройством своего личного пространства. В один из визитов Денис рассказал, что был в церкви, беседовал с батюшкой. Я порадовалась за него тогда, но ненадолго.

Спустя какое-то время он пришёл в таком взвинченном состоянии, что я ужаснулась. Он был возбуждён и нервозен, говорил, что сделал вывод о том, что Господь, оказывается, ему совсем не помогает, и все его походы в церковь напрасны. Ну, и видимо, кто-то из советчиков за бутылкой научил, как ему отречься от Бога и стать на сторону дьявола. Он говорил, а у меня от этого бреда морозом поднималась кожа на спине, а на голове шевелился каждый волосок. Я смотрела на него взглядом, полным ужаса и не могла произнести даже слова. Не дождавшись от меня ответа, он ушёл.

Спустя месяц, мы встретились на улице и я спросила: «Ты совершил, что хотел?»

И он ответил: «Да».

Рассказал, как ездил по деревням, нашёл и купил за день-

ги всё, что ему было нужно, и в один из дней совершил обряд отречения.

Я вдруг увидела перед собой совершенно потерянного, подавленного человека, с потухшим взглядом, странно одетого, с безвольно опущенными плечами. Прежнего лоска не осталось и следа, и вид был больного, замученного страдальца.

— Почему ты хромаешь? — спросила я его.

— Ноги болят, простудил, наверное.

Он был обут в валенки с галошами, хотя была еще беснежная осень.

— К врачу ходил?

— Нет, я сам вылечусь, — сказал он тихим, без надежды, голосом.

Мы расстались, а я не могла разобраться в вопросах, звучащих в моей душе. Что это? Безволие, гордыня, самоуверенность или лень? Или это простая человеческая слабость? Как мог опустить себя до такого состояния здоровый, молодой, красивый мужчина? У меня не было ответа. Была растерянность и жалость.

Спустя время, в разговоре со своей сестрой, жившей в том же районе, где и Денис, я поинтересовалась о нём.

Сестра рассказала, что несчастья и неудачи преследовали его долгое время. Ноги отказали, ходить он не мог. Врачи лечили безрезультатно, одно проходит, другое начинается. Измученный разными непонятными болезнями, он был прикован к постели. Кто-то из его родных приезжал, и увезли его лежачего в Казахстан.

Мы ещё долго с сестрой рассуждали, что движет человеком. Какая Сила ведёт его по жизни к Свету, а какая к тьме. Нет человеку жизни без Бога! С Ним приходим на Землю, с Ним и уйдём в Вечность. Если трудно, проси помощи у Отца Небесного. Не зря говорят в народе: « У Бога всего много». И поможет, и услышит, и воздаст по вере твоей и делам!

Прошло двадцать пять лет, четверть века. Однажды в соцсетях я увидела фото не молодого, но очень красивого

человека, в паре с элегантной женщиной. Что-то знакомое промелькнуло для меня в его внешности. Вглядевшись, узнала в нём Дениса. Я была так обрадована его благополучным видом, что разыскала его страничку, напомнив о себе, а он был обрадован не меньше и поведал мне историю своего восхождения.

Когда родные привезли его домой, врачи не могли поставить диагноз. Все анализы и обследования показывали космические результаты, а он с каждой минутой становился всё более безнадёжным. Готовились к худшему, когда в полусознательном состоянии ему предложили исповедаться, Денис шёпотом произнес:

— Не поможет! Я от Него отрекся!

— Но ты бы хотел, чтоб стало легче?

— Да, хочу! — сказал он, и из глаз ручьями потекли слёзы.

Пригласили батюшку, который долго читал молитвы и исповедал заблудшего сына Божьего. Дениса окрестили, дали тайное имя, причастили, и вскоре он пошел на поправку. В больнице за ним ухаживала молодая разведённая девушка, они сдружились, нашли общие интересы и цели и вскоре расписались, обвенчавшись в церкви. Молодая пара уехала вместе в Россию.

Денис устроился на работу, купили домик, родили двоих детей. Через несколько лет открыли своё небольшое частное предприятие, с дохода которого помогали и продолжают помогать местному приходу в церкви.

Жизнь под Покровом Божьей Матери делает человека красивым. Его дела угодны Богу, а в душе навсегда остаётся чистота, покой и Свет. Вера вселяет в наши сердца опору в любых делах, в здоровье, в успехе. Великая Сила молитвы помогает и творит настоящие чудеса.

Люди сомневающиеся скажут: «Увижу – поверю!»

А небо ответит: «Поверишь, – увидишь!»

Транзитная тайна

Бабье лето в эту осень порядком загостилось, было уже начало октября, а дни стояли такие яркие. Солнце восторгалось своей щедростью и старалось согреть людей так, чтоб хватило тепла каждой женщине до самой весны, ведь не зря эту пору в природе называют бабьим летом.

На перроне возле вагонов с открытыми тамбурами стояли проводники и толпились люди, ожидая объявления о посадке. Их ожидание не казалось томительным, так как предстоял долгий путь на колёсах, и постоять подольше, подышать свежим воздухом хотелось каждому. Наконец посадку объявили.

В десятом вагоне две проводницы, одетые в форменную одежду, приветливо приглашали занимать места после проверки документов. Я прошла в вагон и расположилась на своём месте. Вслед за мной вошла целая компания, человек шесть: двое мужчин и четыре женщины разного возраста, от тридцати до шестидесяти лет. Похоже, они провожали одну из них. Симпатичная «отъезжающая» была в бодром настроении, и весёлая компания друзей или родственников, распрощавшись с ней, присели на дорожку, затем с шумом покинули вагон.

Я сидела и наблюдала за картиной расставания. Провожжающие, постояв у окна, помахали руками и стали удаляться туда, где высокий бетонный забор разделял улицу и железнодорожные пути. Моя соседка тоже напряженно наблюдала за удаляющейся толпой, и как только они скрылись за забором, резко подскочив с места, схватила сумки и, выпрыгнув на перрон, бегом побежала в другую сторону. Она оглядывалась, будто боялась быть разоблачённой. Проводницы стояли, ничего не понимая, держа в руках: одна — пакет с овощами, другая — с продуктами, которые беглянка без слов сунула им в руки. Они поднялись в тамбур, а по-

езд стал набирать ход. Все с любопытством смотрели в окна вслед убегающей женщине, которая смешалась в толпе людей и машин, унося с собой транзитную тайну и оставляя загадку для пассажиров, которым хватило разгадывать её во время пути.

Одни говорили, что видно она так надоела родне, что они её поскорее отправили домой. Другие настаивали, что эту женщину отправляли туда, куда она не хотела ехать, но, притворившись весёлой и покладистой, убежала, чтоб они думали, что её в городе нет. Следующая версия была более романтической. У неё был мужчина, о котором она никому не хотела говорить и, чтобы никто не мешал её женскому счастью, она села в поезд, сделав вид, что уезжает, а сама убежала к любимому, поджидающему её в условленном месте.

В общем, сколько людей, столько мнений, но больше всех были растеряны проводники. Ведь им приходится отчитываться за каждого пассажира.

А мне подумалось, что иногда в нашей жизни, действительно, хочется без объяснений взять и убежать от тех, кто бесцеремонно вторгается в личное пространство, навязывая своё видение мира. А это невозможно, потому что каждый едет в своём вагоне, по пути, предназначенном только ему одному.

Лора

Снова Алексеич с утра ходил и бурчал себе под нос.

— Ты, замолчишь сегодня, или нет, — одёргивала его жена.
— Опять завёлся на весь день. Сколько можно повторять, негде нам держать животных, сарайчик маленький, там курам едва хватает места, а ты свинью задумал туда затолкнуть.

Алексеич уходил от моралей жены во двор, в свою мастерскую и что-то там мастерил, чтобы не слышать возражения Семёновны.

По улице в это время ездил машина, с которой продавали молодняк сельским жителям. На всю округу из рупора,

установленного на крыше кабины, эхом разлетались призывы приобрести в домашнее хозяйство живность: цыплят, поросят и кур-несушек. Это повторялось каждые выходные, доставляя Алексеичу досаду, так как условий для содержания скотины и впрямь не было. Маленький сарайчик, в котором жили курочки, был разделён с поляной для выгула большим огородом. Построить новый сарай у стариков возможности не было, а выгуливать поросёнка через огород — проблем не оберёшься. В общем, вопрос казался решённым, а тема закрытой для всех, кроме Алексеича.

И вот в очередной выходной проезжавшая машина призывно сигналила по улицам. Семеновна, не обращая на неё внимания, хлопотала по дому и, приготовив корм курицам, направилась в сарайчик. Открыв зарешечённую дверцу, она обалдела от увиденной картины. Её курочки сидели на шестах, прибитых чуть не под самый потолок, а в их бывшем загоне на охапке свежей соломы стоял маленький розовый поросёнок. Увидев хозяйку, он пугливо забился в угол, а Семеновна, накормив куриц, поспешила к деду, чтобы устроить ему взбучку, но увидев счастливое и виноватое лицо мужа, она сменила гнев на милость и только сказала:

— Доволен!? Добился своего! Ну, так знай, что возиться со своим чадом будешь сам. Еду я ему приготовлю, а кормить и выгуливать ты его будешь!

— Не его, а её, — с улыбкой произнёс Алексеич. — Это свиночка и зовут ее Лора. Прошу любить и жаловать!

— Вот люби и жалуй свою Лору, — с напускной строгостью сказала жена и, резко развернувшись, пошла в дом готовить обед для маленькой Лоры.

С этого дня Алексеич всё свободное время проводил в обществе очаровательного создания с розовым пятчком. Он разговаривал с ней, почесывая нежную щетинку, баловал вкусняшками с огорода: то морковку вырвет с грядки, то редисочку. А вот с прогулкой получилась целая история. Пока Лора была маленьким одно-двухмесячным поросёнком, Алексеич брал её на руки и выносил на полянку в своей

ограде. Там он отделил небольшой участок, отгородил его, чтобы она не могла проникнуть на грядки. Но время шло, свинка набирала вес, и носить её на руках на прогулку и обратно стало проблематично. Тогда предприимчивый хозяин обходил Лору сзади, брал за передние ноги, а на задних она, вытянувшись вертикально, вышагивала по проложенным деревянным мосткам в сопровождении своего обожателя. Все, кто видел это дефиле, покатывались со смеху, а Алексеич задира л нос, ещё усердней демонстрируя свой талант укротителя. Соседская ребятня при встрече на улице хором спрашивали:

— Дед, а сегодня ваша Лора пойдёт гулять?

— А как же, — отвечал Алексеич, — погода хорошая, самое время для прогулок.

Дети подбегали к ограде и в щелки между досок любовались цирковым зрелищем. Да ещё и гостинцы стали через забор закидывать, то конфетку, то пряничек. Скоро весь окоток знал Лору, которая ходит гулять на задних ногах. Лето пролетело быстро, и наступила осенняя пора с холодными морозящими дождями. Прогулки закончились, потому что задние ноги Лоры не смогли бы выдержать её вес, да и держать сил у Алексеича уже не было. Он вдруг осознал, что его питомица с трудом помещается в загончике, что ухаживать за ней становится всё труднее. Мысль о неизбежном конце для его любимицы точила сердце, не давая спать по ночам. Семеновна всё чаще напоминала мужу о том, что скоро заморозки и скотину надо колоть.

В один из таких разговоров Алексеич не выдержал натиска жены и в сердцах крикнул:

— Надо тебе, так коли! Я не душегуб какой, чтоб лишать жизни ни в чём не повинное животное. В чём её вина? Лишь только в том, что она выросла? Ведь когда маленькая была, её никто не хотел убить, все любили и радовались. Я ни за что не смогу этого сделать!

— Ох, ты какой сердобольный! — заругалась женщина.
— Значит, как развлекаться, в игрушки цирковые играть, это

ты мастер! А ты думал, когда её брал, что этим игрушкам придёт конец? Думал, что скотину и заводят для мяса, а не для развлечения? Не душегуб он! А я, значит, по-твоему, палач бессердечный!

Во время этой перебранки в дверь постучали. На пороге появился сосед Серёга.

— Что за шум, а драки нет, — поздоровавшись, пошутил он.

Семеновна стала жаловаться ему, что муж не хочет расставаться со своей Лорой, а в зиму держать её ни к чему, да и негде, в сарайчике она едва помещается. Серега работал на мясокомбинате и быстро разрешил все споры и сомнения.

— Так если, Алексеич, ты сам не можешь это сделать, то сдайте свинью на комбинат, получите деньги и делов-то!

Алексеич встал, оделся и молча вышел на улицу. Его охватила страшная паника. Он ещё надеялся, что можно что-то придумать, чтобы Лора жила, а тут этого Серёгу принесла нелегкая! Он направился в сарайчик к своей животинке. Достав из кармана куртки сухарик, он поднёс его Лоре. Та с удовольствием смачно схрумкала гостинец и облизала руку Алексеича.

— Лора, прости меня! Я только сейчас понял, что я наделал. Как я виноват перед тобой, моя девочка!

Лора смотрела на него маленькими глазками из-под огромных, нависших над ними ушей – природной особенностью породы ландрасов. Она стояла смирно, прислушиваясь к словам своего хозяина, но понять, о чём она думает, не смог даже он.

Назавтра утром жена отправила Алексеича в магазин. Когда он вернулся, то первым делом, отломив от булки хлеба свежую хрустящую горбушку, поспешил в сарайчик. Открыв дверь, он обмер. Там было пусто! Слёзы отчаяния, скорби и вины катились по щетинистым щекам Алексеича...

С тех пор он никогда больше не заводил животных и навсегда отказался от мяса.

Не имею права

Солнце как будто компенсировало вчерашний прогул и так щедро брызгало горячими лучами, что было больно глазам. После предыдущего ненастья и прохладных туманов в наступившем дне всё вокруг засияло яркими красками, и начинающаяся молодая осень предстала взору во всей красе.

Виктор надел солнцезащитные очки и опустил козырёк лобового стекла машины. Настроение было прекрасным, душа словно летела навстречу начинающемуся дню. Его автомобиль стремительно скользил по отличной дороге первого класса, пролежавшей по левому берегу реки. Справа от неё высились горные массивы, покрытые частоколами смешанного леса. В осеннем наряде они поражали всем великолепием художественного замысла Творца Небесного. В салоне звучала музыка, придавая текущему моменту времени особый колорит и поэтический настрой.

Путь у Виктора был неблизкий. Ему часто по роду занятости приходилось ездить на дальние расстояния, и дорога была его вторым домом. Зачастую, чтобы не скучно было ехать одному, Виктор брал себе попутчиков. Летом на Алтае много людей, в основном, молодёжь, ездят автостопом. Тут и новые знакомства, и у каждого свои жизненные истории, которые ему часто приходилось выслушивать в пути. Был он добродушным и отзывчивым парнем и, хотя был молод и не женат, после каждой «исповеди» мотал на ус рассказанное и делал свои выводы.

В это утро он затормозил у кафе на конце одного из алтайских сёл, где на дороге «голосовал» немолодой мужчина с рюкзаком.

- Куда едем, отец? — притормозив, спросил Виктор.
- Мне до города, а там дальше на вокзал, можно?
- Садитесь, довезу, — сказал водитель. — Меня Виктором зовут.

— Иван, — ответил пассажир и, немного помедлив, добавил, — Петрович.

Мужчины обменялись рукопожатием, и раззадоренная педалью газа машина продолжила свой привычный путь.

Некоторое время ехали молча. Дым от сигарет струился в приоткрытые окна и уносился встречным ветерком.

— Да, неразговорчивый у меня сегодня попутчик, — подумал Виктор и, решив исправить затянувшееся молчание, первым спросил, — В гости едете или домой?

Иван Петрович как будто не ожидал такого вопроса, слегка вздрогнул, потом, помолчав, ответил: «Какой правильный вопрос ты задал мне, мальчик. Да я и сам не знаю, в гости я еду, или домой».

— Как так? — удивленно спросил парень.

— А так. Дорога у нас с тобой, сынок, долгая и, если хочешь, я расскажу тебе историю, которую можно назвать «Как жить не надо».

Он докурил сигарету, достал из рюкзака термос, налил в походный стакан крепко заваренный чай и, сделав пару глотков, начал свой рассказ:

«Когда мне исполнилось тридцать семь, у меня умерла жена, оставив двух сыновей, четырнадцати и двенадцати лет. И, хотя парни уже были далеко не дети, хлопот было с ними немало. Жили мы с женой так себе — ни хорошо, и ни плохо. Вроде и не любил я её, а когда не стало, как потерял что-то. Одно понял — мужчине одному жить нельзя. Оно и женщине негоже одной, но они — бабы как будто сильнее нас, правда, не физически, а просто дух у них какой-то другой. А мы — мужики, как ни крути, всегда за женщинами стоим: сначала мать нас опекает, сопلي вытирает, сердцем оберегает, а потом женщина-жена. Так что, сынок, божий промысел верный, каждой твари на земле должно быть по паре.

Словом, и я стал искать пару. Только задачка у меня была сложносочинённая, мне не только для себя надо было жену найти, но и детям, если не мать, то заботливого ласкового человека, способного понять и принять чужое. Встречался с

несколькими, но нужен был только я, а как про детей узнавали, то на попятную.

А у меня в сердце жила только одна женщина. Мне было двадцать пять, и я уже был женат на своей жене, царствие ей небесное. Молодой, чуб волной, сажень в плечах — штангой занимался, столько силы было! И вот пригласил меня земляк помочь ему залить фундамент под гараж. Вот там я и увидел её. Она в огороде бельё на верёвку вывешивала, а я стоял, как молнией поражённый, смотрел и глаз оторвать не мог: высокая, стройная, волосы каштановые по плечам вьются. «Господи, какая красавица, — подумал я, — вот бы мне такую!»

В общем, очнулся я, когда меня приятель окликнул. Но желание своё горячее я уже в небо послал и не знал я тогда, что желание, посланное искренне к Господу, обязательно когда-то сбудется».

Пикап Виктора, сбавив скорость, свернул направо к заправочной станции.

— Сейчас машинку подкормим и дальше поедем, — улыбаясь, сказал шофер.

Он ловко управлялся с пистолетом в колонке, бежал в каску, платил за топливо. Парень был атлетически сложен, и во всех его действиях играла энергия молодости.

— Красивый мальчишка, — подумал Петрович, — совсем как мои.

Почти пять лет о сыновьях он не знал ничего. Они после его ухода встали на сторону матери и с отцом общаться отказались. Какие они стали? Простят ли, поймут? Эти вопросы точили душу Ивана и не давали покоя.

Дальнейшая дорога была украшена чудной, извивающейся изумрудной лентой реки. Посередине её, местами, возвышались над водой каменные острова причудливых форм. Они смотрелись в водную гладь и плыли по ней наперегонки вместе с облаками, отражающимися в её зеркале. В каком бы состоянии не находился человек, от его глаза не могли ускользнуть природные полотна, восхищая и завораживая.

— Красотища какая! — восторженно произнес Виктор, обращаясь к своему попутчику. Тот в ответ с улыбкой кивнул головой.

— Так что там дальше, Иван Петрович? Что с желаниями, заброшенными в небо, точно сбудутся? И что с этой женщиной стало, которую вы увидели?

— А стало вот что, — продолжил свой рассказ Иван. — Принялся я у приятеля про неё всё выпрашивать. А самому уже никакая работа на ум не идёт, голова то и дело поворачивалась в сторону её дома.

Я узнал, что зовут её Галина, разведена и встречается с одним женатым мужиком. Пожалел я тогда и её и себя, и вообще жалко стало, что всё в жизни получается так несвязно. А она, жизнь-то, нам испытания посылает, чтоб думали да через трудности к пониманию её пришли.

Прошло двенадцать лет. У неё была своя жизнь, у меня — своя. Много чего произошло в наших судьбах, а мы даже знакомы лично не были, только так, в лицо. Один раз, осенью, меня с пацанами позвал к себе в гости друг. Сидим за столом, и вдруг дверь открывается и входит она с парнишкой лет семи. Вышло так, что она за это время сына родила от своего любовника, только он на ней всё равно не женился. А она была приятельницей жены моего друга.

Нас познакомили, и вечер мы провели все вместе. Потом мы с мальчишками провожали их домой. Ребятишки играли по дороге в свои игры, шумели, прыгали, смеялись, а у нас с Галей шёл серьёзный разговор. Я понял, что другого случая может не быть, поэтому сразу сделал ей предложение. Галя выслушала меня спокойно и, к моей радости, согласилась сразу, сказав: «Ну, что ж, давай попробуем пожить вместе».

Мы ещё немного повстречались, в кино ходили, в гости к друзьям, а через две недели уже жили вместе. Я тогда самым счастливым был, по-моему, и она была счастлива. Время было тяжёлое, перестроечное, жили всяко: и нужду переживали, и достаток был, и мирились, и ссорились. Меня с работы сократили, пришлось идти работать в такси на своей машине,

и это стало началом конца. Братия таксистская солидарная – не предадут, не выдадут. Стали вечеринки устраивать, на природу выезжать. А без женщин какие компании? Словом, попал и я! Встречался тайно, пока моя Галя не догадалась, у них, у баб, на это особое чутьё. Начались скандалы, и после одного из них я собрался и ушел из семьи.

Иван Петрович замолчал. Он сидел, задумавшись, глядя в окно, за которым мелькали одна за другой великолепные картины осени. Но не ими он любовался, а был погружён в воспоминания. Виктор, мельком взглядывая на пассажира, заметил, что на глазах у него были слёзы. Видимо, Иван заново переживал моменты своего ухода от женщины, которая помогла ему в трудное время, вырастила детей и стала брошенной.

И, как будто в свое оправдание, он продолжил: «Самое страшное, что я даже не испытывал ни угрызений совести, ни тоски, ничего. Был ослеплен новизной отношений, где всё было по первому требованию. Детей к тому моменту мы с Галей уже определили; все были семейные и жили отдельно. Самое время для себя пожить, а со мной что-то твориться стало. Не могу дома находиться и всё тут! Так худо было, аж в горле горело, какой-то неведомой силой тянуло к моей новой подруге. Она тоже одиночка была. Красивая, ухоженная, молодая и такая манящая! Время летело, прожил я с ней около пяти лет. Но жизнь шла какая-то шаблонная, пресная. Друзей не стало. Дом, работа, кухня, диван, телевизор, кровать, смартфон, сон. Короче, то ли чары спадать с меня начали, то ли что? Только понял я, что без Гали жизнь моя остановилась.

И, как наваждение, стал о ней вспоминать. Думал, пройдёт, а оно всё чаще и сильнее стало. Какая она старательная была, хозяйка отличная, дом у неё всегда был, как яичко пасхальное. Везде успевала: и в огороде, и со скотиной, и дом строили – помогала, и работала – как могла. Везде мы с ней вместе были: и в горы ездили, на рыбалку, по лесам – по грибы-ягоды. А, самое главное, стал сильно по ласкам её ску-

чать. Состояние было такое, будто спал и проснулся, а её нет. До того дошло, что утром просыпаюсь, думаю, глаза открою, а рядом Галя, у меня на плече. Вот и не выдержал, решился. Приеду, увижу, поговорим, поди не всё в ней умерло за прожитые пятнадцать лет.

— Как ты думаешь, сынок, простит она меня? — Иван Петрович глубоко вздохнул, открыл новую пачку сигарет и закурил. Но Виктор не ответил на вопрос попутчика. Он был очень серьёзен и не отводил глаз от дороги.

«Да, — думал юноша, — как всё сложно бывает. Вот и раскинешь о женитьбе да детях. Знать бы как судьба сыграет. Но судьба судьбой, а от самого человека тоже много зависит. Надо чётко знать, чего ты хочешь, да в небо желания и забрасывать. Ведь работает же! А, если целей нет, то и крутит человека жизнь, как щепку в Катунь, к какому берегу прибьёт, от какого оторвёт».

— Ты меня, наверное, тоже осуждаешь, — прервал его размышления Иван Петрович.

— История твоя, отец, очень грустная. У каждого своя жизнь и своя правда. Какое я имею право судить? Ты — сам себе судья. Если твоя Галя простит, значит так вам суждено было. Только прощения просить тебе придётся у двух женщин, и одна из них тебя простить не захочет. А которая из них, это ты и сам знаешь.

Владимир Удьяев

Владимир Александрович Удьяев родился 14.08.1946 г. в посёлке Троицк, Троицкого района, Алтайского края. В 1971 году окончил Бийский педагогический институт. 26 лет преподавал в школе русский язык и литературу. Стихами увлёкся со школьной скамьи. Пленённый волшебной поэзией А.С.Пушкина, стихи начал пробовать писать с 12 лет.

Печатался в газетах: «Голос хлебороба», «Алтайская правда», «Листок», «Правда Горного Алтая».

В 2011г. опубликовал небольшую книжку «Колокола России», один из авторов сборника «Дороги солнечная нить».

Живёт в с. Кызыл-Озёк. Давно уже на пенсии, но продолжает писать стихи, преимущественно на философские и жизненные темы. Но не забывает и о природе.

Бег времени

*В мире всё скоротечно –
Вечно Время одно.
Жизнь продлить бесконечно
Никому не дано.*

*Никому не подвластен
Сокрушительный Времени бег,
И в его полной власти –
На Земле человек.*

*А так хочется, братцы,
Этот бег хоть на миг придержать,
Чтоб его попытаться
Удилами взнуздать.*

*Попытаться стреножить,
Как Конька — горбунка.
А не сможем, так что же –
Не беда. А пока...*

*Над старушкой планетой,
Опоясанной лентами рек,
Время мчится ракетой,
Не сбавляя свой бег.*

*И не сбавит, хоть тресни...
Только нам ли об этом жалеть.
Нам бы жизнь, словно песню,
В полный голос пропеть.*

*Чтобы песню услышав,
Звёзды дрожью зашлись,
Чтобы снова под крышей
Чья-то вспыхнула жизнь.*

Бесы
(в сокращении)

Я передачи
с очками и без
Смотрел на канале
четыре.
Бога изгнав,
поселился Бес
В каждой
российской квартире.
Влез в телящик
и стал верещать,
У бизнеса встав
на довольствие:
«Учитесь от жизни
кайф получать,
Срывая цветы удовольствия.

Плюньте на тех,
кто долдонит про грех,
К чёрту – мораль
и условности!
Если вам нужен в жизни успех,
То позабудьте о скромности».
Бес дует в уши,
в глаза порошит
Изо дня в день –
круглосуточно
Души скупает.
А как – без души?
Жить без неё
– нешуточно.
И вот уже,
не стесняясь ничуть,
Две волооких мордашки
При свете рамп
обнажают грудь,

Пупки,
желобки
и ляжки.

Девуц на экране
сменяет кино,
Чудо живой фотографии.
Постельная сцена...
Помилуйте! Но
Это же – порнография!
От Беса получишь весомый ответ:
«Какая порнуха?
Экзотика!
Коль полового контакта нет,
То это –
всего лишь зротика».
Воздух напрягся
от сладостных стонов,
Пот – ручьями
с тел воспаленных;
Пара елозит и так,
и эдак...
(Чем не пособие для малолеток?)
Недавно я видел
(и это не бред!)
С горбом живота
семиклассницу;
Девчушке
всего-то 14 лет,
А катится,
как каракатица.
Девчонке бы впору
в куклы играть
В её подростковом-то возрасте,
А вот – поди ж ты! –
придётся рожать
Уже на полной серьёзности.
Не удивляйтесь,

слыша подчас
Новость,
что бритвой – по сердцу:
В мусорных баках
находят у нас
Новорожденных младенцев.

Не унимается
в ящике Бес
И продолжает свой
телеликбез.
В каждом кино –
водка, вино,
Пенится пиво игриво;
Пьют в одиночку –
бывает... Но
Чаще пьют коллективом.
Те вдохновенно
смакуют коньяк,
Водкой давятся эти,
Кто-то от пива
в буфете размяк,
Кто-то – в своём кабинете.
Бес верещит,
предлагая на вкус
Пиво сортов всевозможных,
Тут и безусый
«мотает на ус»:
Раз предлагают,
то – можно.
Слыша такое «коммюнике»,
Стоит парнишонка сопливый,
В зубах – сигарета,
а в правой руке –
Баночка с пенистым пивом.
Сделав затяжку,
он цедит в рот
Пойло хмельное из банки,

А через годик
и водки хлебнёт
В подвале на детской пьянке.
А там, где – подвал,
всегда криминал:
Спиртным
мозжечок расшатан,
И вырезает
детский скандал
С взрослым
трёхслойным матом.
Дальнейший сценарий
довольно прост,
От слов
переходят к делу:
Кто-то кому-то
заехал в нос
И понеслось,
завертелось...
И в результате:
с разбитыми лицами
Подростки катят
в участок полиции.

А вот вам, к примеру,
сценарий другой:
Порожные банки –
под ноги,
Хмельные подростки
шумной гурьбой
В город выходят
«на подвиги».
Гадят в подъездах,
крадут кошельки,
Бьют магазинов витрины,
Грабят прохожих,
вскрывают замки
И угоняют машины.

И вновь на позиции
для укорота
Едет полиции
сводная рота...

У Беса, разумеется,
для этих ребят
В запасе имеется
и третий вариант.
Бес призывает
не мелочиться
И предлагает
радость из шприца.
Подростки ширнулись
и – ошалели,
Все кайфанули,
а двое сомлели.
И вот уж к подвалу
торопится СКОРАЯ,
Громко сиренит:
«Да скоро я! Скоро я!»
Мчится, лавируя.
Стоп – остановка.
Врач констатирует:
Пере-доза-ровка.

Бес – вездесущ.
И крестись – не крестись,
Всюду торчит его рыло.
Если в душе
завелась корысть,
Влезет туда без мыла.
Вот и во власть
вместе с бизнесом влез
В белом «медвежьем» костюме,
Обосновался
в Правительстве Бес
и в Государственной Думе.

Бес норовит
из нормальных людей
Сделать безмозглых баранов.
Вот почему,
плодя «верблюдей»,
Бесы не сходят с экранов.
На ухо шепчут,
с трибуны трубят
Про либеральное право,
В души подростков
вливают яд
И подсыпают отраву.

Беса дверной
не удержит затвор –
Лезет в окно беспардонно
И предлагает
клубничный набор
Злачного сада
дурДома.
Вот на экране
столичный бомонд
Устроил
дьявольский шабаш:
То юбиляр
«выходит в народ»,
То примадонна – замуж.
Брызги шампанского,
шутки и смех –
От пошлости ухо вянет!
Новой «звезды»
отмечая успех,
Званных гостей
петросянят.

А мне – не до смеха,
когда страну
Бесы
всё больше корёжат:
«Курск» с экипажем
пошёл ко дну,
Люди погибли...
И – что же?
Вот катастрофа
на Шушенской ГЭС,
А комментарий невнятный.
Предполагаю,
что Рыжий Бес
За это ответит вряд ли.
Над нами нависла
жуткая тень
Клуба «Хромая лошадь»,
И непременно
завтрашний день
Списки погибших умножит.

Могла быть в России
светлее картина,
Если б во власти –
не БЕСОВЩИНА.

Выпускникам

*Нам жизнью отмерена мера –
Увы, незначительный срок,
А выбрать свой путь нужно верный
Среди многих сотен дорог.*

*Дороги, дороги, дороги...
Какая твоя? – Угадай.
Пусть сердце изноет в тревоге,
Покоя ему не желай.*

*Покой растлевает нам души,
Покой иссушает мозги;
В пророчествах «вещих» кукушек
И ныне не видно ни зги.*

*Кукушка тебе напроорочит,
Давай, только уши развесь...
В покое – и жизнь-то короче:
В нём что-то мертвящее есть.*

*Недаром округлое слово
С покойником в близком родстве:
В них – корень один. А основа
Всему, что живёт на земле,*

*Работа, заботы, тревоги,
Которых всегда – через край.
Дороги, дороги, дороги...
Какая твоя? – Выбирай.*

Жизнь прожить – не поле перейти

*Да, жизнь прожить – не поле перейти.
Нам спорить с этой мудростью не надо:
Встречаются на жизненном пути
Довольно неожиданно преграды.*

*То кочки зависти, а то потоки лжи,
То рвы корысти, ханжества, цинизма,
Завалы глупостей, гордыни этажи,
Капканы алчности и горы эгоизма.*

*И нужно все препоны одолеть,
Хотя расчистить путь совсем непросто:
Для этого придётся попотеть,
Содрав с души налипшую коросту.*

*Пройти свой путь до финишной черты –
Ещё не значит – породниться с веком.
Куда нужнее навести мосты
От одного к другому человеку.*

*При этом мало – дров не наломать,
Не закружиться в круговерти буден;
Куда сложнее жар души отдать,
Не требуя вознагражденья, людям.*

*И не заслуга – вверившись судьбе,
Пройти по жизни как-нибудь стороной;
Куда важней – оставить о себе
Хотя бы память скромную потомкам.*

2018 г.

Людмила Алтунина

Алтунина Людмила Дмитриевна (урожд. Егуекова), родилась в с. Кош-Агач. Детство и юность прошли в с. Майма, где и окончила Майминскую среднюю общеобразовательную школу № 1. Затем — факультет журналистики Казанского государственного университета. Около сорока лет — в журналистике: в печатных СМИ, на радио. Много лет проработала в Тульском государственном университете; 18 лет была редактором многотиражной газеты этого вуза. Ею написано более трёх тысяч статей для различных газет и журналов, в том числе всероссийских и международных, а также для электронных версий.

Автор и соавтор более десятка книг, изданных в Туле и Москве, в т. ч. об учёных ТулГУ, о Великой Отечественной войне: историко-биографический очерк «Солдат войны полковник Кутепов»; «Доброволец Иван Орлов. Дневник боевых дней: 1941 – 1945. С комментариями, приложениями, допол-

нениями»; о репрессиях 1937 года, — документальная повесть «Очень жду у окошечка...». Патриотическая, военная тематика, тема малой родины занимают особое место в её творчестве.

Активный участник литературно-творческих проектов: «Новые имена России. Тульский регион»; соавтор избранного в трёх книгах «Гриф и Странник» и избранного в двух книгах «Мать-и-Мачеха», вышедших в ЗАО «Гриф и К» (Тула) в 2005–2012 гг. Участник международного проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией очерков в двухтомниках «Мы помним...». Патриотическая, гражданская, православная тематика, тема малой родины проходят красной нитью и в её сборниках стихов: «Отблески», «Исповедь моей души», «Колокола над Россией. Стихи о Родине, большой и малой», написанной в соавторстве с мужем В. Алтуниным. Книга «Здесь живут чудеса. Рассказы и стихи для внуков и всех детей» представлялась на Всероссийской книжной выставке в Москве. Книги, включающие рассказы автора о земляках, представлены также на её малой родине, в музеях Камня (с. Майма) и В.М. Шукшина (с. Сростки). Работает над новыми книгами.

Печаталась в тульских, центральных, зарубежных и др. альманахах и журналах, в изданиях на своей малой родине; в сборниках международных конференций и др. Её творчество представлено и в Интернете, в т.ч. в электронном журнале «Живое слово» известного поборника русского языка Василия Ирзабекова.

Член Союза журналистов РФ и Академии российской литературы, Тульских православных литобъединений «Ковчег» и «Родник». Член редколлегии и зав. отделом литературно-музыкального альманаха «Ковчег» (г. Тула). Ветеран труда.

Замужем. Муж, В. Алтунин, — тоже выпускник Казанского государственного университета, поэт, прозаик, журналист, член Союза журналистов РФ и Союза писателей России.

Мать троих детей, бабушка восьмерых внуков.

Живёт в Туле.

СЛУЧАЙНЫЕ НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Прекрасна, гостеприимна, богата, щедра и необычна кубанская земля не только своими морем, солнцем, плодородием, изобилием всего, урожаями, но и человеческими характерами и судьбами, как, впрочем, и повсюду в мире, и в России – тоже, но некоторые мои случайные неслучайные встречи именно на этой земле побудили меня даже на отдыхе сесть за компьютер и писать о ничем не замечательных, на первый взгляд, людях и всё-таки замечательных. Чем? А прочтёте и сами поймёте – чем.

* * *

«Всё – в Божьих руках. И чем глубже ты смотришь, тем лучше и яснее понимаешь это. Горести и печали посылаются нам не зря – они призваны освободить нас от наших грехов и испытать нашу веру в качестве примера окружающим...»

*Святая великомученица Александра Феодоровна Романова,
последняя российская императрица.*

*«Каждый человек, появляющийся в нашей жизни, — учитель.
Кто-то учит нас быть сильнее, кто-то — мудрее, кто-то
учит прощать, кто-то быть счастливым и радоваться
каждому дню.*

*Кто-то вовсе нас не учит — попросту ломает нас, но и
от этого мы получаем опыт.*

*Цени каждого человека, даже если он появился на мгновение.
Ведь, если он появился, то это уже неспроста!»
Китайская мудрость.*

Мы всей гурьбой, — семьи сына и младшей дочери с детьми, — отдыхали в пригородной курортной зоне близ Анапы — Джемете и поехали прогуляться по Набережной. Набережная здесь знаменитая: тянется по высокому отвесному берегу далеко вдоль Чёрного моря, — до маяка, возле которого расположилось уютное кафе с символичным

названием — «У маяка». Слева и справа от Набережной бетонные ступеньки спиралью сбегают вниз, к каменистогалечному пляжу, где купаются и загорают отдыхающие. И почти вдоль всей набережной тянется старинное кладбище, отгороженное металлическими стендами, прикреплёнными к железной ограде, видно, для того, чтобы не портить общее впечатление вальяжно, беззаботно — будто вечные на этой земле — прогуливающихся, не напоминать о скоротечности нашей земной жизни.

Лично меня вид этого отгороженного старинного кладбища, заглянув меж прикреплённых стендов которого, увидела даты рождения покоящихся тут с позапрошлого века, навёл на философские размышления о бренности человеческого бытия в этом мире.

Многие надгробия украшает морская символика, значит, здесь нашли свой последний приют когда-то отважные моряки, от матросов до капитанов. Они, как и при их жизни, взирали, — кто бодро, кто задумчиво, кто с грустью, — со своих фотографий на надгробиях на своё любимое море, которое теперь спрятали от них. «Но покоящиеся здесь, от которых всего-то остался на земле вот этот каменистый клочок земли с полуразрушенными от времени могилами и надгробиями, не менее, а, может, даже более живые, чем мы, праздно прогуливающиеся вдоль этих плит и даже не замечающие их. Мы люди здесь временные, чужие, — подумалось мне. — Мы — всего лишь пришлый разношёрстный народец, собравшийся на короткое время погреть косточки у моря, позагорать, а они, жившие и трудившиеся в этих местах, — вечные тут, на этом кладбище. Они — хозяева здесь, даже покинув этот мир. Для нас море — короткое, приятное развлечение, отдых, а для них оно — вся жизнь и даже там, в загробном царстве, они с ним, наверное, неразлучны. И, может, их души порхают над морской пучиной, взирая на нас и сожалея о нас, глупых, многого не ведающих, — иначе мы были бы другими, — из того, что теперь открылось и ведомо им, уже нездешним».

И это мудро, что во многих морских городах кладбища располагаются именно на берегу моря: у моря родились, жили, у моря обрели и свой последний приют. И к этому надо относиться с большим пониманием и уважением. Для поморцев море – это не праздное развлечение, не отдых, это – тяжкий ежедневный труд. Оно – их кормилец, и вся их жизнь накрепко связана с ним. Весьма символично улица, ведущая на анапинскую Набережную, упирающаяся в береговую линию, называется «Трудящихся». Вот с такими непраздными раздумьями неспешно шла я по Набережной в пёстром потоке отдыхающих.

...И ещё издали заметила на Набережной инвалидную коляску, а в ней — мужчину, коротко подстриженного, ещё не старого, приятной наружности, с крепкой мускулатурой, в чёрных, без пальцев кожаных перчатках (чтобы удобнее катить колеса своей коляски). Именно это несоответствие: нестарый, крепкий на вид человек — в инвалидной коляске, и привлекло моё внимание. Он сидел у самого края каменного парапета, опоясывающего Набережную, и пристально взирал в морскую даль. Трое моих внучек кинулись вперёд и, облепив установленный здесь громадный бинокль, стали вращать его в разные стороны.

Я резко одёрнула их и, подойдя ближе, стала отводить одну за другой от бинокля с назидательными словами, недовольным тоном:

— Что вы, как оголтелые, накинулись?! Если все, тут прогуливающиеся, будут так делать, от бинокля в один день ничего не останется!

Мужчина в коляске повернул голову в нашу сторону, поскольку бинокль этот находился рядом с ним, и с улыбкой, добродушно сказал:

— Вы, похоже, — теща.

Тоже улыбнувшись, ответила:

— Нет. В данный момент – в трёх иных лицах: бабушка, мама и свекровь вон той милой молоденькой женщины с коляской, — кивнула я в сторону моих домочадцев, стоявших

поодаль, на Набережной, — но вообще-то, вы угадали: я ещё и дважды — тёща, и, думаю, не самая суровая, правда, здесь нет двоих моих зятьёв. Отдыхать их пока работа не отпускает.

— О-о! Мама — бабушка — свекровь, дети и внуки — всей большой семьёй: ну вы и молодцы! — оживлённо воскликнул мужчина. — Дайте, я хоть как следует посмотрю на ваше дружное семейство, на ваших детей.

— Молодцы! Какие молодцы! Ну, просто молодцы! — ещё раз с искренним восторгом повторил мужчина, обращаясь, прежде всего к моим детям, — вот так, вместе, всегда, везде держитесь — и не пропадёте даже в самой трудной ситуации! Это я вам точно говорю — испытано! Я всем вам желаю счастья!

— Спасибо! — дружно ответили мы. — И вам — удачи и счастья!

И уже хотели было идти дальше, но мужчина, обратившись ко мне, проникновенно спросил:

— Есть у вас минут пять времени? Я хотел бы свой пример привести, как я чуть не пропал один. Бог и мои дети спасли меня...

После таких слов, конечно же, я согласно кивнула головой, и мои дети подтянулись к нам, приготовившись слушать рассказ незнакомца.

— А дело было так, — начал он свой рассказ, — можно сказать, — вообще полный крах мне пришёл. Я был как разумный овощ: лежал пластом, только руки работали, и голова двигалась. У меня было три сильных травмы позвоночника. Последняя, самая серьёзная, под Новороссийском в автомобильной аварии была получена. Оклемался после неё немного, и тут долбануло меня — полностью парализовало: ног не чувую, тела своего не чувую, мне даже операцию без наркоза делали — всё равно ж ничего не чувую. Вот и лежу я одинёшенек, как гнилая дыня на грядке. Жена моя законная тут же сбегала от меня, а жили ведь с ней до моей болезни неплохо, дружно. Простите за неприятную откровенность, но говорю,

как было: я – весь, по уши, лежу в собственном дерьме; убирать за мной некому, сам себя обслужить не в состоянии. К детям не обращаюсь, думаю, нет у них времени возиться со мной, да и кому захочется убирать из-под меня – никому, буду поддыхать, решил, в дерьме – один конец. Но дети мои сами стали ко мне приходить, убирать, мыть меня, кормить. Но у них ведь своя жизнь, работа – заняты все. Внучка у меня – вот этой, вашей, ровесница, – и указал на семилетнюю Мелану, – такая же шустрая; придёт с ними, крутится возле меня, а мне и радостней, и силы, вроде, прибавляются. Обижают меня и уйдут. Остаюсь один, лежу обездвиженный, в потолок гляжу; особенно ночи тяжелы: тянутся, конца-края нет. Тут как-то пришёл друг меня попроведать. Я ему говорю:

— Сгоняй, Саш, купи бутылку водки, деньги вон там возьми.

Принёс он бутылку. Мы её тут же и уговорили. Послал его за второй и за третьей. В общем, напились мы с ним в стельку. Не помню, как он ушёл, что было со мной. Только проснулся я утром на полу, колени мои содраны в кровь, журнальный столик разломан в щепки, всё кругом разбросано, кое-что порвано в тряпки, книжки – в клочки. Видно, дал я спьяну волю своим эмоциям. Ярость, видать, меня захлестнула от собственной беспомощности и бессилия – вот и куролесил и крушил всё, что под руку попало, до чего дотянуться смог, а как и что – не помню. Как влезть на кровать – не знаю. Да ну её, думаю, на полу буду валяться. Валяюсь я так весь день и ночь, и другой день на голом полу, голодный, конечно, без питья. Во рту всё пересохло, ещё и с перепоя, губы даже до крови потрескались. И вдруг, вы не поверите, чувствую, что пальцы на одной ноге шевелятся. Замер от неожиданности, но нет, чувствую, шевелятся! А следом, ощущаю, то же самое и с другой ногой. Постепенно так и в ногах чувствительность появляться стала. Видать, от ярости, от движений моих сумасбродных расклинилось во мне что-то, зацепил я какие-то нервы, оживил их. Я поначалу поверить в это не мог, но

потом вижу же, что по собственному желанию могу шевелить пальцами ног. Я даже заплакал, хоть в жизни никогда ни единой слезинки не проронил. Вот так, потихонечку, стал я приходить в себя и даже на коляску, как видите, пересел. Каждый вечер приезжаю сюда смотреть на море — не могу без него. И я рад, что снова вижу его.

Я представила ту буйную ночь и беспросветные дни и ночи совершенно беспомощного, оставленного в одиночестве наедине со своим страшным недугом далеко не старого мужчины, ещё совсем недавно пребывавшего в полной своей силе, валяющимся на голом полу, не в состоянии приподнять даже часть своего тела, чтобы напиться или взять кусок хлеба, и сердце моё сжалось от жалости к нему и сострадания.

— Раньше я никогда спиртным особо не увлекался; так, когда праздновали что-то, да когда возвращение из плавания бурно отмечали. Собирались семьями всех вернувшихся с путины рыбаков, — продолжил свой исповедальный рассказ мужчина. Море, скажу я вам, пьющих не терпит. А тут, вы не поверите, стало меня тянуть выпить — только о том и думаю кого бы послать бутылку купить? Детей своих об этом не прошу, знаю, — не согласятся, потому что моему же здоровью во вред. Знакомые и так называемые друзья все как сквозь землю провалились — не заходят, да и кому я нужен в таком положении, какая от меня польза?! Только друг Сашка изредка навещает. Вот его и прошу купить мне её, и не одну, а про запас. А запас этот, поверьте, за день-другой опорожнивал, а, думал, на неделю хватит. Напьюсь, закемарю и валяюсь, как трухлявый пенёк; всё, вроде как легче в полудрёме, в забытье: ни о чём не думаю, не сожалею, ничего не вспоминаю, ничего не помню.

Раз после очередного усугубления крепко так погрузился в небытие. Под утро — уже светало, лето было — пробудился от голоса, но не пойму, откуда мне кто-то строго и чётко так говорит: «Что же такое ты делаешь с собой?! Остановись! Ты же — крещённый». Представляете, явственно так прозвучали

эти слова, аж мурашки по коже; не пойму: не то совесть моя заговорила во мне самом, не то свыше откуда-то раздался голос этот, но ведь совесть, сами понимаете, тоже оттуда даётся человеку, — мужчина кивнул головой, указывая глазами на небо.

— Вот тут я и вспомнил, что и в самом деле крещенный. В советское время, сами знаете, это преследовалось властями, но я с бабушкой, когда мне лет шесть было, катался на теплоходе по Волге; пару дней стояли в Казани, а там большой православный храм действовал. Тайком ото всех меня бабушка и отвела окрестить. До сих пор всё хорошо помню. Поначалу даже родителям не велела рассказывать. Крестик мой на шелковом шнурке у себя в шкатулке хранила. Когда я бывал у неё, брал его и подолгу рассматривал Христа и всё удивлялся, за что ж его так истязали жестоко, если он людям только добро нёс? Помню, у бабушки про это спрашивал, она отвечала:

— За всех нас, за людей, пострадал Он. Своей кровью наши, людские, грехи искупил. Мне, мальчишке, тогда это не совсем понятно было, а вот, когда взрослого припекло и голос услышал, всерьёз задумался об этом. И вот к чему пришёл: «Если, — думаю, — невинный Христос так за нас страдал, так почему и мне, простому смертному человеку, не пострадать за самого себя, за свои грехи и, пройдя через эти страдания, не подняться?! Ведь учит же меня чему-то Бог, коль такое испытание мне послал! Попросил детей, чтобы они мне Евангелие Святое, иконки Христа и Богородицы, молитвослов, ещё какие-нибудь святые книжки в церкви купили. Стал я Евангелие и всё другое, связанное со святыми, очень внимательно читать и серьёзно размышлять над всем прочитанным. И, какое же прояснение на меня сошло, сам себя и свою болезнь иначе понимать стал: страдаю, чтобы грехи тем самым искупить, покаяться и лучше стать. Молиться и креститься начал, молитвы нашептывать; сначала по молитвослову, а потом выучил и «Отче наш», и «Символ веры», и Богородичную молитву, каждое утро начинаю

с них, и в церкви бываю; хорошо, что она не очень далеко от меня — на коляске докатиться можно. И, верите ли, мне уже не кажется, что я — кругом один; чувствую: будто Бог-то рядом! И во всякий момент могу к нему обратиться и разговаривать с Ним; и во всяком сомнении, в тоске ли, когда она за горло берёт, к нему прибегаю. Раньше-то я сам с усами был — куда там! О Боге и не вспоминал. Всё только на себя, на свой умишко, да на свою силу надеялся. А я, и вправду, сильный был, со спортом с детства дружил; никакой усталости, никаких болезней не знал, но, как видите, и меня скрутило в бараний рог. То-то и оно! Все под Богом ходим, да, пока гром не грянет, не перекрестимся, как говорится, даже и не думаем об этом, а надо бы... Вот и они теперь — всегда со мной: учат своим примером терпению, смирению и как трудности преодолевать...

При этих словах мужчина, похлопав по боковому карману своей коляски, достал из него книжечку «Житие Преподобного Серафима Саровского».

— Беседуя с Богом, читаю про святых, — продолжил он, — и, вправду, легче мне стало: вроде как просветлело внутри; как свет какой в конце тоннеля появился, и главное, вы не поверите, укрепились вера, что встану я на ноги. И Господь, и Святые вон какое преодолевали! Верю, и я смогу сам себя одолеть и поднять на ноги. Бог мне в том поможет. Бог и мои дети — с этим и живу.

И вы все держитесь, друг за друга и Бога не забывайте, иначе пропадёте, — добавил он, обращаясь к нам с доброй, ласковой улыбкой.

Ещё до его рассказа о себе отметила я, что, несмотря на тяжёлый недуг, его лицо так и светится добротой: она — и в улыбке, и в словах, и во взгляде небесно-голубых глаз. Он открыт и очень добросердечно, доверчиво даже, с нескрываемой любовью тянется к людям; чувствуется, что не утратил неподдельный интерес к ним и к жизни, и при этом несуетно спокоен, шутливо — иронично, но доброжелательно настроен — без колких шуток.

— Сам на себя удивляюсь, — продолжил он свою крайне неболевшую, видно, исповедь, — как я, крещённый, всю жизнь мало задумывался о Боге, даже когда в океане в разных переделках бывал; ну, случалось, скажешь в такой момент: «Помоги, Господи!» Или: «Господи, помилуй!» — все так говорят. И мои товарищи — рыбаки так говорили, только веры в слова-то эти мы мало вкладывали, а то и вообще ничего не вкладывали, произносили по привычке что ли. И я такой же был, когда всё хорошо, про Бога и не вспоминаем. Но Господь образумил меня, послав мне такое испытание, но я осилю его. Раз испытывает, значит, не потерял я ещё для Него. Даёт Он мне шанс всё преодолеть и подняться, ведь зачем-то же Он послал меня на землю, не зазря же, — так я это понимаю.

Правда, честно признаюсь, попиваю понемногу, как бы для расслабления мышечного напряжения, не отпускающего меня, но до безобразия уже не позволяю себе опускаться. Выпью чуток и — к морю. Часами могу глядеть на него; мыслями я — там, — и кивнул в сторону морских просторов.

Желая несколько переменить тяжёлый и для него, вижу, разговор, спросила, раз уж он упомянул про океан:

— А ваша профессия была, похоже, связана с морем?

Мужчина усмехнулся:

— Не просто связана. Я жил морем и живу им! Много лет ходил в Тихом океане на больших рыбодобывающих судах. Рыбу сдавали на громадную рыбоперерабатывающую плавбазу. Жил на Сахалине. Потом сюда вот переехал с семьёй. Жена меня перетянула. Отдыхала тут на курортах раза по два в год, понравилось ей здесь, вот и давай на меня насеждать: уедем, мол, да уедем в тёплые края; надоело в холоде на краю света жить. И там, мол, море есть — Чёрное, тёплое. Я не сразу согласился уехать. Мне нравится Дальний Восток. Я бы и до сих пор там жил, да и с ребятами жалко было расставаться; не один год вместе Тихий океан и тамошние моря бороздили, всякое вместе пережили, сдружились, как братья родные стали, но поддался уговорам жены — уехали. Хотел,

чтоб ей как лучше было, любил ведь её. Купили здесь квартиры хорошие: и себе, и детям помогли – всё путём, но тут-то и случилась эта бяка со мной, когда мне было сорок семь лет. Сейчас мне пятьдесят два. И я стал попивать, о чём уже говорил, правда, понемногу; и сегодня, вы, наверно, заметили, я слегка выпивши, но я не сложил руки и не потерял рассудок. Я борюсь и верю, что встану на ноги, и не просто пройду, а побегу, как прежде, по этой набережной... (пауза).

— Жену я простил, полностью простил, несмотря на её предательство — иначе это назвать не могу. Не поверите, ни капли зла на неё не держу. Пусть живёт с другим и будет счастлива. Я всех простил: ни на кого не имею ни зла, ни обиды и ни от кого, кроме Бога, не жду помощи. Сам, с Божьей помощью, как-нибудь выкарабкаюсь. Только бы Он услышал мои молитвы, моё покаяние за все мои грехи, за самонадеянность мою! Мне помогают мои дети – это много значит. О, это такая моральная поддержка! Не только физическая, и ради одного этого я должен встать на ноги. Мы с вами ещё встретимся на этой Набережной, но я уже буду на своих ногах ходить. Можете в это поверить?

— Могу! И верю! Многие, приговорённые врачами к инвалидности, вопреки всему, вставали, но для этого надо приложить много моральных и физических сил, и со спиртным распрощаться навсегда – иначе не получится.

— Да, вы правы. Согласен! Именно так! Знаю это. И не понаслышке – всё испытано на собственной шкуре. Тяжёл этот путь. Ох, как тяжёл! Легче опустить руки, сдаться беде и скатиться на дно, но я карабкаюсь. И выкарабкаюсь! У меня хватит и тех, и других сил! И от спиртного отойду. А вам спасибо за веру! Она мне поможет, — с энтузиазмом сказал мужчина и, как-то вдруг обмякнув, затих, устремив в морскую даль спокойный взгляд.

— Я вас непременно узнаю и сама подойду к вам, и скажу, как вы сегодня нам: «Какой вы – молодец! Вы всё преодолели и вот — снова на ногах!» — прервала я затянувшееся молчание бодро, скрывая пронизывающую сердце боль от

сострадания к незнакомцу. — А как вас зовут?

— Вы не поверите, — такого имени, наверно, и не слышали среди моих ровесников, — Ларион.

— Прекрасное и действительно ныне редкое имя — Илларион!

— По паспорту — Илларион, но все всегда звали и зовут просто — Ларион. Мама в детстве звала ласково — «Ларик»; жена в шутку называла «Ларчик» — ну вроде, как с намёком: «ларь» — «ларчик» — «сундучок с деньгами», — хохотнул мужчина. — Я ей большие деньги приносил, особенно с удачной путины и отчёта не требовал, куда и как она их расходует. Жила припеваючи — королевой, ни в чём себе не отказывала, пока здоровый был. — Ларион помолчал, вглядываясь в море. Потом повернул голову в мою сторону, дружелюбно и просто спросил:

— А вас-то как зовут?

— Людмила.

— Люд-ми-ла, — протянул он по слогам, — людям мила. А вы, и вправду, милая людям женщина — неравнодушная.

— Спасибо за комплимент, — улыбнулась я.

— Да бросьте вы эти светские штучки! — с лёгкой досадой ответил Ларион. — Я комплименты не раздаю: не люблю этого. Сказал, как вижу и чувствую вас: без всякого, без намёков на что-либо, просто по-человечески. Должны же люди, если они — люди, по-человечески контактировать как-то, даже, если я — мужчина, а вы — женщина, и мы — не знакомы. Мы-то с вами — взрослые люди, ещё прошлой закваски, понимаем, о чём речь и что к чему. Человеческого мало сейчас: избыток равнодушия и себялюбия. И всем подавай комфорт, всяческие блага и денег побольше; барахла всякого полно, но нищает духом народ — вот в чём беда. Свои-то друг другом не нуждаются, особенно, если ты упал, и тебе нужна помощь, чтобы подняться, что уж говорить про чужих.

И снова замолчал, с лёгким прищуром глядя в морскую даль, как бы сосредоточенно размышляя о чём-то, важном для него. Потом, подавшись к нам всем корпусом, наклонив-

шись на коляске, с каким-то особо добродушным выражением на лице, будто мы были близкие ему люди, доверительно, снизив тон, проговорил:

— Я вам сейчас, хорошие вы мои, скажу то, чего никому не говорил, даже детям своим... Знаете, что меня спасает?! Что держит на плаву и не даёт упасть на дно?... Вера моя! Ведь как Господь говорит: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам...» Когда прочитал это в Евангелие, истинно поверил Его словам, как прямо лично мне сказанным. Вот и стучусь, и каюсь, и прошу, чтобы Он не откинул меня, не отвернулся от такого недостойного. И Он, верите ли?! слышит меня и поддерживает. Вы не подумайте, я не тронулся умом, я в полном здравом рассудке, но иной раз, откровенно скажу вам, будто чувствую присутствие Святого Духа. И это укрепляет меня, и потому я не соскользнул на дно. Это – так, подлинно вам говорю. И на ноги встать, верю, поможет (пауза). И вы веруйте, не забывайте Бога, даже если у вас всё хорошо. Без веры пропадёшь, это – так! Проверено!

После этих слов Ларион откинулся на спинку коляски, поглядев на нас как-то особенно ласково. Мне показалось, что лицо его стало каким-то просветлённо-отрешённым, словно он выдохнул из себя самое сокровенное, бережно хранимое и оберегаемое, передав это открытие в самом себе другим и указав им верный путь. И от того, что обрётённая им через страдания некая тайна как бы стала доступна и другим, и ему самому стало лучше. Ждал, как мы воспримем то сокровенное, о чём он поведал нам. Мы согласно, понимающе закивали головами, давая понять, что восприняли сказанное им, как должно. Ларион улыбнулся мягко и как-то извинительно: простите, мол, за откровенность, с которой навязываюсь, но я вам доверяю...

Я хотела сфотографировать Лариона именно в этот момент его просветлённости, но он, сделав протестующий жест руками, твёрдо сказал:

— Не надо! Ни в коем случае. Не сейчас! Вот буду на сво-

их ногах, тогда – пожалуйста...

И добавил, помолчав:

— А я сам себя одолею. Не зря ж мне такое испытание свыше дано! Встану! Встану и не просто пойду – побегу! И мы с вами ещё встретимся, и вы увидите это сами, — повернувшись ко мне лицом, убеждённо и как-то просто, как о само собой разумеющемся, сказал Ларион и, хлопнув по своим коленям руками в чёрных кожаных беспалых перчатках, с едва уловимой испытующей полуулыбкой глянул на меня глаза в глаза:

— Ну что, Людмила, встретимся на этой Набережной через год?! — спросил не то в шутку, не то всерьёз, но взгляд ясных голубых глаз, прямой и открытый, говорил, что – всерьёз.

«Человек хватается хотя бы за тонкую ниточку, за соломинку. Ему нужен хоть какой-то новый стимул, чтобы бороться с болезнью», — поняла я. И продолжала размышлять про себя: «В нашей жизни нет случайностей — всё Божественно промыслительно, так и наши случайные встречи вовсе не случайны. Может быть, именно через меня этому человеку посылается моральная поддержка, чтобы смог он встать на ноги и обрести себя, прежнего, во многом даже лучшего, после того, что он испытал, пережил и как страдает. Человек он, чувствуется по разговору, неплохой, не пропащий, с живой, страдающей душой, основательный, судя ещё и по тому, что долгое время ходил в океане на больших судах. Там случайные, гнилые душой людишки надолго не задерживаются. Море, океан любят сильных духом и крепких не только физически, но и во всех отношениях людей, слабаков и моральных уродов они выплёвывают, как шелуху. Ларион с правильными понятиями и представлениями о жизни, людях, да и нравственных ориентиров, добродушия, интереса к окружающему и юмора не утратил. У него разумная, грамотная, колоритная речь, что тоже многое может сказать о человеке. Не озлоблен, не сломлен: не ноет, не жалуется, наоборот, у него — хорошая злость на собственную

немошь, ирония по отношению к самому себе, и одна цель – подняться! Такой поднимется...»

— Придёте?! – прервав мои мысли, в упор глядя на меня, напряжённо переспросил он, видно, боясь отказа.

— Приду, вернее, приеду только ради того, чтобы увидеть, как вы ходите, и мы вместе прогуляемся по этой Набережной.

— Точно – приедете? – уже твёрдо переспросил Ларион.

— Точно! Приеду!

— Я встану! Увидите – встану! Я всё лето, каждый день, буду ждать вас, стоя на своих ногах, вот тут, на этом самом месте. И вы меня ещё увидите бегущим по этой Набережной. Зуб даю – увидите!...

17. 06. 2018

Анапа – Джемете.

ПРО ПРОГУЛКУ, ВОЛГУ, КУР И СВИДАНИЕ...

(Быль)

Кто-то из знаменитых сказал, что в жизни смешного не меньше, чем грустного. И это так. То и другое идут бок о бок, а зачастую то, что сгоряча, в первые минуты после случившегося, кажется трагическим, потом вспоминается со смехом. Да, смешного в нашей жизни не меньше, чем грустного. И каждый может привести из своей повседневности уйму смешных и курьёзных случаев. Вот так и у меня. Вспоминается немало забавного, особенно из нашего студенчества.

...Мы — первокурсники факультета журналистики Казанского государственного университета просто счастливы: поступили, преодолев, казалось бы, непреодолимый барьер – высоченный конкурс и упиваемся своей свободой, новыми средой, знакомствами, открывающимися перед нами перспективами и всеми прелестями студенческой поры. Завершалась летняя сессия. От зачётов и экзаменов уже шла кругом голова. Как-то, в самый канун последнего экзамена, вдвоём с одногруппницей решили немного передохнуть, освежиться

перед трудным экзаменом и, сев в троллейбус, поехали прогуляться по берегу Волги. На пристани увидели причалившую «Ракету». Не раздумывая долго, мы бросились к ней, глянув на бегу расписание. Ага! Даже и искупаться успеем, поскольку, согласно этому самому расписанию, последний обратный рейс судна с намеченного нами места нашей дислокации на одной из волжских пристаней значился в шесть часов вечера.

Прокатились по Волге с ветерком, накупались, налюбовались великой русской рекой и великолепными волжскими пейзажами, и к нужному времени уже были на пристани. Каково же было наше потрясение, когда мы узнали, что последняя «Ракета» уже ушла, а обозначенный в расписании на шесть вечера рейс отменён и больше в этот день на Казань ничего не будет! А где ж нам ночевать?! На берегу, в незнакомом месте, возле маленькой пристани, под открытым небом в лёгких платяцах, без питья и еды или идти в село, проситься у кого-то на ночлег? Пустит ли кто? Гостиницы здесь нет, да и денег у нас на гостиницу нет. Но самое-то страшное в том, что у нас послезавтра утром — экзамен! И надо к нему ещё серьёзно готовиться: далеко не все билеты проштудированы. Что было делать?! Опросив случайных редких прохожих на предмет того, нельзя ли как-то добраться до Казани, узнали — нельзя, и никто не мог нам помочь даже дельным советом. Все говорили: «Теперь только — до утра».

Присели мы на берегу, обречённо понутив головы, но судорожно соображая, что же всё-таки предпринять. Тут мою спутницу осенило! Она вспомнила, что недалеко отсюда есть Дом отдыха, где она не раз школьницей отдыхала с мамой, и что там заведует столовой знакомая её мамы — тётя Нина. Довольно быстро добежали до этого Дома отдыха и даже — о, счастье! — нашли там тётю Нину, которая нам, голодным, дала большой кусок отварной говядины, свежих огурцов, целую буханку ещё тёплого ароматного хлеба, термос с горячим сладким чаем и сказала, чтобы мы шли к её сыну, который нам и поможет в нашей беде. Сын, светловолосый,

добродушный парень лет восемнадцати, «крутил музыку» для отдыхающих, сидя в маленькой дощатой будке на возвышенном берегу Волги. Будочка находилась рядом с дощатой танцплощадкой под открытым небом, на которой крутилось несколько пар.

Сидя в этой будочке, с каким же наслаждением мы уплетали под лирические эстрадные песни мясо с хлебом и огурцами, запивая чаем! Прошло столько лет, а вкус тот до сих пор помню. А Коля — так звали парня, — доверив нам «заправлять музыкой» — кассетный магнитофон, — тем временем побежал договариваться на счёт моторной лодки. Как оказалось, моя спутница и Коля давно знакомы; с времён, когда она сюда приезжала отдыхать с мамой. Встретились они радостно, как и положено друзьям детства, весело вспоминали былое.

Наконец, уже часов в девять вечера, прибежал довольный Коля и сказал, что нашёл моторную лодку, на которой он самолично и доставит нас до Казани. Погода тем временем начала портиться: подул ветер, набежали тучки, стал накрапывать дождик. Из отдыхающих уже никого не было на танцплощадке. И мы, довольные, шустро побежали в сумерках к лодке вслед за Колей. Уселись в неё, дожёвывая хлеб. Взвыл мотор, и лодка понеслась. Непогода разыгралась не на шутку. Усилились порывы ветра. На Волге поднялись сильные волны, брызги от которых залетали в лодку, обдавая нас с ног до головы. Кругом темно, лодку бросает из стороны в сторону. Она на всех парах летит по волнам, аж сердце замирает и падает в пятки. А Коля — лихач, видать, бывалый на воде. Сидит себе, мокрый, правит лодкой, пристально всматриваясь в тёмную даль и нас подбадривает:

— Не дрейфь, девчонки! Мигом домчимся. Ещё и выспаться успеете до экзамена.

Но выспаться нам не пришлось. Поднялся такой сильный ветер, что мы не на шутку напугались, ведь лодку посреди широченной реки перевернуть может. К тому же начал «чихать» мотор. Коля решил причалить к берегу и до

рассвета «перекантоваться» у своих знакомых в селе Верхний Услон — чудное село среди дивной природы, стоящее в красивейшем месте: на обрывистом мысу, на правом берегу Волги-матушки, достопримечательность которого — большая старинная белокаменная церковь. Коля не отважился беспокоить в поздний час своих знакомых и определил нас на ночлег на сеновал, находившийся над курятником, рядом с длинным двухэтажным кирпичным домом, похожим на барак. На сеновале, по его словам, ему с другом уже не раз приходилось ночевать. «Там хорошо — тепло и сухо, сеном пахнет», — заключил он, сопровождая добродушным взглядом нас, девчонок, неуверенно поднимающихся по шаткой лестнице на совершенно незнакомый чей-то сеновал.

Мы, сняв с себя мокрую одежду и развесив её на жерди, протянутые вдоль сеновала, видимо, для просушки, зарылись в сено и в какое-то одеяло, притихли, стараясь согреться. Коля остался внизу, в «предбанничке» курятника. Сна из-за пережитого — ни в одном глазу. Потом мы всё-таки уснули. Ночью Коля подсел к нам на сеновал ещё припозднившихся его знакомого с женой, которые ехали к родственникам в соседнее село на мотоцикле. Мотоцикл заглох по дороге, и молодожёны толкали его до ближайшего села, где и встретили Колю. Утром нас разбудил его голос. Открыв глаза, мы не увидели наших соседей по ночлегу. Они, как сказал Коля, отремонтировав на рассвете свой мотоцикл, уехали. Рубашка Коли была запачкана, от него пахло машинным маслом, видно, он помогал бедолагам чинить их железного коня. Как выяснилось позднее, наш юный друг Коля был на все руки мастер и вообще — стопудовый бесстрашный пацан, готовый по первому зову каждому прийти на помощь. Он, стоя на лестнице, ведущей на сеновал, приоткрыл дверцу, в которую врывались первые солнечные лучи, позвал:

— Девчата, просыпайтесь, айда к лодке, а то на экзамен опоздаете!

Мы вскочили, как ужаленные, натянули на себя ещё влажные платья. Непричёсанные, со спутанными, непросохшими

длинными волосами, начали спускаться друг за другом вниз по лестнице. Яркое летнее утро — в полном разгаре: солнечно, тепло, безветренно. Несмотря на столь ранний час, многие жильцы кирпичного дома, стоявшего вблизи курятника, были на улице. На скамеечке, за наспех сколоченным столиком, как раз напротив курятника, уже сидели женщины, видимо, вышли upravlyatsya по хозяйству и оживлённо обменивались новостями. Мы, пристыженные от столь нелепой ситуации, спускались с сеновала. Распущенные спутанные длинные волосы закрывали наши лица; влажные, помятые платишки облепляли тела. Перепуганные куры, громко кудахтая, во главе с петухом подняли невероятный гвалт, пытаясь перелететь через наши головы с лестницы на шесты, тянувшиеся вдоль крыши курятника. Сидящие и стоящие внизу женщины, как по команде, замолчали, настороженно повернув в нашу сторону головы, замерли в изумлении.

— Воришки! Никак курей и яички воровали! — пронзительно закричала одна из них, — держи их, вяжи — и в милицию!

— Дусь, — кричала другая, — беги скорее за участковым, зови его сюда!

— Бабоньки! — раздался ещё чей-то пронзительный голос, — окружай их, не дадим им сойтить, а то убегут!

Женщины сначала стояли, как вкопанные, не двигаясь с места, опасливо и враждебно наблюдая за нами, но подначенные ещё парой голосов, призывающих схватить воришек, гурьбой, с опаской, медленно, но верно стали приближаться к нам. Мы приостановились на лестнице, поднявшись по ней на безопасное от земли расстояние, боясь попасть в руки к агрессивно настроенной женской кучке, прикрывая от стыда наши лица спутанными волосами, отбрасывая от себя одуревших кур и перья. Картина складывалась угрожающая, но нас с подружкой раздирал смех. Не знаю, чем бы кончилось дело, но тут с берега прибежал Коля, и, поняв, что дело «пахнет керосином», весело крикнул, обращаясь к женщинам по именам, видно, всех их знал:

— Тётя Поля, тётя Дуся, баба Вера, да не волнуйтесь вы так! Всё — нормально! Это — мои девчонки! Это я их на ночлег пристроил. Они на «Ракету» опоздали. Я их сейчас на моторке домчу. Полный порядок! ...

Мы прыгнули с лестницы и, давась от смеха, кинулись бежать. Коля — за нами. Он сопроводил нас на территорию Дома отдыха, где мы более-менее привели себя в порядок и даже вкусно и сытно позавтракали за накрытым его мамой столом.

В Казань вернулись только к вечеру, часам к семи. А получилось вот что. Поскольку было ещё рано, мы решили, что у нас есть ещё в запасе какое-то время, к тому же Коля предложил, поднявшись немного вверх по реке, переправить нас на моторной лодке на другой берег Волги, на плёс, где был чистый песочек и пологий берег. Местная молодёжь любила купаться и загорать именно там. Ну, кто же откажется солнечным, тихим утречком прокатиться на лодке с ветерком по великой реке! Когда ещё такая возможность подвернётся?! А, может, и вовсе не подвернётся больше никогда. И мы согласились. Мол, быстренько туда-сюда; искупнёмся и — назад. Потом нас Коля доставит на лодке в город, как раз везде успеем. Мы не придали никакого значения тому, что на небе появились тучки и начал подувать ветерок. А когда, лихо покатавшись на лодке по реке, добрались на другой берег, искупались и повалялись на чистом, тёплом песочке, ветер усилился, а потом подул так, что лодку, пустившуюся было в обратный путь, едва не перевернуло. Волга потемнела, была сурова и очень беспокойна, волны так и вздымались, и бурлили. Ветер усилился, превратившись в шквал. Надвигалась большая гроза. Коля, осознавая опасность дальнейшего путешествия по беснующейся реке, своеобразие которой в непогоду хорошо знал, не отважился продолжать дальше путь, да и мы сильно струхнули. Как назло, снова «зачихал» и заглох старенький мотор, который Коля еле-еле завёл, с силой дёргая шнур. Мы вернулись назад, на плёсик, чтобы переждать непогоду, благо, недалеко от берега отплыли. А ждать нам

пришлось довольно долго...

В конце концов, переждав непогоду в сооруженном кем-то на плёсе, возле прибрежных кустов шалаше, мы добрались до пристани, где ещё пришлось долго ждать следующей «Ракеты», отправлявшейся в пятом часу вечера. С барахлящим мотором Коля не решился переправлять нас до Казани. Попрощавшись с ним на берегу, только в седьмом часу оказались мы в Казани. А у меня в этот день было назначено свидание с моим будущим мужем, тоже студентом нашего университета; на четыре часа дня, на нашем обычном месте, — у гостиницы «Казань», на «пяточке», в который упирается местный «Бродвей» — центральная улица Баумана, где вечерами любит разгуливать молодёжь. Я, конечно, очень сожалела о загубленном свидании и корила себя за легкомыслие. Проезжая на трамвае мимо нашего «пяточка», с грустью глянула на то место, где Слава всегда ждал меня и где, конечно, никак не ожидала увидеть его, спустя столько со времени назначенного свидания. И... обомлела, не веря своим глазам. Он был там! Но не стоял, как обычно, опершись на металлическое ограждение, а нервно, быстро, широкими шагами расхаживал туда-сюда, мотая в такт шагам опущенным вниз букетом увядших цветов, как веником.

— Слава! Слава! — радостно закричала я, высовывая голову из окна трамвая и махая руками, — я — тут! Сейчас выйду на остановке и прибегу...

Он прождал меня почти три часа! Поразительно!

— Почему ты не ушёл?! И как только хватило у тебя терпения столько ждать?! — удивлённо воскликнула я, подбегая к нему и влетая в его восторженно, широко распахнутые объятия.

— Я чувствовал: тебя что-то задержало, но ты непременно придёшь, а интуиция меня ещё никогда не подводила. И я готов ждать тебя сколько угодно — мне не трудно, вот только цветы не выдержали: малость завяли, извини..., — ответил он, улыбаясь и протягивая мне огромный квёлый букет крупных алых пионов.

...Экзамен мы, несмотря на наши приключения, всё-таки выдержали — на «отлично». Видно, сработал ещё и адреналин: в состоянии экстрима мозг максимально активизировался, правда, пришлось всю ночь напролёт учить оставшиеся билеты в общежитской постирочной. Там тихо-тихо, светло, летом прохладно, а зимой тепло и даже уютно; и можно даже, подстелив разодранные картонные коробки, валяться на полу и, устав сидеть, учить лёжа. Мы нередко именно там готовились по ночам к экзаменам, прихватив с собой кофе, предпочтя это место неуютной комнате для занятий. К нам туда приходили учить билеты «за компанию» даже не общежитские, а «домашние» наши одногруппники, оставив свои уютные городские квартиры. Дружной компанией-то веселей грызть гранит науки, объясняя друг другу что-то непонятное.

А вот наших подруг и друзей своим внезапным исчезновением едва до инфарктов не довели, за что они нас чуть не побили. Но всё кончилось благополучно, как и полагается у студентов после успешно выдержанных экзаменов — весёлым, шумным «обмыванием» окончание сессии в кафешке, именовавшейся у казанских студентов не одного поколения «Гайка», поскольку кафе имело шестигранную форму. Хеппи-энд, как говорится! То наше злоключение, встречаясь с однокашниками, мы до сих пор вспоминаем со смехом.

КАК РУКИ МАТЕРИ НЕЖНЫ

*«Руки матерей сотканы из нежности —
дети спят на них спокойным сном».*
Виктор Гюго

*Как руки матери нежны!
Они из ласки, тепла и света.
Одной лишь ей любые мы нужны.
Лишь для неё до старости мы — дети.*

*С любовью на родном пороге встретит,
Когда отринет целый мир и всё вокруг.
Без сил вернёшься к маме, и она приветит -
Хранитель твой и самый верный друг.*

*Обнимет нежно, как когда-то, в детстве,
Все радости и беды с тобою разделив,
Не поскупится своё подставить сердце,
Когда ты в жизни не очень-то счастлив.*

*Нет никого на свете для неё тебя дороже.
Для тебя она готова всю вселенную объять.
Твой каждый шаг её заботит и тревожит.
Богат ты и силён, коль есть на этом свете
Твоя родная мать!*

Алексей Гаев

Родился 1 декабря 1955 г. в селе Парамонове, Орловской обл. Когда исполнилось четыре года, семья переехала в г. Орёл. В 1973 г. окончил общеобразовательную и художественную школы параллельно.

Служил в рядах Советской Армии с 1974 по 1976 г.г.

С 1976 по 1980 г.г. учился в Орловском художественном училище.

С 1980 г. живёт на Алтае: в Усть-Коксе, Улагане, Барнауле, Белокурихе, Майме и Горно-Алтайске. С 1998 г. постоянно проживает в с.Соузга.

Пишет стихи уже в течение 30 лет. Поэтические сборники: «Избранные стихи», «Казачий круг», собрание стихотворений в трёх томах, четырёх книгах, поэтический сборник «Нежное дыхание свирели». Один из авторов сборника «Дороги солнечная нить».

С 1995 по 2000 г. работал преподавателем изобразительного искусства в детской школе искусств с. Майма.

Участвовал как поэт и ведущий в казачьих фестивалях в станице Илек, г. Новотроицк Оренбургской области, в г. Омске. На фестивалях культуры Республики Алтай: Эл-Ойын, Родники Алтая. Проводились персональные творческие вечера в с. Союзга, Майма.

Выбор пути...

Вся известная нам история жизни народов земли, называемая Цивилизацией, — есть (образно выражаясь) огромная по размерам мозаичная картина с названием «Тайны Бытия, видимого и невидимого...», картина, в которой стремления, поиски, очарования, страдания и восторги отдельно взятой человеческой личности являлись по-своему окрашенным кусочком цветного стекла или камня, а цвет и тон этого кусочка (при всей своей малой значимости в отдельности) всё же были необходимы для осмысления того, о чём говорили все части картины, которые – и контрастировали друг с другом, и дополняли друг друга...

Все исторические рассказы о жизни людей, не затерявшихся в туманах времён, а своими деяниями оставивших памятный след, все философские системы, все религиозные сообщества со своими представлениями о смысле жизни Человечества — становились фундаментами зданий мистических представлений и знаний!.. И к вершинам познания, конечно, вела не одна тропа, а все склоны горы были испещрены следами дорог и тропинок!..

И, в конце концов, (мне так кажется) каждый мыслящий и равнодушный человек приходил к пониманию того, что в бурном речном потоке жизни, где все струи и волны, имея индивидуальный рисунок и окрас, всё же слагаются в одну, общую для всех, картину, — нужно стать совершенной и прекрасной струёй и волной, чтобы обогатить достоинство Самого Большого через крайне малое...

Звучание этого (не побоюсь сказать) Закона ёмко и ярко выражено в так называемой Господней или Иисусовой молитве, в которой Христос в нескольких словах давал апостолам основы Высшего Понимания Бытия, Сути Жизни и деятельности в Ней!.. Часть молитвы «Отче наш!..» звучит дословно так: «... и на земле, как на Небе...» ... О чём это говорит? Да о том, что законы нашего земного существования — проекция Великих Небесных Законов, что соблюдение Их — трудно, но единственно верно!..

И, конечно, к любому Знанию Истины, от первых ступенек до самых высоких, невозможно приблизиться без любви сердечной, без любви душевной!..

Любой вид того или иного Искусства станет наилучшим проводником в Страну Света, Радости, Вдохновения и Творчества!..

Творя, мы уподобляемся Высшему Творцу, Верховному Архитектору Бытия, Небесного и земного!.. Поэтому в каждой былинке, в каждом водном потоке, в каждом камне, в каждом облаке таится уменьшенный по размерам Образ Высшей Красоты и Любви!..

Зная это, ощутив это в себе, так легко посвятить дни свои служению тому Великому и Прекрасному, Что есть — Светлое Знамя Божьего Задания!..

Осознав и полюбив творческие пути свои, ты внесёшь пусть скромную, но искреннюю лепту (вспомним лепту вдовы из Евангелия!) в копилку усилий, восторгов, поисков и нахонок лучших сынов и дочерей Человечества!..

Что может быть осмысленней, желанней, привлекательней и благородней?!

Катунь, очистившись от льда,
Бежит на север, всё туда,
Где, слившись с Бией, — станет Обью...

Вкруг сосен пляшут сквозняки,
И молодо березняки
Стреляют вверх зелёной дробью.

Струится трав атлас и шёлк,
И ты всё взять не можешь в толк:
Кто разбросал цветов букеты?

Лесные тропки – в иглах хвой...
И...щебет птиц над головой
Зовёт любить весну и лето.

Лета тёплые и ласковые дни
Стали белыми да розовыми снами –
И черемух светлые огни,
И сирени скатерти с кистями.

Отпылали огоньки в лугах,
В шёлк оделись марьины коренья.
И по-русски, грезя о снегах,
Хор ромашек завершает пенье.

В огородах зелени прилив:
В волнах листьев огурцы, что подки;
У кустов смородины красив
Пальцев бег и разноцветны чётки.

Свежим мёдом пахнет сеновал,
А стогов покосные кибитки
Искушают: собери пожитки
И махни в края, где не бывал.

Всё познать, ничего не взять пришёл в этот мир поэт
С.Есенин

*То, что было правдою вчера,
Нынче ложью стало незаметно...
Ах, поэт, твоя попытка тщетна:
Жизнь измерить кончиком пера.*

*Подвели тебя твои мечты
Творческой тропой идти открыто:
Позади – увядшие цветы,
Впереди – разбитое корыто...*

*Плата за гордыню – нищета,
Старость, одиночество, безверье...
Снится сон мне, что убитый зверь я,
С раной в сердце, с пеною у рта...*

*Когда буран ярится, как султан,
В гареме обнаруживший измену,
И, кажется, вот-вот обрушит стену,
Сломает окна вихревой таран;
Когда по стёклам снежная крупа
Стучит, закатываясь в ночь сухим горохом,
И сердце замерло меж выдохом и вдохом,
И мыслей жутких мечется толпа;*

*Когда спасеньем кажется уют,
Когда по-детски рад теплу и свету, –
Тогда, вдруг, взмолишься за грешную планету,
За всех людей, что на земле живут...*

*За тех, кто голоден, обижен, кто в пути,
Кто сирота, кто плачет одиноко...
Я обращаюсь в сторону Востока,
Шепчу: «О, Господи, помилуй и прости...»*

Мария Образцова

Мария Образцова родилась в Горном Алтае в селе Манжерок. окончила Горно-Алтайский институт, филологическое отделение. Рабочую деятельность начала на мебельной фабрике.

Основные направления в литературе: поэзия, проза, публицистика. Печаталась в альманахе «Алтай», в газетах: «Литературная Россия», «Звезда Алтая» и др. Создала манжерокскую газету «Минутка» и газету «КиТ (культура и туризм) на Алтае».

В 1999 г. вышел в свет сборник её стихов «Бабье лето», затем сборник стихов и рассказов «Манжерок – моя обитель».

Является членом майминского литературного объединения «Лира» и одним из авторов сборников: «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить».

В 2002 г. принята в Союз Писателей России.

Новая жизнь

Симка закрыл глаза и задремал. В комнате стоял смрадный запах спиртного и общей несвежести во всём, что окружало каждый день, но это его уже не трогало. Всё то, что произошло сегодня, переворачивало жизнь или, можно сказать, возвращало его в тот мир, из которого он ушёл несколько лет назад в пространство заполненное кривыми линиями. Ему казалось, что он шагнул в мир свободы, сняв с себя все обязанности и нормы морали, что его бесконечно со временем тяготило.

С женой Катей они вместе учились в строительном техникуме, правда на разных факультетах, где и началась их любовь. Он её увидел на одном из студенческих мероприятий. Худенькая, с чёрной длинной косой и большими карими глазами – она сразу запала Симке в душу. Золотистые кудри и открытая всему миру улыбка парня тоже заморозили девушку. После техникума они расписались, и так как не было возможности играть свадьбу, просто посидели с близкими друзьями в кафе.

У Кати была мама, которая одна воспитывала дочь, а у Симки родителей не было — они пили и после очередного застолья отравились угарным газом, закрыв печную трубу. Сына в тот день дома не было, он ночевал у друга. Тогда он очумел от горя: не знал, как будет дальше жить, что делать – это было время вакуума в его жизни. Но он как-то быстро совладал с этим чёрным проёмом и стал учиться жить самостоятельно. Сима учился хорошо, много читал, но в техникум поступил после армии.

С Катей они были прекрасной парой — оба уравновешенные и доброжелательные. Поехали жить в городок, откуда он был родом и где на окраине города стоял заброшенный небольшой родительский дом Симы. Молодые с такой энергией взялись за наведение порядка, что через неделю домик буквально преобразился, окна засияли чистотой.

Как молодых специалистов их сразу взяли на работу: его — на строительный объект, а её — в контору.

Ему очень нравилось звать её Кэт, сначала она сердилась, а потом привыкла. После работы они успевали сбегать в кино, а потом ещё и обсудить фильм.

Через два года счастливой жизни, он пришёл с огромным букетом цветов в роддом. Кэт держала в руках два белых свёрточка — Сашу и Алёшу. Его радости не было предела — у него два сына!

На работе всем пришёлся по душе простой открытый мальчишка, и каждый спешил поздравить его с таким событием, кто добрым словом, а кто стопочкой.

Первые полгода были для молодых родителей трудными. Кэт ходила, покачиваясь от недосыпания, но всё равно старалась быть оптимистичной и бодрой. Сима помогал ей как мог: стирал и гладил пелёнки, носил воду, ходил в магазин. Потом приехала её мама и жила полгода, помогая управляться с шустрыми детьми.

Вот здесь у Симки появилась возможность немного задерживаться с товарищами по работе — посидеть, пропустить бокальчик пивка, а когда какое-то событие, и что покрепче. После таких посиделок настроение было приподнятым, но Кэт хмурила брови, чем всё омрачала.

— Кэт, чего ты сердишься? Я просто немного расслабляюсь, — говорил он ей ласково.

Время шло, мальчишки подрастали. В выходные они всей семьёй ходили в парк, где были детские аттракционы, а потом и на рыбалку. Но когда детям исполнилось по пять лет, он уже только обещал, что в следующее воскресенье они обязательно куда-нибудь пойдут. И пил все чаще. На работе появились проблемы, и, не дожидаясь когда его уволят, уволился сам.

Когда он пришёл и сказал об этом жене, она с минуту стояла, закусив губу, а потом вскинула на него глаза полные слёз:

— Сима, я долго терпела, но больше не могу. Посмотри,

в кого ты превратился! Ты забыл, что у тебя есть мы, что мы любили друг друга, и что от этого осталось. Ты забыл о сыновьях, которых мечтал вырастить настоящими мужчинами. А что они видят? Как папа каждый день приходит на рогах и начинает «воспитательный» процесс?! Ты перестал быть опорой для семьи. А теперь, ко всему, ты ещё и лишился работы и становишься обыкновенным пьянчужкой. Остановись! Иначе я не смогу больше так жить.

Боль в её голосе была так сильна, что казалось, она способна разбудить любое сердце и разум, но он её не заметил. Симка просто возмутился, что с ним разговаривают на повышенных тонах.

— Ты, что, решила учить меня как жить? — ответил он ей резко, — и никакая ты ни Кэт, а просто Катька, я сам от тебя ухожу. А сыновья вырастут — поймут всё, — сказал ей пренебрежительно, чтобы задеть побольней.

Он собрал в сумку свои вещи и вышел из дома, а на другой день уехал в деревню. Село, куда он прибыл, было небольшим, но ещё с каких-то времён там стояло серое, с выбитыми стёклами, покошенное здание, где жил разный люд, приезжающий сюда, кто на работу, а кто по каким-то другим причинам.

Село, можно было назвать пьяным, так как за исключением нескольких дворов, все пили. Кто-то получал пенсию и ставил брагу, кто зарабатывал сбором ягод и трав, сдавая их приезжающему предпринимателю и тут же отовариваясь у него водкой.

Вот сюда и приехал Симка с долговязой разговорчивой и пьющей Зойкой, с которой встретился и разговорился случайно на вокзале в тот день, когда ушёл из дома.

Она пожалела его и привезла в общежитие, где у неё была своя комната. В комнате так пахло сыростью и нечистотой, что его покорило. Но он ничего не сказал, чтобы не обидеть человека, который поддержал его добрым словом в трудную минуту. Они вместе стали заготавливать травы и ягоды. Зойка хоть и пила, а работала хорошо. Они сдавали

траву, в три дня всё пропивали, снова готовили, и всё по кругу. Зимой работу найти было трудней, но Зойка ухитрялась где-нибудь пристроиться и приносила покушать, сигарет и бормотухи.

Когда Симка напивался, он плакал, вспоминая о своей семье, и клялся, что завяжет с пьянкой, вернётся домой и всё будет хорошо.

Так прошло три года. Однажды утром он не смог разбудить Зойку, она отравилась водкой или просто перепила, и организм уже не мог справляться. Симка один плакал об этой с виду не красивой, но доброй женщине. Она была детдомовская, не знала своих родителей, её некому было жалеть.

Похоронив Зойку, он понял, что надо выкарабкаться из этого дерьма и написал Кате и своим мальчишкам, которым было уже по десять лет, письмо.

Оно было коротким: «Здравствуйте, мои родные! Моя любимая Кэт, сыночки – Сашенька и Алёшенька! Я очень перед вами виноват! Не пойму, как так случилось, что рядом с вами — светлыми моими солнышками я упал на самое дно этой жизни. Я очень хочу начать новую жизнь, но только с вами, если вы меня простите за все те горечи, которые я вам доставил. Я не хочу больше так жить, готов лечиться, но только чтобы вы были рядом. Только вы — моё спасение. Я поеду в город и встану перед вами на колени. Мне очень плохо! Я думаю, всё будет хорошо! Я для этого сделаю всё! Ваш любящий муж и отец. Сима»

Он отнёс письмо в почтовый ящик.

Ему не хотелось возвращаться в эту комнату, где всё было для него чужим, но пока это было его единственное пристанище.

«Завтра я пойду на заготовку трав, чтобы немного заработать денег на дорогу», — думал он, копаясь в грязных тряпках, чего-то отыскивая. В одной из коробок он наткнулся на бутылку водки, которая даже не была распечатана. Видно, Зойка припрятала на всякий случай.

Удивительно, но письмо Катя получила уже через два дня. Она читала его и плакала. Она всё ещё любила своего Симку и всегда помнила всё то хорошее, что было в их недолгой совместной жизни. Она знала, где он живёт, но понимала, что он не вернётся в нормальную жизнь через её уговоры, пока не решится сам. Этот момент настал, и теперь только она могла ему помочь.

Катя собрала мальчишек, сказав: «Мы едем за папкой!», — и заказала такси.

В деревне не было видно ни одного человека, всё было серо и сумрачно. Подъехали к обшарпанному старому магазину, откуда вышла женщина.

— А вы не скажете, где здесь общежитие? — спросила Катя, выйдя из такси.

Женщина внимательно посмотрела на Катю, покачала головой.

— Ох, нет больше этого рассадника чумы, сгорел вчера. Жалко только мужичка – Симкой звали, так неплохой был, а вот водка сгубила. Уснул пьяный с сигаретой – сердешный и сгорел. Всё про свою семью говорил, мечтал новую жизнь начать. Да вот не успел., — сказав это, она вдруг поняла по виду стоявшей перед ней женщины, кто она.

А Сашка с Алёшкой сидели в машине, смотрели в открытое окно на маму, ещё не понимая, что случилось, и ждали встречи с папой.

Надежда Гайсина

Родилась в с. Майма. Отсюда с красным дипломом после Горно-Алтайского педучилища уехала учиться на факультет журналистики Уральского государственного университета, который и дал дорогу в профессиональную жизнь, доцент.

Долгих 20 лет жила в Туркмении. Возглавляла отдел сельского хозяйства в Красноводской областной газете, пять лет отдала телевидению — была старшим редактором русского вещания. В 1997 г. вернулась на родину. Работала в правительстве Республики Алтай, была главным специалистом по СМИ, возглавляла республиканскую газету «Звезда Алтая», стала первой женщиной-редактором этой газеты за 80 лет её существования. Создала и редактировала газету «Правда Горного Алтая». Позже шесть лет преподавала в ГАГУ на отделении журналистики.

За свою более чем сорокалетнюю журналистскую деятельность стала автором многих корреспонденций, аналитических статей по проблемам экономики, сельскохозяйственного производства.

Особое место в её творчестве принадлежит публицистике. Обострённо звучат в этих работах искренняя боль за человека труда, родное Отечество, за поправленное чувство справедливости, призыв к доброте и верности.

Член Союза журналистов, лауреат двух профессиональных премий.

Тема любви, боли, душевного сопереживания звучит и в её стихах. Некоторые из них стали песнями в соавторстве с Владимиром Хохолковым, Татьяной Гордеевой. А песня «Стужа» на музыку Юрия Афонькина получила Гран-при фестиваля-конкурса российских композиторов в 2018 году.

Мария

Мы сидели за столом шумной развесёлой компанией. Какой могут быть люди, некогда живущие по соседству, бегающие в один класс, болеющие от неразделённой влюблённости и потому достающие предмет своей привязанности с особой изощрённостью. От тех, тогдашних, нас отделяли тридцать лет.

Жизнь сводила и разводила нас. Вдруг выяснилось, что только четверо прошагали три десятилетия с теми, кого выбрали в жены и мужья по молодости. Остальных судьба ставила перед выбором ещё не раз. Мы ахали, страдали, сочувствовали друг другу. И только она, Мария, сидела спокойная, какая-то мягкая, с лёгкой улыбкой на крупных, чудесно выписанных матушкой-природой губах...

...До чего же хороши весенние ночи в отчем краю! Мы сидим у раскрытого окна. Свежо, но так маняще пахнет только что распустившейся сиренью, такой пронзительный призыв разлит в светлой чуткой тишине сада, что шевелиться не хо-

чется. Мы с подругой лишь угадываем в темноте друг друга. Но нам этого вполне хватает. Через мгновение, не сговариваясь, мы запеваем любимую:

*Ох, подруженьки,
Ох, подруженьки,
Помогите, помогите.
Как мне дальше жить,
Научите...*

Бьётся-разбивается девичье сердце. Несётся к звездам боль неразделённого чувства. Звенят в неизбыточной грусти девчачьи голоса. Ещё мгновение, и сердце, кажется, остановится от какой-то прямо вселенской тоски...

— Вы чего это сумерничаете, свет не зажигаете! — раздается вдруг от порога мамин голос.

И мы вскакиваем с подоконника, несём какую-то чушь, собирая учебники. И стараемся не смотреть друг другу в глаза, смущённо отворачиваемся, словно стали свидетелями чего-то очень личного, интимного...

Я часто думала потом, взрослая, почему нас жизнь развела с подругой. И, обвиняя себя в эгоизме, уголком сознания доходила до мысли, что мы слишком много знали, слишком тонко чувствовали друг друга. И это мешало нам, взрослым, утвердиться. Мы предпочли разойтись. Но, Боже мой, сколько раз мне снились по ночам наши любимые места на острове, где мы готовились к экзаменам. Наши выходы на сельские посиделки. И наши любимые песни в сумеречной тишине.

Но это будет потом, несколько лет спустя. А тогда мы, деревенские девчонки, жили заботами своего времени. Протыпывали колхозные огороды, кому-то показалось, что у колхоза обязательно в плане должны быть ещё и огурцы, арбузы, дыни. Это в наших-то краях! Рук лишних в хозяйстве, естественно, не хватало, и на такую «мелкую» работу подняли нас, четырнадцатилетних. И мы пололи так называемые бахчи. Прореживали свёклу, за план по этой «сладкой» культуре спрашивали уже всерьёз.

Мы двигались друг за другом по уходящим за горизонт рядам и не чаяли, когда наступит обед. И, едва дождавшись золотого часа, бросались к реке, барахтались, резвились от души, брызгались и ныряли, пугая товарок, словно дети. А насытившись, чем Бог послал, непременно пели. Помню, каким сильным и чистым голосом завела однажды песню Маша. Мы, заядлые певунии, так и ахнули — вот тебе и Маша-скромница, откуда только что взялось. А она, зардевшись, как маков цвет, довела-таки песню до конца. И, улыбнувшись, отошла, присев в тенёк деревца поодаль.

С этого лета Маша расцвела на глазах. Хорошего роста, с нежной белой кожей, шелковистыми выющимися волосами, она сразу стала завидной невестой. На нашем фоне нескладных угловатых девчонок, у которых ничего не просматривалось ещё «ни тут и ни там», Маша выглядела королевой. И мы несколько не удивились, когда узнали, что у неё появился друг. А потом и семья.

Может быть, и поглотила бы наша, в общем-то, беспощадная жизнь и это имя, и пёстрые памятки ушедшей юности, если бы не эпизод, случившийся в страшную для меня пору. Я знала, что мы теряем папу, что ничто в мире уже не поможет продлить дни его жизни, и всё же, необъяснимо надеясь на что-то, пыталась дозвониться до дому. Оборвала все телефоны, третью ночь коротала у аппарата, а связи всё не было. Я чувствовала, что схожу с ума, меня трясло, но так и не могла объяснить себе, чего ожидаю услышать. Но ждала этого разговора, как никогда ничего не ждала больше.

И вдруг в трубке раздался спокойный, какой-то домашний женский голос. Назвав меня по имени, телефонистка передала мне привет с родной земли и посоветовала выезжать немедленно, чтобы не опоздать. И добавила, что телеграмма с заверенным фактом мне уже отправлена.

Лишь много позже, научившись вновь жить после потерь и горестей, я узнала, что нашим добровольным помощником тогда была Мария. Верная моя соклассница, свидетельница и участница наших детских забав и нашего взросления.

Услышала много добрых слов о ней. Какая она простая и отзывчивая. Как внимательна к просьбам земляков, как умеет сочувствовать старикам. И что всегда и всем помогает. Хотя жизнь у неё, добавляли многие, не очень задалась, и счастливой Марию никак не назовёшь.

Грустью полоснула эта весть по сердцу. И чего, подумалось досадливо, этим мужикам надо. Молиться бы на такую русскую красавицу-душу да радоваться. Ан, нет. Неужто, и вправду счастья на свете днём с огнём не сыскать!

Наверное, сейчас я скажу банальные истины. Но прежде чем припечатать меня за это, подумайте, так ли уж часто за повседневными хлопотами своими, сиюминутными проблемами мы помним о тех, кто когда-то был частью нашей жизни. Так и я позволила закрутить-завертеть себя делам и заботам. К чему-то стремилась, о чём-то мечтала, вечно оказывалась в роли должной кому-то помочь, о ком-то помнить. Но только не о Марии. Все последние годы, бывая на родине, мне не довелось ни разу увидеть её. И разговоров о ней тоже почему-то не заходило.

Но судьба и тут повернула по-своему. Очутившись на родине и нечаянно столкнувшись с двумя-тремя соклассниками, мы враз загорелись идеей встретиться. И вот сижу, смотрю на всех и восклицаю про себя: «Господи, какие же они все родные, красивые, какие же свои. И где ж меня носило столько лет!» Чувствую, как непереносимым грузом наплывают незабытые ещё обиды, потери и разочарования. И как в палочку-выручалочку вцепляюсь в слова:

— А вот пусть каждый расскажет, как жил-мог эти 30 лет.

Ловлю хитрый прищур Надежды, известной нашей заводилы и пересмешницы, и азартно включаюсь в игру. Хотя какая же это игра!

Но вот уже один рассказ догоняет другой. И всё видится, как во сне, и странно слышать о детях, зятях и даже внуках. С нами ли это, изумляюсь я, когда глаза горят молодостью, и румянец разливается во всю щёку, и жизнь бьётся в каждой

жилочке, то и дело срывая со стула в круг плясунов.

Очередь рассказывать дошла до Марии. Вижу, как кровь отхлынула от её лица, сделав её совсем неузнаваемой. Как в первую минуту нашей встречи.

— Что могу сказать о себе, — раздался в тишине неуверенный её голос, — и не знаю. И так жила, и этак. Долгое время была одна. Сказала себе, что не буду печалиться, раз не сложилось, так уж не склеишь. Бывало, правда, захаживали «женихи», замуж звали. А погляжу на них, от одного жена убежала, спасаясь от его жестокости, другой семью на рюмку променял. Вот и раздумаюсь, зачем мне-то голову в петлю совать. Работа хорошая, на людях, разве этого мало?

А потом жизнь поднесла Марии настоящее испытание. Ненароком и не всерьёз познакомилась она как-то с видным, в общем-то, из себя мужчиной. Не очень, чтобы сказать, заинтересовалась, но вскоре услышала, что растит он один троих детей. Маленьких ещё, и хлебать да хлебать ему, бедолаге, горького до слёз.

Не выдержало сердце, стала исподволь приглядываться к ребятишкам, отцу их. А вскоре и вовсе немислимое нечто случилось: объявился он со всеми детьми звать Марию в жёны и хозяйки. А может, и в матери детишкам, если получится, несмело добавил он тогда.

— Посмотрела я на него, на детей. Страшно стало, аж сердце зашлось. Это что ж такое удумал, а? Это ж где такие силы взять? Нет, решаю про себя, не смогу, нет и нет. И вдруг, старшенькая подступает ко мне вплотную и тихо так, заглядывая в глаза, говорит: «Возьмите нас, будьте нашей мамой, а мы вас слушаться будем».

Не смогла я её оттолкнуть. Пожалела. А через неё и остальных всей душой приняла. Теперь у меня большая семья... Моя семья.

Машин голос прервался. Мы давно уже хлюпали носами. И даже мальчишки наши подозрительно притихли. И вдруг один из них поднялся и, весь как-то подтянувшись, непривычно звонко произнёс:

— Ура Марии! За её семью! За Любовь! За Женщину-Мать!

И мы дружно поддержали тост. Да живут и здравствуют на земле любовь и человечность, и святая доброта. И та окрыляющая душу жалость, что испокон веку поднимала женщин на подвиг Матери и Подруги.

На пороге новый год. Всё чаще доводится слышать о том, что истончается в окружающем Землю пространстве аура любви, доброты, света. А потому и казнят человечество катаклизмы и потрясения, несчастья разные и болезни. И никто не может помочь нам, кроме нас самих. Спасение в одном — в делании добра. Надо, чтобы каждый из нас послал в мир импульс света. Полюбил кого-то, пожалел, протянул руку помощи, вспомнил в мыслях своих о ком-то с благодарностью.

Сотворил Божье дело. Как сделала это простая и прекрасная жительница Маймы — Мария. Не в назидание нам. Но в помощь.

О сокровенном

Позвоните маме!

На Востоке нет брошенных стариков, сам разговор о доме престарелых выглядит неприличным. Если у почётного старца не осталось детей, он будет доживать свой век с кем-нибудь из внуков. Но если и внуком обделил Господь, его обязательно приютят родственники. В праздничный день и в будни, когда пекут хлеб, в дом, где живут такие одинокие престарелые люди, обязательно принесут горячий чурек, а то и с кусочком масла от тех, кто побогаче.

Помню, как наш сосед дядя Назар никак не мог взять в толк, как это мы вдруг потеряли возможность переслать маме немного денег и посылочку ко дню рождения. Ему, лихому в годы Великой Отечественной войны джигиту-бойцу, от боевых наград у которого в праздник не был виден пид-

жак, было глубоко обидно, что его республика, став отдельным государством, взяла за норму такие безбожные правила. Дядя Назар знал маму, познакомился с ней, когда она гостила у нас, и по прошествии нескольких лет всё равно не забывал справиться о её здоровье и просил кланяться в письме.

— Варнаки, — сердился аксакал. — Это ж надо, почта не принимает. В войну, разруху принимала, в самый дальний аул письмецо летело, а оттуда, глядишь, кисет какой, да узорчатые варежки... А сейчас не принимают — нельзя. Варнаки безродные, тьфу...

И, закурив, долго плевался да сердился. Было грустно и горько. Но в сердце неизменно теплилась мысль, что так не может продолжаться вечно. Верилось, что государство одумается. А повзрослев, устыдится своих безнравственных начал...

Но вот совсем недавно довелось испытать потрясение, равное однажды пережитому. Остались позади дали чужестранные, и душа, казалось, потихоньку начала выздоравливать. Но от безнравственности, возведённой на государственный уровень, видно, не укрыться никому и нигде. Во все времена на Руси считалось тяжким грехом обидеть юродивого и предать одинокой старости мать.

А тут, нате вам, растиражированная по всем телевизионным каналам омерзительная картинка. Упитанный молодой человек, отвечая на телефонный звонок, обнаруживает, что звонит мать... Досадливо морщась, он отвечает на её голос: «Да, мам». А уже мгновение спустя, гадливо улыбаясь, нажимает на какую-то хитрую кнопку и, пригнувшись, исчезает из комнаты. Льётся из телефона материнская речь, а устройство голосом сына долдонит: «Да, мам», «Да, мам».

Гнусно. Подаётся эта низость как реклама технического чуда. А по сути, в умы и души наши, наших детей внедряется чуждая нам мораль. Мораль — не помнить ближнего своего и не сострадать боли родной души. Как же так случилось, как могли мы столь унижительно быстро сдаться, впустить в свой дом растлителей всех мастей?

По предсказанию, России отведена особая роль в возрождении человечества. Правда, произойти этому суждено только во второй половине XXI века. Не каждый из нас разделит звёздную судьбу нашей Родины. Но мы живём уже сегодня. И вступив в новое тысячелетие, каждый из нас может, я уверена, приблизить миг обновления и нравственного выздоровления общества. Надо только вспомнить, что есть истинно наше, родовое. И почему до сих пор остаётся в мире столь притягательной тайна загадочной русской души. И тогда сытые и гладкие телевизионные чужаки будут восприниматься всеми так, как и должно — наглядным примером, как нельзя и стыдно поступать.

Начнём сегодня. Говорят, как проведёшь Новый год, таким он и сложится. Вспомните о друге. Угостите соседского парнишку конфетой — сейчас многим семьям трудно живётся. Отделите дворовой собаке кусочек хлеба — ей зябко в зимний день.

И позвоните маме.

Там чужое — не твоё

*Кто сказал, что на чужбине
Веселей и лучше жить?
Хоть в Берлине, хоть в Харбине,
Лишь бы род свой позабыть?*

*Изучить чужие нравы
И в поклоне спину гнуть,
Или фертом, если надо,
Где-то в обществе блеснуть.
Накопить мощную тугую,
Разжиреть на склоне лет,
Водки чарочку-другую
Вкушать важно на обед.*

*Но однажды середь ночи
От нахлынувшей тоски
Вдруг завывать совсем по-волчьи,
Глядя в бледный лик луны.*

*И понять, что нет дороже
Двух берёзок у окна,
И родной, ни с чем не схожий
Запах хлеба из окна.*

*Крест могильный средь полыни
Отыскать, где мать лежит.
Разве этим на чужбине
Кто-то так же дорожит?*

*Там страна и имя даже, —
Всё чужое — не твоё.
Ласки девочек продажных, —
Вот оно, твоё житьё.*

*А родимая сторонка
Между тем встаёт с колен,
И в селе, и в оборонке
Жаждут люди перемен.*

*И добьются, будет сильной
Русь святая навсегда!
Без тебя, кто в смоге синем
Так и стаял без следа.*

Там мамино тепло

*Мы устаём от буден суеты,
От их забот, пустых переживаний,
От этой мутно-вязкой простоты
Каких-то нам не нужных излияний.*

*Несётся по намеченному кругу
Срок жизни, ускоряя бег,
И уж всё реже дарим мы друг другу
Своё тепло, родной мой человек.*

*Уж близок край, а нам не удаётся
Остановиться и взглянуть назад,
Где юность хороводит, песня льётся,
А по ночам про счастье шепчет сад.*

*И кажется всё чаще, что невзгоды
Отпущены нам Господом не зря,
Что есть у человеческой природы
Другой отсчёт листкам календаря.*

*Не гон наживы и не скверность,
Не ставшее привычным недобро, —
Там запах родины, там верность,
И от буханки хлеба мамино тепло.*

Так встанем разом

*Как много зла вокруг сегодня,
Какие грубые сердца.
По мерзости бредём мы в броднях,
Не помня матери, отца.*

*Хамим, в лицо смеёмся нищим,
Детей калечных гоним прочь.
Ни сострадания в душе не ищем
И ни желания помочь.*

*Завет мы гордый позабыли:
Не может счастливым быть тот,
Наживой кто глаза замылил
И предал собственный свой род.*

*Так встанем разом, вместе, дружно
И скажем миру: "Русь жива!"
Нам только крепко помнить нужно,
Что правдою она сильна.*

Пора!

*Как тяжело переживать паденье
Страны родной и собственной судьбы.
Ушли в небыль все лучшие стремленья
И студит сердце холод пустоты.*

*Как тяжело переживать измены
Людей родных по крови и мечтам.
Их отторгнули низкие химеры -
Наживы жажда и презренье к чудачкам.*

*Как тяжело замечать в соседском пацане
Тупую вялость и потухшие глаза.
Пример братков им кажется в цене,
Жить без добычи — коптить небо зря.*

*Но не хочу тебя такую знать,
Чужих земель не надо даром мне.
Пора от мала до велика встать
За лад и правду в отчей стороне!*

Опять сегодня мне не спится

Опять сегодня мне не спится,
Сияет в небе полная луна.
И вновь, как в юности, всё мнится,
Что смотрит прямо в душу мне она.

Чуть-чуть с улыбкою, а может быть, с усмешкой
К тому, что сердце ранит и свербит.
Или к тому, что позабылось в спешке,
А чуть притронешься, мучительно болит.

Лежу в ночи с открытыми глазами,
У Господа прощения молю
За то, что за никчёмными словами
Так часто прятала печаль свою.

Как будто жизнь я прожила чужую,
Не угадав себе отпущенной судьбы.
Душу в себе печаль глухую:
Простишь ли, Господи, грехи мои?

Мольба

Утоли печаль мою, Господи,
Помоги её пережить.
Научи меня, наивную, Господи,
Об утраченном не тужить.

Я в беззлобности своей, Господи,
Утешенье обретала всегда.
А теперь меня страшат, Господи,
Жесткосердие и вражда.

Захлестнули они мир, Господи,
И до пропасти полверсты.
Как, бездушным, нам понять, Господи,
Что страшнее нет той беды.

Сын не знает свою мать, Господи,
Хоть кончается её жизни срок.
Брат не помнит о сестре, Господи,
И вины себе за то не берёт.

Пожалей детей своих, Господи,
Не для гибели же нас сотворил.
Вразуми добром своим, Господи,
Чтобы всяк себя с собой примирил.

Яви душу в чистоте, Господи.
Вдруг сумеем дар святой сохранить.
Отторгни от нас всё зло, Господи,
Чтобы ближнего могли возлюбить.

Где взять слова?

*Ах, где бы взять слова такие,
Чтоб передать души печаль,
Её рыдания глухие,
Её мечты умчаться вдаль?*

*Подальше от пережитого,
От тяжких горестей, проблем.
И там, за этим частоколом
Спросить себя: "Живу зачем?"*

*Ужель родиться было надо,
Чтобы вести страданиям счёт,
И знать, что лучшая награда
Лишь после жизни где-то ждёт?*

*Сменить б судьбу такую нашу,
Да вот не дал Господь другой.
Испить бы где смиренья чашу
И дать душе своей покой.*

Жить нельзя без любви

*Без любви жить нельзя на свете,
Как нельзя без потерь прожить.
Только кто мне теперь ответит,
Как мне с тем одиночеством быть?*

*Так внезапно и властно явилось,
Держит сердце моё в плену.
Видно, счастье моё закатилось
За утёс на другом берегу.*

*Мне б за ним полететь голубкой,
Только крыльев Господь не дал.
Обернулся жестокой шуткой
Любви нашей с тобой карнавал.*

*Лёгкой дымкой истаяла нежность,
Не успев от себя отлучить.
Я смогла бы принять неизбежность,
Только как без тебя дальше жить?*

Нет, не время зимою

Снег присел от капели,
Хоть ещё не пора.
Зарёй птицы пропели,
Что явилась весна.

Обманулись мы с нею,
Грянул холод опять.
И уже я не смею
Встречи с милым искать.

Затянуло порошей
К его сердцу пути,
И лежит тяжкой ношей
Печаль-горе в груди.

Нет, не время зимою
Светлым чувствам цвести,
Смыло талой водою
Следы нашей любви.

Ничего не осталось,
Вновь, как прежде, одна.
Счастье в двери стучалось,
Да сберечь не смогла.

На небо синее, к облакам

*Помню, как в детстве глядела
На плывущие облака.
И как непрестанно хотела
Попасть хоть однажды туда.*

*Фигуры чудные мнились,
Белогрудые купола.
Даже ночами снились
Те сказочные города.*

*Прошло, пролетело детство
И юности полоса.
И уж никуда не деться
От седины в волосах.*

*Но так же, как встарь, по небу
Гонят ветра облака.
И кто мечтал, но там не был,
Уйдёт после жизни туда.*

Любовь — это мука

*Любить тебя — почти наука,
Такой душевный это труд:
Здесь сторожит любовь разлука,
Там — боль от тяжких этих мук.*

*Любить тебя — как вниз с обрыва
Или под поезд на ходу.
И этот бег без перерыва
Остановить я не могу.*

*В твоих глазах тоска и скука,
Чего ж манили меня зря?
Любить тебя такая мука,
Но не любить тебя нельзя.*

Не хочу расставаться с тобою

*Не хочу расставаться с тобою
Даже там, после жизни земной,
Засыпаю с блаженной мечтою
Обрести долгожданный покой.*

*Не винить за ошибки, не вредничать,
Не страдать от бездарной судьбы,
Перестать, наконец, привередничать,
Ощутить дар святой простоты.*

*Вознестись в поднебесье крылатое,
Распахнуть сердце миру добра,
Прошептать тебе слово отрадное,
Что пришла золотая пора.*

*В синеве, словно вольные птицы,
Будем рядом свободно парить,
Листать жизни ушедшей страницы
И о вечной любви говорить.*

*Счастье, милый, какое же счастье
Снова встретиться где-то опять.
За такое, поверь, в одночасье
Жизнь готова без страха отдать.*

Татьяна Чанчибаева

Татьяна Чанчибаева родилась в с. Урлу-Аспак в 1970 г. Окончив Г-Алтайское педучилище, а позже университет, работает учителем русского языка и литературы в родной школе. Любит детей, ежедневно отдавая им частичку своей души, щедро делясь творческими находками.

Она — автор книг: «Кто живёт в горах Алтая», «Милым ребяткам стихи и загадки», «Если женщина в счастье одета»; одна из авторов сборника «Дороги солнечная нить»; является членом Майминского литературного объединения «Лира».

Номинант на премии: «Наследие», «Поэт года» в 2011, 12, 14, 15, 16, 17 гг. и на премию имени С.Есенина в 2017 г.

Член Международного Союза писателей «Новый Современник», Член Российского Союза писателей

Финалист Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы».

Новый год, который я никогда не забуду...

Когда родители развелись, мне было почти семь лет. После суда меня, младшего брата и сестрёнку увезли из деревни в город и оставили жить у матери. Она тогда работала почтальоном. Перед праздниками в её рабочей сумке было всегда много открыток, которые мама разрешала мне посмотреть. Какими же они были красивыми! Особенно перед Новым годом: и с улыбающимися Дедом Морозом и Снегурочкой, и с катающейся с горки счастливой ребятнёй, и с яркими ёлками, под которыми лежали подарки. Но больше мне нравились открытки, где были нарисованы олени с развесистыми рогами, лоси и маралы в сказочном зимнем лесу.

В канун Нового года мама дала мне три рубля и сказала, чтобы подарок я выбрала себе сама. Конечно, я сразу же отправилась в книжный магазин, неподалёку от дома, где и продавались полюбоившиеся мне открытки. Стоили они тогда от двух до пяти копеек за штуку, так что после выхода из магазина в руках у меня была солидная пачка открыток, календариков и несколько ярких детских книжек.

Как же мне захотелось показать всё это богатство отцу! Я так и представляла его улыбку, слышала его слова: «Молодец, доча!». Может быть, и мачеха тоже на них посмотрит...

Но тогда ещё автобусы не ходили до деревни, где жил отец с новой женой и детьми. Я решила, что доеду до конечной остановки пригорода, а там уж дойду пешком. Расстояние от города до села мне казалось небольшим.

Когда кондуктор объявил, что дальше автобус не идёт, я вышла и за спиной услышала своё имя, кто-то настойчиво звал меня. Это оказался парень из нашего села, которого почему-то звали Зага.

— Ты куда это на ночь глядя!?

— В деревню, — радостно ответила я.

— А дойдёшь? Как-никак, а сорок километров пешочком — это тебе не шутка!

— Дойду! – твёрдо сказала я.

— Тогда нам по пути. Вперёд!

И мы пошли. Всю дорогу я рассказывала ему о своих открытках, о том, как обрадуется отец, когда их увидит.

— Давно с отцом-то не виделись? Соскучилась, поди?

— Давно, года два, наверно.

Так мы и шли. За разговорами не заметили, как уже совсем стемнело.

До деревни оставалось километра три, когда я совсем выбилась из сил и не могла идти дальше, а кругом темень, горы, тайга, и где-то далеко был слышен вой волков. Тогда Зага посадил меня к себе на плечи, и мы продолжили путь.

Дома, кроме ребятишек, никого не было: родители праздновали Новый год у соседей. Зага налил мне стакан молока, отрезал кусок хлеба и ушёл. А я так и уснула, не доев свой «праздничный» ужин.

Утром я проснулась от того, что в печке весело трещали дрова, и было так тепло и радостно, потому что отец сейчас увидит мои открытки, которые ждали его на столе со вчерашнего дня.

— Пап, ты только посмотри, какую красоту я тебе принесла! А ещё книжки для малышей!

Я протянула отцу открытки, которых почему-то осталось очень мало.

— Видел. Красивые. Мать печку топила, взяла на растопку немного. С Новым годом, доча!

Но к горлу подступил предательский ком обиды, а на глаза навернулись слёзы...

Мышка

Есть люди, похожие на звёзды, горы, цветы, птиц. А эта, ни дать ни взять, — мышка: неприметная, но доставляющая некоторые, а иногда и большие, неприятности.

Жила она в небольшой деревушке, где все друг друга знали. Работала почтальоном: разносила газеты, а заодно и всё

то, что удалось узнать или додумать в меру своих способностей. А знала она, надо сказать, немало, потому что в селе народ словоохотливый, да и сама Мышка умела расположить к доверию. К тому же на почте людей всегда собиралось много: кто за пенсией, кто за свет заплатить, кто ещё по какой надобности. Понятное дело, что молча никто не стоял: беседовали, а Мышкины уши грелись.

Но одно дело знать, и совсем другое – преподнести. Тут ей не было равных: грамотно, вкусно, под нужным соусом и нужным людям несла она своё блюдо. И неважно было Мышке, о ком она говорит. Главное: чтобы побольнее было человеку, да не узнал он, что ветер с её стороны дул. Люди, мол, говорят, не я. Не думала она и о том, что у самой есть семья: и дети, и внуки, и другие родственники, и многие были далеко не идеальны, да и жить всем ещё долго. А уж о том, что у всего в жизни есть эффект бумеранга, ей и вовсе было неизвестно.

Без устали трудилась Мышка: нашёптывала, брызгала ядом от зависти, пряталась за спины других, как в норку, но начальником сарафанного себя признавать не хотела. Дюже обижалась, когда ей об этом говорили. Об одном только жалела Мышка, что мысли ни у кого подслушать не могла.

Лучший художник

Краля училась в восьмом классе, но выглядела старше своих одноклассников: рослая, с крупными чертами лица, симпатичная, волевая и властная, её слово становилось законом для всех ребят. Это была девочка, которая умела нравиться. Наверно, поэтому её и называли Кралей. Но совсем другой она являлась на уроках: тихая, даже кроткая, с застенчивой улыбкой, когда ошибалась в ответе. Всегда выполняла домашнее задание и числилась в «хорошистах» школы.

В начале декабря объявили конкурс рисунков на новогоднюю тему «Лучший художник». Работы будут размещены на стенде в коридоре, а наградой станет сюрприз от Деда Мороза.

— Фигня какая-то! — шепнула Краля стоящей рядом Рите, скромной и немногословной девочке, с которой сидела за одной партой.

— Я в этом не участвую! — категорично заявила Краля. — А ты? Ты тоже не сдавай свой рисунок, мы же подруги!

Обе девочки неплохо рисовали, но Рита была лучше: в её рисунках чувствовалось что-то настоящее, как будто сама жизнь, душа была в них. На конкурсах школы и района работы девочки всегда занимали призовые места, а в прошлом году даже была организована персональная выставка Ритиних рисунков.

— Не буду, — тихо сказала Рита и пошла готовиться к уроку.

В тот день, когда школьное жюри должно было принять решение, кто же лучший художник, среди рисунков оказалась и «Новогодняя ночь» Крали, которой и присудили первое место.

В спортивном зале, у празднично наряженной ёлки, объявили результаты конкурса, Краля торжественно вручили диплом первой степени и объявили, что победитель поедет на Ёлку Главы республики, где будет театрализованное представление от артистов драматического театра и подарки от Деда Мороза. Краля сияла от удовольствия и под дружные аплодисменты прошла на своё место в первом ряду, где сидела и Рита.

— Я вообще не понимаю, как мой рисунок мог там оказаться? Наверно, кто-то без меня повесил его, — как бы оправдываясь перед подругой, возмущённо сказала Краля.

— Наверно, — ответила Рита.

После поездки на Ёлку Главы республики Краля с восторгом рассказывала всем, как там было весело и хорошо.

К Рите она так и не подошла...

И семью свою сберёг...

*В покосившейся избушке на окраине села
Худо-бедно проживала многодетная семья.
Пил отец, а мать болела и не связывалась с ним,
В пьяной злобе, с кулаками он во всём её винил:
Что детишек нарожала, что стара не по годам,
На столе закуски мало, да в обносках ходит сам.
Старший сын за мать вступался, да куда ему – пацан,
У заступника малого шрам остался в пол-лица.*

*Не успев увидеть детство, рос мальчишка весь в трудах
И душою мог согреться лишь у бабушки в гостях.
Та жила неподалёку и спасала сколько раз.
— И с какого это боку взялся ирод-то на нас?!
Дочь мою поизувечил вечной пьянкою своей.
Есть же Бог на этом свете, пожалел бы хоть детей!
Грех возьму я на сердечко: на последние гроши
За покой поставлю свечку его иродской души.*

*Нет, не стану, ведь расплата будет шибко велика:
Не меня, так вас, внучата, тронет Божия рука.
Ладно, хватит мне ворчать-то, потерпи ещё, Колёк,
За невзгодами и счастье к нам заглянет хоть разок.
Только ты в своём сердечке злобы лютой не таи.
А беда — она не вечна, отойдёт, наступят дни!
Пирог пекла сегодня, ты поешь, возьми домой.
Я ведь знаю, что голодный, не стесняйся, мой родной.*

*Брюки деда перешила к сентябрю тебе как раз.
Видишь, бабка не забыла, что ты нынче в пятый класс.
Колька шёл домой счастливый в новых брюках без заплат.
Только сердце защемило – люди у ворот стоят.
Ничего не понимая, мальчик в дом зашёл, а там
Пьян отец, не дышит мама, дети плачут по углам.
Не одно приходит горе... Вслед за дочерью родной
Умерла бабуля вскоре, вечный обретя покой.*

И вокруг осиротело, детям некого обнять.
Колька всё по дому делал, как его учила мать:
Штопал братикам штанишки и стирал в тазу, как мог,
На ночь всем читал он книжки, даже хлеб в печурке пёк.
Время шло, росли сиротки, Колька им опорой был,
А отца с проклятой водки во хмелю припадок бил.
Горько каялся, божился пьянке положить конец,
И действительно добился – перестал гулять отец.

Колька сразу после школы в медицинский поступил
И, учёбой окрылённый, он одним из первых был.
Подрабатывал на складе и стипендию берёг,
Чтобы из сестёр и братьев каждый выучиться мог.
Как отец гордился Колькой, благодарен был ему –
В детстве парень вынес столько, что не в силах одному.
Никому не жалобился, не высказывал упрёк,
В жизни многого добился и семью свою сберёг!

У нас порода сильная!

— Мужик, какой ни есть плетень, —
От ветра-то презрадушка.
Ты потерпи, наступит день, —
Меня учила бабушка, —
Он перебесится. Тогда
Поймёт своё неправие.
Отступит пьяная беда,
К семье вернётся здравие.
— А где же силы-то мне взять,
Ведь я же не двужильная!
— В себе и черпай благодать,
У нас порода сильная!

Как копейка в пустом чемодане...

Как копейка в пустом чемодане
Снова бьётся о камень душа.
Пред святыми стою образами
И не дам за себя ни гроша...
Не залижешь душевные раны,
Где реальность раздела мечты.
И венчаюсь с тоской неустанно,
Разгребая золу суеты.

Хрупким сердцем кричу: «Помогите!
Я сгораю до самого тла...»
Только слышу в ответ: «Извините.
Ты же сильная, действуй сама».
Я осколки души по крупицам
Соберу в разноцветный букет
И смогу каждым днём насладиться,
Парус жизни расправив, лететь.

Есть люди – злые погремушки

Есть люди – злые погремушки –
Чем выше тон, тем больше «прав».
И нагло грабят чью-то душу
Не правды ради, а забав.

Эгоистичное желанье –
Потешить собственное «я».
Им чужды совесть и страданья,
Чужая не важна судьба.

Но жизнь одна, другой не будет!
Успеют ли понять они,
Что зависть чёрная погубит,
Отнимет радость, жизни дни...

Жить в темноте куда трудней

*Простить обидчика – задача,
Конечно, очень непроста.
И жизнь – сплошная неудача,
И череда надежд пуста.*

*Но, зализав больные раны,
Сумей найти иную суть,
Прости завистника-тирана
(И у него нелёгкок путь).*

*Он задыхается от яда
И ненавидит свежесть дней
И синь небес, и прелесть сада...
Жить в темноте куда трудней...*

Кто тебе сказал, что нынче осень?

*Кто тебе сказал, что нынче осень?
Кто от тихой грусти дал ключи?
Видишь: в небесах сияет просинь,
И в часах кукушка не молчит!*

*Кто тебе сказал, что нынче осень?!
Посмотри: весна в душе цветёт!
Звёзды блещут на вершинах сосен,
Соловей ещё всю ночь поёт!*

*Кто тебе сказал, что нынче осень?!
Ну и что, что так летят года,
На височках появилась проседь.
Оставайся сердцем молода!*

Как ценен каждый прожитый мной миг

*Как ценен каждый прожитый мной миг.
Сейчас я это ясно понимаю.
И даже боль от ссадин и обид,
Как должное, от жизни принимаю.*

*Не жаль, что не дано переписать
Мне набело свои пути-дороги.
Я черпаю из жизни благодать
И никого не осуждаю строго.*

*Я на изломе выцветшего дня
С земным поклоном обращаюсь к судьбине,
Что не совсем покорную меня
До зрелых лет отчаянно хранила.*

Светлая радость улыбки

*Солнечный лучик мелькнул в облаках,
День обещал быть погожим.
Женщина с лилией белой в руках
Шла, улыбаясь проходим.*

*Светлая радость улыбки простой
Сердце незримо созрела.
Жить захотелось сейчас, не потом,
Ярко, открыто и смело.*

*Кучу надуманных мною проблем
Я от себя отпустила
И, улыбаясь на улице всем,
Тоже улыбки ловила.*

*Было неважно – поймут или нет.
Может быть, кто-то осудит...
Главное то, что души моей свет
С радостью дарится людям.*

Волшебства искристые прожилки

*Укрывая плечи снегопадом,
В зыбком лунном свете естества
Вся природа в царственном наряде
Ожидала праздник Рождества.*

*Штриховали крупные снежинки
Дней ушедших призрачную тень,
Волшебства искристые прожилки
Оживляли зимний гобелен.*

*Замирая на ветвях рябины,
Восторжествовала тишина.
Обновленья миг неповторимый
Я с надеждой выпила до дна.*

В каждый дом пусть постучится Счастье

*Распахнув небесные объятия,
В светлый миг Христова Рождества,
В каждый дом пусть постучится Счастье,
И подарит чашу волшебства.*

*Пусть душа избавится от скверны,
Наполняясь светом и добром,
Ангелы-хранители путь верный
Вам укажут, обронив перо.*

Мне так чудесно повезло!

Не взвесить чувства на весах,
Линейкой не измерить.
У одиночества в тисках
Мне трудно в чудо верить.

И запах праздника уже
Не радует, как прежде.
Стою на хрупком рубеже
У выцветшей надежды.

И вдруг услышала звонок,
Я верю и не верю.
Открыла — крошечный щенок
Царапал мои двери.

Откуда ты под Рождество?
Как до звонка добрался?
Ответ на это волшебство
Загадкой остался.

Я на руки щенка взяла,
А он прижался крепко.
Два одиночества свела
Судьба рукою меткой.

И отступило всё, что жгло,
Вернулась я из комы.
Мне так чудесно повезло,
Как дай-то Бог другому!

Я вспоминаю Новый год

*Я вспоминаю Новый год
В далёком сорок пятом...
Я был одним из тех сирот
В детдоме вместе с братом.*

*Мы, дружно сидя за столом,
Письмо писали Деду,
Мечтали только об одном –
О нашем Дне Победы!*

*И мастерили, кто как мог,
Для ёлочки игрушки.
Картон, фольгу пустили в ход,
А кто-то даже стружки.*

*Мы у морозного окна
Мечтали, ждали чуда.
И вот оно явилось к нам,
Неведомо откуда!*

*Открылась настежь дверь, и вот,
В клубах мороза – ёлка!
Сам Дед Мороз её несёт,
Пропахли руки смолкой.*

*И каждый ёлку наряжал.
Где братовский фонарик,
Я к ветке ниткой привязал
Последний свой сухарик.*

*Учитель старый заиграл
В двухрядную гармошку,
Задорно Дед Мороз сплясал,
Мы хлопали в ладошки.*

Потом водили хоровод
Вокруг нарядной ели,
Стихи читали, без забот,
И дружно песни пели.

А Дед присел на табурет,
Открыл мешок блестящий
И всем по горсточке конфет
Раздал нам, настоящим!

Он подарил игрушки нам
Из дерева и глины,
Свистульки, кукол изо льна,
Медведя из холстины.

Вручил письмо для нас, ребят,
Подарок самый главный, —
Конвертик с фронта от солдат:
«Идём к Победе Славной!»

Я лучший в жизни Новый год
Запомнил, и доныне
Письмо солдатское живёт
Со мною, как Святыня!

Сиротский кусок – незавидная доля...

*Сиротский кусок – незавидная доля...
И тихое счастье в родительском доме
Ты видишь во сне уже каждую ночь,
Но только никто не сумеет помочь.
Никто уж не сможет, как мама понять,
Без всякого повода просто обнять,
Так терпеливо, внимательно слушать
Всю твою нежную детскую душу.
Ну почему так бывает на свете,
Что солнце не всем одинаково светит?
Чем же мы Бога так сильно обидели,
Что ни у всех есть на свете родители?
Сиротский кусок – незавидная доля...
Но, видно, на всё на земле Божья воля.*

У меня вчера пропала мама

(Впечатления от программы «Подкидыш».)

*У меня вчера пропала мама.
Может, заблудилась и устала...
Я её до вечера искала.
А когда совсем не видно стало,
То меня отправили в приют.
Как тоскливо мне без мамы тут.
— Бросила она тебя, сбежала, —
Нянечка сердитая сказала. —
Не реви: привыкнешь. Вас тут много.
Ишь, нашлась какая недотрога!*

*Не нужна ты ей: обузой стала.
Я мамаш-кукушек повидала!
— Я не верю! Это всё Вы врёте!
Лучше в мире мамы не найдёте!*

Ну и что, что часто выпивает,
Всё равно ведь добрая бывает!
Очень скоро мамочка придёт
И меня отсюда заберёт.
Год прошёл, второй к концу подходит...
Долго меня мама не находит...

Дорогие дяденьки и тётки!
Если маму встретите, найдёте,
То скажите: я по ней тоскую
И люблю, как прежде, хоть какую!

В моей жизни случались ошибки,
Это лучше, чем полный покой.
Вспоминаю со светлой улыбкой,
Что даровано было судьбой.

Было ссадин на сердце немало,
Но с годами я с ними сжилась.
Лишь теперь до конца понимаю –
Жизнь прекрасна! Она удалась!

Бомжиха

На паперти пристроилась бомжиха
С остатками от прелести былой
И со следами тягостного лиха,
Но не слилась с невзрачною толпой.
Её бомжи прозвали здесь «Графиня» —
Спина прямая, отрешённый взгляд,
И о себе ни с кем не говорила,
И не пила со всеми суррогат.
Она была особенной какой-то —
За подаяньем не тянула рук,

Монетки прихожан брала достойно,
Благодарила взглядом, полным мук.
Кончался день, доход свой небогатый
Она сдавала местной рекетне
И шла к себе, в бомжатник тесноватый,
Чтобы вернуться в прошлое во сне.
И там уже, на дне своей печали,
В сиротском, хрупком, тихом забытии
Заснеженная память возвращала
Сгоревшие счастливейшие дни.
Тогда был муж и сыновья-близняшки.
Их дом стоял на берегу реки.
Всё лето приносили ей ромашки
Любимые и дружные сынки.
Но время шло, сынишки подрастали,
И как-то незаметно день настал,
Когда их вместе в армию забрали
В воюющий тогда Афганистан.
Не описать родительского горя
И не представить в самом страшном сне,
Когда один погиб на поле боя,
Второй попал в неравной схватке в плен.
Для выкупа продали всё, что было,
Но в дом беда приходит не одна –
Отца болезнь смертельная свалила,
Когда узнал, что сын казнён вчера...
После инфаркта, на больничной койке,
Едва дышала женщина от слёз.
Не помогали капельниц иголки —
Давленья столбик только выше рос.
Через полгода вышла из больницы.
Куда идти? Ни дома, ни родни.
И где несчастной можно приютиться
С такой душевной раной в груди?
Она сидела в парке на скамейке,
Невыносимо память сердце жгла.
Вдруг рядышком присел сынок Андрейка,
Совсем ещё мальчишка, как тогда...

Но, почему-то он сказал ей: «Тётя,
Наверное, Вам негде ночевать?
Я знаю место, покажу, пойдёмте.
Там, в уголке Вы сможете поспать».
«Я умерла, и ты, Андрей, мне снишься?
Но так реально, будто наяву,
И так похож на моего сынишку,
Вот только эта родинка на лбу...».
«А как же Вы моё узнали имя?
Ещё я не успел его сказать.»
«На сердце столько лет его носила», —
ответила, слезу стирая, мать.
Пришли в подвал, а там народу много.
Кто водку пьёт, кто спит давно уже.
«Кого ты нам привёл?» — спросили строго
Из кучки разгулявшихся бомжей.
«Да вот, привёл из парка эту тётю,
Ей тоже было негде ночевать».
«На паперть завтра вместе с ней пойдёте,
Чтобы харчи с ночлежкой оправдать!»
«В обиду Вас не дам!» — шепнул Андрейка,
Когда они устроились в углу,
Укрылись чьей-то старой телогрейкой,
Оставленной на каменном полу.
Озябли окна старого подвала,
И эта ночь взята была в кредит,
Но две судьбы сиротских боль сближала
От ссадин, от потерь и от обид.
Тянулись дни, свисали с крыши ночи.
Слоями память жгла до немоты...
«Спасибо, что нашёл меня, сыночек!
Я счастлива, что есть на свете ты!
Теперь у жизни новое начало.
Вот постоим на паперти чуток,
Вернём, что за ночлежку задолжала,
Уедем с чистой совестью, сынок!»

2017 г.

На двери у Одиночества...

На двери у Одиночества
Ни крючка нет, ни замка.
И живёт Его Высочество
В сером замке из песка.
Вход широкий, дверь не заперта,
Только выход узковат.
И душа здесь как на паперти –
Вся из дырок и заплат.

Редко день бывает солнечным.
Тишина, хоть волком вой,
Надоевшая бессонница,
Бесполезных мыслей рой.

Не важны чины, сословия,
Пуст ли, полон кошелёк.
Тут одно царит условие –
Каждый в чём-то одинок.

И не всякий может выбраться.
Главное: хватило б сил,
Потому что стены зыблются,
И порою мир не мил.

Но надежды нить пульсирует –
Закалилась от невзгод.
По канату балансирую
Я туда, где жизнь идёт.

Надежда Кетрарь

Родилась 24.01.87 г. в с. Кызыл-Озёк. Окончила среднюю школу в 2005 г. С 2005 по 2010 г.г. училась в ГАГУ на биолого-химическом факультете.

Мама четырёх детей. Писать стихи и рассказы начала сравнительно недавно, в 2015 г. Постоянный автор творческой страницы газеты «Листок». Одна из авторов сборника «Дороги солнечная нить».

Прощенью жизнь меня учила

Прощенью жизнь меня учила:
«Хоть тяжело, а ты сумей»,
Но гордость громко волком выла,
Кричала, корчилась: «Не смей!».

Обида крепко обнимала,
Сжимала с силой больно грудь.
С ней воздуха казалось мало —
Не выдохнуть и не вдохнуть.

Вулканом злость во мне кипела.
Любовь шептала: «Всё забудь!».
Её послушала. Сумела:
«И ты прости. Не обессудь».

Прощенью жизнь меня учила
И в этот не последний раз...

Скит

*В лесной глуши тайги суровой
Есть одинокий тихий скит.
Где пахнет свежестью сосновой
И разнотравья дух стоит.*

*И в том скиту не знают горя,
Не знают там ни зла, ни бед.
Где деньги ничего не стоят,
А зависти и злости нет.*

*Пытались многие собраться
И отыскать тот тихий скит —
К нему без веры не добраться,
Тайгой надежно он укрыт.*

*Но как найти в тот скит дорогу,
Где нет гордыни, злости нет?
Ведь путь туда знаком не многим —
Никто не может дать ответ.*

Благодать

*Благодать на землю с неба льётся.
Может, в чьих-то душах отзовётся?
О вражде, может, все позабудут?
О войне вспоминать мир не будет.*

*И не будет на земле несчастий.
Люди! Вот оно простое счастье!
Благодать кругом. Она повсюду.
Может быть, поменьше горя будет.*

*Люди! Вот она! Вы посмотрите!
В сердце благодать вы пробудите.
Мир заполнен злом. Изнемогает.
Благодать нам только помогает.*

*Обречённый мир стоит у края,
Только благодать его спасает.
И, Бог даст, одумаются люди,
Больше войн бессмысленных не будет.*

Придорожное кафе

*Аромат чашки кофе дурманит дымком.
Посетителей — серая масса.
Неприметный и скучный пейзаж за окном:
Магазинчики, шумная трасса.*

*Залпом водки стакан, огурцом закусив, —
Дальнобойщик в вечерней кафешке.
Слышен грустный шансон, чуть знакомый мотив —
Позабывтая временем флэшка.*

*Сигаретного дыма клубится туман.
Спит, легонько обняв кружку пива,
Постоянный клиент. Он с утра в стельку пьян.
И заказов все ждут терпеливо.*

*Торопливые гости: "Сейчас подойдём!
Но подходит служитель без спешки.
Шум спешащих машин. Разговор ни о чём
В придорожной вечерней кафешке.*

Будни мегаполиса

*А город всё кричал, звучал, стонал и выл,
В асфальтовый гранит безвременно закован.
А город суеютой людскою только жил.
Количеством надежд несбывшихся был полон.*

*Он извращал одних, маня своим теплом,
Запутывая жертв в расставленные сети.
Наивные глупцы мечтали лишь о нём,
И многие из них в его сгорали свете.*

*Других манил мечтой, где деньги, статус, власть.
С корыстью приглашал. Всегда был горд собою.
Людей в грехах топил и, упиваясь всласть,
Смеялся над людскою тщеславною мечтою.*

Хозяин тайги

Шум внедорожника представительского класса, подкачившего к ограде пожилого лесничего, спугнул стайку красногрудых снегирей, склёвывавших сохранившиеся яблочки на старой дичке. Из машины вышли двое: один с выпирающим брюшком в дорогой кожаной куртке и с присущей людям его рода деятельности вальяжностью — Федор Иванович — местный депутат; другой — в далеко недёшевом спортивном пуховике и с неизменной ухмылкой на лице — Сергей — его водитель. С нескрываемой брезгливостью подходя к Степанычу, в драной и засаленной куртке коловшему поленья на мелкие щепки для растопки, Федор Иванович поздоровался с ним:

— Здорово, Степаныч. Дело к тебе есть. На днях ко мне друг приезжает из самой Белокаменной. Чиновник большого масштаба, заядлый охотник. Прошлым летом на сафари в Африку ездил, даже голову самого царя зверей оттуда привез. Сейчас его на родные просторы потянуло. Слышал я, что ты знаешь, где неподалеку в тайге берлога есть. Как, поможешь с этим делом?

Степаныч, не отвлекаясь от работы, сплюнув себе под ноги, ответил:

— Знаю. Да вам не скажу. Это медведица с годовалым медвежонком в спячку залегли. Последнего медведя этим летом такие же «любители охоты» застрелили. Теперь на много сотен километров в округе этих зверей не водится. А старую медведицу с медвежонком я трогать не дам, — при этом лесничий так замахнулся топором, что чиновник шарахнулся от него в сторону. — Езжайте отсюда. Ничего вам здесь не светит.

Сергей, видя подпортившееся настроение своего шефа, процедил сквозь зубы:

— Зря ты так. Всё равно найдём у кого узнать.

Депутат с водителем недовольно хлопнув дверьми машины, матюгнувшись напоследок, укатили обратно в город.

Через пару дней Степаныч, прихватив старое ружьишко, на охотничьих лыжах с саними, груженными кормовой солью для таёжных копытных, отправился на дальний кордон. Там, за сосновым бором, и была медвежья берлога.

Этим тёплым февральским днём солнышко светило не по-зимнему ярко. На молоденьких елях пересвистывались хохлатые свиристели. Цепочка заячьих следов пересекала наезженную лесничим заснеженную тропинку. Корка наста под тяжестью саней и лыж тихо похрустывала. Старый ворон, сидящий на верхушке сучковатой берёзы, своим скрипучим карканьем спугнул стайку синиц, пригревшихся под лучами скупого зимнего солнышка.

Большой Волчий лог остался далеко позади. Сосновый бор всё сильнее сгущался. Невдалеке застрекотали встревоженные сороки. Чувствуя что-то неладное, старик ускорил шаг. Вдруг тишину зимнего леса прервала череда эхом отдающихся выстрелов. Следом прогремел рёв могучего, смертельно раненного зверя. Степаныч из последних сил рванул вперёд, бросив своей тяжестью давившие сани.

Перевалив через сверкающий зубцами старых, лишенных хвои елей хребет, лесничий увидел страшную картину: внизу под отвесным склоном зияла оскаленной пастью развороченная медвежья берлога. В нескольких метрах от неё, распластавшись на брюхе, лежала смертельно раненная медведица. Снег не успевал впитывать ещё не остывшую багровую кровь. Около её уже бездыханного тела безумно верещал осиротевший медвежонок. Стоя гордых, опьянённых проделанной работой мужиков стояла невдалеке.

Один из них в коротком полинявшем тулупе (как оказалось, из деревенских, который за неплохие деньги и показал ещё осенью примеченное им место медвежьей лёжки) подошёл и быстрым ударом приклада ружья по голове вырубил медвежонка. Через пару минут мужик крепкого телосложе-

ния в дорогой собольей шапке не спеша приблизился к медведице. Как и десятки раз до этого, опёрся ногой на тушу медведицы, взял в руки свой охотничий карабин и коротко бросил озадаченному пузатому мужику: «Иваныч, фотай!».

Пока пожилой лесничий, чертыхаясь и кляня себя за нерасторопность: «Ироды проклятые! Чего натворили!» — спускался со склона по обходному пути, всё было кончено. Медвежонка, по всей видимости, «бравые» охотники увезли с собой. На месте их преступления осталась лишь обезглавленная и ошкуренная туша медведицы (диким зверям на растерзание), лужа крови, покрывшаяся ледяной коркой, да следы умчавшихся в сторону города снегоходов.

Ближе к осени я встретил Степаныча в деревенском магазинчике. Там он рассказал, что голову медведицы, как очередной трофей, забрал себе столичный депутат, а её шкура теперь красуется в загородном доме местного чиновника — Фёдора Ивановича. Медвежонка же тот самый деревенский мужик в коротком тулупе продал районному бизнесмену. Я видел этого последнего представителя медвежьего семейства в лесочке на турбазе того предпринимателя. На потеху туристам медвежонка прицепили на цепь к дереву. Это измождённое животное без должной кормёжки и ухода уже нельзя было назвать хозяином тайги: на его исхудалом теле возвышалась непропорционально огромная голова, шкура полиняла клоками и была в грязных колтунах, широкий ошейник до мяса натёр шею, а забитый взгляд выражал желание, чтобы поскорее всё закончилось...

Прошло почти два года с тех трагических событий. Лесной зверь всё так же продолжал сидеть на цепи. Он был на удивление тихим и даже каким-то забитым что ли. Правда, из медвежонка давно превратился в огромного зверя. Дикие инстинкты, казалось, заснули в нём навсегда. Что ж, бизнесмена это вполне устраивало, особенно когда на очередной пирушке с компанией он разыгрывал из себя знатока мед-

вежьей натуры и эдакого «лесного царя», бросая зверю подачки с барского стола.

В тот день собралась большая компания. По великому случаю заехал и Фёдор Иванович, тот самый депутат. Гуляли от души. Вспоминали и великую охоту. Дело дошло до ружей с фотокамерой. Приняв на грудь и ошетилившись стволами, полезли с геройским видом под прицел объектива, едва ли не в обнимку к медведю. Тот был похож на огромную забитую собаку на привязи и сегодня даже не поскуливал как обычно, а лишь тоскливо смотрел на всех чёрными глазами.

— Давай, давай! Улыбочку! — кричали любители развлечений, тыча прикладами в косматый загривок.

Как знать, что это было, — глубокая ли память зверя сработала или невероятное совпадение времени проснувшихся инстинктов явилось тому причиной. В следующую секунду медведь распрямился, издав ужасный рык, прокатившийся по всей округе. Давно перетёртое цепное кольцо оторвалось возле ошейника. Зверь бросился в гущу людей, подмяв под себя сразу несколько человек. Остальные с криками, падая, и отталкивая друг друга, бросились кто куда. Вскоре и медведь исчез, растворившись за тёмной стеной леса. На столбе так и осталась висеть пустая цепь, возле которой лежал фотоаппарат, навсегда запечатлевший в последнем снимке «лесного царя» в обнимку с Фёдором Ивановичем.

Степан Кондратьевич

Так сложилось, что к семидесяти годам Кондрат Кондратьевич остался совсем один. Два года прошло, как его жены Марии не стало. Слегла под осень, а зиму уже не пережила. За всю их долгую совместную жизнь детей они не нажили. Сказалось холодное и вечно полуголодное послевоенное детство. Каторжная работа в колхозе и в жару сорокаградусную, и в лютый холод тоже основательно подпортила здоровье супругов. Предлагала Мария, конечно, Кондрату ребёнка взять из детдома, но упёртый мужик ни в какую не хотел воспи-

тивать чужую кровь. Всё надеялся, что Господь пожалеет их и пошлёт хоть к старости сынишку, а, может, дочурку в помощь, которых они назовут Степаном или Степанидой, но так и не дождался. Из родни в живых у него тоже никого не осталось. Большинство родственников ещё во время войны сгинули.

Единственную корову, как Мария слегла, пришлось продать. А со смертью любимой хозяйки из дому сбежал проживший у них не один год рыжий кот Васька. Заводить ещё кого-нибудь из живности старик не хотел. Всё одно — думал он, что в скором времени к жене отправится. Самого желания жить у него уже не было. Даже бриться перестал. Проведывавший его частенько сосед Сергей заметил, как сильно сдал старик: стал сутулиться, осунулся, чего раньше за ним не наблюдалось.

Дни и ночи, проводимые в одиночестве, тянулись медленно и однообразно. Вставал Кондратьевич чуть свет — деревенская привычка сказывалась. Раньше-то корову нужно было раненько на выгул отправлять, да на работу в колхоз собираться. Сейчас коровы не было, а привычка так и осталась. Ходил с ведром по воду на колодец, готовил нехитрый завтрак, обычно из магазинских полуфабрикатов, потом просматривал старый фотоальбом, где хранились их многочисленные фотографии с Марьей. Разбередив душу воспоминаниями, отправлялся он на крыльцо, где попыхи-вая папиросным дымком, ожидал кого-нибудь из знакомых, проходивших мимо со скупыми деревенскими новостями.

Телевизор смотреть Кондратьич особо не любил, поэтому после обеда частенько отправлялся в местную библиотеку, где брал книги о войне. Так, за чтением книг день, наконец-то, подходил к концу. Ближе к вечеру затоплял печь. Прохладно становилось в избе осенними вечерами, да и сильно стали мерзнуть ноги. Ну, а по ночам старика всё чаще мучила постылая бессонница, приходившая всегда со сменяющимися друг друга кадрами из прошлого.

Долгую жизнь они прожили с Марьюшкой. Много чего

было хорошего, немало и плохого. Чаше вспоминались их знакомство, свадьба, тихие будничные дни. Соскучившемуся по домашней еде старику на память приходило, как вкусно готовила Мария. Особенно нравились ему жаренная картошечка со свежими опятами да со сметанкой. Ммм... И так в этот раз захотелось снова испробовать это блюдо (раньше то, бывало, и сам жене помогал готовить), что поставил перед собой цель на завтрашний день: можешь, не можешь, но надо сходить в лес за грибами. Да и просто прогуляться по осеннему лесу было бы неплохо. Тем более Сергей на днях целую корзину опят принес. А свежую сметану можно взять у соседки Зинаиды — доброй души женщина. Благо дело, старику для жарёхи сметаны нужно совсем немного. В предвкушении завтрашнего дня старик вскоре уснул.

Утром Кондратьич чувствовал себя на удивление бодро. Минут через пятнадцать после простенького завтрака он уже был готов к тихой охоте. Прихватив с собой верный костылёк, плетёную корзину и нож, старик отправился в лес. Лесной массив начинался сразу же за забором Кондрата Кондратьевича. Сентябрьское утро отдавало сыростью и лёгкой прохладой, но день обещал быть тёплым. Небо было чистое, без единого облачка. Постепенно поднимаясь, солнышко своими тёплыми лучами ласкало успевшую остыть за ночь землю с уже начавшими жухнуть растениями. Деревья пестрели всевозможными красками. Кое-где торчали метёлки сбросивших всю листву кустов. Многие теплолюбивые лесные птицы уже перебрались в южные края. Местами под лучами медленно поднимающегося по небосводу солнечного диска сверкала роса на сиротливых паутинках. Кругом было тихо. Лишь негромко под ногами шуршали опавшие листья. Старик полной грудью вдыхал воздух утреннего леса. Тропка уводила всё дальше в лес. Горбоносый костылем, раздвигая палые листья и заглядывая под трухлявые пни, Кондратьевич высматривал грибы, но хитрые лесные жители умели хорошо прятаться.

Через час хождения по лесу длинноногих опят в его корзине была лишь небольшая горстка. Кондратьич помнил, что в глубине лесной чащобы было сырое глухое место с гнилыми пнями и валежником. Для опят просто благодать! Кое-как продравшись через колючие кусты шиповника и крапиву, старик оказался на долгожданной поляне. На трухлявых пнях опёнков было видимо-невидимо. Они своими разнокалиберными пуговками облепляли трухлявые деревья и пни. Сердце радовалось от этой картины. Старик принялся аккуратно срезать стройные грибные ножки под шляпками всевозможных размеров.

Он увлеченно занимался грибами, как из-за зарослей малины раздалось негромкое жалобное поскуливание. Кондратьич прислушался, но кругом было тихо. Он продолжил начатую работу, однако вскоре скулёж снова повторился. Тогда Кондрат Кондратьевич отложил в сторону полную корзину грибов и направился к сторбившейся берёзе, которая росла рядом с малиной. У старого дерева на короткую плотную верёвку был привязан белый щенок лайки. Земля вблизи дерева была изрыта его когтями. Тощий лайчонок лежал на земле, положив голову на передние лапы и изредка поскуливал. По изможденному телу собачонки было видно, что здесь она провела не один день. Это очень удивило старика, ведь в сибирских деревнях к лайкам всегда относятся с уважением. Кондратьич подошёл ближе. Лайчонок поднял голову, но тут же бессильно отпустил её. В его глазах цвета чистейшего голубого неба, полных боли, было что-то очень близкое. «Ишь ты, — подумал старик, — глаза-то совсем как у Марьюшки, такие же светлые и голубые».

Он взял нож и перерезал погрызенную щенком верёвку. На шее лайчонка осталась глубокая кровавая полоса. Собака безразлично смотрела на старика. Измученный щенок не мог стоять на лапах: сразу же падал. Кондратьич взял на руки лайчонка и понёс его из леса. Корзинка с грибами так и осталась в чащобе.

Дома старик в миску налил молока, накрошил туда хлеба и на крыльце поставил перед щенком. Измученная собака благодарно посмотрела на своего спасителя, а затем принялась с жадностью глотать живительную пищу. Вылизав дно миски, лайчонок попытался встать на лапы, но это у него еще плохо получалось. Он дополз до Кондратьича и ткнулся влажным носом в его руку. Положив голову на колени старика, тяжело вздохнул и приготовился слушать, что же скажет этот седой человек. Кондрат Кондратьевич усмехнулся и, поглаживая собаку по голове, сказал: «Ну что, Степашка, — закашлялся и продолжил, — Степан Кондратьич, Бог даст, эту зиму перезимуем, а там, значит, еще поживём с тобой».

Уссурий

Молодой тигр, лёжа на высоком выступе скалы, старательно вылизывал переднюю пораненную лапу. Прошло несколько месяцев как его мать-тигрицу убили, а младшего брата забрали с собой двуногие с двуствольными палками, которые плюются жалящими камешками. Что это такое, он узнал, когда рой таких камешков убил старую мать-тигрицу, а по его задней лапе чиркнул один из них. Тогда двуногие забрали с собой его мать и брата на большом и страшном фырчащем звере.

Без матери молодой тигр до сих пор не смог освоить многие таёжные премудрости. И поэтому пару дней назад по невнимательности наступил лапой на острую колючку. Мягкая подушечка лапы саднила и не давала ему покоя.

Над уссурийской тайгой пронёсся лёгкий ветерок, сбрасывая с деревьев ворох пожелтевших листьев. Стройный клин журавлей, курлыча высоко в небесах, устремился к тёплым краям.

Живот тигра настойчиво урчал от голода. Пора отправляться на охоту. Лончак*, прихрамывая, спустился со скалы и отправился на поиски добычи. Тонкий тигринный нюх вёл его вперёд, в глубину таёжных зарослей. Казалось, что

совсем недавно в его жизни не было таких проблем. Мать всегда сытно кормила их вместе с младшим братом свежим мясом. Даже в прошедшую суровую зиму он редко когда подолгу голодал.

Первое время молодому тигру приходилось довольствоваться мелкими птицами и мышами, но со временем его охотничьи навыки улучшились. Он стал охотиться на зайцев, кабанов, молодых оленят. Самая крупная его добыча — старый олень, который сдался ему почти без боя. Хотя мясо его и было жестким, всё же тигру его хватило надолго.

Живот всё настойчивей урчал, давая понять, что пора срочно подкрепиться. Оранжевая шкура с черными полосками идеально маскировала тигра на фоне осеннего леса. Осторожно ступая по сухой листве, лончак принимался к окружающим запахам. Вот, совсем недавно, прошло семейство кабанов. С его пораненной лапой бесполезно связываться и с поросятами. Их папаша непременно даст отпор. А получать новые ранения ему совсем не хотелось. Пройдя ещё пару десятков шагов, его носа коснулась тонкая струйка запаха близкой добычи и заставила свернуть налево. За развесистым кустом амурского бархата сидел, пощипывая траву, крупный заяц. Под лапой крадущегося тигра громко хрустнула ветка, скрытая опавшей листвой. Заяц тут же дал такого стрекача, что и здоровому тигру за ним не угнаться.

И вдруг снова этот невыносимый и до боли знакомый запах. Шерсть на загривке тасху* стала дыбом. Он люто ненавидел двуногих с плюющими палками. В один момент улетучилось чувство голода. Его наполнила всепоглощающая ярость. Ярость, подталкивающая разорвать двуногого на куски. Насторожившись, он сделал шаг вперед...

* * *

Макар не был честным охотником. Не гнушался беременных самок, детёнышей подстрелить, лишь бы добычи было побольше. Нередко подворовывал из чужих капканов.

Жаден он был до чужого добра. И если на охоте удача была не на стороне Макара, в его котелке никогда не заканчивалось мясо, пусть даже и с клеймом чужого хозяина. На все претензии сельчан он отвечал так: «Жадный ты, однако. Делиться надо». Связываться с ним было бесполезно. Все знали вспыльчивый нрав Макара, который чуть что и сразу же хватался за ружьё. Жена упрекала его за это, но чаще помалкивала. Так и сейчас Дярикта, вытирая помытые плоски, поглядывала на своего мужа, вернувшегося пару дней с охоты. Он тщательно чистил ружьё, готовясь снова отправиться в тайгу. Завтра его ждала крупная добыча.

— Макар, не ходил бы. Пушнину продашь — денег на крупу с мукой хватит. В тайге амба* злой, к зиме готовится.

Макар, прищурившись, зло посмотрел на жену:

— Молчи, женщина! Тасху поймаю — новое ружьё себе справлю и тебе на безделушки хватит.

Дярикта только покачала головой:

— Око говорит, что видел у Хмурого утёса следы тигра. Лучше его не беспокоить. Не ходи, Макар! Чую, недоброе время завтра.

Охотник только усмехнулся:

— Дух тайги нынче добрый. Вон сколько пушнины взять разрешил. Значит и завтра мне помогать будет.

* * *

В округе стояла звенящая тишина. Казалось, что сам Дух тайги убаюкал осенний лес. Лишь невдалеке было слышно, как щёлкают кедровые орехи шустрые бурундуки. Но вдруг встрепенулась тайга. Сороки, громко стрекача, полетели со своих насиженных мест. Сквозь таёжную чащобу пробирался вперёд к Хмурому утёсу охотник низенького роста со старенькой двустволкой за спиной. По дороге он увидел соболёнка, попавшего в капкан и крутившегося на одном месте. Обрадованный дорогой добычей, доставшейся ему без особых усилий, охотник свернул зверьку шею и закинул его

бездыханное тельце в тощий охотничий рюкзак. Хотя капкан и не был его, угрызения совести по этому поводу никогда не мучили Макара. В приподнятом настроении, мурлыкая себе под нос незатейливую песню о том, как ему сегодня повезло, он увидел след молодого тасху. Это были следы лончака — двухлетнего тигра, весившего не меньше ста килограммов. След правой передней лапы хищника плохо отпечатывался на земле, значит, скорее всего, он ранен. Цепочка следов вела Макара от тигриной лежанки на уступе скалы в глубину кедрового леса. Подгоняемый охотничьим азартом, Макар без осторожности рванул вперёд. Его воображение рисовало полосатую тигриную шкуру, которою он продаст не меньше, чем за полтинник. Прикупит себе новое ружье и так, на всякую мелочёвку хватит.

Но, учуявший запах двуногого, тигр сделал прыжок в сторону охотника. Резкий выстрел разорвал звенящую осеннюю тишину. Жалящая свинцовая пуля скользнула по тигриной морде. Тигр взревел от боли и придавил охотника к земле. Звериные клыки кромсали воздух прямо над лицом Макара. Он одной рукой вцепился в горло хищника, другой пытался достать острый нож из ножен. Вытащив нож, его сил хватило лишь неглубоко царапнуть тигра по спине. О сохранности дорогой шкуры он и не думал: тут свою бы спасти. Амба отскочил в сторону. Макар же попытался подняться, дотянуться до ружья, но тигр с громким рыком сделал ещё один прыжок...

Сегодня Дух тайги не был на стороне двуногого...

Амба*, тасху* — по-нанайски, тигр.

Лончак* — двухлетний тигр.

Надежда Пенская

Родилась 3 июля 1958 г. в г. Тамбове.

В 1980 г. окончила режиссёрско-театральное отделение ТФ МГИКа. Преподавала в Тамбовском колледже искусств, работала актрисой в театрах страны, в 1987-1988 г. — в драмтеатре Горно-Алтайска.

Пишет стихи и песни. Неоднократно печаталась в газетах: «Звезда Алтая», „Листок“, „Уймонские вести“, журнале „Голос Долины“.

В 2009 г. вышел её персональный сборник стихов “Над суетой” (г.Горно-Алтайск). В 2010 г. печатается в коллективном сборнике “Под небом Алтая” (г.Горно-Алтайск). Дипломант поэтических фестивалей. В 2014 г. издаётся в фестивальном сборнике “Созвучье слов живых”(г.Бийск).

Номинант Российских литературных премий 2017 года “Наследие” и “Русь моя”, стихи вошли в сборники.

Член Петровской академии наук и искусств.

Живёт в с. Мульта Республики Алтай.

* * *

*А можно тишины душой коснуться,
Прильнув к её священной немоте,
И с головой в глубины окунуться,
Оставив жест прощальный суете.*

*О, этот вдох свободы несказанный,
Пронзивший тело с темени до пят!
Как знак мне с неба начертанный,
Что для меня нет выше из наград.*

*И я приму молитвенный настрой,
Впитает вьсь душа и, устремившись к Богу,
Сложит псалмы, вновь обретя покой,
Как фимиам, их вознося к чертогу.*

Песня *Птица горняя*
(Анне Ахматовой)

*Как ты близка мне, птица горняя,
Размахом крыл, касающимся звёзд.
С душой, искрящейся, как молния,
Ты выходила на помост.*

*И только руку протяни,
Возьми звезду себе в надежду
И крыльев тонкую одежду
В земной дороге не помни.*

*А в тот, судьбою данный миг
Вокруг земное замирало,
Ты мир иной всем открывала —
Как зал восторженно притих!*

*И только руку протяни,
Возьми звезду себе в надежду
И крыльев тонкую одежду
В земной дороге не помни*

*Твой глас звучал из поднебесья,
Звенел натянутой струной,
И Ангел дали неизвестной
Звал за собой, звал за собой...*

*Ты только руку протяни,
Возьми звезду себе в надежду,
И крыльев тонкую одежду
В земной дороге не помни...*

В пустынном храме смолкли гласы,
Свет от лампы, что звезда,
Ты покаянною молитвой
Молилась тихо у креста.

Колени, преклонив смиренно,
В молитве, чистой и простой,
Душой ранимою поэта
Скорбела о Руси Святой.

И возносилась та молитва
Пред Господом, как фимиам:
«Мне б претерпеть за Русь, о Боже!
Я путь голгофы не предам...»

И слёз чистейшие алмазы
Как жертву приносила ты...
И ангелы внимали свято
Твоей молитве с высоты.

Я раздвину шторы немоты –
Я открою себя небесам,
От удушья и суеты
Убегу навстречу ветрам.

Я в цветные луга убегу,
Нагуляюсь в тихих лесах.
Всё и вся, жаль, объять не смогу –
Необъятна мира краса!

Мне осень нашептала тишину,
Взяла под кров свой, осенев крылами,
И нет нужды бежать мне ни к кому –
Я одиночества ищу с годами.

Так в красках осени глаза нашли приют,
С небес стихом нисходит вдохновенье —
Как чудно, Господи, Твоё творенье!
Летящие к руке листы о том поют.

Даст тишина молитвенный настрой –
Услышать голос сердца снова
И славить Господа, и обрести покой,
И радость бытия земного.

Не оставляй меня, Господь,
Твой глас душе моей отраден,
Но без Тебя я труп, что хладен,
Не оставляй меня, Господь.

Вложи глагол в уста мои –
Слагать хвалебные стихиры
И укрепляться в сердце верой,
Вложи глагол в уста мои.

Дай силы мне ещё служить –
Твою Отчизну петь и славить
И путь спасенья не оставить,
Дай силы мне ещё служить.

Не оставляй меня, Господь.
Подай в трудах моих терпенье,
Даруй мне кротость и смирение,
Не оставляй меня, Господь.

Храни тебя Господь, Алтай!
Пусть молвят, что язычен от рожденья,
Ты в сердце, как Всевышнего алтарь,
Ты для поэта – чаша вдохновенья.

Что так таишь в своих камнях?
Чей след так бережно скрываешь?
Какой пророк с сумою на плечах
Здесь проходил, один ты знаешь.

Поведай мне, седой Алтай,
Какою тайной ты владеешь?
Ты к звёздам устремлён душой,
Ты небом, как и я, болеешь.

Ты первозданной красотой
Сердца людские очищаешь.
Ты музыку небесных сфер
Колоколами проливаешь.

Как Божье откровенье, неземная,
Она уже звучит во мне...
Мы слышим музыку Алтая,
Священный звон храня в себе.

И, может, в час тот, Богом данный,
За тайну, что в себе хранил,
Алтай мой, будешь первозванным –
Ты светлу рать объединил!

Воскреснет, встанет Русь святая!
И зазвонят колокола,
А с ними музыка Алтая –
Торжественна, победна и светла.

Валерия Тюхтенева

Родилась в Новосибирской области, в семье сельских учителей. Получила высшее образование в Новосибирском электротехническом институте связи. Там же параллельно окончила факультет общественных профессий по специальности журналистика.

Работала по основной профессии в г. Тобольске. Была членом литературного общества «Конёк-горбунок», печаталась в местной газете.

По семейным обстоятельствам переехала в г. Горно-Алтайск. Замужем, счастливая мама двух взрослых дочерей, не менее счастливая бабушка. В данное время на пенсии.

Печаталась в сборниках поэзии: «Огни гавани» (г. Санкт-Петербург), «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить», в газете «Звезда Алтая».

Член Майминского литературного объединения «Лира».

Люблю природу, животных, увлекаюсь живописью и горными лыжами.

Мой сад. Мой рукотворный рай. Шесть дней труда
До ломоты в спине, до боли, хруста.
А на седьмой Господь спускается сюда,
Чтоб почитать со мной Марселя Пруста...
Исчезнет время. И простые чудеса
Проявятся для подтверждения истин,
Когда проросшая из косточки лоза
Подарит ярко-золотые кисти.
Иль в тишине взорвётся новою звездой
Бутон надменно-белого пиона...
И вновь шесть дней труда, для Бога день седьмой,
Как в заповеди, что важней закона.

Мы будем думать о весне,
Пока что календарной...
За окнами всё снег, да снег
В масштабах планетарных.
И город, словно НЛО,
Завис в пространстве белом,
Сигнала вместо SOS – «Мело,
Мело ... во все пределы»...
Не споря с климатом возне,
В сердечной канители
Мы будем думать о весне
В плену у пастернаковской метели.

Впадать в весну, впадать,
как в детство.
Мечтать, витая в облаках.
Играть в слова, искать
в том средство
От вседозволенного «ах»!
От неуёмного желанья –
Продлить безумия весны.
От раздвоения сознания –
Что есть реальность,
что есть сны.
Впадать в весну, впадать,
как в детство...

Белых буйволов вереницы
Переходят небесный лиман...
Чёрным буйволам воля снится –
Степь без края, да жизнь без ярма.

Только ночь коротка, а утром –
Борозда, что длиной в горизонт,
След кнута кровав, жилы вздуты,
Тучи гнуса в полуденный зной...

Ход времён ничто не нарушит.
Бороздой, уходящей в туман,
Чёрных буйволов белые души
Перейдут небесный лиман.

Прежде...
сторонилась людей,
критикующих
с яростной силой.
Как парировать им?
Симметричный ответ
я считала всегда
некрасивым.
А сейчас говорю им
от чистого сердца –
спасибо.
Прежде...
тех людей,
что хвалили меня,
я поспешно старалась
Всех причислить к своим.
А сейчас я гляжу
им в глаза –
от хвалы, что осталось?
Чистый свет. Злая тьма.
Не солгут мне глаза –
ни на малость.

Смешенье солнца и тепла
И волн раскатистое эсперанто.
Резная тень олив легла
На только что раскрытый томик Данте.
И на зачитанный до дыр
Весьма услужливый путеводитель –
Мой предсказатель, поводырь,
Иван Сусанин, только на изрите.
И по нему дороги в Рим –
К ценителю искусств, любви, удачи
Сейчас ведут в Иерусалим
Для сокрушенья сердца, к стене плача...
Смешенье солнца и тепла,
И волн раскатистое эсперанто
Кругами ада станут без тебя
Из непрочитанного мною Данте.

Про обиды

Кидают в тебя увесистый булыжник... Поднимаешь его и несёшь высоко-высоко в гору, подальше от людей. Строишь вокруг – красота, простор, дышится легко. Оставляешь булыжник, спускаешься в долину поближе к людям. С каждой обидой гора всё выше и выше, с неё открываются новые горизонты. И ты становишься всё сильнее, выносливее и как-то дальнороче сердцем что ли...

Георгий Балакин

Даже сейчас, когда не только в городах, но и в сёлах есть храмы, а священника можно увидеть не только на картинке, – всё равно священно служение для большинства наших современников воспринимается, как что-то экзотическое.

...Август 1992 года. Совсем недавно я стал священником и рясу надеваю только тогда, когда в храме. Моя борода весьма «далека от совершенства» и, наверное, я ещё совсем не похож на классического «батюшку». Впервые после хиротонии я приехал в село к родителям и иду в магазин, за хлебом. На встречу мне, пыля и прыгая на кочках, несётся трактор, МТЗ-80, за рулём которого восседает мой одноклассник Олег. Он резко останавливается, выскакивает из кабины, мы горячо приветствуем друг друга и он, ущипнув меня за бородёнку, полушутя спрашивает: «Ты что, в дьяконы собрался, что ли?»

на что я вполне серьезно отвечаю: «Да нет, Олег, диаконство для меня — это пройденный этап. Я уже священник!» Услышав это, мой дорогой одноклассник пережил небольшой, но искренний шок и, бормоча что-то типа: «Неее... этого не может быть! Да иди ты...», сел в трактор и «поскакал» дальше...

Если не шок, то удивление или хотя бы интерес испытывают многие, когда узнают, что, например, их собеседник, или попутчик в поезде — священник. А видя священника, многие интересуются: а как это получилось, что тогда, когда «наши космические корабли бороздят просторы межзвёздного пространства», люди уходят в Церковь?

Совсем недавно в около церковном интернете появилась мода писать «исповеди бывших», в основном — священников, монахинь, семинаристов. И я решил написать что-то типа «исповеди бывшего безбожника». Но чтобы мой малый труд не смешался с огромным количеством псевдо-исповедей, назвать я его решил немножко по-другому: «Из савлов в павлы...»

Вначале тоже сомневался, могу ли я ТАК сравнивать себя со Святым Первоверховным Апостолом Павлом — но позже понял: могу ... и не могу.

Могу, потому что тоже был гонителем Церкви, а теперь Её служитель.

Не могу, потому что масштаб не тот. И потому в названии имена собственные написал с маленькой буквы, как нарицательные.

И ещё: заранее прошу прощения, может быть, за излишнюю откровенность. Всё-таки первым (и рабочим) названием данной повести было «Исповедь бывшего безбожника».

Из савлов в павлы...

Глава 1

Родился я тогда, когда безбожие было не только государственной идеологией, но, как казалось, — нормой жизни. Хотя последнее можно и оспорить: тогда большинство официальных атеистов вроде бы Богу не молились, но Господа поминали, в церковь не ходили, но детей «крестили» — вернее крестили те, кто мог прийти или приехать в церковь. Однако, если до церкви было далеко, а мы, например, жили в 500 км от ближайшего храма, — то детей «крестили» бабушки. И меня «крестила» моя родная бабушка, причём неизвестно по какому обряду — «старому» или «новому». Моими крёстными стали коммунист — муж моей младшей тёти, и комсомолка — моя старшая сестра.

Собственно говоря, этим сомнительным крещением моё начальное воцерковление и закончилось. Даже нательный крестик мама хранила где-то в ящике комода.

Иногда к нам приезжала погостить та самая бабушка — «Мама-Стара», которая меня и погружала в купель. Когда Мама-Стара приезжала, то из глубины кухонного шкафа-«буфета» извлекалась маленькая, литая иконка святителя Николая — единственная икона в нашем доме. Икона поставлялась на верхней полке этажерки, и бабушка подолгу молилась перед ней утром и вечером. Помню, мне было где-то года четыре-пять, когда я, заинтересовавшись, встал у неё за спиной и стал повторять то, что она делала: креститься и кланяться, а она почему-то «шикнула» на меня, и я убежал. Мне было просто интересно, я хотел понять, для чего бабушка молится, но она, видимо, посчитала, что я её передразниваю, а, может, причиной послужил случай, произошедший в один из предыдущих её приездов. Сам я подробностей не помню, но мама об этом рассказывала неоднократно.

Тогда мне было, наверное, годика три. Мама только что повесила на окна новенькие шторы, а я взял ножницы и выстриг цветочки. Увидев моё художество, мама в сердцах воскликнула: «И кто тебя такого только надава́л!», на что бабушка, решив использовать данный момент как повод для "катехизации", попыталась мне подсказать: «Сыночка! Скажи: Бог!», на что я, отрицательно помотав головой, заявил: «Не-а! Дядя Ленин!»

...Вообще в детстве «дядя Ленин» для меня был настоящим предметом религиозного поклонения. Действительно, того Ленина, чей образ был предо мною тогда – на заре жизни, я любил всем сердцем, как вообще-то нам должно любить Христа. И позднее, когда я, будучи студентом истфака, начну открывать для себя страшную тайну о том, каким на самом деле был «самый человечный человек», я переживу самую настоящую "мировоззренческую" катастрофу. Мои родители были беспартийными и почти безграмотными – «дети войны», они даже не закончили начальной школы, поэтому такое отношение к Ленину – не их вина или заслуга. Зато то, что не только я, но и мои братья – сестры изначально усвоили, что нравственное выше материального, а отдавать – предпочтительнее, чем получать, – несомненная заслуга наших родителей.

Отец, не задумываясь, мог отдать последнее первому встречному. А мама... Мама всех жалела, и, сколько я себя помню, всегда в нашем доме было много людей, которых она привечала, кормила и о каждом заботилась.

Сейчас, по прошествии почти пяти десятков лет, я оглядываюсь и понимаю, что в пору моего детства многие говорили, что не верят в Бога, но Бог верил в них. И многие, не зная Бога, – служили Ему, сами того не осознавая.

Потом, когда Господь откроется мне и призовет послужить Ему, многие близкие меня не поймут. Но удивительно радостно и органично родители воспримут моё воцерковление. Папа признается, что на самом деле он всегда в Бога верил, только молчал. А когда было трудно или страшно,

например, когда он служил в ВДВ, и нужно было прыгать с аэростата или самолёта, то всегда мысленно обращался к Нему. А мама... Мама даже ничего говорить не будет. Только вздохнёт: «Ну и – слава Богу!» А я позднее пойму, что это будет не просто междоумение, а самая настоящая, искренняя молитва славословия.

Глава 2

Первую книжку я самостоятельно прочитал ещё до школы.

Наши родители не сумели получить даже начального образования, и, видимо поэтому, старались изо всех сил, чтобы мы — их дети — не остались «неучами». А для этого всячески поощряли любознательность и тягу к знаниям. Причём, делали это вполне ненавязчиво. Например, сколько себя помню, мы всегда выписывали большое количество прессы: газеты «Сельская жизнь» и «Комсомольская правда» были для всех, но каждый член семьи обязательно получал ещё какой-нибудь журнал. Папа выписывал для себя «Москву» или «Октябрь», мама – «Крестьянку», старшие брат и сестра, а в школьные годы и я, получали «Пионер», «Костёр», «Юный натуралист». В раннем же детстве мне почтальон приносил «Весёлые картинки», а позже — «Мурзилку». Именно с «Картинок» всё и началось: «мой» журнал каждый член семьи был обязан прочитать мне весь, от корки и до корки и неоднократно! В итоге, лет в пять я знал все буквы и даже умел их складывать в слова, однако самостоятельно читать не спешил.

За четыре месяца до того, как пойти « первый раз – в первый класс», мы переехали из отдаленной, горной деревеньки в просторное и относительно-богатое село в предгорьях Алтая, где поселились в стареньком доме, на «отшибе», т.е. практически — за пределами села. "Официально" село заканчивалось на краю болотистого озера, за ним начинались холмы, но за первым холмом было ещё два дома, один из которых стал нашим, а в другом жил колхозный агроном. Сын агронома был старше меня на три года, но в физиче-

ском развитии мы с ним были примерно на одном уровне. Будучи изолированными приличным расстоянием от ровесников, мы оказались лишенными нормальных детских игр и шалостей. Точнее, мне хотелось бегать, прыгать, играть и шалить, но мой сосед — флегматик по темпераменту, за годы, проведенные в детском одиночестве, уже крепко «подсел» на книги. В итоге он и меня «подсадил».

Первая книжка, которую я одолел, была «Повесть о красном орлёнке». До сих пор помню, с каким трудом и раздражением я читал первые две-три страницы. Зато потом, как что-то щёлкнуло: я поймал сюжет, он захватил меня, и в итоге, на все школьные годы, именно книги стали моими самыми лучшими друзьями.

Вначале я читал всё подряд. Лишь бы был сюжет. Читал всё, кроме поэзии, что вполне логично, ведь стихи недопустимо читать так, как читал я. А я «глотал книги», перескакивая «с пятого на десятое», будучи увлеченным сюжетной линией. Описания природы, чувства и мысли героев, рассуждения автора о вечном, — это была «скукотища», и я безжалостно перепрыгивал через страницы и главы. Позже, когда мои дети, учась в школе, приносили домой знакомые мне с детства книжки, то я под видом "родительской цензуры" их перечитывал. И некоторые из прочитанных в детстве произведений, на самом деле, оказались мне совершенно неизвестными! Но тогда, на заре жизни, книжки не только влекли меня в мир всевозможных приключений, но и наполняли душу ощущением «всезнания» — ведь годам к тринадцати я перечитал практически всё, что было в нашей школьной библиотеке!

А потом художественная литература мне наскучила. Лет в четырнадцать я заметил, что сюжетов не так уж и много, и я, начав читать новую историю, уже через пару страниц мог сказать, чем она закончится. Поэтому, "вынырнув" из моря художественной литературы, я нырнул с головой в литературу научно-популярную, а иногда и не популярную, а вполне серьёзную. Особенно, если там речь шла об авиации. К тому

же мы, прожив пять лет «на отшибе», построили домик в селе и благополучно в него перебрались. Здесь уже была целая компания моих ровесников, и теперь я не только книжки читал, но и успевал по-мальчишески весело проводить время.

В том мире, где прошли мои детство и юность, места Богу не было, поэтому я ощущал себя вполне сформировавшимся, убеждённым безбожником. Даже не гнушался вступать в антирелигиозные дискуссии с верующими бабушками.

Одна из таких бабушек – бабка Анна – жила по соседству с нами. Худая, прямая, высокая, никогда не улыбавшаяся, строгая к себе и другим, — она всё своё время проводила в трудах и молитвах. Сначала мы, мальчишки, её боялись. Однажды, по просьбе мамы, мне пришлось несколько раз помочь бабке Анне по хозяйству, и тогда я понял, что она, хотя строгая и немногословная, но добрая. А тут как-то у меня даже получилось с ней заговорить. Не помню, с чего всё началось, но я, увидев иконы, начал что-то вещать на тему, что «космонавты в космосе летали, но Бога не видали» и что вообще верить в наше время – это «тёмное суеверие». Помню, что в тот момент я был «на подъёме» и, видимо, говорил вполне убедительно, на что раба Божия Анна не стала ни возражать, ни спорить, ни ругаться. Она слушала молча, сжав губы и временами хмуря брови, а потом, улучив минутку, когда я «выдохся», повернулась к иконам, перекрестилась, положила земной поклон и сказала: «Господи! Да вразуми Ты Сам этого дурака! Когда-нибудь!» И я как-то «сдулся». Мое «вдохновение» моментально рассеялось, я даже немного обиделся. Особенно на «дурака». И поспешил уйти домой.

Пройдёт несколько лет, и молитва смиренной труженицы Анны принесёт свой плод: Господь найдёт способ вразумить и призвать меня. А на тот момент я понял, что в книжках, которые я читал, есть ответы далеко не на все вопросы. И безграмотная деревенская старушка может оказаться гораздо умнее, чем юный всезнайка, перечитавший впустую массу книг.

Глава 3

*"От безбожья до Бога – мгновенье одно;
От нуля до итога – мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь – ни мало, ни много – мгновенье одно!"*

Омар Хайям

Сколько я себя помнил – всегда мечтал об авиации. В идеальных мечтах я видел себя военным лётчиком, истребителем, в допустимых – лётчиком гражданским, а совсем в крайнем случае я мог предположить, что стану или каким-нибудь летающим борттехником, или же авиационным инженером-конструктором.

В десятом — выпускном классе — моя мечта рухнула: проходя призывную комиссию в военкомате, я сказал кое-что лишнее невропатологу и в итоге получил приписное свидетельство с ограничениями. То есть меня признали «годным к строевой службе, кроме службы в ВДВ, погранвойсках, плавсредствах и службе на общественной работе». В том же военкомате мне намекнули, что с такой статьей поступление в любое лётное училище или авиа институт, маловероятно...

...Если в начале 10 класса я был полон планов и надежд, то перед выпускным мне было совершенно безразлично, куда поступать. И вообще я на полном серьёзе собирался остаться в колхозе и работать на тракторе, но директор школы уговорил пойти в пединститут на исторический факультет, мол, как раз через четыре года наш историк уйдёт на пенсию, а мне в родной школе будет приготовлено «тёплое местечко».

Оказавшись студентом истфака, я вновь пережил смену читательского вкуса: та научно-популярная литература, что питала «мои мозги» на протяжении последних лет, оказалась ненужной, литература, которую нужно было читать по программе, не приносила радости, а тут оказалось, что мои новые, самые близкие друзья – поэты! И они не только любят читать стихи, но и сами пишут. Тогда мне пришлось из "фи-

зика" перековываться в "лирика" и начинать читать стихи. Сначала стихи друзей, затем — творения маститых поэтов. Как-то сразу меня пленили «Рубаи» Омара Хайяма: в четырех отточенных строчках скрывалась бездна мудрости, радости, печали. Шутя и иронизируя, Хайям касался серьёзнейших вопросов, которые мучили и меня, а порой он неожиданно давал такие ответы, которые я не мог вместить и понять.

Первый, а особенно второй курс в институте Омар Хайям постоянно был со мной. Небольшая по формату книжка «Таджикско-персидской лирики» вполне удобно входила в карман, и я читал и перечитывал, читал и перечитывал строки Хайяма, как будто пил воду из родника...

А потом была армия и книжный голод. И я не знаю, каким бы вернулся на "гражданку", но один из друзей регулярно писал мне письма, а в конверт вкладывал листочек с переписанными «рубаями». И в том обществе, где каждый сам за себя, но все всегда вместе, где нет права на проявление слабости, трусости и подлости, где матом не ругаются, а разговаривают, опять древнеперсидский поэт ставил передо мной такие вопросы, которые обычно в армии вслух не задают. И жажда найти ответы на эти вопросы порой становилась непереносимой.

«От безбожья до Бога – мгновенье одно....»

В армию я уходил убеждённым безбожником. Хайям своими вопросами раскачал мое безбожие, а потом произошли некоторые события, в итоге которых моё безбожие рухнуло.

А начиналось всё просто и почти обыденно.

...1989 год начался совсем недавно, и примерно в конце зимы или начале весны, когда украинская погода не располагала к покиданию казармы, нам удалось уговорить командира подразделения в воскресный день поставить в казарме «видик». Аппаратуру и кассеты любезно предоставил один из прапорщиков, а командир разрешил смотреть всё, что угодно, кроме порнографии. Мы посмотрели пару боевиков, вполне тупую комедию и «ужастик».

«Ужастик» оказался вполне добротным мистическим триллером про то, как какая-то гостиница оказалась построенной на дверях преисподней. Ну, и, конечно же, герои фильма эти двери благополучно открыли, хотя их многократно предупреждали этого не делать. По закону жанра сразу ничего плохого не происходит, но в итоге им не удаётся сбежать из гостиницы. В финальном кадре их фигурки появляются на одном из адских пейзажей.

Не знаю, насколько данный фильм может претендовать на «шедевральность», но, во-первых, в нём почти не было каких-то дешёвых приёмов «нагнетания атмосферы», а, во-вторых, режиссёру удалось, особенно в финальных сценах, передать панику и безысходность.

После «ужастика» мы посмотрели что-то ещё, так что впечатление от триллера немножко разбавилось. А вечером надо было заступать в караул.

Моя первая смена на посту пришлась на время сумерек и начала ночи и прошла совершенно спокойно. Вторая смена начиналась в полной темноте, а заканчивалась почти при рассвете. И вот тут, перед самым рассветом мне вдруг не просто вспомнился просмотренный фильм, но я неожиданно для себя, откуда-то извне почувствовал приближение ТОГО, что поглотило героев фильма.

Когда-то в детстве мне иногда снились «страшные сны». Память не сохранила картины сновидений, но до сих пор хорошо помню то ощущение безысходного ужаса, который охватывал меня во время этих снов. И я кричал: «Мама! Я боюсь!» Перепуганная мама всегда приходила со словами: «Христос с тобой! Что случилось?» — и я как-то быстро успокаивался.

А здесь, за несколько тысяч километров от родного дома, на исходе украинской ночи, на третьем посту воинской части я наяву ощутил то, что ощущал в детских снах... Только теперь это был не сон. Мне хотелось убежать — и я понимал, что бежать некуда, хотелось «сойти с ума», но ум оказался в состоянии какой-то парализации и не сопротивлялся, и не

отступал. Мелькнула мысль о том, что в руках – автомат, а в нём – 30 патронов и достаточно трёх движений, чтобы...

И тут же встречная мысль – о маме: «Она этого не переживёт!» – и сразу, где-то в глубине сердца, застучало: «Господи помилуй! Господи помилуй!».

Вначале я этого даже не услышал, но почувствовал, как ТО, СТРАШНОЕ, что со всех сторон надвигалось на меня, остановилось. И только тут я понял, что молюсь, и молюсь Тому, Кого отрицал, – Богу! А Он – рядом. Вернее, на тот момент восприятия Бога, как личности ещё не возникло, но то, что «Что-то (или Кто-то) есть!» — для меня стало очевидным. Я даже начал «хулиганить»: если вначале молитва пришла сама, то теперь, как только я её признал своим умом, – ОНО стало подчиняться. Прекращаю молиться – и вновь «ТО САМОЕ» начинает напоздать. Начинаю молиться – ОНО отступает.

Это был не самообман, не самовнушение. Это был живой опыт. Стал ли я после него верующим, православным христианином – однозначно нет. Мгновение, о котором говорил Хайям, растянется для меня более чем на два года. Но то, что в тот самый момент я перестал быть безбожником, – это реальный факт.

Глава 4

Быть безбожником — хорошо!

Во-первых, всё кажется понятным. Ведь, если для человека нет Бога, то и человека, в какой-то мере — нет. "Летай или ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет". Поэтому, всё предельно ясно: вообще ничего нет, кроме слепой случайности! Случайно в первобытном бульоне появилась первая молекула белка. Случайно соединилась с другой. Случайно древняя рыбка оказалась на суше и вдруг, вместо того, чтобы задохнуться и иссохнуть, — поползла и уж, совсем случайно, научилась дышать не жабрами, а лёгкими (правда, где она взяла эти лёгкие — вопрос без ответа). Случайно обезьяна взяла в руки палку и, совсем случайно,

через это стала человеком. И то, что труд из обезьяны сделал человека, но "от работы кони дохнут", а не становятся людьми, тоже случайность. И совсем необъяснимая случайность в том, почему какой-то один из великого множества папиных сперматозоидов проник в мамину яйцеклетку, и я случайно появился на свет.

Хотя здесь вопрос случайности мне почему-то с самого детства хотелось оспорить, ведь я с раннего возраста знал, что деревенская "фельдшерица" три раза выписывала маме направление на аборт, причем дважды даже приносила домой, но мама не поехала. А почему не поехала, я, будучи безбожником, понять не мог, особенно в такие моменты, когда или доводил её своими шалостями до слёз, или когда плакал сам, получая заслуженное наказание за свои не совсем благовидные поступки.

А это — во-вторых. Для безбожника не существует категорий "хорошо и плохо"! Всё, что "нельзя", если очень хочется, может стать "можно". Правда, на поверку оказывается, что думать, рассуждать, анализировать, искать, тоже нельзя. Иначе можно перестать быть безбожником.

Так, примерно, со мной и произошло. Получив первый, пусть неосознанный и совсем неожиданный опыт молитвы, я стал всё чаще и чаще задумываться над тем, что же это было. Конечно, можно было бы всё списать на мнительность и богатое воображение, но именно воображение оказалось ни при чём. Точнее, что-нибудь подобное я бы выдумал с великим удовольствием, но.... не выдумывалось! Даже на ум не приходило. И только позднее мне встретилось, что "не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2.9). Зато после того, как я приобрёл первый опыт молитвы, сознание стало работать на каком-то новом, доселе не свойственном ему уровне. Я начал замечать то, чего раньше "в упор не видел", а главное — меня стала находить какая-то новая информация.

Шёл 1989 год. Всего лишь год назад Русская Православная Церковь отпраздновала 1000-летие Крещения Руси, а

горбачевская гласность ещё не достигла своего апогея, но приближалась к нему. Я стоял в наряде дежурным по штабу. Тёплая украинская ночь, воинская часть погружена в сон, и только бодрствующие смены караула и наряда несут службу. Моя служба не обременительна. Я могу ходить и сидеть, выходить в "курилку" и заходить в некоторые кабинеты. А ещё я могу читать. Главное — чтобы я не спал и следил за тем, чтобы никто не проник в штаб. А также я должен моментально отзываться на зов оперативного дежурного, который тоже сидит в штабе, в своем кабинете. Вернее, он сидит полночи, а полночи спит. Другую часть ночи спит дневальный. А я — дежурный. Я смогу спать после того, как штаб будет официально открыт, а я успею сходить позавтракать.

Первую половину ночи стоять легко — со мной дневальный. С ним можно разговаривать, "травить анекдоты", и даже можно по очереди "покемарить". Но вторую половину надо быть начеку: дневальный спит в родной казарме, а оперативный бодрствует. И я бодрствую. А это — тяжело. Особенно — если этот наряд повторяется через день, а то и каждый день...

...Сил на то, чтобы бороться со сном, почти не остаётся, и я захожу в кабинет начальника политотдела. У него всегда найдётся какой-нибудь журнальчик, и в этот раз мне удастся "подрезать" незнакомое издание: "Наука и религия" красуется на обложке, а внутри, оказывается, много такого материала, что сон снимает, как рукой.

Например, фотография странного изображения какого-то бородатого Мужчины. В тексте говорится, что это изображение просматривается на Туринской плащанице, и христиане считают, что именно в это полотно было завернуто тело Иисуса Христа после снятия с Креста.

Сам текст небольшой по объёму и содержит, в основном, беспристрастную информацию. А дальше два комментария. Первый — многословный и витиеватый, а главное, какой-то пустой — принадлежит атеисту. Второй — лаконичный и логичный — верующему. В комментариях атеиста в каждом

абзаце громко звучит: " и все-таки — это не может быть То, Евангельское, полотно", в комментарии верующего выводов нет. Но я, прочитав статью и оба комментария к ней, всем сердцем, желая чтобы атеист был прав (я же знаю, что быть безбожником хорошо!!!), неожиданно для себя делаю вывод: "Если это полотно реально существует, и если то, что о нём пишут, правда, Единственный Человек, который мог быть завернут в него, — это Иисус Христос"!

...Мне было больно. Я понимал, что больше моя жизнь не будет прежней. И я, несмотря на то, что все прожитые на тот момент 20 лет моей жизни утверждал безбожие, больше безбожником быть не смогу. Не смогу, хотя бы потому, что с этого момента Иисус Христос перестал быть для меня предметом "бабьих" суеверий и "поповских басен". Он стал для меня реальной исторической Личностью.

...Мне было хорошо быть безбожником. Но жизнь безбожника — зажата в плоском, двухмерном пространстве. А когда в твою жизнь входит Бог, то к этой плоскости добавляются глубина и высота. А от этого стало не только хорошо, но и как-то по-особому радостно. И если мне было хорошо быть безбожником, то верующим стало быть гораздо лучше...

Глава 5

Мы — поколение последних комсомольцев.

Как бы кто не относился к так называемому советскому периоду — это наша история, наше прошлое. И, как во всяком прошлом, здесь есть как плохое, так и хорошее

Наше детство было счастливым, может быть, ещё и потому, что наши мечты и желания значительно превышали возможности их исполнения. А ещё безбожно-коммунистическая идеология сыграла с собой неожиданно фатальную шутку: представляя себя как материализм, она призывала умирать за идеалы. А наличие этих "идеалов" делало коммунизм чем-то добрым и конструктивным.

В пору своего "книжного" детства я верил в коммунизм, как в добрую и светлую неизбежность. Более того, я был уве-

рен, что как первобытнообщинный строй со временем пришёл к строю рабовладельческому, то и социализм, как новообщинный строй, благодаря научно-техническому прогрессу перерастёт в коммунизм, как строй роботовладельческий.

Забегая вперед скажу, что моя вера в коммунизм растает тогда, когда я будучи студентом третьего курса пединститута впервые прочту "Манифест коммунистической партии". Правда, до того момента я сумел данный документ 17 раз законспектировать и даже несколько раз научить других премудрости конспектирования марксистско-ленинских первоисточников. Но после публикации в журнале "Родина" статьи В. Солоухина "Читая Ленина" я был настолько возмущён, что журнал читать не стал, а пошёл в библиотеку и, взяв первый том трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, прочитал "Манифест...". Оказалось, что ничего подобного моим детским представлениям основатели коммунизма не говорили и не предлагали. Зато многое из того, за что справедливо обвиняли их последователей, как за перекосы и уклоны, на самом деле декларировано "Манифестом..." как неотъемлемая составляющая коммунизма.

Но это будет позже. А пока... Пока наше поколение были октябрятами, пионерами, комсомольцами. Себя воспринимали, как строители коммунизма, но при этом усваивали те добродетели, что более свойственны христианству: нестяжательность, самоотверженность, трудолюбие, готовность душу свою полагать за друзей своих... Павка Корчагин, пионеры-герои, Зоя Космодемьянская, Гуля Королёва, Тимур и его команда были для нас образцами для подражания, и никто не пытался вникнуть в идеологические тонкости: мы с пелёнок на этих примерах впитывали в сердце, что в "жизни всегда есть место подвигу!"

Я рад тому, что когда-то был октябрёнком, пионером, комсомольцем. В моё время — 70 — 80 годы 20 века — детско-юношеские организации не были политизированными. А комсомол просто воспринимался как "путевка в жизнь". В комсомоле я разочаровался чуть раньше, чем в коммуниз-

ме. Свою учётно-послужную карточку выбросил после того, как уволился из армии. Причина была проста и банальна: в армии я был комсоргом самого крупного подразделения в части — батареи управления. Благодаря горбачёвской перестройке мне, как комсоргу, удалось организовать несколько "новаторских" мероприятий по "демократизации армейского быта", но вместо наград и благодарностей от командования я получил "нагоняй" от НачПО за то, что не пишу докладные по "неуставным взаимоотношениям". В итоге — обида на офицера, разочарование в комсомоле и тихий, почти незаметный выход из данной организации.

... Сейчас, через 25 лет священнослужения, я вижу, что в Церковь приходят совсем другие люди. Возможно, они не хуже и даже, может быть, не лучше нас. Они просто другие. Их детство пришлось на то время, когда родители "тряслись" за каждую копейку, а учителя не призывали к самоотверженному служению, но не стеснялись ходить на забастовки и свой труд всё более и более воспринимали, как "предоставление образовательных услуг"...

... А мы — мы были октябрятами, пионерами, комсомольцами. Мы учились "раньше думать о Родине, а потом — о себе".

И для многих из нас эти порождения уродливой коммунистической идеологии неожиданно стали школой, в которой мы учились быть православными.

Глава 6

Если бы кто-нибудь, хотя бы за год до того, как я стал священником, сказал мне, что со мной случится такой поворот, наверное с тем человеком я бы крепко поссорился.

... После того, как моё безбожие рухнуло, произошло ещё несколько событий. Я отслужил в армии, окончил третий курс института и главное – женился, а перед этим крестился. Принять Крещение пришлось, потому что, делая предложение своей избраннице я, не подумав, упомянул про венчание. На что услышал что «сначала будем венчаться, а потом – ре-

гистрироваться!» Таким образом, к Таинству Крещения я пошёл не в результате обстоятельной и ответственной подготовки, а «на скорую руку». Тем более что тогда, в 1990 году, народ «валом повалил» креститься и одновременно на Крещение записывались по несколько десятков человек. Когда я пошёл креститься в первый раз, то даже не достоял очередь до окошечка «кассы», где записывали на крещение: народу в храме было – не протолкнуться. В итоге, чуть не сорвалась намеченная свадьба. Однако моя невеста, которая к тому времени уже была в храме «своим человеком», – оказалось, что она "тайнообразующе" пару лет пела на клиросе – договорилась, чтобы меня «покрестили» в один из седмичных дней. В итоге, за четыре дня до венчания, в среду, надо мною было совершено Таинство Крещения. И опять мне повезло, потому что со мной крестилось ещё всего лишь два человека, а батюшка не спешил и провёл с нами предварительную беседу о соблюдении заповедей. Надо сказать, что его слова как-то коснулись моей души, но, даже приняв Крещение, я не стал христианином. Моя жизнь, в основном, осталась прежней, а главное – в ней не было места Церкви. Хотя Богу уже какое-то место определялось.

...Было венчание, и, опять-таки, напутственное слово священника перед этим Таинством сыграло свою добрую роль. До женитьбы я считал, что у настоящего мужчины должна быть жена для жизни и любовница для развлечений, а тут услышал, что нашу семью никто и ничто не сможет разрушить, кроме нас самих. Но даже малая измена может стать причиной того, что Господь отнимет от нас Свою благодать. То, что в венчании Господь благословил нас, для меня стало очевидным сразу. Поэтому я постарался, как можно скорее отказаться от своего глупого, холостяцкого утверждения.

И всё-таки становиться священником или хотя бы человеком церковным, прихожанином я не собирался, даже в самом наи-фантастическом сне.

Кстати, о снах. Снам я не верил с детства. Не верю и сейчас. А тогда, в поздней юности, меня невероятно раздража-

ло, если кто-то начинал при мне истолковывать свои сновидения. Но на пути к воцерковлению именно сон сыграл весьма важную роль.

Но обо всём по порядку.

Итак, я женился и действительно встретил свою "половинку". И может быть, впервые в жизни ощутил то, что называется счастьем. Убеждён, что это русское слово происходит от выражения «со-частие», т.е. встреча разрозненных частей, соединение их. Словами не передать, какую радость мы пережили в первый год нашей совместной жизни! И только один момент немножко омрачал наше счастье: моя жена ходила в церковь, а я возмущался этим! Ладно бы, если бы она была какая-нибудь безграмотная колхозница, а тут – студентка-отличница, ленинская стипендиатка, член комитета комсомола института – и ходит в церковь, где молится, как какая-нибудь «тёмная бабка»! И даже я был готов смириться с тем, что она поёт на клиросе – всё-таки это может быть интересным, да и я слышал, что где-то за это деньги платят, хотя ей их не платили! К тому же дома особой церковности заметно не было: было несколько икон, так во многих домах иконы тоже стояли, это же в некоторой мере модно; молится Богу её мама – так и пусть молится – она же, хотя и человек не старый, но о-о-очень больной, более двадцати лет страдает от полиартрита. Больной женщине можно и помолиться. Но моя-то супруга – дома не молится, постов не соблюдает, платок не носит, тогда зачем в церковь ходит???

Этот вопрос доконал меня настолько, что мы стали ссориться. Я её не отпускал в храм, а она всё равно туда ходила. В итоге наша счастливая семья оказалась в состоянии кризиса, и что-то надо было решать.

Вот тут-то меня и посетил сон. Не могу сказать, однажды он снился мне или многократно, в одну ночь или в несколько ночей подряд, но я видел Белый Храм с низкой папертью. Обливаясь слезами, я на коленях полз внутрь. Из интерьера помню полумрак, сводчатый потолок и икона Божией Матери. Богородица смотрела на меня глазами полными печали,

я полз к этой иконе и знал, что сейчас должно произойти что-то безмерно важное и... просыпался.

Просыпаясь на мокрой подушке, я долго не мог понять, где сон, а где явь. Происшедшее во сне было настолько волнительным, что я просто потерял покой. Мне казалось, что сон должен продлиться, а я обязательно должен узнать, что же там такое произойдет. Но сон не повторялся. А если и повторялся, то заканчивался на том же месте, что и предыдущий.

...В середине октября я поехал на выходные к родителям в деревню. Вечером был в гостях у старшей сестры и когда, форсируя непролазную грязь во мраке осенней ночи, возвращался в родительский дом, то пережил какое-то состояние унылой безысходности. Уснул усталый и раздраженный, а проснулся от чудесного света, заливающего комнату: за ночь выпал снег, а к утру небо прояснилось, и унылый, осенний пейзаж, как по волшебству, сменился царственной мантией первого снега, искрящегося в лучах восходящего солнца. А я внезапно для себя подумал: «Матерь Божия укрыла землю покровом!» В комнату вошла моя мама, и сказала: «Проснулся! С праздником тебя, с Покровом Пресвятой Богородицы!»

...Мало того что для меня неожиданной была моя первая мысль, так и мама раньше не поздравляла меня с церковными праздниками, а здесь всё совпало...

Днём мне нужно было возвращаться в город, в котором я учился и где мы жили с супругой. Можно было поехать по "дальней" дороге, через г. Бийск, но я решил поехать более коротким путем, с пересадкой в райцентре. Автобус, проходящий через деревню, приходил за час с небольшим до отправления следующего до города, но попасть на него было непросто. Он считался междугородним, и если на пригородных маршрутах в тех же ПАЗиках можно было ехать стоя, на междугородний надо было покупать билет. Правда, иногда попадались «добрые водители» и забирали всех безбилетников.

...Еду до райцентра с двумя огромными сумками и понимаю, что шансов добраться до места назначения почти нет. Потому что со мной в автобусе полно тех, кому нужно ехать туда же, куда и мне. И тут меня посещает «благая мысль»: я начинаю молиться. Как-то так уже было – я молился в автобусе. Но тогда ситуация была другой. Тогда я бросал курить, и, вернее, — практически бросил, т.е. не курил пару недель. Но тут пришлось ехать через бийский вокзал, а он для меня был особенным: именно там я, будучи тринадцатилетним пацаном, впервые закурил открыто. И с тех пор, как только приезжал в Бийск, желание закурить просто вспыхивало, и я обязательно покупал сигареты. В тот раз, когда я впервые некурящим подъезжал к бийскому вокзалу, во мне тоже возникло непреодолимое желание затянуться сигаретой. И тогда я начал читать «про себя» молитву «Отче наш...», делая ударение на «но избави нас от лукавого».

...А теперь я даже не столько молился, сколько торговался с Богом. С полным пониманием того, что Бог меня слышит, я говорил в себе: «Господи! Ты всё можешь! Видишь мои огромные сумки? И знаешь, что денег у меня – «в обрез»... Сделай так, чтобы я сегодня уехал домой. И если сделаешь – я пойду в церковь!»

Произнеся эти слова, я начал анализировать и просчитывать свои шансы:

Первое: надеяться на то, что мне достанется билет «на блюдечке с голубой каёмочкой», глупо;

Второе: если я успею выбежать первым и в числе первых доберусь до кассы, то, возможно уеду. Но я сижу на заднем сиденье и смогу добежать первым, только если откроют заднюю дверь;

Третье: если я не куплю билет, но, может быть, подъедет «добрый» водитель, я уеду. Но если будет "не добрый", то я даже не знаю, что мне делать: денег на дорогу в объезд у меня просто нет...

...На подходе к вокзалу у выхода в переднюю дверь собралось немало пассажиров. Я же «нагло» встал у задней двери,

которую водитель открыл далеко не сразу.

Отстояв очередь у кассы я стал свидетелем того, как последний билет на "мой автобус" был куплен за два человека до меня.

Подошёл «мой» автобус, и я сразу «узнал» водителя: из всех вариантов – это был самый наихудший. Мало того, что сам по себе он был весьма неприятный «тип», так ещё свой мерзкий характер оправдывал требованиями закона: больше, чем по местам, он никогда никого не брал.

...В этот момент я даже дерзнул упрекнуть Бога за то, что всё так плохо...

Началась посадка. Счастливые обладатели билетов занимали свои места, а несчастные безбилетники униженно поглядывали на водителя, как на вершителя судеб! А уж он упивался своей властью! Как какой-то царь-король он стоял в дверях и свысока рассматривал "людишек": дело было в том, что кто-то не прибыл ко времени отправления и одно место в автобусе оказалось пустым. Бабульки-путешественницы жалостливо умоляли проявить снисхождение, а я же и не пытался лезть в толпу, но стоял немножко в стороне и потихоньку «закипал». Когда в очередной раз наш "вершитель судеб" грубо оттолкнул какую-то бабуленцию, меня «взорвало». Я что-то крикнул ему вроде того, что «Шеф, ну что ты ломаешься, как девка продажная! Ты или уезжай, или забирай нас. Но мы-то тебе деньги готовы заплатить!» – как вдруг нашего неумолимого хозяина автобуса будто подменили. Он, как-то неожиданно для себя, сказал: «Быстро заходите!» и отодвинулся в сторону. Позже, когда почти вся толпа "всосётся" в "ПАЗик", "Шеф" придёт в себя, грубо закроет дверь перед носом пары-тройки зазевавшихся пассажиров и с матерной бранью помчится в сторону Горно-Алтайска. Но к этому моменту я буду уже внутри автобуса ехать и до конца не верить тому, что еду домой, к жене...

Большая часть пассажиров выйдет по дороге, в деревнях. Так что до конца я доеду даже сидя на месте. Буду ехать и размышлять о том, что произошло. Ведь, получается, Го-

сподь Бог принял мои правила игры! Но при этом Он эту игру разыграл по Своим нотам: я не только доехал до дома, но и при этом мне было неоднократно показано, что собственных, естественных шансов у меня практически не было. Только Его Милость и могущество! Конечно, я мог в очередной раз не поверить, но, честно говоря, уже устал "идти против рожна"...

А тут ещё пришла мысль: а жена, зачем она ходит в церковь? Может, я что-то не понимаю? Или же не понимает она? Надо в этом разобраться.

Поэтому, приехав домой и выбрав удачный момент, я набрался смелости и предложил ей вместе пойти в храм. Тогда, когда она сочтёт нужным.

...До моей иерейской хиротонии оставалось чуть больше восьми месяцев...

Сельский батюшка

В те далёкие времена, когда я даже не знал, в какую сторону открывается дверь храма, мне казалось, что священники — это какие-то инопланетяне. По крайней мере, в пору детства и юности они мне "живьём" не встречались. Воображение же рисовало какой-то карикатурный образ: косматый, толстый, с бородой "лопатой", зычным голосом и витиеватым говором, да ещё — с огромным крестом на огромном пузе — именно так мне представлялся настоящий Поп.

Первый священник, которого мне довелось увидеть, мало соответствовал данным представлениям. Он оказался вполне молодым, склонным к полноте, но не толстым. По городу ходил в обычной одежде. Длинные, волнистые волосы, небольшая бородка и затемнённые очки делали его больше похожим на художника, чем на Попа. Когда я уходил в армию, в нашем городке храма не было и в помине, но, вернувшись "на гражданку" через каких-то 14 месяцев, я с удивлением узнал, что церковь в городе построена, а "батюшка" живёт совсем рядом с нашим учебным корпусом института. И теперь мы

— студенты историко-филологического факультета — частенько видели, как мимо нас проходит почти наш ровесник, такой же человек, как и мы, но в то же время совершенно другой. И, признаюсь, что на первый случай как друга или близкого человека никто из нас в нём видеть не хотел. Он для нас по-прежнему оставался "инопланетянином".

Решившись пойти в храм, я и не предполагал, что так скоро получу удивительно полный ответ на основные вопросы. Точнее — что-то я представлял, к чему-то готовился. Например, тщательно продумал, как меня могут попытаться обмануть. И даже предвкушал сладость победы над этими обманщиками. Но всё вышло по-другому. Никто меня обманывать или "оболванивать" и не пытался. Когда мы с женой ехали на автобусе или шли пешком, приближаясь к храму, никто ни разу нас не остановил, не спросил... В храм мы вошли, когда служба — Воскресное всенощное бдение — уже началась и священник, стоя на амвоне перед Царскими вратами, возглашал Мирную ектенью. Супруга, как мышка, прошмыгнула на клирос, а я остался один посередине церковного пространства. Вернее, люди в храме были, человек пять-семь, может, чуть больше, но мне они были незнакомы, да и на меня опять-таки никто не обращал ни малейшего внимания. А я, чувствуя себя на "чужой планете", решил делать то же, что и местные "аборигены": они крестятся — я крещусь, они кланяются — я кланяюсь, они становятся на колени — и я, внутренне возмущившись, — колено преклоняюсь. А когда священник, прочитав Евангелие, вынес его на середину храма, и люди стали подходить под помазание и целовать его руку, я тоже приложился к Евангелию, подставил свой лоб под кисточку с елеем, а потом (ужас! видел бы я себя две недели назад!!!) сделав над собой усилие — коснулся губами руки иерея...

...По большому счёту я ничего на службе не понял, потому что всё было непонятно. А еще качество пения и чтения оставляло желать лучшего. Но когда батюшка, выйдя из Алтаря с кадилом, возгласил: "Богородицу и Матерь Света

в песнях возвеличим!", а хор нестройно, но слаженно запел что-то с припевом про "Честнейшую Херувим...", все встали на колени, встал и я, понимая, что сейчас Церковь славит Божию Матерь, и, возможно, мне как-то удастся разгадать загадку своих странных снов.

И действительно, не помню, в какой момент – то ли здесь, то ли чуть позже – но как будто, где-то в глубине сердца, упала шторка! В мою жизнь вошло совершенно иное измерение. Стало понятным, очевидным, само собой разумеющимся то, что до этого момента было отвлеченным, почти не существующим. А главное — я почувствовал, точнее даже не так: ощутил то, что, может, ощущал когда-то, в самом раннем детстве: меня любят! Любят не за что-то, и не потому что. ЛЮБЯТ просто так! Но ТАК любят, что нет слов, чтобы выразить меру ЭТОЙ любви. Я был в здравом уме и трезвой памяти, но то, что открылось в тот момент, было совершенно новым – и всегда существующим, неожиданным – и постоянно искомым. И в ответ на эту, нежданно явленную ЛЮБОВЬ, и во мне вдруг открылась способность любить. Раньше мне казалось, что вроде бы и я любить умею: вроде бы я любил свою жену, любил родственников, любил свою малую и свою Великую Родину. А ещё любил блины со сметаной... И это, примерно, была одинаковая "любовь". А тут во мне открылась та ЛЮБОВЬ, что охватывает весь мир. И ещё: мне вдруг стали понятны слова Евангелия: "кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую" (Мф.5.39). А главное — я почувствовал себя НАСТОЯЩИМ. Т.е. до этого момента, все 22 года своей жизни я пытался быть и казаться таким, каким меня хотели видеть другие. А тут – я увидел себя таким, каким я должен стать.

В тот день я даже не умом, а чем-то гораздо большим, понял несколько важных вещей.

Первое — ЛЮБОВЬ — это не чувство, а скорее всего — состояние. Естественное, нормальное состояние человека. И если оно нам неизвестно, значит, нормальными мы ещё не стали.

Второе — Бог, несмотря на Свою Вездесущность, в Церкви пребывает особенным образом. А Церковь существует только для того, чтобы человек мог с Ним встретиться не умом к Уму, как мне думалось ранее, а сердцем к Сердцу.

Третье и самое главное из того, что я понял: вся моя предыдущая жизнь была только подготовкой к этому моменту. Но с этого момента мне без Бога и без Церкви не жить.

И ещё. Если полтора часа назад я смотрел на храм, как на чужую планету, а на священника и прихожан как на инопланетян, то тут, в единый момент мне стало ясно и понятно, что на самом деле эта "чужая планета" — только преддверие Того Отчего Дома, куда всегда стремилось моё сердце.

Из савла в павлы

Господь приоткрыл мне Себя тогда, когда я учился на пятом курсе истфака. В чём-то история повторилась: в выпускном классе школы мне, неожиданно для себя, довелось совершить крутой поворот, и в итоге я, вместо авиационного училища, оказался в пединституте. Теперь же я целенаправленно готовился к работе в школе. Более того, примерно с ноября мне удалось устроиться в одну из городских школ «подменным учителем». В итоге, заканчивая обучение, я умудрился стать «своим человеком» в педагогическом коллективе будущего «Классического Лицея». Мы были первыми студентами, для кого обязательное распределение стало необязательным, но нам категорически рекомендовали заключить предварительные контракты с теми учреждениями, где мы собирались трудиться. Глядя на своих «однокашников», мучительно ищущих место трудоустройства, я «сам себе завидовал» — престижное место мне было обеспечено. Более того, заменяя в течение семи месяцев периодически болевших историков, я получал неплохую зарплату, т.к. временами моя нагрузка значительно превышала «ставку».

Предмет я знал и любил, с учениками находил общий язык, с коллегами-учителями не ссорился, у начальства поль-

зовался уважением. Одним словом, будущее представлялось мне вполне определенным, предсказуемым и заманчивым. Но, войдя в храм неверующим, а выйдя из него верующим, я не смог более жить, как раньше, и теперь, по воскресеньям и праздникам мы вместе с супругой спешили на службу в храм. Такого сильного и яркого потрясения, как при первом посещении, со мной более не случилось, но оглядываясь назад, я понимаю, насколько всё-таки к нам был Господь близок в тот период!

Например, первая исповедь. Когда начался Рождественский пост, то мы впервые попробовали поститься всей семьей. А после первой, и на тот раз – единственной недели поста — мы с женой подготовились к Причастию. Конечно, часть грехов я назвал сам. Но батюшка — теперь я это слово пишу без кавычек, потому что ещё несколько недель назад мы священника «за глаза» называли «батюшкой» с нескрываемым ехидством, а теперь я серьёзно и благоговейно относился к нему, как отцу. Так вот, батюшка стал потихоньку перечислять ещё некоторые грехи, на которые я неизменно отвечал «грешен!». Ни на исповеди, ни после, ни в момент Причастия я ничего особенно не ощущал и не переживал, но вечером неожиданно для себя получил ещё одно подтверждение Силы Божией.

Дело было так: мы жили в «хрущёвке», и в тот год коммунальные службы не спешили вовремя дать горячую воду. Поэтому мы ходили в баню к родственникам жены, жившим в «частном секторе». Они же топили баню то в субботу, то в воскресенье, и это зависело от «плавающего» графика работы главы семьи. А на помывку к ним собиралось несколько семей, в общей сложности, человек до двадцати. Соответственно посещение бани превращалось в своеобразный праздник: кто-то приносил закуски, кто-то – напитки, кто-то придумывал мероприятия для культурного отдыха тех, кто дожидался своей очереди или сушил волосы после водных процедур. А мылись, как правило, семьями – вначале одни, потом другие. Взрослые мыли детей, потом мылись сами.

Мы были самыми молодыми и на тот момент бездетными, поэтому умудрялись «втиснуться» в какую-нибудь «междусменку». Однако в тот день, когда мы с утра причастились, нам пришлось подождать. Женщины хлопотали на кухне, а мужики сели играть в карты, в дурачка. Подсел к играющим и я. А тут следует сделать ещё одно отступление от общей канвы. Дело в том, что родившись в деревне и сравнительно недавно отслужив в армии, я оказался настолько пленённым страстью сквернословия, что порой не мог сам с собой справиться. Точнее я легко мог контролировать словесный поток при женщинах и детях, но в мужской компании, да под соответствующее настроение без определенных слов мне не удавалось выражать свои мысли и эмоции. Но тут я заметил что-то странное: мужики «отпускали словечки», пошло шутили, а я всё это – ещё вчера для меня такое близкое и родное – воспринимал, как что-то чуждое и безобразное. Мне стало как-то неуютно, и тогда, пересилив себя, я тоже ляпнул что-то соответствующее общему духу игры... И тотчас сам воспринял сказанное, как подлость и предательство, в первую очередь, по отношению к себе. И игра мне стала совершенно неинтересна. В итоге, «домучив» партию, я вышел из игры и, так как подошла наша очередь на помывку, пошёл в баню. С тех пор грех сквернословия потерял над мной былую власть. Карты, кстати, тоже.

Это я указал только один, но далеко не первый и не последний случай, когда Господь вразумлял и укреплял меня, делая лучше, чем я мог быть сам. А я же упивался тем, каким хорошим становлюсь, и, несмотря на то, что в Церковь теперь ходил регулярно, а также стал утром и вечером читать дома молитвы, все заслуги приписывал исключительно себе.

То, что мы теперь вместе с женой бываем на службах, не могло остаться незамеченным в храме, и вскоре, так как моя «половинка» институт закончила на год раньше меня и теперь работала преподавателем – ассистентом в своей *almamater*, ей предложили открыть при храме группу Воскресной школы. Мы впервые пришли домой к священнику,

где после чая и беседы на тему предстоящего преподавания батюшка вдруг неожиданно спросил меня: «А ты не хотел бы стать диаконом, а потом, может быть, и священником?» На что я ответил примерно так, что из меня вряд ли может получиться священнослужитель, а если и получится, то «куры засмеют»

Затем, недели через две, открылся набор в Воскресную школу, и в первый же день записалось более шестидесяти человек. Их пришлось разделить на три группы. Если в двух детских преподавала моя половинка, то занятия во взрослой группе стал вести я. Причем, мы с ней неделю готовились, а потом, за время занятий, полностью «выкладывались».

А потом начался Великий Пост, и теперь я пытался, впервые в жизни, поститься по-настоящему. И именно здесь, где-то в районе первого в моей жизни Поста, вдруг со мной стали происходить пренеприятные происшествия – искушения. Может быть, ещё недавно я бы и не обратил на них внимания, но тут, после того, как Господь дал мне вкусить сладость благочестия, каждое искушение и связанное с ним падение я переживал, как космическую катастрофу! Например, будучи уже более года некурящим я на ровном месте вновь взялся за сигареты. «Смолил» тайно, как школьник, прячась от всех, почти неделю. Причём, ничего не мог поделать с собой, пока не дошёл до исповеди. И такие падения стали повторяться всё чаще и чаще. Мне стало по-настоящему страшно: а что если я не смогу даже в малом сохранить верность Господу? А что если я предам тех, кого люблю больше всех: жену, Родину, Христа?

Погожим весенним днём я шёл из института домой и размышлял на эту тему. И вдруг мне вспомнился тот разговор с настоятелем храма, и в моём сознании оформилась мысль: «Священства я не ищу. Но если мне предложили и я откажусь – я не спасусь точно. А если соглашусь – то, может, и не стану священником, а, может, и стану. Может быть, буду самым никчёмным и недостойным священником и тоже не спасусь, но всё — таки есть шанс, что если Господь призывает

меня, то Он и поможет стать добрым служителем Ему, Он меня и спасёт!»

Жены дома не было, но её мама, как только я зашёл к ней в комнату поздороваться, вдруг мне чуть ли не слово в слово сказала то, что мне помыслилось совсем недавно.

Ну а дальше – дальше всё просто: при первом же удобном случае я сказал батюшке о том, что сам священства не ищу, но если он считает, что я могу послужить, – я согласен. Мы договорились о том, что года два или три я буду готовиться к священнослужению. Но получилось так, что буквально после праздника Пасхи я стал входить в Алтарь и на клирос, а после того, как получил диплом об окончании пединститута, был вызван в кафедральный город. Там надо мной была совершена диаконская хиротония, а через два дня – иерейская.

Вот так мне довелось пройти путь из «савла в павлы».

Нина Капустина

Родилась в 1948 г. в с.Манжерок, в 1964 г. окончила Манжерокскую восьмилетнюю школу. В восьмом классе начала писать стихи.

В 1965 г. поступила в Горно-Алтайское педучилище.

После окончания уехала работать в с. Ново-Глушинка, Алтайского края, а через год — на Украину.

Через три года вернулась в Манжерок. Работала на мебельной фабрике, затем директором Дома культуры, много лет проработала заведующей библиотекой.

Автор книги «Разноцветье», одна из авторов сборника «Среди однотипных коралловых будней».

Он, наверное, счастье ищет...

*Ветер злой по аллеям свищет,
Кружит бешено по лесам.
Он, наверное, счастье ищет,
Пролетая то тут, то там.
Вот он в пляске прошёлся полем,
Вот он вихрем кружит в саду,
А ночами так глухо стонет,
Забываясь в сонном бреду.
Сколько дней беснуется ветер,
То хохочет, то плачет вдруг.
И умолк... Может, счастье встретил
Мой мятежный и верный друг.*

Осенние зарисовки

*Раскидала осень листья, разбросала
И танцует в платьице цветном.
Ах! Какое ткётся покрывало
Для лесов волшебным сентябрём.
Для осин – багряные косынки,
Для берёзы – с золотом наряд,
Из сверкающей на солнце паутины
У Катунь бирюзовый бант.
Средь зелёных сосен гроздь рябины,
Как костёр, горит ненастным днём,
Горы под цветастым палантином
Светятся таинственным огнём.*

*Октябрь месяц –
Месяц минор.
Листья облетела,
В полях уже пусто.
И хмарь осенняя,
Точно вор,
Украла солнце.
И сердцу грустно.*

Разноцветье красок

Паутинки сентября,
Золото берёз,
Паутинки, как морщинки,
Дождь, как капли слёз.
Паутинки сентября,
Бирюза реки,
И летят, летят по миру
Листья-мотыльки.

Паутинки сентября,
Разноцветье красок,
Ягоды рябин горят,
У природы праздник —
Маскарад, осенний бал,
Новые наряды,
Солнце, небо, карнавал —
Для души улады!

В уборе листьев золотых
Танцует осень.
И тихо музыка звучит,
И грустью душу берedit.
Рябины гроздь огнём горит
На фоне сосен.

Март

*Весна стоит почти что рядом,
А за окном – мороз.
Март подмигнул весёлым взглядом
Мне вновь у тех берёз.
Март подмигнул весёлым взглядом:
— Кончай хандрить.
Весна идёт, и снова надо
Весь мир любить.
Весна идёт, и снова – слышишь? –
Стучит капель.
И кот пошёл гулять по крышам
Встречать апрель.
Гони печаль, не плачь, не надо,
Ведь всё пустяк!
Март подмигнул весёлым взглядом
Мне просто так.*

Море жизни

*Море жизни поглотило миг судьбы.
Море жизни – штормы, ураганы.
Не хочу сдаваться без борьбы,
Словно кошка, залижу я раны.
Вот уже моя душа чиста,
И на сердце больше нет отметин.
Жизнь начну я с белого листа,
И тебя не будет в мире этом.*

Ночь – будто вздох,
Ночь – словно тень,
Ночь – обнажает, что спрятал день.
Ночь – одиночество,
Ночь – тоска,
Ночь – это боль у виска.
Ночь – это страх,
Ночь – как гроза,
Ночь – на подушке моей слеза.
Ночь – это память,
Ночь – это миг,
Ночь – это сердца
Прощальный крик.
Минула ночь:
Солнце, рассвет...
Нашей разлуке – тысяча лет.

Осенний вальс – каприз

То дождь на улице, то снег,
То солнце, то мороз,
Все нам осенний свой привет
Упавший лист принёс.
А грусть, что прячется в душе,
Ты с ветром отпусти,
На предпоследнем вираже
Обиды все прости.
Калина на губах горчит,
Бумаги чистый лист.
Прислушайся, в ночи звучит
Осенний вальс – каприз.

Зима задержалась

*Зима задержалась, застряла.
Ноябрь согрел теплом.
Такого ещё не бывало,
Упало жар-птицы перо.
В полнеба сияет солнце,
И ветер южный шалит.
Плюс восемнадцать, но осень,
Осень всё же грустит!
Грустит в ожидании снега
И холода, и дождей.
Песню из лунного света
Поставил в ночи ди-джей.*

*Песню из лунного света,
Поставил в ночи ди-джей —
Последний привет от лета,
И низкий поклон дождей.*

Жизнь – спираль,
А, может. круг:
Где-то недруг,
Где-то друг.
Где-то счастье,
Где-то боль,
Где-то радость
И покой.
Где-то смех,
А где-то плачь.
Есть судья
И есть палач.
Сны цветные,
Есть мечты.
В каждом вздохе
Только ты.
Есть цветы
И есть сорняк.
Умник есть
И есть дурак.
Ветер есть
И тишина.
Есть зима
И есть весна,
Лето, осень,
Дождь и град,
И жара, и снегопад.
И опять виток сначала,
Есть конец и вновь начало.

А мне не спится...

*Под лунным светом серебрится снег,
Мерцают звезды, шлют свои приветы,
А мне не спится – я ищу ответ,
Но нет его ни в прозе, ни в сонетах.
Перелистала тысячи страниц,
Вопрос простой: «Зачем я на планете?»
Мелькает вереница разных лиц,
Дают советы, только нет ответов.
Опять тоска, бессонница в стихах,
Лишь только ночь рождает эти мысли,
Кружат снежинки с ветром влопыхах
И в их кружение никакого смысла.*

Калейдоскоп

*Люблю я осени шуршащую листву,
Дорожки разноцветные в аллеях,
Трепещут ветками берёзы на ветру
И под дождём о лете сожалеют.*

*Жизнь по спирали движется всегда:
Вот детство босоное искрится,
Вот юность светится, энергией полна,
А вот уже зима в окно стучится.*

*Калейдоскоп прошедших лет кручу,
Где улыбаюсь, где смеюсь негромко,
Ах, время, время, как же я хочу
Прожить бы жизнь по новой, без обломков.*

*А за окном блестящий листопад,
Все краски радуги смешала осень,
И золотой берёзовый наряд
Мне под ноги проказник-ветер бросил.*

Николай Воробьев

Николай Меркульевич — автор серии краеведческих публикаций в республиканской и районной прессе, соавтор книги “Знай и люби свой край», посвящённой истории и современности села Манжерок. В 2011 году вышла книга Николая Меркульевича «Ах, как не вспомнить годы детства», посвящённая 155-летию села Манжерок. Это стихотворения и рассказы о жителях села, воспоминания и посвящения близким сердцу людям.

Николай Меркульевич родился в поселке Алтайском Алтайского края в 1947 году. Девять лет с родителями прожили в посёлке Тёплое, где и началось познание мира и литературы. В четвёртом классе продолжил учёбу в Манжероке, последнюю четверть шестого класса закончил в селе Нижняя Каянча (родители переехали в Тавдушку). Очень полюбилась маленькая деревушка, но дальше всё-таки решил учиться в родной школе, где и получил восьмилетнее образование в 1963 году. Два года учился в СПТУ посёлка Алтайский. Работал трактористом в совхозе «Карымский». В армии служил на Дальнем Востоке, заочно окончил военковскую школу при армейской газете. С 1971 года работал в Шебалинской средней школе преподавателем машиноведения и НВП. Окончил заочно Барнаульский индустриально-педагогический техникум, а позднее филологический факультет Горно-Алтайского пединститута. С 1973 года и по сей день живёт в Манжероке.

Один из авторов сборника «Дороги солнечная нить»

Николай Меркульевич более сорока лет работает в Манжерокской школе. В данный момент руководитель школьного музея.

Николай Меркульевич имеет такие замечательные качества, как любовь к окружающему миру, к истории своего села, к поэзии и музыке. Это удивительно добрый, отзывчивый человек и талантливый писатель.

Тропа моего детства

Минуло ровно пятьдесят лет, как я прошёл по ней в последний раз, возможно, даже с велосипедом на плече. Мне очень захотелось найти её, пройти по ней и вспомнить годы далёкого детства, когда я впервые ступил на неё. Провели меня тогда по ней мои новые сверстники, с которыми я познакомился после того, как приехал с родителями на житьельство в соседнюю деревушку на берегу реки.

Школа там была только начальная, и мы, чтобы продолжить обучение, вынуждены были ходить в более крупное село, располагавшееся за горой. Тропинка немного сокращала путь по сравнению с просёлочной дорогой. Начиналась она от совхозных гаражей, змейкой петляла по горе и по скалам спускалась к реке. До дома оставалось примерно ещё столько же «топать» по дороге. Берегом.

Но не только школьники ходили тем путём. Жители большого селения, где была восьмилетка, да и из других ближайших деревушек спускались по скалам прямо к лодочной переправе на реке. А там, за рекой, текла совсем иная жизнь, там проходил тракт, а по нему день и ночь катили машины, и была возможность уехать до ближайшего города или, наоборот, в другую сторону до самой границы с Монголией.

Особенно яркие впечатления о той тропе отложились в моей памяти из времени весенне-летнего периода, будто это были прогулки по природному парку. Свистели, перелетая с куста на куст, рябчики, встречались тетёрки с цыплятами, иногда в чаще мелькал силуэт испуганного зайчишки, а то и косули. Частенько попадались змеи, гревшиеся на солнышке, свернувшись колечком или спешащие куда-то в глубь россыпей камней.

А какой вид открывался со скалы на окружающие окрестности: в голубой дымке сверкающая лента реки, мелькающие вдоль берега остовы серых машин, зелень соснового бора,

мохнатые вершины гор... По пути мы с ребятами срывали и ели стебли пучек и дидлей, ревения и слизины, каких-то «петушков» и других разных трав, названия которых я уже и не помню...

Исчезла с лица земли деревушка, где закончилось моё детство, опустело больше чем наполовину селение, куда мы ходили в школу, но жизнь не стоит на месте...

Несколько раз я пытался отыскать тропинку со стороны гаражей, которых не было уже в помине, да и там, где когда-то стояли жилые дома и скотные дворы, виднелись лишь заросли бурьяна. Начало бывшей тропинки пересёк широкий овраг автомобильной дороги, а дальше прошла просека высоковольтной линии. Пытался найти её со стороны реки, но там берегом тоже пролегла просека, а при подъёме в гору я всякий раз наткался на колючие заросли акации, шиповника, терновника и прочих кустарников. Жители некогда большой деревни заверили меня, что тропинка есть и по ней ходят...

Приложив все усилия, с великим трудом я всё-таки отыскал её и прошёл по ней от начала до конца и наоборот. Я увидел, почувствовал, что по ней ходят не косули, конечно, а люди, перебираясь через валёжины и продираясь сквозь кусты. Поразило обилие цветущих марьяных кореньев...

Жалко стало мне тропу не только моего детства, обидно, что её почти забыли и бросили, но что поделаешь, видимо, это веление времени – появились шоссейные дороги и быстходные машины, через реку построили мосты...

Змея

Жили мы в совхозной избе на берегу ручья, около пилорамы, примерно в километре от селения. Было мне тогда три с половиной года. Проснувшись, я уставился глазами в потолок и нежился в теплой постели большой самодельной деревянной кровати, стоявшей слева от входной двери (как и с кем ложился спать, я, конечно, не помню).

Справа от входа напротив кровати достойное место занимала объёмная русская печь. Между кроватью и печью оставался узкий проход, возможно даже меньше метра. Впереди избы, посредине светилось единственное окно. Под ним стоял обеденный стол с ножками из досок, сколоченных крест-накрест. Слева, вплотную к кровати, возвышался старинный сундук, а справа от стола на стене висел шкаф с посудой (позднее родители рассказывали, что в тех четырёх стенах какое-то время теснились две семьи). Даже трудно поверить, как это было.

В дверь вошла мама:

— Ой, тошно! Змея!

На голбчике (широкой доске наподобие скамьи), около печи, свернувшись кольцом, дремала бурая гадюка.

— Колька, беги скорей за подмогой, за Виктором Николаевичем! (Виктор Николаевич Павлов, пожилой мужчина, работал пилорамщиком, жил с другой послевоенной семьей, их новый двухэтажный дом стоял буквально в нескольких метрах от нас).

Змей в тех местах было очень много. Это я узнал, когда подрос и пошёл в школу. Особенно их много было на горе за речкой. Именно там, где жили мы.

Подумаешь, Шукшин!

Было это 22 сентября 1996 года. Я в Черге шёл по трассе в сторону остановки, чтобы уехать домой. Вдруг останавливается большой автобус «Икарус», за рулём Гена Дюкарев, наш, манжерокский.

— Садись, земляк! Подвезу!

Геннадий Александрович – заслуженный работник автомобильного транспорта Российской Федерации. В салоне оказалась какая-то делегация из Москвы. Интеллигентные мужчины почтенного возраста буквально закидали меня вопросами:

— Кто такой? Откуда? Почему с гармошкой?

Пришлось объяснять, что работаю в школе, занимаюсь краеведением, а в Чергу ездил к тестю, инвалиду войны, на день рождения. Он любил попеть под гармошку народные песни...

За Камлаком, на высоком берегу Семы, напротив ботанического сада сделали остановку (сейчас там шоссе со стороны обрыва, огорожено бордюрами и остановка невозможна).

Отдыхающие люди быстро накрыли «скатерть-самобранку» и пригласили меня к столу. Они также попросили меня поиграть на гармошке на тему местного фольклора.

— Так чем знаменит ваш Манжерок? — снова был задан мне вопрос.

— У нас 30 лет назад прошел фестиваль Советско-Монгольской дружбы, и появилась песня «Дружба – это Манжерок», которую исполнила Эдита Пьеха. А ещё раньше Василий Шукшин снял два фильма — «Живёт такой парень» и «Ваш сын и брат».

— Подумаешь, Шукшин! — оборвал меня высокий дедок в берете. Он у меня во ВГИКе учился. А что ты еще знаешь о вашем селе?

Я, конечно с большим восторгом и воодушевлением, принялся рассказывать об истории и достопримечательностях родного села.

— Вот теперь мы поняли, что ты настоящий патриот своей малой Родины! — подытожил наш диалог «высокопоставленный дяденька из Госкино...

Прошло много лет. Только у меня на всю жизнь застряло в голове: «Подумаешь! Шукшин!»

До сих пор жалею, что не познакомился поближе с тем преподавателем из ВГИКа, но зато я хорошо знаю, кто такой Василий Макарович Шукшин, знают о нём все мои земляки, знает вся страна и даже за рубежом...

Светлана Костина

Родилась в 1982г. в Республике Алтай с.Майма. Стихи начала писать с раннего детства, поэтическому искусству её обучал отец — закоренелый романтик. Позже увлеклась прозой.

В 2000 году окончила общеобразовательную среднюю школу и поступила в Горно-Алтайский государственный университет на факультет филологии.

В годы студенчества начала активно интересоваться художественной литературой и литературной критикой. Увлеченно познавала творчество русских классиков.

Параллельно с учёбой работала в республиканской массовой газете «Листок» редактором юмористической страницы.

Окончив университет в 2006 году, стала работать корреспондентом в республиканской массовой газете «Звезда Алтая». Работала корреспондентом Майминской районной газеты «Сельчанка».

Была неоднократным победителем и участником различных литературных акций и конкурсов, которые проводились в республиканских газетах.

С 2000 года начала пробовать себя в прозе. Одна из авторов сборников: «Майма литературная», альманаха «Майминское Прикатунье», «Среди однотипных коралловых будней», «Снова память распахнута настезь» и др.

Сашка

Из цикла «Односельчане»

*У бабы Маши, кроме Сашки
Были Пашка да Иван,
А остался только Сашка –
Алкоголик и буян.*

*У неё больные ноги
И на сердце два рубца,
Она ходит по дороге,
Кличет Сашку-подлеца.*

*Сашка с детства глушит водку,
Был женат и бил жену,
Воровал, имеет ходку,
Или даже не одну.*

*Он таскается по барам,
Всюду должен, вечно врёт,
Если он берёт гитару,
То блажит, а не поёт.*

С виду он больной и слабый,
Только в драку лезет сам,
И его жалеют бабы
За печальные глаза.

Загрустит порой, по пьяни,
Убредёт на край села,
К сердцу крепко боль пристанет,
Как кедровая смола.

И бесслёзно, бессловесно,
Долго плачет, воеет псом,
А потом пустой и трезвый
Возвращается в свой дом.

Кличет Сашку баба Маша,
В низком небе грянул гром.
Говорят, отец у Сашки
Был хорошим мужиком.

Портрет женщины

Ночью... она напивается ночью,
Ночью июньскою, ночью январскою,
Пьёт одинокая, пьёт в одиночестве,
Пьёт аргентинское, пьёт краснодарское,
Или грузинское, или испанское,
Или «Столичную», или шампанское...
Горькое, сладкое, вкусное, мерзкое,
В кухне с задернутыми занавесками
Женщина пьёт. Наливается женщина
Красною, спелой тоской по ушедшему,
По безвозвратному, горькому, грешному,
Но дорогому, любимому, нежному.
Крыты заботами, как одеялами,
Тьма пережитого, свет небывалого.
Только ночами является прошлое,
Невыносимое и невозможное.
Непоправимое... В рюмке заплещется,
И поползёт, поползёт по столешнице...
Силы душевные смелет, как мельница,
Аж на обоях цветы зашевелиятся...
Женщина пьёт. Потому, что не верится,
В то, что уже ничего не изменится,
Красное, белое, горькое, сладкое,
Руки её ещё чуткие, гладкие...
Пьёт от надежды и от безнадежности,
Пьёт потому, что ей хочется нежности,
Пьёт потому, что устала от снежности,
От пустоты, маяты, неизбежности.
Пьяным, печальным огнём наливается,
Плод переспевший, досрочно спивается,
Женщина...

Женщине

*Нести в себе женщину, женское
Сквозь быт и рутину житейскую,
Сквозь суматоху извечную,
Суметь сохранить в себе женщину.
Сберечь своё самое главное,
Что в детстве заложено ангелом,
То чистое, невыразимое,
Всё то, что нас делает сильными.
И даже в минуты отчаяния,
И даже в моменты бессилия,
И сколько бы ни выносили мы...
Не погубить в себе женщину –
Жертвенное и вечное.
Без её чуткости, нежности,
Не проживёт человечество.
Женщина – небо весеннее.
Женщина – мир над Отечеством.
В женщинах – наше спасение.
Не потеряй в себе женщину.*

Поэтесса

Рабочий день закончился, редакция опустела, лишь в соседнем кабинете, вечно не успевающая в срок Таня, строчила статью. Я уже думала о доме и недочитанной книге, а может быть о свидании или куске пирога в кафе и собиралась выйти из затихшего офиса, но меня остановила женщина. Обычная женщина, с простоватым лицом. Она не поздоровалась, сразу прошла, села на стул и сказала:

— Я вас знаю, вы статьи пишете и стихи. Я поговорить хотела.

— Может быть, завтра зайдёте? Я уже ухожу, — предложила я.

— Нет, лучше сейчас, пока есть настрой. Я ведь не для газеты, мне надо лично с вами, — пояснила она.

У меня настроя задерживаться на работе не было, но женщина не оставляла мне выбора. Признаюсь, я была чуточку польщена, что ко мне, рядовой двадцатипятилетней журналистке местной газеты, пришли «по личному делу», что меня «знают». Обычно я ко всем ходила сама, объясняла, кто я и откуда, предлагала поговорить. Я зачем-то оказалась нужна этой женщине, положившей сейчас свои тяжёлые руки, сложенные в замок, ко мне на стол. Надо остаться и выслушать.

Она представилась – Антонина Ивановна или просто Тоня. Живёт в деревне, работает уборщицей в клубе. Имеется муж, дети, внук, держит корову и гусей...

— И что же у вас не так?

— Есть одна проблема...

— Какая?

— Меня муж бьёт.

Внешне она была крепкого телосложения, казалось, такая себя в обиду не даст. «Зачем она ко мне пришла? Надо в полицию», — подумала я.

— А за что бьёт?

- За стихи.
- Как это?
- Стихи я пишу.

Женщина тяжело посмотрела на меня и отвела глаза, словно призналось в чём-то постыдном. Мне стало как-то неудобно, я ведь тоже их пишу — стихи, но меня за это с детства только хвалят, даже за плохие. Мы замолчали. В повисшей тишине я слышала, как за тонкой перегородкой Таня ломает шоколадку, а потом снова монотонно стучит по клавиатуре. Антонина страдала. Это чувствовалось во всей её напряжённой позе, её молчании. Вот почему она пришла ко мне! Проблема не в муже, а в стихах, мужья многих бьют — это дела семейные, а тут поэзия. Наверное, она думает, что написание стихов для зрелой женщины с обязанностями — это глупо и противоестественно. Она пришла ко мне в надежде найти объяснение своему изъяду, возможно, услышать какие-то правильные слова, вопросы и уйти домой оправданной. Не слишком ли много она ждёт от меня? Я же не врач, я сама «страдаю» стихами.

Она вдруг спросила:

- А муж у вас есть?
- Нет. Но если бы был, я бы не позволила меня бить.

В то время я ещё жила по законам поэзии и верила, что почти все события жизни можно заключить в рифму, подчинить гармонии, а если нет, то всё перечеркнуть и начать с новой строки. Это потом у меня появился муж, который хоть и не бил меня за стихи, но не принимал их, тогда стихи кончились. Я перестала писать. Были моменты, когда я изнывала от творческой немоты, словно от зубной боли. В такие минуты мне хотелось быть как Тоня, которая в отличие от меня боролась за свою причастность к поэзии. Она писала, несмотря ни на что. Да, боялась быть разоблачённой, осмеянной, униженной, но всё равно писала. Поэзия была для неё грехом и одновременно очищением, её маленькой слабостью и великой силой.

Мы внимательно смотрели друг на друга. Я теперь уже с

интересом и симпатией, она – с грустью. Кажется, узнав, что у меня нет мужа, Тоня ещё больше поникала.

— Наверное, вам не понять, не надо было мне к вам приходить.

— Ну, что вы! Хорошо, что вы здесь. От стихов я вас не спасу, конечно, но попробуем просто поговорить, это тоже помогает, — постановила я. — Вот скажите, давно это у вас?

— Что?

— Ну, стихи?

— Я и не думала этого делать, клянусь! Они как-то сами привязались! — неожиданно громко выпалила Антонина. — В прошлом году в газете наткнулась на стихи, когда к сестре в Пospelиху ехала автобусом. Не помню чьи, но такие! В них красота была, музыка, понимаете? За душу меня взяло. И потом в голове стали кружиться мысли-слова, словно музыка какая. Решила я записать, села ночью, да только под утро остановилась. Слова всё шли и шли, откуда они брались? Не знаю.

— А муж, что?

— Муж то? Ой, Миша у меня хороший, добрый, работающий, пьёт редко, детей любит! — губы у Тони дрогнули и скривились. Она достала из кармана носовой платок и всё мяла его в руках. — Ему надо, чтобы всё по уму было, чтобы баба своими делами занималась — хозяйством, домом, а тут стихи эти...

Муж не простил Антонине стихов ни в первый, ни в последующие разы. Сначала он пригрозил, чтобы прекратила «занимается ерундой». Потом как-то заглянул в её поэтическую тетрадь, где было что-то про любовь, небо, мокрую траву. Миша насторожился. Какая любовь? С кем? Зачем? Тетрадку он забрал и сжёг в банной печке. Тоня смолчала. С тех пор стала писать тайно, а рукописи прятать от мужа. Но он находил, злился, рвал и жёг поэзию. Бил Тоню. Её увлечение раздражало, Мише казалось, что жена сходит с ума. Порой он ловил её отстранённое выражение лица, его окутывало волной гнева.

— Опять свои стишочки сочиняешь? — заводился он, и Тоня видела, как напрягаются его скулы, а руки сжимаются в кулаки.

Она плакала, обещала бросить, Миша прощал, но стихи не отпускали Антонину, и всё начиналась снова.

Тоня с ужасом думала о той ситуации, в которую она попала. Муж и стихи оказались на одной чаше весов. Муж нужен для жизни, стихи для души. И муж, и стихи требуют жертв и преданности. Два предназначения конкурируют между собой. В какой-то момент она поняла, что стихи она оставить не может, это сильнее её. Решила просто ждать, когда само пройдёт. Если пройдёт.

Антонина бросила на стол истерзанный носовой платок и уже шёпотом, на выдохе произнесла:

— Так и живу!

Мне хотелось помочь Антонине, но я не знала, как. Тоня пришла ко мне слишком рано, если бы она пришла сейчас, наверное, я нашла бы для неё нужные слова. Я бы, может, пошла бы к этому Мише, посмотрела бы в его жестокие глаза! Тоня, мы бы что-нибудь придумали!

— Вы не бросайте писать, может, муж когда-нибудь вас поймёт, — сказала я ей тогда. И это всё.

Она поблагодарила и уже на выходе улыбнулась мне:

— Вы тоже не бросайте, вы талантливая!

Она обещала принести в редакцию свои стихи, мы договорились, что опубликуем их в газете под псевдонимом, чтобы муж или кто-то из знакомых не узнал их автора. Я ждала Тоню, но она так и не пришла. Больше я не встречалась с ней, но не так давно наткнулась в одном сборнике женской поэзии Алтая на очень самобытные стихи некой Анны Затониной. Одно из них напомнило мне об Антонине. Видимо, её поэзия всё-таки нашла меня.

Мише

Вот на завтрак — каша,
Вот к обеду — щи,
Что гущу немного,
Миша, не взыщи.
Я пойду, прилягу,
Снова голова...
В ней родятся, Миша,
Рифмы и слова.
Хороводом ходят,
Строчкой стиховой,
О любви, о жизни,
Да о нас с тобой.
Дай ты мне покоя,
Миг без маяты,
Подождут заботы,
Подождёшь и ты.
У моих стишочков
Есть характер свой,
Их не остановишь
Словно кран с водой.
Чистые, как дети —
За строкой строка.
Мишенька, не трогай
Святости стиха.

Посидели

Компания друзей отдыхает в ресторане. На столе — коньяк, закуски. Общение бьёт ключом, парни весело шутят, смеются. По соседству за тонкой перегородкой расположились две девушки. Им подали меню, но они его не торопятся открывать, о чём-то заговорщицки переговариваются, а сами поглядывают в сторону ребят.

Наконец, одна из девушек выходит из-за столика и решительно направляется к мужской компании. Резко, с размаху она даёт пощёчину парню, который как раз привстал, чтобы наполнить рюмки. После этого девушка демонстративно уходит, машет своей подруге, и они исчезают из кафе.

За столиком, где сидят молодые люди, возникла пауза.

— Лёх, это кто? — обращается один из друзей к «потерпевшему».

— Да так, гостя из прошлого, — отвечает Лёха, потирая место удара.

Для любимой жены

Небольшой продовольственный магазин в Майме. Мужик, явно алкоголик со стажем, уговаривает продавщицу дать ему водки в долг:

— Нин, ты же знаешь, что я отдаю всё до копейки.

— Отдаёшь ты, ага, отстань уже! — нервничает продавщица.

— Нина, это же я не для себя прошу, а для любимой жены!

— Чё это?

— У неё сегодня день рождения!

— И что? Она вообще не пьёт в отличие от тебя.

— Зато я пью. Она меня сегодня попросила: «Толя, сделай подарок в день рождения, не показывайся до завтра мне

на глаза». Вот я и хочу сделать ей такой подарок: возьму водки и пойду к мужикам с ночёвкой.

Продавщица залилась смехом:

— Любишь ты, Толя, жену, ничего не скажешь.

До «Ткацкой» или до «Вокзала»?

Городской автобус.

Слегка пьяный парень пристаёт к девушке:

— Девушка, а вы до какой остановки едете?

— Ну, допустим, до «Ткацкой».

— А я до «Вокзала».

— И что?

— А давайте на «Вокзале» вместе выйдем, в кафе посидим, потом я вас на «Ткацкую» провожу.

— Нет, спасибо.

— Знаете, мне тоже надо на «Ткацкую». Может, я с вами сойду, мы погуляем, пивка попьем, а?

— Вообще-то у меня муж есть.

— Ну ладно, тогда мне всё-таки до «Вокзала».

Елена Мансурова

г. Челябинск

Дом

*И человек мечтал о том,
что он построит где-то дом,
И поселится счастье с ним
в доме родном.*

Вы замечали, насколько значимое это слово для людей. Маленькое. Но ёмкое. С раннего детства. Маленькая девочка ещё шагает-то неуверенными шагами, но впереди себя толкает коляску с куклой — идём домой. Желание обустроиться, обозначить своё личное пространство, видимо, и есть — мой дом.

Я — маленькая. Небольшой уральский посёлок. Каникулы. Начальная школа. Лето.

Мне посчастливилось сегодня — разрешено вынести на улицу старенькое, но очень красивое покрывальце. Расстилаю его на траве. Расставляю игрушечную посуду, раскладываю старые мамины украшения, сажаю куклу и моего любимого медведя. Рядом также на своих покрывальцах девчонки с нашего двора. У них свой «дом». Тем, кто без главной части «дома» — тканевой основы, приходится проситься к кому-нибудь, придумывать себе роль: «А давай я буду племянницей или двоюродной сестрой?».

Вот и мальчишки подтягиваются. Многие дожёвывают простецкий бутерброд — тогда он назывался хлеб с маслом — элемент, так сказать, завтрака. Им тоже надо придумать роль. Это сложнее. Но выбор большой — дворник, милиционер, начальник...

А тут уже и магазин открыли. Чего только там нет! Вот конфеты — маленькие нарванные цветочки, вот сахар-песок из песочницы, рыба копчёная — труха из пенька... И ценники. Обязательно. Ведь в наших детских кошелёчках уже нарисованы денежки. Именно так — денежки.

Беру медведя. Несу в больницу. Надо отметить, мой медведь — любимый пациент. Он большой и жёлтый. У него очень красивые глаза-пуговицы. А ещё он набит мелкой стружкой. И иголки от шприцов очень и очень легко входят в «медведевы» части тела. Мишка за день получает столько инъекций, что едва высыхает за ночь. Мама вывешивала его на бельевую верёвку во дворе за два уха. Время обеда. В кастрюльке готовится супчик из нарванной травы и купленных продуктов.

Тут наступает роль куклы. Она очень красивая. Ручки, ножки соединяются верёвочкой внутри пластмассового туловища, легко оттягиваются и опять встают на место. У неё яркое лицо. Доброе и весёлое. Глазки двигаются туда-сюда. А ротик приоткрыт. Видны зубки и язычок. Этак съешь ей ложечкой маленькой «супик» в рот, а потом отодвигаешь ножку в сторону, суп-то и выливается из куклы. Удобно. Можно долго кормить. Итак, целый городок получается. Каждый занят. Пока домой не позовут. Дом меняется на дом.

Прошло много лет. Подрос сын. Стал самостоятельно гулять во дворе. Однажды иду и замечаю, что покрывальца опять разложены на траве. Домашняя непригодная утварь превращена в украшения детских домиков. Среди детворы нахожу своего ребёнка. Вечером расспрашиваю его:

— Во что играли?

— В дом. Я был электриком!

Озадачена, чем занимается электрик в доме? Видимо, есть чем, если есть такая роль. Есть потребность в личном пространстве. Есть желание строить дом. Каждый день возвращаться туда. И принимать это за счастье.

Диагноз

«Чтобы не стать пьяницей, достаточно иметь перед глазами пьяницу во всём его безобразии».

Анахарсис

Каждое лето мы с коллегами отправляемся на сплав по рекам. Едем, так сказать, отдыхать: кто от работы, кто от домашних дел, кто один, а кто со всей семьёй. Надо отметить, у каждого своё представление об отдыхе.

Вот Дима. Он не выпускает фотоаппарат из рук. Любое интересное движение волны, пятки напуганной белки, спуск катамаранов на воду, — всё фиксирует его объектив.

Вот Наталья Павловна – женщина, ну очень активная. Не успеем «запарковать» катамараны на стоянку, тут же голос: «Волейбольчик, волейбольчик». Честно говоря, у неё и на работе такое прозвище — «Волейбольчик». Мяч у неё всегда с собой. У каждой женщины, как говорят психологи, должна быть губная помада. А у Натальи Павловны – волейбольный мяч!

Номер «шесть» постоянно у катамарана команды Кусто. Предводитель сей четырёхсоставной мужской компании носит фамилию Кустов. На стоянке их катамаран подтягивают к берегу, по одному выносят вдрызг «упитые» тела на траву, часа через два они пытаются открыть глаза и побродить по лагерю. Утром заботливые коллеги опять заносят «тела» на катамаран, назначаются два сопровождающих сей борт, и путешествие продолжается.

А вот Марина. Наш представитель от профсоюза. Она занимается организацией, подготовкой к сплаву, ну и отвечает за всех и за мероприятие в целом. Впервые увидев картинку с катамараном номер «шесть», она вспыхнула, возмущалась и, как истинный руководитель, решительно сказала: «Я поплыву с ними. Пусть только попробуют!»

Утром катамараны спустили на воду, начался следующий этап. Представляете картинку: на плановой стоянке катамараны вытащены на берег, разложен перекус из незатейливых бутербродов. Ждём команду Кусто. Вот, наконец-то, и их катамаран причаливает к берегу. На катамаране, вопреки всем правилам безопасности, стоит Марина, машет косынкой, весело кричит приветственные слова, а вокруг неё — «тела». Со словами: «Сфотографируйте меня!», — пытается протянуть фотоаппарат коллегам и... роняет его в воду! Да... поистине: с кем поведёшься...

Как вы догадались больше перевоспитать «шестой» никто не пытался. Вечером у костра опять начали весело вспоминать происшествие. Рядом со мной сидела женщина, по профессии — психиатр. Заведующая отделением в психиатрической лечебнице. На мои слова: «Ну, что вы! Люди просто так отдыхают!» — она оборвала меня: «Ещё скажи — они так устают, работа сложная, нервная... А, ты не устаёшь? Тебе проще? У меня половина отделения таких. Нет. Я вас заверяю — это диагноз!»

С милым рай и в шалаше...

Мои соседи — люди довольно милые. Анна Ивановна очень хозяйственная. Всё у неё по полочкам. Ремонт в небольшой квартире — идеальный. Сама делала. Именно сама. А Витя — из мужей, которых жены тщательно берегут.

Когда-то в молодости Витя был видным женихом. Потом машина, гараж, друзья и, как приправа ко всему этому, бутылка, да не одна...

Как говорит Анна Ивановна, слово «муж» расшифровывается так: мгновенно уценённый жених.

Многого натерпелась она от жизни семейной: пьяный Виктор иногда вообще забывал про дом, деньги пропивались, в домашних делах и заботах вообще не участвовал. Но при этом Анна Ивановна никогда не говорила про него плохо. Увидит, бывало, как пьяный муж шарается во дворе,

подбежит и волочит его скорей домой. А уж если когда-то он гвоздь прибьёт, да ещё и к месту, всем и каждому похвалится, какое у неё счастье.

Совсем недавно на юбилей Виктору подарили палатку. Рыбак он заядлый. Подарок оказался как нельзя кстати. Зелёная по цвету, китайского производства, палатка представляла компактно сложенное и упакованное в круглый чехол сооружение, которое при необходимости одним движением превращалось в непромокаемое жилище.

Пришли гости, выпили за здоровье именинника, закусили, посмотрели палатку, расправили её, пошутили и разошлись по домам. А подарок остался стоять посреди комнаты в разобранном виде. Неделяю стоит, другую. Не может собрать Виктор её и сложить в чехол.

Зашёл в гости как-то к Анне Ивановне брат Шурик. Мужчина, про которого говорят «на все руки мастер».

— Чего, — говорит, — палатка-то стоит, жить в ней собираетесь?

Анна Ивановна рассказала, что попробовал Витя собрать по схеме — восьмёркой, как учили гости, не получается. Шурик быстренько взял палатку и одним движением своих рук скрутил восьмёрку, сложил в чехол. Вот, говорит, так легко и просто.

Вечером Витя заглянул в кладовку, достал палатку и со словами: «Так-то и я могу!» вновь её разложил.

Несколько попыток собрать восьмёркой обтянутый каркас оказались неудачными. Целый вечер он маялся. Потом второй вечер...

Недели через две зашла я по-соседски к Анне Ивановне, заглянула в комнату, а там... — посреди комнаты стоит палатка. Всё такая же зелёная, совершенно без складочек, натянутая.

— С милым рай и в шалаше, — тихонько прошептала Анна, и, вздохнув, добавила, — если милый атташе...

Какая фотография лучше?

Борис Семенцов

Борис Семенцов

Родился: г. Горно-Алтайск, 1949 г.

Учеба: средняя школа № 1, музыкальная школа (г. Горно-Алтайск, 1956-1966 гг.), геологический факультет Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова (1966-1971 гг.).

Работа: геолог на геологической съёмке и поисках месторождений полезных ископаемых в Забайкалье, Северном Прибайкалье, Центральной и Западной Монголии, Горном и Монгольском Алтае. В том числе – на крупнейших месторождениях: Каракульском — кобальта, Калгутинском — медно-порфировом, Асхатингольском — серебра, Любушкинском — ювелирного кордиерита в период 1971-2001 г.

Автор свыше 200 отчётов по инженерно-геологическим изысканиям для строительства новых зданий и сооружений в РА, Алтайском крае, Кемеровской области в период 2003-2011 гг.

Награды: «Победитель соцсоревнования 1977 года», «40 лет геологической службы Монголии», «Отличный геолог».

Творчество: автор изданных трудов «Крупнейшие месторождения Горного и Монгольского Алтая» (2011 г.), «Истории Чайного Клуба» (2014 г.), «Геология Алтая (специальные и нравственные аспекты)» (2017 г.), диски гитарных песен «Калгутинское лето» (2014 г.) и «Пролетают снега» (2016 г.). Несколько небольших статей геологического содержания было опубликовано в бюллетене «Природные ресурсы Горного Алтая» периода 2004-2010 гг.

Несколько стихов и небольших эссе опубликовано в книге «Дороги солнечная нить», 2018 год.

Семья = 40 лет: жена, трое детей, проживающих и работающих в Москве, Томске, Бийске.

Дорога вечности

Память моя постоянно возвращается к дорогам юности и зрелости, к хорошим людям, встреченным на путях и перекрёстках жизни. Память моя повторяет – вслед за многими – как прекрасна была наша юность! Сколько добрых дел было совершено нами вместе..!

Однако же частенько перед моим взором и ныне возникают новые возможные маршруты, которые я вместе со своими товарищами мог бы пройти в реальной жизни. Конечно, восхождение на Эверест-Джомолунгму мне уже не по силам, но вот подобраться к разноцветным перламутровым озерам Софийского ледника в Южно-Чуйских белках и восхититься, в который уж раз — неповторимостью Природы, я был бы не прочь. Естественно, в компании товарищей, проверенных временем. В хорошей компании.

*Утром в долине меж гор
Я разжигаю костёр.
Утро – конечно же – мудрее вечера.
Время творенья добра.
Время будить города.
Время движения вверх – дорогой вечности.*

Мы продирались тайгой,
Тропы рубили с тобой
И превращали их в пути для Будущих.
Рядом блестели глаза,
Рядом стучали сердца,
И уходили прочь любые трудности.
В скалах, в болотах маршрут
Мы разделили, мой друг.
Всё пополам: и ярость, и открытия!
Вместе грустили с тобой,
Вместе искали любовь
И заставляли плакать струны бытия.
Время стремниной летит.
Нас разбросало в пути –
По всей Планете капли – вихрем жизненным.
И средь бурной пыли
Выжить и встать помогли
Добрые руки и глаза любимые!
В точках намеченных встреч
Нам предстояло сберечь
Память о мечтах далёкой юности.
В ней мы искали портал
Будущих наших зеркал
И уходили вдаль тропой мудрости.
Вот и погасла заря,
Плещется пламя костра.
И – одинокий – жду своих товарищей.
Я вижу ваши глаза,
Я слышу ваши слова —
Эхом над Планетою загадочной.
Утром в долине меж гор
Я разжигаю костёр.
Утро – конечно же – мудрее вечера!
Время творенья добра.
Новых маршрутов пора.
Время движения вверх – дорогой вечности.

ОРИЕНТИРЫ ЛЮБВИ

(размышления в стиле рондо, подражание Эглю)

*В тот мир, где тьмы людей перебивало,
Приходит вновь и вновь людей немало,
Чтоб опытом столетий пренебречь
И путь неверный начинать сначала.
(Возможно, это сказал поэт Э. Чаренц).*

Изменениям подвержены все части биосферы Земли. В контурах человеческой жизни наиболее проявлены изменения, происходящие с людьми, растительностью, животными. Менее заметны изменения, происходящие с климатом, реками и ручейками. А уж горы — они "вечные", неизменные. Контуры их белых вершин Ак-Туры, кажется, остались прежними со дня "сотворения мира". Неспешность процессов изменений, происходящих с природой в течение человеческой жизни, "убаюкивает" наблюдателя, а сами изменения могут проявиться "вдруг", сразу.

Внимательно взглянув однажды, ты с удивлением понимаешь, что не узнаешь привычную с детства реку. Всё в ней изменилось: контуры берегов и островов, тон струящейся воды. Неужели ЭТО и есть моя Катунь? Да, это всё та же Катунь. Та, да не та. ... И ты с ужасом начинаешь лихорадочно вспоминать отдельные фазы изменений, произошедших с Катунью (вон там десять лет назад упал подмытый водою тополь, ещё четыре года назад не было этой песчаной косы...) за твою — увы, недолгую — жизнь. Начинаешь заново узнавать свою Катунь. И в ней не самым лучшим образом отразились прожитые с тобой годы. Она ещё стремительна в теснинах гор, ещё взвихривается водоворотами около скал Эликманара и Рыбалки, но, выходя на обширную галечниковую равнину между Маймой и Бийском, уже теряет свою силу. Размывая острова, она измельчает глубину своего рус-

ла, а её широкие перекаты, кажется, можно перейти вброд. Потеплел ли климат? Вырубili ли леса? Не знаю. Только уменьшился уровень грунтовых вод в Уймоне, и оттого теряет моя Катунь свою мощь, стареет вместе со мной.

Что же ты творишь, неразумная? Собери свои воды в более узкую струю и покажи нам, что ты по-прежнему — Катунь, восхищение моего детства. Не величайшие Кама и Волга, но — Катунь — царица Алтайских гор! Не слушает, родная, течёт по перекатам, еле-еле струится осенью в созданных ею же протоках. Какая уж там царица! Курица вброд перебредёт. Если и осталось что от "старой, доброй" Катунь моего детства, так это бирюзовый цвет её осенних вод. Совсем как у иного человека: и лицо сморщилось, и губы ввалились, и волосы поседели — только прозрачная синь детством брызжет из глаз.

А Маймушка, заливавшая каждую весну Обозостроительный завод (громко именовавшийся в 50-ые годы 20-ого века "Электрометаллом") и половину Набережной улицы? Насыпь дамбы укротила помельчавшую Маймушку, а на месте когда-то глубоких омутов протоки ныне стоят дома. О былой прозрачности воды в ней приходится только вспоминать, глядя с переходов в Майме в — увы — редкие моменты на чебачишек, резвящихся в прозрачной воде. Чаще в ней теперь вода свинцовая и неприветливая, сквозь которую и в колено глубины не видно дна. Даже безоблачными осенними днями не вспоминает она о прозрачности вод моего (и своего) детства.

Итак: кто же такой Эгль и почему надо ему подражать? Напомню, что странствующий сказочник Эгль — это выдумка Александра Грина. Именно в уста Эгля автор потрясающих "Алых парусов" вложил веру человека во всё лучшее, веру в прекрасные алые паруса надежды. Как персонаж и герой этот самый Эгль абсолютно не похож на "комбатов", "слепых", "волкодавов", «дозорных» и прочих "супермэнов", изображающих из себя защитников справедливости и добра в кино-и-книгоизданиях современных авторов. Имечко-то

какое — Эгль. Странное и непривычное для русского уха.

Сказочное имечко, оторванное от реальности бытия и прямо-таки заставляющее поверить — не в чудо — но в то прекрасное, что может ждать тебя в жизни.

Имена в художественных произведениях играют перво-степеннейшую роль. Возьмём, к примеру, главного героя "Звёздных войн", которого прекрасно знает поколение, родившееся в 80-ых годах, по книге, кинофильмам и компьютерным играм. Итак, главного героя зовут Люк Скайуокер. "Скайуокер" в переводе с английского — "воздушный работага" ("скай" — воздух, "уокер" — рабочий). Ребята, так это же свой парень! Наш обычный работага из Ньюкасла или Бостона! (заметьте: не сутенер или бандит, не миллионер, не "простой" бизнесмен или биржевой делец, а "простой работага"). Естественно, что книгу о подвигах "нашего простого американского парня" прочитать необходимо. И читают — запоем.

А насколько прелестен и мудр был Лермонтов, давший "Герою нашего времени" фамилию Печорин! Каков же секрет фамилии Печорин (я не навязываю своего мнения науке, а просто размышляю в стиле рондо)? Попробуем искать ответ в географии и истории. Из географии известно (не всем, конечно), что Печора — это мощная река северного Предуралья, бассейн которой издавна заселили русские роды. Вероятно, название этой реки и дало Лермонтову идею для выбора фамилии главного героя. При этом для читателя Печорин предстает как потомок древних северных русских дворянских родов, обитавших или обитающих в бассейне Печоры. Естественно, что покорители Севера должны обладать особыми привлекательными качествами своей натуры, качествами покорителей (надёжность, сила, не испорченность). Почему не фамилии московских и петербургских (на худой конец, поволжских или вологодских) дворянских родов, родством с которыми так любят гордиться современные «бомондовцы» и «виповцы»? Из истории известно, что московское и петербургское дворянство в те годы более славно было своей

подлостью ("а судьи кто? ... к свободной жизни их вражда непримирима" — из грибоедовского "Горе от ума") и интригами, поэтому выбрать их фамилии в качестве "знаковых" для "героя нашего времени" Лермонтову было просто невозможно. Также невозможно, как ныне — фамилию Чубайс, ставшую в 90-ые годы для большинства граждан России чем-то вроде собачьей клички.

Но — перейдём к делу.

Ориентиры Любви первого рода.

Любовь сопровождает человека в течение всей его жизни. Примем это выражение за аксиому, так как невозможно представить себе человека, страстно ненавидящего как саму планету Земля, так и окружающих его людей, проживающих на этой планете прямо с момента своего рождения.

Начнём с самого начала: твоего (и моего тоже) рождения. Вот ты родился (появился на "свет") и первое, что ты ощущаешь — это тепло твоей мамы, дающей тебе пищу и ласку: какие еще блага тебе надобны в это время. Растёшь помаленьку, но при каждой встрече с чем-то новым и неожиданным дико реवेशь от страха и находишь успокоение лишь на материнских руках. С подрастанием в твой мир постепенно входят окружающие тебя люди: это отец (папа, батя, тятя), братья и сёстры (счастливы, кто имеет), близкие родственники. Они так естественны в проявлениях своей любви к тебе, что и ты — в ответ — проникаешься к ним признательностью за всё хорошее, сделанное ими для тебя. Для тебя, а не для иного человека. Ты делишься с ними своими радостями и горестями, стараешься сделать нечто хорошее для них, помочь в заботах. В ответ — улыбка — спасибо, милый мой.

Так же естественно (постепенно) входит в твою жизнь природа места твоего рождения. Ты привыкаешь к каждодневному говорку реки, шуму ветра в деревьях, силуэтам окружающих тебя гор или простору степи. Эту бессознательную и естественную любовь к матери, отцу, близким родственникам и окружающей природе места твоего рождения — за за-

боту и ласку, которую они дарят именно тебе — я посмел бы назвать ориентирами любви первого рода.

О Любви. Что же такое Любовь?

А как же собственно Любовь (да простят меня столь уважаемые ныне СМИтчиками сторонники «нетрадиционной любви» — я буду рассуждать в дальнейшем только о любви к противоположному полу и только это чувство именовать любовью)? Стремление человека к продолжению рода "гомо сапиенс" на Земле столь же бессознательно и естественно, что я бы рискнул определить Любовь к противоположному полу в ранге ориентира любви первого рода — наряду с любовью к Маме. Эту Любовь не воспитывают в тебе, она возникает так же естественно, как шум дождя.

Счастье первой любви для меня, увы, уже невозвратимо. Предположим, что первая любовь возникает у молодого человека где-то в возрасте 12-14 лет. В это столь прекрасное время на Олимпе любви царит единственная девчонка. Никакие "кинодивы", "мисс чего-то там" или "секс-символы" не могут конкурировать в глазах влюблённого (впервые, подумать только!) с прелестями его избранницы. Всё в ней вызывает только восхищение. Походка, поворот головы, звуки голоса — неподражаемо и прекрасно. Каждое её слово — абсолютная истина. Постоянное ожидание встречи с ней составляет основу твоей жизни. Откуда возникает первая любовь? Наверное, она появляется и развивается из ежедневного общения с кем-то из живущих с тобой в одном городе или обучающихся с тобой в одной школе (классе). Вариаций на эту тему бесчисленное множество. Одни понимают, что влюбились, одномоментно (любовь с первого взгляда). Другие и не подозревают о своей любви — настолько естественным, как глоток воздуха, представляются им каждодневные встречи — до какого-то момента ("Понял, как ты хороша, только с последним звонком" — из песни). Прислушайся — ты вступаешь в первый круг Любви. ... Не у всех, возможно, лишь у некоторых, первая любовь заканчивается благополучным браком.

Ты взрослеешь, и — предположим — к 20-25 годам Олимп любви начинает заполняться претендентками. Открывается второй круг любви. Остаётся лишь удивляться разнообразию девичьей красоты, предстающей твоему изумленному взору. Можно потеряться в непередаваемой палитре всевозможнейших оттенков — светлых, иссиня-черных или рыжих — волос, утонуть в бездонных омутах карих или раствориться в бесконечной синеве прозрачных глаз. Тоненькие, как тростинки, женственно-округлые, высокие или миниатюрные — пространство Олимпа звенит колокольчиками и бархатцами их звонких голосов. Которую из них предпочесть? И которая из них остановит свой благосклонный взор на твоём лице? Или доверчиво коснётся тебя? Как говорится, возможны варианты. Вот это-то "возможны варианты" не оставляет равнодушным ни уже "забракованных", ни тем более всё ещё "свободных". Вероятно, в этот период круга любви заключается — и небезуспешно — подавляющее число браков. Пусть будет счастлив твой выбор, читатель. Природа сама тактично напоминает тебе: пришла пора, друг мой, продолжать род человеческий.

В средние (пожилые) года число красивых женщин нарастает в геометрической прогрессии, и ты вступаешь в третий круг любви. На Олимпе любви буквально не протолкнуться от всевозможнейших красавиц (где же были твои глаза двадцать лет назад?). Повсюду: на работе, в автобусе, на тротуаре — столбенеешь уже не просто от сознания бесконечности разнообразия женских глаз и изгибов тел, а от тех интонаций, которые заключены в, казалось бы, уже привычных формах. Чары этих интонаций по силе своего воздействия сопоставимы с природными катаклизмами, перемешивающими, казалось бы, прочные брачные связи. Страшная сила — красота. Природа напоминает тебе, что в 40-50 лет ещё не поздно зачать и родить человеческое потомство, даёт последний шанс в продлении твоего "я". Выбор партнёра в эти годы более труден, поскольку каждый индивид в сие время отягощен тяжёлым грузом инерции: застарелые привычки

холостяцкой и семейной жизни и кажущаяся "свобода" от каких-либо обязательств составляют лишь малую часть этой инерции. Мне знакомы герои, нашедшие в себе силы успешно пройти этот третий круг любви. Хвала им. И не будем жалеть несостоявшихся, не прошедших ни одного из кругов любви. Это их выбор.

Вероятно, смерть приходит к человеку в тот момент, когда на "белом свете" не остаётся некрасивых женщин. Может быть.... Вероятно, тяжелее всего встречать приход смерти одинокому человеку. Свойства характера избавили меня от этой незавидной и ужасной участи — что посеешь, то и пожнёшь.

Любовь к противоположному полу не может существовать без геометрического пространства, географически расширяющегося вместе с эволюцией цивилизации. Тысячу лет назад пространство круга любви, внутри которого можно было найти свою "суженую", для простого крестьянина обычно ограничивалось двумя-тремя недалекими деревеньками. Только князья и их дружинники имели возможность привозить себе невест из других городов, иногда — из других стран. Несколько позже, в средние века, увеличение численности населения и развитие транспорта географически расширило круг любви, но межрасовые браки считались единицами и очень не одобрялись окружающими. В Петровско-екатерининские времена (17-18 века) массы русского крестьянства двинулись на освоение Сибири. Победоносные завоевательные войны, ведшиеся этими российскими правителями, ещё более расширили географические границы, в пределах которых имелась возможность отыскать свою "суженую". Ныне, с расширением пространства, внутри которого можно найти свою "суженую", межрасовые браки стали вполне обычным "делом", однако большинство браков до сих пор — вероятно — ограничено пределами какого-нибудь региона (в РФ — Западная Сибирь, к примеру).

Ориентиры Любви второго рода (производные).

О рыночной любви

Рыночные принципы в круг любви к противоположному полу были привнесены достаточно давно, но не изначально, а лишь на товарно-денежной стадии развития человеческого общества. Почему-то каждый власть предержащий или богач (а они появились лишь с появлением товарного обмена) считал, что ему должно принадлежать всё лучшее — в том числе — женщины. Правители захватывали наиболее красивых женщин силой (послушная дружина у князя всегда под рукой), богачи — соблазняя деньгами или дорогими подарками, но не брезговали и силой. Можно ли назвать подобное любовью? Совершенно не хочется. Крупная или свежая рыба на базаре ценится дороже протухшей мелочи («Раки вчера были очень крупные. Но по пять рублей. А сегодня по три рубля, но очень мелкие. Но — по три рубля. Эти... вчера... по пять рублей... были ну очень крупные. ... А у меня ни вчера не было пяти рублей, ни сегодня нет трёх рублей», — из выступлений Жванецкого).

Вероятно, рыночная ипостась круга любви породила проституцию, а не наоборот. Так что не спрос рождает предложение (как это почему-то утверждают сторонники «рынка»), а предложение новых товаров и услуг — о наличии которых ранее простой гражданин и не подозревал — порождает спрос. Проституция возникла и пока живёт — как и мы — в условиях рынка. Остается принять существующее положение дел (один человек не в силах изменить ситуацию). Однако и ныне даже самым богатым землянам недоступна платная «любовь» (лучше сказать — платные секс-услуги) женщин, родившихся под лучами Эпсилон Тукана — сплошь красоток, если верить описаниям И. Ефремова в прелестной фантастической поэме «Туманность Андромеды».

ды». Лично меня это радует, поскольку реально показывает ограниченность возможностей грубой силы и денег, даже самых «бешеных». Прогнозы Ивана Ефремова достойны внимания, хотя бы уже потому, что опубликованная им в 1943 г. повесть об открытии алмазов в Сибири была в деталях повторена на десятилетие позднее при реальном открытии алмазов в Якутии. Только вот литературный первооткрыватель алмазов зрелый мужчина-геолог Салманов в жизни оказался молоденькой девчонкой-геологом Ларисой Попугаевой, после которой уже были и Сергей Хабаров – выпускник «моего» Иркутского университета – и другие геологи-мужчины.

Религия и Родина

Ты растёшь, и друзья, одноклассники (однокурсники, сослуживцы) и знакомые постепенно дополняют (расширяют) круг твоей жизни. Расширяется и природный мир, который ты можешь ощутить. Окружающие тебя близкие люди постепенно развивают в тебе чувства любви к религии, которой они поклоняются (Христу, Аллаху, Вишне, Будде и т.д.), чувство любви к Родине. Эту любовь, воспитанную в тебе любящими тебя людьми, я посмел бы назвать ориентирами любви второго рода и попытаюсь рассмотреть их подробнее.

Любовь к Родине (Отечеству)

Нынешние правители России уже более 25 лет делают всё возможное, чтобы вытравить у российского гражданина само понятие «Родина». Родина – в моем понимании — это государство с устоявшимися границами, защищающее своих граждан и дающее им всяческие права (блага). Существует ли для меня государство с устоявшимися границами? Нет, не существует. Во-первых, нынешние границы РФ подвергаются сомнению практически всеми соседними странами. Мои предки-россияне своими завоеваниями создали мощное государство, границы которого были сохранены при коммунистах. Б. Ельцин и компания с лёгкостью «раздали» созданную не ими страну национальным правителям. Эх, не было

рядом с ними Леонида Куравлева, сказавшего «сменившему профессию» Ивану Васильевичу в одноименном кинофильме: «Не ты завоевал, не тебе и отдавать» — в ответ на просьбу шведского посла о присоединении «...ляндии» к «шведской короне». За чужой счет хорошо быть добреньким. За МОЙ счет.

Защищает ли нас, желает ли нам блага и даёт ли нам какие-либо права современная Российская Федерация? Не видно — по делам. Позорные пенсии — по 3-5 тысяч рублей (2008 г) для стариков, да издевательские детские пособия в 100 руб. в пересчете на месяц — это не благо, а прямое убийство, фашизм в государственном масштабе. В ряду экономических репрессий власть предержавших против своего народа (меня — в том числе) стоит и замена натуральных льгот денежными выплатами: при этом реальная рыночная стоимость льгот по топливу и санаторно-курортному лечению в десятки тысяч рублей заменяется денежной выплатой в первые тысячи рублей. Что б они (правители) себе зарплату так начисляли, да еще и получали с задержкой в один-два года!

Мы (а мы ли? или все-таки мы?) возмущаемся эстонским парламентом, почти принявшим закон в 2007 г. о сношении памятников советским воинам — освободителям Эстонии от гитлеровских оккупантов. Мы (а мы ли? или все-таки мы?) как будто-то бы возражаем против парадов прибалтийских ветеранов-эсэсовцев, возражаем против признания этих эсэсовцев национальными героями прибалтийских стран. Совершенно напрасное возмущение, ибо именно мы (а мы ли? или все-таки мы?) ещё до 1991 г. начали героизацию «борцов с коммунистической заразой». Мы (а мы ли? или все-таки мы?) возвратили — с преогромнейшей «помпой» — в Россию трупы белогвардейских полководцев: Каппеля, Деникина (кого ещё — не помню), захоронив их в наиболее почитаемых местах. Убийц — а ведь по их приказам убивались жители целых сёл и волостей — в почитаемых местах? Ладно бы воевали против чужеземцев, так ведь против своего же народа. В 2008 г мы (а мы ли? или все-таки мы?) показываем по

телевидению помпезнейший фильм «Адмирал» про такого же убийцу Колчака. Пресловутый Б. Ельцин своим указом учредил новый праздник: день защитников отечества. Чапаев и Каппель — каждый из них защищал своё отечество (напомню для молодёжи: Каппель защищал Царскую Россию, а Чапаев — Советскую Россию). Учреждением этого «праздника» Б. Ельцин приравнял к героям отечества (какого?) брянских партизан и бандеровцев (каждый из них защищал своё отечество), уравнивая ранее непримиримых противников в правах. Эстонцы пошли по пути Б. Ельцина, признав за своими эсэсовцами право — эсэсовцы тоже были защитниками своего эсэсовского эстонского отечества — тоже быть национальными героями. Это грустно, но следует признать, что и в РФ, и в Эстонии (и не только) ныне существует государственный фашизм.

Можно припомнить славные полководческие деяния великих русских полководцев А. Суворова и М. Кутузова, которые неоднократно побеждали (читай — убивали) польских повстанцев-конфедератов и до того возбудили ненависть польского народа к России, что польский легион Понятовского (около 40 тысяч штыков) с радостью шёл «покарать русских» в составе армии Наполеона 1812-ого года. Чингизхан из «сокровенного сказания монголов», заставивший ужаснуться половину Азии и всю Европу своими военными подвигами, также одержал множество побед над армиями нескольких десятков тогдашних государств. Сколько же людей было убито по его приказу? Кто он: герой или злодей? Не так-то уж всё и просто с определением героизма или злодейства. Вероятно, любое деяние каждого человека имеет две стороны: хорошую и плохую (героическую и злодейскую). Да, злодейскую, и нечего отговариваться ссылками на приходящие обстоятельства или скромно упоминать о «своих недостатках». Правители Соединенных Штатов Америки и простые добрые американцы в своё время просто-напросто убили несколько десятков миллионов североамериканских индейцев и на обезлюдевшем материке построили свою «де-

мократию», идеалы которой ныне признаны большинством стран мира за образец. Что-то мне не нравится «добродота» и «демократия», замешанная на столь офигительном количестве человеческой крови. Конечно, остатки потомков индейцев ныне комфортабельно вымирают в резервациях. Припоминается, как лет 17-18 назад один из алтайских писателей, только что возвратившийся из США, с восторгом рассказывал жителям с. Курай о комфортном уровне жизни индейцев в резервациях. Увы, в то время опасно было предложить ему: «Давайте, я поселю Вас в такую резервацию. Но — место для резервации выберу я и — естественно — в пустынном месте, огорожу резервацию колючей проволокой». За такую фразу, сказанную в то время и в том месте, где это всё происходило, могли просто-напросто убить алтайские националисты (алтайские — как и русские — националисты существуют, и с этим приходится считаться). Публичные высказывания такого рода опасны и сейчас. Мои русские предки не пошли по пути США при завоевании Сибири, да и не только Сибири.

Каких же героев Отечества прикажете чтить сегодня? завтра? послезавтра? Красного партизана Плетнёва или белого партизана Кайгородова? А ведь руки и того и другого были обогреты кровью людей, живших в то время в Горном Алтае. Нынешние правители России и Республики Алтай заставляют меня чтить обоих сразу: красных и белых, казаков и зайсанских дружинников — они-де и есть истинные герои моего Отечества. С этой точки зрения героями России можно считать и генерала Власова, создавшего — при Гитлере — свою русскую освободительную армию, и маршала Жукова, разгромившего гитлеровские войска и захватившего Берлин — столицу нацистского рейха. Мне весьма странно, что Олег Газманов до сих пор не носит титула «Почётный Есаул России». Вероятно, что «героями Отечества» ныне считаются все правители, их родственники и приближённые, а также признанные в качестве «героев Отечества» правителями, родственниками и приближёнными: сегодня — это одни, завтра — другие. Восславь Героя-Правителя — это лучший лозунг.

О каком, собственно говоря, Отечестве и о какой, собственно говоря, любви к нему может идти речь? Об Отечестве — «московской Руси» в рамках Садового кольца? или Московской кольцевой автодороги? или о РФ в рамках европейской части? Простой гражданин РФ не может предугадать, какие из существующих «республик», входящих ныне в РФ, отделятся от неё в 21-ом веке, а какие — может быть — останутся в её составе.

«Денежные мешки» потому и отправляют своих детей на житьё за «бугор», что «мешки» (умнейшие, к слову, люди, «нашедшие» себя в рыночной экономике и — по мнению СМИ — могущие являть собой пример для нынешней и будущей молодежи) не видят в современной РФ того «Отечества», границы и народ которого должны защищать их дети. Я следую их мнению (не вижу в современной РФ своего Отечества).

Мизерные зарплаты и позорные пенсии, приведшие к каждодневному унижению подавляющего большинства граждан РФ и обусловившие вымирание российского — в первую очередь славянского — народа (не менее 30 млн. человек за 15 лет — это никакие Гитлер и Сталин не сравнятся с нашими дорогами — оч-чень дорогами — «демократическими» — или фашистскими — правителями). Унижение и ужас перед грядущей старостью я каждодневно испытывал и испытываю на протяжении последних 15-16 лет. Этого каждодневного унижения я не забуду до своей смерти. И не прощу нынешним правителям нескольких десятков прекрасных лет жизни, отнятых у меня, преждевременно поседевшего, этими правителями. Никакой гитлеровский или сталинский (об «ужасах» которых мне сейчас пытаются внушить 90-летние солженицины) концлагеря не идут в сравнение с леденящим кровь триллером современной жизни, в который современные правители превратили жизнь ста миллионов российских людей. Проживи-ка ты, солженицын, 90 лет при современном режиме, да не в ранге лагерного учётчика или Нобелевского лауреата, а средним рабочим или врачом. Не

доживешь до 90-та-то лет, отнесут на кладбище лет в 50-60. Вся нынешняя демократия на деле является обыкновенным фашизмом.

Русские не нужны существующей стране — Российской Федерации. Сколько их, бежавших в Россию от ужасов национализма из Таджикистана и других бывших республик бывшего СССР, умерли, не выдержав равнодушия власть предержащих. В числе этих жертв экономических репрессий (не экономических реформ, как утверждали Б. Ельцин и Чубайс, а экономических репрессий. Я бы назвал эти «реформы» — экономическим терроризмом) и мой дядя — Семенцов Владимир Федорович, умерший от инфаркта, как результата унижения и оскорбления со стороны чиновников.

Я думаю, число жертв экономических репрессий режима Ельцина-Путина достигает 100-120 млн. чел. (я в их числе), и давно пора поставить во всех городах и весях РФ памятники жертвам экономических репрессий 1993-2007 г.г.

Итак, какое же Отечество (Родину) приказывают нам любить? Территорию РФ — кому ещё и какой кусок этой территории, завоёванной моими предками, «демократично» отдадут власть предержащие — наполненную китайцами? арабами? корейцами? кавказцами? Любить Отечество, подвергающее тебя каждодневному унижению? Странная какая-то любовь получается. Не любовь, а ненависть. Поэтому и защитить границы такого «отечества» может только профессиональная армия, «работающая» (читай: готовая убивать за деньги кого угодно — свой народ, да и собственную мать) по принципам рыночной экономики.

Любовь к Богу

Любовь к божеству возникает у любого человека под влиянием близких ему людей. Первое мое впечатление от «общения» с Богом выражалось в запомнившихся словах моей бабушки Варвары: «Боженька накажет».

Любовь к Богу (Аллаху и другим — как бы не обидеть какую веру ненароком, а то устроят демонстрацию или ещё

чего) выражается в выполнении тех или иных ритуалов, связанных с поклонением божеству племени (рода, расы), к которой и ты принадлежишь. Ныне в РФ принято возрождать православные церкви и строить новые, устанавливать православные кресты вдоль дорог России — от Дальнего Востока до Среднерусской возвышенности. Параллельно активно развивается строительство культовых дворцов мусульманских, буддийских и божеств иных религий. Островитяне с острова Пасхи ставили и ставят своих «каменных истуканов» вдоль всего берега острова лицом к Тихому океану, а сам остров по-прежнему потихонечку погружается в его воды. Не правда ли, похожие ритуалы.

Пусть молятся верующие, лично я не возражаю. Пока ещё в РФ церковь отделена от государства. Если бы просто молением оканчивалось дело. Но — религиозные верования в одного бога подразумевают непринятие иных богов (непринятие иных религиозных верований). Это непринятие беспокоит меня, как человека, жителя Земли. Начинается оно, это непринятие, с попыток принуждения соседей (по улице, селу, к примеру) принимать участие в религиозных ритуалах. К примеру, соседи могут укорить тебя через забор: «Сегодня Крещение (или Воскресенье), чего же ты работаешь? НЕЛЬЗЯ». Ну, а попробуй ныне мусульманин или еврей не прийти в мечеть или синагогу. Мусульманина, не посещающего мечеть, забьют до смерти камнями его же соседи-мусульмане (а ведь добрейшие и приятнейшие люди). Наверное, и еврею, не посещающему синагогу, тоже придётся несладко. В царской России дворники доносили околоточным полицейским о том или ином гражданине, не участвовавшем в религиозных православных обрядах, и это доноительство было обычной практикой. Ну, а околоточные могли против «неудобных» применить — и применяли — угрозу и силу.

Следующим шагом в религиозном принуждении можно считать стремление «титальной» религии вытеснить со «своей» территории инакомыслящих. В частности, так было

во Франции времен Варфоломеевской ночи и религиозных войн, в которых католики-французы убивали протестантов-французов. В частности, так было со славянскими колдунами, проповедавшими веру в славянских богов (Ярило, Перуна, Сварога — больше не знаю, поскольку за тысячу лет православия их имена исчезли из памяти славян), и которых сжигали и топили — русские же — во имя торжества православия на Руси. В частности, так было с шаманами Алтая и Якутии, которых еще в царской России во имя православия частью убили физически, частью же запугали горестной участью убитых и посаженных в тюрьмы. Коммунисты так же жестоко поступили со многими православными священниками, поскольку те в Гражданской войне открыто приняли сторону белогвардейцев: ну, а око — за око.

Аналогично жестоко поступают с инаковерующими священниками и «титულно-исламские» государства и республики СНГ. Хрестоматийными примерами может служить разрушение буддийских дацанов (с убийством священников-лам) правящими талибанами-мусульманами в Афганистане или непрекращающиеся суннитско-шиитские войны на всём пространстве бывшего Арабского халифата от Индии до Средиземного моря. Море крови и слёз — во имя Аллаха. В Чечне, по-моему, вырезали — аллах акбар — всех православных священников заодно с их славянской паствой: в итоге ныне мы имеем «моноисламскую» Чечню исключительно «демократического» или фашистского толка. Все эти зверства творятся именами тех богов, которых почитают убийцы (а все убийцы прилежно посещают храмы «своих» богов).

Религиозные войны начались в незапамятные времена. В христианско-мусульманском Ливане эти войны практически не прекращаются со времен Крестовых походов (11-ый или 12-ый века нашей эры), а это около тысячи лет — война и убийства. Каждый убивает во имя своей веры: христиане — именем Божиим — мусульман, те же — аллах акбар — христиан. С каждой стороны появляются все новые «герои-убийцы» (лидеры движений, как это принято сейчас назы-

вать). Они убивают противостоящих им «героев-убийц», и сами никогда не умирают своей смертью (получают пулю или бомбу, что, по-моему, вполне закономерно. Ты убиваешь, так убьют и тебя). Не видно конца этой войне. Мне не хочется углубляться в поиски путей решения проблемы «мирного сосуществования» различных религий.

Не нравится мне религиозная «толерантность», принятая ныне в ряде европейских государств и приведшая, как мне кажется, к появлению религиозных исламских «анклавов» на территориях ряда стран Западной Европы. Дальнейшее развитие «толерантности» такого типа приведет к исламизации всей Европы в течение относительно короткого исторического периода, как это уже было в Индии. Лично мне, как славянину, более понятен — так уж сложилось исторически — принцип: «в чужой монастырь со своим уставом не лезь».

Итак, ориентиры любви второго рода (любовь к Родине, Божеству твоей расы) способны породить в человеке ненависть к «инаковерцам», и — в конечном итоге — вызвать крупнейшие войны и физически уничтожить человечество как род. Эти ориентиры не являются чем-то данным от природы, а навязаны (естественно, с лучшими побуждениями) тебе любящими тебя же людьми (мать, отец, родственники, соседи, друзья).

Мрачноватое получилось рондо. Не рондо, а реквием. А как же алые паруса надежды, обещанные добрым сказочником Эглем? Мне кажется, что эти паруса надо искать в любви к своим Родителям, Братьям и Сестрам, любимой Женщине и Детям, любви к природе Земли. По-моему, это надежные ориентиры любви.

Семенов Б.Г., человек.

Из монографии «Крупнейшие месторождения
Горного и Монгольского Алтая»

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ «СВЕТЛАНА»

...Стакан воды. Самый обыкновенный граненый стакан, наполовину наполненный водой. Он стоит на небольшой тумбочке около моей кровати...

Отрывок номер раз

Григорьев – такая фамилия досталась ему от родителей. Товарищи Григорьева часто называют его Психологом. Настолько часто, что прозвище давно превратилось в его новую фамилию, на которую эхом отзываются Большие Азиатские Горы уж более 30-и лет....

«Крупнозернистые порфировидные граниты..... среднезернистые порфировидные граниты.... Редкие дендриты марганца...»

Психолог оторвался от полевого дневника и огляделся. Четыре брезентовых палатки, окружённых скально-каменными склонами Срединного горного массива. Абсолютная синева безоблачного неба..... Тишина...

Психолог вновь склонил голову над приятными глазуровыми строчками геологического дневника Светланы. Каждый новый абзац начинался словами: «Крупнозернистые порфировидные граниты... или среднезернистые порфировидные граниты». Григорьев аж закрипел зубами от злости – весь склон горы оказался сложенным абсолютно пустыми порфировидными гранитами, источенные ветром причудливые скалы которых во множестве торчали среди крупных глыб россыпей. Светлана старательно отмечала ржавые натеки железных охр на трещинах скал.

Никаких признаков месторождения вольфрама... кварцгранитов – и тот был невзрачный, не похожий на яркодымчатый кварц околорудных и рудовмещающих пород.

Единственное, на что, может быть, стоило обратить внимание, – это таблички розового калишпата, удачно зарисованные Светланой в полевом дневнике, да редкие турмалиновые «солнца» в жильном кварце.

Откуда же в шлихах, отобранных на склоне еще 30 лет назад Предтечами, оказался вольфрамит, пока оставалось непонятным. Материалам Предтеч Психолог доверял полностью: в течение трёх летних сезонов он и геологи его поискового отряда проверили все находки «шлихового» вольфрамита тридцатилетней давности и везде находили новые рудные жилы в коренном залегании. Здесь же было всё не так... Психолог задумался. Всё было «не так»... может, он просто не видит или не умеет увидеть коренной источник распроклятого «шлихового» вольфрамита?

Перед его глазами вновь поплыли ровные строчки геологического описания, выполненные Светланой; он со вздохом отложил в сторону читанный-перечитанный геологический дневник и вытащил из пачки очередную «беломорину».

— Владимир Георгиевич!

Психолог повернулся на знакомый голос. Вслед за голосом между палатками появилась тоненькая фигурка Светланы. Психолог невольно залюбовался ловкими передвижениями её тела, упрямством светло-серых волос. Через минуту она была уже в паре шагов от его «командного пункта». Голубизна её глаз не уступала ни голубизне, ни яркости небес.

— Владимир Георгиевич, Вы закончили проверку моего полевого дневника?

— Закончил, — буркнул он, недовольный собою, недовольный своим неумением в поиске коренного источника вольфрамита и своим неумением в организации успешного поиска этого самого коренного источника.

— У меня нет никаких замечаний к Вашим геологическим описаниям. У меня нет никаких оснований не верить Вам. Скажите, Светлана, а сами-то Вы убеждены, что где-то здесь спрятан коренной источник вольфрамита?

Она лишь немного повела плечами.

Автоматически Психолог перевернул еще пару страниц общей тетради. Стоп: в геологическом дневнике отсутствовало описание контакта гранитов и вулканогенных пород! Возможно, именно в этом районе и скрыто месторождение вольфрамита! Есть! Есть хоть какая-то зацепочка! Сердце его забилося от радостного предчувствия удачи.

— Из вашего описания вполне определенно видно, что среди гранитов не может быть коренного источника вольфрамита, как и не может быть такового среди вулканитов — обе разновидности горных пород недостаточно изменены околорудными процессами. А вот контактовая поверхность гранитов оказалась недостаточно изучена. Я бы рекомендовал Вам пройти контрольный маршрут и обратить особое внимание на район, где граниты сменяются вулканитами.

Светлана молча кивнула головой. Взгляд её задержался на лице Григорьева. Что она пыталась отыскать в его глазах? Психолог — в который уж раз — восхитился очаровавшей его красотой (чего там — красотищей!!!) молодой русской женщины. Всё в ней было правильно: ладная невысокая фигура, непокорный ореол светло-русых волос, красивые изгибы полных губ, сильные руки с белым пушком на запястьях. Лицо Григорьева невольно осветилось улыбкой. Возможно, Светлана ждала именно этого знака, — её губы, кажется, уже собирались ответно улыбнуться Психологу, однако лицо неожиданно стало серьёзным... Возможно, потому что из палатки показалась Медора...

Через некоторое время — Григорьевым уже была закончена проверка геологического дневника его давнего друга и соратника Бородача — взгляд Психолога невольно задержался на тропе, проходящей в полукилометре от лагеря. По тропе кто-то шёл. И шёл в направлении от лагеря к горному массиву. Зверь ли, человек ли — Григорьев поднёс к глазам бинокль. При двенадцатикратном увеличении ему хорошо была видна одинокая фигурка Светланы. Григорьев даже подскочил от негодования: одиночные маршруты категорически запрещены!!!.....

Он огляделся вокруг. Четыре брезентовых шестиместных палатки, живописно разместившиеся у подножия Срединного горного массива... Кого-то очень быстро надо послать вдогонку за Светланой. Мужская часть поискового отряда отсутствовала до вечера. В лагере остались одни девушки. Придётся догонять беглянку самому.

Необходимые принадлежности (горный компас, молоток) лежали под столиком, спички и папиросы — на столешнице, пара необходимых фраз — Медоре — и через несколько минут Психолог уже быстро шёл вслед за Светланой. Кто его знает, какой зверь (снежный барс, россомаха или медведь) мог встретиться ей на тропе. Первый километр он почти бежал. Благо, тропа, хорошо натопанная в болотистой равнине, позволяла идти максимально быстро. Выскочив на террасу, Психолог остановился и огляделся. Теперь Светлана опережала его не более чем на 300-350 метров. Внимательно осмотрев окружающие горы в бинокль, он не обнаружил никакого зверья. Впрочем, на склонах, покрытых крупными — в полкомнаты величиной — глыбами гранитов, практически невозможно увидеть живое существо, пока оно не проявит себя хоть каким-либо движением.

Психолог прислонился ...

Отрывок номер два

Вечерело. Геологический народ, пришедший из маршрутов, расселся на брёвнах листвяка, разбросанных около кухонной палатки и ещё не ставших дровами. Расслабленные фигуры атлантов и красоток поискового отряда уже не первый полевой сезон являлись для Психолога естественным элементом окружающего мира. Он привык к ним, как и к контурам снежных и каменных гор, обрамляющих его каждодневное геологическое искусство. Новым в этом мире можно было считать фигуры студентов, которые ежегодно менялись среди привычного скопления людей и гор. В нынешнем полевом сезоне было два студента-киевлянина, видевших своими глазами воздействие радиации после аварии

Чернобыльской АЭС ... хлебнули, ребятаки...

В двух-трёх шагах от Психолога, лениво щурясь на заходящее Солнце, полулежит на обломке доски его старый друг Бородач. Его наполовину расстегнутая клетчатая «ковбойская» рубаша плохо сочетается с окладистой бородой русского человека. Хозяйственный и надёжный – в настоящее время он играет роль одного из атлантов, на плечах которых держится вся геология Земли и счастье человечества...

Красотки поискового отряда, как и полагается красоткам, величественно восседают на брезентовых стульях, подобно английским королевам...

Светлана, наверное, притворилась несколько робкой провинциалкой, о чём свидетельствует смущённая улыбка на ее лице. С Бородачем её сближает клетчатая же «ковбойская» рубаша и брезентовые геологические брюки ИТээРовского геологического костюма. Голубые глаза Светланы, кажется, никак не могут насладиться ни контурами горных вершин, ни человеческими фигурами и лицами. Быстрые лучики ее взглядов как будто освещают элементы окружающего мира, выхватывая из вечерней прохлады, то ...

Медора. Да-да, и Медора... Ещё одна красotka поискового отряда. Эх, и имена собрались среди Больших Азиатских Гор! В ней, Медоре, много греческого. Прямые иссиня-черные волосы, непривычные взгляду геологического персонажа, воспитанного на более «тёплых» тонах. Красotka – она и должна быть красotкой...

Григорьев неторопливо наслаждался картиной умиротворенности человеческих личностей. Возможно, живописно расположенная группа людей напомнила ему картину Перова «Охотники на привале»...

Чуть правее белоснежной громады четырехкилометрового купола Горы Всех Богов (название — вольный перевод Психолога с азиатского на русский) среди абсолютной синевы летнего неба возникло и начало разрастаться вертикальное облако, похожее на «гриб» ядерного взрыва. «Гриб»-то поднимался со стороны китайского Синьцзяна, в котором, по

достоверным слухам, располагался ядерный полигон. Тело Психолога враз покрылось пупырышками: вдруг это облако образовалось в результате наземного ядерного взрыва? Он посмотрел на Бородачу, их враз постальневшие взгляды встретились, и оба понимающе кивнули друг другу. Не прошло и секунды, как Психолог шёл к командирской палатке включать радиостанцию, а Бородач извлекал радиометр из лежащего рядом рюкзака. В недоуменной тишине отчётливо раздалось щёлканье переключателей на приборной панели. Все вокруг молча следили за манипуляциями Бородача.

— Николай, ну что там? — послышался нетерпеливый возглас Психолога.

— Всё в порядке, — ответствовал Бородач подчёркнуто спокойным голосом.

— Проверьте остальными приборами.

Через несколько минут все радиометры были приведены в рабочее состояние. Бородач ходил между ними, педантично проверяя показания, то и дело щёлкая

переключателями диапазонов. Григорьев не мешал ему — Николай хорошо знал, что положено и не положено делать в нештатных ситуациях.

— Всё в порядке, — повторил он.

Психолог скрылся в командирской палатке и выключил радиостанцию. Теперь она уже не была нужна, хотя еще несколько минут назад он прикидывал: за какими валунами будет необходимо прятаться от радиации и какими словами известие о наличии этой самой радиации и произошедшем наземном ядерном испытании он будет передавать информацию на ближайшую пограничную заставу по экстренному каналу связи и на базу геологоразведочной экспедиции. Достал из пачки ещё одну «Беломорину», чиркнул спичкой, постепенно приходя в себя.

— Надо ж такому случиться...

Психолог вновь посмотрел в сторону Южно-Азиатского хребта. Абсолютная синева летнего неба всё так же подчеркивалась уже ставшим привычным — за годы — контуром бе-

лоснежного купола Горы Всех Богов и столь же белоснежным грибом облака, наделавшим столько переполоху. Сейчас, когда спало напряжение последних минут, конструкция Горы Всех Богов вновь приобрела знакомую форму и белоснежность женской груди. Облако. Проклятущее. Психолог даже не хотел смотреть в его сторону. Подошёл Бородач, протягивая кружку дымящегося чая, присел рядом. В который уж раз почти за прожитых ими полвека они смотрели в глаза друг другу. Надо было как-то завершить вечернюю суматоху с беготнёй по лагерю и маханием радиометрами.

— Атомную тревогу объявляю напрасной и закрытой по отсутствию атомов, — громко заявил Григорьев, — Приглашаю присоединиться к вечернему чаепитию! ...

Отрывок номер три

За столиком кухонной палатки сидели Светлана и Медора, перед ними стояли кружки с чаем. Их руки ниже локтей были скрыты дощатой столешницей...

Увидев входящего Психолога, подружки весело переглянулись. Психолог повернулся к ним спиной (ой, как невежливо — подумал он), наливая в эмалированную кружку запашистого чаю или чая... потом резко развернулся в их сторону и заорал:

— Руки на стол!!!

Оторопевшие девушки непроизвольно положили кисти своих рук на стол: все четыре пары кистей были аккуратно обёрнуты чистейшими бинтами. Психолог печально хмыкнул — ещё утром перед началом маршрутов он дважды повторил неслухам-красоткам:

— На скалу не забираться! Одна аккуратноенько обходит по её левому краю, вторая — по правому!

Выходит, любовь к открытиям пересилила в них естественное чувство страха, и обе прекрасные персоны попёрлись безо всякого специального снаряжения на вертикаль скалы «в лоб» по ребристому молочно-белому кварцу с великолепными кристаллами вольфрамита.. Скалолазки... Их

руки, ободренные почти до локтей, — итог попыток задержать падение... глазоньки бы не смотрели...

Глазоньки Психолога, между тем, не могли оторваться от лиц красавиц поискового отряда, его строгий взгляд быстро растаял, на лице появилась несколько виноватая улыбка, отразившаяся в манящих изгибах их губ.

— Остальное-то хоть в целости и сохранности? — спросил Психолог, усаживаясь за стол напротив Светланы.

— Угу.

Медора занавесила ресницами бездонные омуты своих громадных глаз. Глазищ.

— Лады. Завтра будет камеральный день.

Отрывок номер четыре

Итак, началось 13 июля 19... года. Кажется, именно в этот «прокляточисловой» день лет эдак 457 назад д, Артаньяном был ранен господин Бернажу, один из лучших гвардейцев кардинала Ришелье. Припомнилось Григорьеву, что злополучное ранение произошло во время стычки между гвардейцами кардинала Ришелье и мушкетёрами короля Людовика 14-ого под стенами монастыря кармелиток...

Психолог оторвался от дуэлянтских мыслей, навеянных воспоминаниями о романе Александра Дюма «Три мушкетёра», и вернулся к реалиям геологии Земли. Летнее утро, освещенное Солнцем. Тишина. Ни ветерка. Очередной маршрутный день обещал быть очень жарким. Очень. Психолог машинально облизнул пересохшие губы. Им со Светланой предстоял рядовой геологический маршрут.

— Побыстрее бы разделаться с этим чёртовым «углом» карты, — подумал Психолог. В пределах «чёртового угла карты» отсутствовали всяческие признаки месторождений вольфрама. Здесь нормального геолога могли заинтересовать лишь несколько элементов природы: предполагаемая астроблема, как причина образования небольшого карового озера да надежда на открытие жил цезиевых онгонитов. К положительным факторам предстоящего рабочего дня Пси-

холог – кроме жаркого дня – посчитал правильным отнести присутствие Светланы в «его» маршрутной паре. Сколь приятно задержать свой взгляд на правильном лице русской красавицы, резко контрастирующем с однообразием глыбовых россыпей и вертикалей скал, уже порядком надоевших Психологу за три или тридцать три полевых сезона...

... Все бураны в горах появляются неожиданно, мгновенно слетая вниз с крутых склонов. Так произошло и в этот раз. Буран налетел на Психолога и Светлану, когда они, преодолев длинный пологий склон, только-только начали подъём по каменным россыпям крутяка. Вначале Психолог ещё надеялся, что непогода – как это часто бывало – пролетит над ними за какие-нибудь 10-20 минут. Через пять минут оба они промокли насквозь. Выбросив бесполезную уже недокуренную «Беломорину», Психолог объявил:

— Спускаемся в лагерь.

Вначале они шли. Шли, опасаясь поскользнуться на мокрых глыбах среднезернистых гранодиоритов. Это тебе не пупырчатые глыбы порфировидных гранитов, по которым можно идти, не опасаясь скольжения. По каменной россыпи не побежишь. Шли привычным маршрутным шагом, защищаемые от ветра горбиками брезентовых рюкзаков. Потом снежный буран начал холодить их спины, закончились каменные россыпи и пришлось перейти на бег трусой...

Они бежали, наверное, уже минут 30. Буран все более и более набирал силу. Казалось, 13-ое июля неким волшебным образом превратилось в 13 декабря или января. «Ковбойские» клетчатые рубашки и лёгкие брюки хлопчатобумажных ИТээРОВских геологических костюмов промокли насквозь и тяжёлым грузом облипали всё тело. Озноб начал трясти...

— Во всём виноват этот трижды распроклятый Бернажу,
— Психолог заскрежетал зубами от злости.

— Надо ж было вспомнить его ещё утром!

Светлана опустила на заснеженный мох:

— Всё. Нет сил. Я никуда не пойду.

Психолог несколько растерялся. Наверное, можно было понести её на руках или на спине, как это уже было в его жизни 30 лет назад. Тогда пришлось около 40 километров нести на спине столь же тоненькую девушку-метеоролога, сбившую кедами «в кровь» свои ноги во время 60-километрового перехода по лесовозным дорогам в бурятской тайге. Но там всё происходило летом...

Необходимо было срочно придумать нечто, что могло бы поднять её и заставить бежать от холодной смерти. Психолог оторвал Светлану от земли и поставил на ноги.

— Раздевайся! — дико закричал он, понимая, что в этой ситуации необходимы лишь нестандартные решения. Светлана недоумённо посмотрела на него, торопливо Психолог начал растёгивать ворот её рубашки непослушными пальцами, её глаза расширились от ужаса. Поняла или нет его намерения Светлана, так и осталось неясным Григорьеву...

Она резко отпрянула от Психолога и неуверенными шагами продолжила бег в снежной круговерти. Обрадованный Григорьев побежал вслед за ней, только в движении и было их спасение от смерти.

Бегом их перемещение было назвать трудно: глубокий мох, в который ноги проваливались почти по колено, разбросанные там и сям глыбы гранитов, заросли карликовой берёзки. Какой-то кросс с препятствиями.

Теперь они бежали, взявшись за руки, помогая друг другу. Те несколько секунд, в которые – казалось – произойдет нечто ужасное, неестественное, сблизили их жизни гораздо более, чем пресловутый «съеденный пуд соли» из русской пословицы. Бежать, взявшись за руки, означало высшую степень взаимного доверия. Взглянув на лицо Светланы, Психолог понял: «Добежим»!

Вокруг посветлело, за какие-то секунды снежный буран прекратился, выглянуло солнце. Это было спасение. На востоке ещё кружились отдельные снежинки, над Водораздельным хребтом стояла пелена падающего снега, а над ними повсю сияло жаркое летнее солнце.. Психолог и Светлана,

остановившись, невольно посмотрели друг на друга. И только рука Светланы, непроизвольно потянувшаяся к распахнутому ещё вороту её рубашки, напоминала о произошедшем.

До лагеря оставалось не более одного километра. Не более одного километра вниз по пологому травянистому склону. Не более одного километра – лёгкая прогулка в компании с красивой девушкой прекрасным июльским днём. Пропади он пропадом, этот Бернажу!

Эпилог

— Я люблю тебя !

Отчаянный крик Светланы донёсся до Григорьева из трубки мобильного телефона... От прошлого их отделяло примерно пять тысяч километров и тридцать лет времени...

Любовь Семенцова

Родилась я весной 1955 года в селе Курай Кош-Агачского района. В с. Майма проживаю с 1993 года. У нас с мужем трое детей, две внучки, две милых снохи и зять.

Стала соавтором объёмного видеофильма, который я назвала «Фильм-песня». Туда вошло около 250 песен различных авторов двадцатого века — это примерно 15 часов непрерывного звучания. Одна из авторов сборника «Дороги солнечная нить».

Мои стихи – лишь проба пера.

Бывает

Отправились мы как-то с товарищем по магазинам, надо было купить ему рубашку «на выход». Походили-походили и набрали, наконец, на магазин мужской одежды, который располагался ну, скажем, не в цокольном этаже, но всё же в помещение надо было спуститься по небольшой лесенке. Несколько человек с заинтересованным видом бродили по торговому залу. Пошли и мы. Вот рубашечка, такая, какую искали, — голубенькая с длинным рукавом, размер подходящий, пошли к кассе, и тут надо же! — попался мне на глаза галстук.

— Давай, — говорю, — галстук вот этот возьмём, смотри какой красивый.

— Зачем мне такой галстук? — отвечает товарищ, — у меня их полно.

— Полно-то, может, и полно, но этот прямо на отличку. На уговоры — «нет» — и всё тут. Расплачивается, я иду к выходу и под лесенкой вижу манекен точно в такой же голубой сорочке и точно в таком же галстуке. Ничтоже сумняшеся протягиваю руку, осторожно подхватываю галстук и, любясь, поворачиваюсь:

— Ну и зря! Ты глянь только, как здорово сочетается с этой рубашечкой, просто прелесть...

Стоп-кадр! Мои слова повисают в воздухе. Всё замирает. И я вижу очень близко глаза, которые с изумлением опускаются на мою руку и на галстук. Мужчина понял, что я приняла его за манекен, и подыграл мне: он даже не шевельнулся, так и стоял, только в глазах заплескался смех:

— Бывает...

А было, правда, как в постановке, хохотали все свидетели этой истории: и продавцы, и покупатели, и мой герой. А что до меня, так я до сих пор не могу без смеха вспоминать о своей промашке. Точно такой же хохот был ещё с «Малышкой», но это уже совсем другая история.

Моя малышка

Жарким летним днём, побродив изрядно по городу, сели мы с сестрой на пригородный автобус и, довольные, поехали домой. Народу было много, я села на свободное место, а ей уступили место напротив, через проход.

Автобус тронулся, громко зазвучала музыка. Я отметила про себя, что, слава Богу, не шансон, и отвлеклась на что-то другое. Песня закончилась, но не прошло и нескольких минут, как зазвучал тот же речитатив. Очень громко. Хочешь, не хочешь пришлось вслушиваться. Голос сообщил, что «даже если я молчу, ты должен знать, что я люблю...». Ну что же, дело житейское, люби на здоровье, и я снова отвлеклась. Не тут-то было. Песня закончилась, но через минуту мы услышали настойчивую просьбу девушки называть её малышкой. Мужской голос отвечал, что он творит чудеса, потому что так интересней.

Тут я стала оглядываться по сторонам. Музыка звучала где-то близко, как будто динамики стояли на полу. Галка, сестра моя, красноречиво посмотрела на меня и возмущённо пожала плечами. Водитель, глянув в салон через зеркало, надел чёрные очки. Пассажиры входили и выходили, не успев приобщиться к любовной истории, а мы, заложники «Малышки», всё слушали и слушали... На остановках была какая никакая передышка, но стоило двери закрыться...

— Маньяк какой-то, — думала я о водителе, — это он нас выкуривает что ли?

А когда исполнители в очередной раз стали просить «забыть обиды, ссоры» автобус остановился, и водитель, такой импозантный, с бородой мужчина, встал, покраснел весь и сказал:

— Всё! Я дальше не поеду! Выключите вы эту дурацкую музыку!

И грохнул тогда весь автобус! Кондуктор подошла к Галке и, заливаясь хохотом, сказала:

- Вы знаете, по-моему, у вас в сумке эта песня сидит.
— У меня? Не может быть!

Но руку протянула, извлекла из дорожной сумки, что стояла под ногами на полу, телефон, включила его и... «Я люблю и ненавижу...». Ответом был хохот. Автобус просто колыхался от смеха. Пассажиры делились впечатлениями от этой веселой поездки, а парень, сидевший один на последних сиденьях, просмеявшись, вальяжно махнул рукой:

- Включай «Малышку» и поехали!

И поехали. Песню эту я больше не слышала, телефон, замкнувший на злополучной «Малышке», давно поменяли на другой, а память осталась.

Наболело

*Ах вы очи, глаза мои карие,
Не досталась вам синь-синева.
Обошло васильковое марево,
Не нашлись вам по цвету слова.*

*Я б сравнила вас с вязью агатовой,
С тёмным бархатом летних ночей,
С тайной вод, серебрящихся матово
И бегущих из чистых ключей.*

*Не палитры ищу отражение.
Цвет не славлю, как было не раз.
Я люблюсь всегда выражением
Твоих милых, задумчивых глаз.*

*Может, хватит души моей шири
Кареглазую песню пропеть?
И все черные речки Сибири
На тебя будут мною смотреть...*

Времена года

(в соавторстве с Борисом Семенцовым)

Если однажды захочется петь:
Голоса мало, зато много пыла.
Даже не надо в окошко смотреть –
Это, ребята, весна наступила.

Звон комаров заглушает эфир —
Не обращайтесь вниманья на это.
Юбки всё выше, и в моде кефир:
Значит, пришло долгожданное лето.

Ночью бессонной заныла нога.
Овощи бабка на рынок уносит.
Стаи гусей прокричали: «Га-га» —
Вот и окончилась длинная осень.

Лыжи и санки, коньки, сноуборд.
Зимние игры, румяные лица.
И веселится на горках народ,
Тот, кто от гаджетов сможет укрыться.

Друг мой далёкий, судьбе улыбнись.
С нами летит в бесконечность Планета.
Осень, зима и весна – это жизнь,
А всё остальное – лето.

Александр Кобзев

Родился 9 мая 1963 года в Новосибирской области. С 1985 года живёт в Горном Алтае. Закончил биологический факультет университета. Гид-экскурсовод, дизайнер-верстальщик. Занимался пчеловодством, ландшафтным дизайном. Преподавал в университете стенографию. Учил детей и взрослых в Воскресной школе. Поёт в церковном хоре.

Состоит в Петровской академии наук и искусств, в Русском географическом обществе.

Автор учебного пособия по стенографии.

Автор рассказов и миниатюр, опубликованных в литературных журналах и альманахах (Горно-Алтайск, Барнаул, Тула, Карловы Вары (Чехия)). Автор книги «Цвет снега».

Награждён медалью св. равноапостольного князя Владимира.

Среди многочисленных увлечений: велотуризм, survival, психология, история, русская и мировая культура.

Побеждая львов

1.

— Мама, мамочка, я больше никогда не буду воровать! Даже если сильно-сильно есть захочу.

Мама молчала, только слеза катилась по правой щеке.

— Мамочка... я больше... — слёзы наполнили глаза мальчика.

— Серёжа, сыночек... сейчас всем трудно живётся. Девочкам, у которых ты украл, ещё тяжелее — папа погиб на войне. Их мама болеет, уж месяц не встаёт с постели. Девочки сами варят, стирают, в очереди за хлебом стоят. А я сама заработать могу. Папа у тебя есть, пусть он пока не с нами...

— Они такие противные — рыжие! — пытался оправдаться мальчик. — А у младшей девчонки всё время сопли текут!

— Ну и что? Ты сам таким был. Тебе конфеты редко достаются? Эти девочки впервые в жизни попробовали. И то ты отобрал. Не делай этого... ради меня, если ты меня любишь... Ты же любишь меня?

— Да, конечно... когда ты не стыдишь меня...

— А я тебя всегда люблю!

— Даже если я украду или обману тебя?

По маминым щекам обильно потекли слёзы:

— Даже если украдёшь... Но постарайся больше не делать этого...

Тогда мальчик решил открыть страшную тайну:

— Мама, я дедову медаль из комода достал... Мальчишки дразнят, что я сын тюремщика. Я просто хотел одеть медаль и сказать, что это папкина... Они её отобрали... Говорят, что я вру, а медаль украл...

Глаза мамы стали необычайно грустными. Но она пересилила себя и чужим голосом произнесла:

— Эта медаль — самая большая память, что от твоего дедушки осталась, — слёзы долго текли из маминых глаз. Наконец, она вытерла лицо и обняла сына. — Ничего, всё ула-

дится, мальчишки медаль вернут, они понимают, какая это память. Просто поиграют — и вернут.

— Мамочка, ты меня люби, ты меня люби-и... я постараюсь никогда не огорчать тебя! — кричал мальчик: — Я постараюсь тебя всегда любить, — но мамы не было... она исчезла, как исчезают, растворяются в обильных слезах все предметы. — Я буду любить тебя всегда, только не покидай меня!

Серый вскочил. Мамочка, мама. Милая мама... Не покидай меня... На улице светло... Э, пацаны! Где медаль? ... М-да, чуть не проспал!

Серый застелил кровать покрывалом. Чтобы не увидели: подушка-то мокрая. Плакал, что ли — как баба? Увидят — засмеют.

— Дрыхнешь, салага? Кто обещал разбудить на рассвете, — можно бы и по морде сапогом вклепить, да после такого сна стало жалко всех людей на свете, даже тётку с пистолетом, которую он сегодня зарежут.

Мужики нехотя вставали. Не хотят расставаться с ночными мечтами? Клюв, двадцатилетний салага с острым носом и вечной ухмылкой на губах, да Каланча, которому больше пошла бы повязка дружинника на рукаве, а не залатанная роба.

После отсидки они остались на БАМе. И теперь втроем в лето 1971 года работали на маленьком клочке великой Байкальской магистрали.

— Каланча, не вздумай в комнате пердеть, — Серому снова стало всех жалко, и он сказал даже ласково: — Здесь вроде как люди культурные и нежные живут, давай уж как-нибудь на свежем воздухе воняй.

Пока парни зевали, потягивались и отходили от сна, Серый по-боевому сосредоточился: бывшая армейская выправка давала о себе знать.

— Неожиданностей нам не нужно. Всё должно быть ювелирно. Давайте ещё раз попробуем.

— Сколько можно?! Всё уже на двадцать раз...

Серый не был педантом, но мотать ещё срок из-за ма-

ленькой промашки ох как не хотелось.

— Хорошо бы втроём разом ломануться... Жаль, двери в автобусе узкие! Я захожу не торопясь, мой третий шаг — как сигнал: сразу заскакиваете. И тут... — Серый настолько явственно ощутил, каким мощным должен быть рывок, что стол застонал под ударом его кулака. — Я бью ножом — вы своих мочите!

Завтракали молча. В груди тошнотворный холодок... Серый через силу заставил себя съесть завтрак.

— Слышь, салага, Серый хитрый: себе бабу выбрал, а нам мужиков оставил...

— Эта баба похлеще десятка мужиков! Говорят, спортсменка, а стреляет — не хуже Чингачука. Мне — самый трудный подвиг. А тебе, салага, кассир-инвалид. Не бойсь, фрицы ему на фронте плечо прострелили — справишься. Запомни: немцы прострелили правое плечо, правое, в случае чего мочи ему по левой руке. Тебе, Каланча, с шофером проблем не будет: он на своей седушке, как птичка в клетке.

Время ещё оставалось. Под впечатлением сна хотелось поплакать на чьём-нибудь плече, но раскисать на глазах у мужиков нельзя, иначе всё насмарку. Он просто лёг на скрипучую кровать и отвернулся к стене. Отогнал ночное воспоминание. Не раскисать! — приказал себе по-армейскому, но сладкое детское воспоминание так желанно заполняло сознание, что он готов был оставить планы ограбить инкассаторский автобус, который развозил доблестным труженикам Байкало-Амурской магистрали, а попросту — бывшим зэкам, зарплату.

Серый ещё раз оценил шансы. Шофёр, простоватый на вид паренёк — ему бы силос кидать, а не баранку крутить. Кассир-инвалид — отвоевался, несчастный. Вот только не вышла бы осечка с бабой-охранником. На вид — женщина добрая, нежная. А с любым мужиком без оружия справится.

На улице засигналил автобус. Серый мгновенно вскочил и кинулся тормозить дружков.

— Уснули, гады! Урою вас, как дело сделаем! Бегом на старт! Повторяю: мой третий шаг — вы в миг в автобус. Ты мочи шофёра, ты — выключай левую руку бухгалтера.

— Да уж назубок запомнил... — вяло протянул Клюв.

Вместо автобуса оказалась бронированная каракатица. Что за дребедень? — придётся склоняться в три погибели, и развернуться негде будет... Неужели откладывать до следующего раза?

— Вот дрянь-то наше дело... Не выйдет ничего! В этот раз не стоит... Чует сердце... — сказал тихо, чтобы в машине не услышали. Но, похоже, не услышали и подельники... или только показалось, что сказал... на самом деле промолчал...

Согнувшись, Серый протиснулся в машину... Даже с облегчением подумал, что не в этот раз... Не убивать охранницу, не бежать через тайгу, не прятаться от ментов. Шаг, другой... Сзади, толкаясь и сопя, ввалили Каланча и Клюв. Глухие тетери!!! Неужели не врубилась! — и уже криком: — В другой раз, тетери!!!

Но кассир-инвалид настолько ловко замкнул наручники на запястьях салаги, что тот даже не понял, что произошло, и всё пытался выключить левую руку “бухгалтера”. Вместо парнишки-шофера оказался огромный бугай с “калашником”, который сразу сгрёб Каланчу.

Тогда Серый, не дожидаясь расправы, кинулся бежать в лес, а позади, настигая, шумно дышал кто-то огромный. От бессилия он не смог перепрыгнуть совсем небольшое брёвёшко, споткнулся и проснулся в холодном поту...

— Будто впервые на дело иду... Зато убивать никогда и в мыслях не было. Но здесь особый случай: вооруженная охрана, — будто оправдываясь, убеждал себя Серый.

Инкассаторский автобус запаздывал. Злость всё больше завладевала мужиками. Каждый переживал предстоящие смертоубийства — все в этом деле новички, хоть, бахваясь, были безрассудными разбойниками и убийцами.

Наконец, показался автобус.

Всё было, как всегда: старый автобус остановился прямо напротив окна, через минуту открылись двери автобуса. Как всегда, их было трое: водитель, кассир, охранница...

Серый не торопясь зашел в открытую дверь автобуса... первый шаг... Позади он спиной чувствовал поддержку. У охранницы едва заметно двигаются губы... Что она говорит не слышу не слышу! Ноги ватны... Но — шаг второй... Мгновенно слышались шаги подоспевших дружков... Пора! Заточка в рукаве. Достать — доля секунды... Сердце колотилось... Надо бы унять волнение, например, спеть вполголоса Мурку. Шаг третий... Но вместо Мурки мама поёт колыбельную про доброго малыша и ангела у изголовья... Тепло, спокойно, и ничего больше не нужно. Даже обида на мальчишек, которые отобрали дедову медаль, прошла: мама обязательно всё уладит, она успокоит и никогда не будет ничего плохого именно потому, что мама передо мною... Мамочка, у тебя такой нежный голос, такие светлые волосы с ореолом из утреннего солнца. Мягкие руки, чистое лицо... И голос... И доброта!

— Мама... мамочка...

Сзади кто-то грубо толкнул. В необычайном смятении он повернулся к дружкам, которые вдвоём неуклюже протиснулись в дверь, заполнив тесное пространство. Миг — Каланча возле водителя, Клюв стоял подле кассира. Вздвённые пружины, они ждали лишь команду.

— Чо столпились? Куда прёшь?! Порядка не знаете? По одному положено заходить, — гаркнул Сергей.

— А как же... — обиженно загундосил Клюв.

— Не поняли, что ли? — по одному заходить!

Повиновались... Было видно, что после волнений готовы не только автобус захватить, но и его самого в придачу. Сергей получил деньги и вышел. Потом и остальные зашли получать...

Уехал автобус. С ним уплыла возможность зараз получить большущие деньги.

Сергей швырнул деньги в тумбочку и плюхнулся на пружину.

жинистую кровать.

Сначала Каланча, потом и Клюв, начали упрекать. Не просто упрекать — наезжать.

— Как ты меня сегодня обозвал? А сам-то — зассал?

Сергей не отвечал.

— Прямо как баба! Кинул нас?!

Чтобы отвязаться, он вынужден был сказать:

— Мужики, — он подумал, что этот довод будет самым выигрышным: — я узнал эту женщину (у него не повернулся язык сказать: тётку). Таким нельзя делать зло, даже если на кону миллионы.

— Кого ты там узнал? Няньку, что ли? — в голосе салаги вызов и агрессия.

— Сам говорил, что кроме матери, никого не пожалеешь.

— Она мне почти мать... — и, чтобы прекратить лишние разговоры, мощно хлопнул кулаком по столу. Так, что со стола попадали пустые кружки.

Дружки поворчали и успокоились.

А Сергей долго наслаждался покоем, хоть бы и под градом насмешек. Но не хотелось даже указывать на подобающее салаге место.

Что-то произошло — неизведанное... Но он взаправду увидал свою мамочку, родную и любимую... И услышал то ли материнский голос, то ли ангельскую песнь.

2.

Негромкий стук в дверь отвлёк Зою Сидоровну от утренней молитвы.

Перед дверью стоял мужчина лет тридцати в наглаженной клетчатой рубашке с длинным рукавом. Тщательно выбритое лицо и виноватая улыбка не смогли заслонить в памяти секундную, но яростную готовность этого человека убить без жалости. Это был хищник. Интуиция Зои, выкованная полувоенной жизнью, никогда не подводила. Но хищник был то ли присмирённый, то ли затаившийся.

Он вручил Зое букет хризантем.

— Можно пройти?

После приглашения мужчина разулся и стал доставать из брезентовой сумки сгущёнку, разные консервы, шоколад.

— Вам посылка из Москвы, — раскладывая на столе продукты, говорил мужчина.

— Откуда? Почему... — от неожиданности Зоя решила, что это как-то связано с рождением внука Жени: вчера вечером от сына получила радостную телеграмму.

— Ничего не спрашивай, мать. Так надо!

— Я ничего не возьму, пока не объясните, в чём дело.

Странный гость долго молчал, потом начал говорить.

— Вообще-то эта посылка от моей мамы — для меня. Подкармливает мамочка непутёвого сына. Я вот решил вам... На память, значит.

Зоя хотела протестовать, но он опередил:

— Мне шоколад не полагается, провинился я. Перед мамой и, — гость склонил голову, — перед тобою. Да разве лишение лакомств — наказание для взрослого мужчины?

Зоя Сидоровна заставила мужчину пройти и усадила за стол.

— У меня тоже есть чем угостить.

Зоя заварила гостю крепкого, как он просил, чаю, поставила вазочки с мёдом, постряпанные на помин сдобные булочки и своё любимое лакомство — совсем ещё горячую картошку в мундирах. Потом разложила на тарелке принесённый странным гостем шоколад.

Он долго не решался заговорить. Наконец, произнёс:

— Мать, прости меня... Я чуть не загубил вас.

Зоя не испугалась этого здорового и крепкого мужчину. Но настороженность, её постоянная спутница в опасной работе, вновь заняла свой пост. Она не показывала вид, напротив, открыто и добродушно улыбнулась разбойнику.

— Не убил, и слава Богу. Думаешь, я не знала об этом?

— Но как?! В чём ваша сила? Вы просто женщина! — немного комично выглядело, как рослый мужчина называл со-

рокапятилетнюю женщину то на “ты”, то на “вы”. — Только не говори, что в той пукалке, которая была в кобуре. Не пистолет делает человека сильным! Уж кто-кто, а я это точно знаю!

Сергей был сыт, но из уважения к женщине пододвинул тарелку и чистил клубящуюся паром картошку.

Наступила минутная тишина. Каждый вспоминал то памятное утро...

Вроде ничего не произошло... К работе Зоя подготовилась по-военному быстро, чтобы осталось время на молитву.

Служебный автобус развозил зарплату по станциям и разъездам СМП-274* Ангарскстроя. Суммы немалые.

Двадцать минут, как миновали Вихоревку. Показался небольшой двухколейный разъезд с двумя строениями. На таких разъездах работали вахтовым методом вольнопоселенцы. Это были рабочие по укладке путей и обслуживанию участка. Лишь дважды в неделю к ним приезжала автолавка с хлебом, крупой, консервами и прочим необходимым для таёжного быта товаром...

Зоя обычно не вникала в разговоры водителя и кассира, устремив всё внимание на молитву. «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...», «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога небесного водворится...»

А после... Просто в автобус вошли... как бы даже ворвались, трое мужчин... По инструкции непременно полагается заходить по одному... Но ощущение множественности, сопряжённое с ледяной опасностью не оставляло весь последующий день. Впереди был целый день тряски по ухабам, полуденный зной...

Да-да, их было трое: безусый мальчишка, другой был бы похож на деревенского кузнеца, если бы не ошарашенный взгляд.

Но в пугающей близости — безжалостное, со зверским оскалом лицо, ставшее вдруг растерянным и по-мальчишески доверчивым. Тихое «Мама, мамочка...» — и властная команда:

* СМП — строительно-монтажный поезд, аналог СМУ.

«Кому сказано, по одному входить!» Получив деньги, он ещё раз удивлённо посмотрел в глаза Зои и выскочил на траву.

Сергей улыбнулся и каким-то виноватым тоном произнёс:

— Я вас в тот раз чуть не порешил... Мы распределили, кто кого убивать будет. У меня в рукаве наготове нож, в другом — заточка. Мы заскочили в автобус, я ринулся к вам и вдруг... увидел свою маму.

Зоя ещё некоторое время испытывала тревогу... но молитва, как в тот день, придавала уверенности.

— Пей, не стесняйся. Всё в прошлом. Ничего плохого не произошло — и слава Богу!

Сильный мужчина лет на пятнадцать младше Зои Сидоровны, привыкший все дела решать кулаком, сидел на краешке стула и как-то стыдливо подцеплял ложечкой мёд.

— Моя мама живёт в Москве. Это самая прекрасная женщина, а я... — он зажмурил глаза, чтобы не выпустить наружу слёзы.

Потом открыл глаза и долго смотрел на Зою Сидоровну. Наконец произнёс:

— Ты на мою маму вовсе не похожа, разве что волосы волнистые, да красота этакая русская.

Зоя вспомнила, где она видела такие же глаза, жгучие и умные, скрывавшие разрушительную силу, глубину потаенной мудрости и величайшее смирение титана. Это был взгляд льва с иконы преподобного Герасима Иорданского.

— Моя мама — прекраснейшая женщина... как вы... Я так люблю свою маму. Не смотрите, что срок отмотал, да руки в наколках... — Сергей не стеснялся слёз и вытирал глаза носовым платком, не прячась и не отворачиваясь. — Мать, прости меня...

Когда гость собрался уходить, Зоя Сидоровна вручила ему баночку с мёдом.

— Оставь, мать, маленький я, что ли?

— Маленький — не маленький, а простуда не спрашивает... Не грипп ли начинается?

Действительно, в носу Сергея словно перец был насыпан, даже глаза слезились.

3. ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Зоя Сидоровна постучала в дверь новой квартиры.

Её сын Николай жил здесь уже месяц. Когда в квартире было побелено-покрашено, а мебель заняла свои места, приехала Зинаида с восьмилетним Женей.

Дверь открыл внук.

— Бабушка пришла! — Женька крепко обнял “бабу Зою”, потом ручонками схватил за руку и потянул в комнату.

Зоя вручила внуку большой самолёт. Мальчик схватил его и побежал на улицу. Потом вернулся и крепко обнял бабушку.

— Я же говорил, что буду лётчиком! Баба, это самый лучший самолёт, настоящий! Знаешь, как здорово он летает! — мальчик продемонстрировал сначала бочку, потом петлю Нестерова.

После обеда Зоя Сидоровна и внук Женька пошли гулять.

— Баба, правда, что зимой в Сибири очень-очень холодно?

— Бывает иногда, сам увидишь. Выйдешь на улицу, жгучий мороз сразу твой носик откусит, — и бабушка легонько ущипнула Женьку за нос. — Но ты настоящий мужчина! Теперь ты сам сибиряк!

— Здесь твоя родина?

— Нет, я родилась в старинном городе Яранске.

— Я — ранен? — любознательный мальчик всегда пытался доискиваться до происхождения вещей и слов. — И потому такое название?

— Город стоит на берегу реки Ярань. Это переводится с марийского языка — “хватит”.

— Хватит! Ярань! Хватит!

— Много лет назад гнали монголо-татар с русских земель.

Прогнали до этой реки и — хватит. Дальше побежите сами. И они бежали... В этом городе много старинных храмов.

Зоя Сидоровна не стала говорить Жене, что там похоронен её отец, что коммунисты посадили её в тюрьму ещё девчонкой. Теперь рядом будут жить, зимние вечера длинные, много расскажет, чтобы внук хранил память о своих корнях.

Чтобы Женя не увидел грусти в глазах, “баба Зоя” сказала:

— Давай-ка в тир зайдём!

— Давай!

У дальней стены тира, опасаясь метких стрелков, затаились зайцы, лисицы и волки. В верхнем ряду выстроились вражеские солдаты, танки, корабли и самолёты. Разноцветные вертушки и мишени призывно сверкали яркими красками. Но главное — на стене в обитом жестью коробе стояло около десятка самых настоящих винтовок.

Дедушка-продавец погладил Женю по голове.

— Что, малыш, пострелять хочешь?

Из-за серьёзного ранения под Сталинградом Иван Трофимович работал сначала сторожем на заводе. Теперь вот — продаёт в тире пульки. Работа — инвалиду под силу, зато вроде как начатое под Сталинградом дело продолжает — укрепляет боеготовность молодого поколения.

— Прижимай приклад к плечу крепче! — сказала Зоя Сидоровна.

Иван Трофимович этак свысока посмотрел на бойкую моложавую женщину.

— Какие слова-то, барышня, знаешь!

Но когда Зоя начала рассказывать Жене о стрелковом искусстве, потом, не целясь, попала в самую маленькую мишень, дед даже очки снял от неожиданности. Его физиономия была такая забавная, что Женя рассмеялся.

Зоя с Женькой шли по весёлому парку с каруселями. На встречу вприпрыжку бежал будущий одноклассник сосед Пашка. Женя был очень доволен, что идёт рядом с бабушкой. Было чем гордиться: бабушка в чёрном берете, кожаной

португее, с красивой эмблемой на рукаве, а на груди блестели две медали. День был солнечным, медали так и сияли — ярче солнца.

— Баба, ты правда никого не боишься?

— Не боюсь.

— А вдруг на тебя разбойники набросятся?

— Разбойников немного испугаюсь. Но я смогу постоять за себя.

— Знаю, баба, — у тебя самый настоящий пистолет.

— Не в пистолете дело. Я верю, что Бог всегда поможет.

— А тебе Бог помогал?

— Конечно!

— Расскажи, баба!

— Обязательно расскажу.

Женя приготовился слушать, но бабушка сказала:

— Женя, непременно выучи молитву *“Живый в помощи”*.

— Зачем?

— Затем, что я всегда говорю: *Живый в помощи Вышняго... Яко ангелом Своим заповесть о тебе сохранили тя во всех путех твоих...* Вот Бог и хранил меня всегда, во все дни моей жизни. И будет всегда хранить, если даже со мной что-то приключится.

— Приключится? А приключения у тебя были?

— Самые настоящие — трудные и опасные. Какое бы опасное задание не было, Бог всегда мне помогает.

Возле большого здания остановилась машина.

— Ин-касса-тор, — прочитал Женя.

Из машины вышел человек в красивой форме. В кобуре на поясе наверняка был пистолет.

— Баба, кто этот дяденька? — потихоньку, чтобы не услышал человек в форме, спросил Женя. — У тебя такая же форма, только для девочек — с юбочкой.

— Женечка, мне на несколько минут надо заглянуть сюда — по работе. Зайдём?

— Баба, можно, я посижу на скамеечке, здесь хорошо.

— Только никуда не отходи.

Женя увидел бегущего человека. Рослый мужчина пытался привлечь внимание Зои, но та уже заходила в здание.

Незнакомец подошёл и подал руку Женьке.

— Меня зовут дядей Серёжей. А тебя?

— Женя.

— Ты, наверное, сын тёти Зои?

— Она не тётя, а бабушка.

— Вот как! Она, оказывается, уже бабушка? Куда же она пошла?

— Она на минутку зашла в этот дом и сейчас выйдет.

Дядя Серёжа потрепал вихрастые волосы мальчика

— Я стрелять умею! — мальчик показал дяденьке пистолет — чтобы знал, что не дастся в руки чужака так просто.

— У тебя пистолет совсем как у бабушки, — похвалил Сергей малыша.

— Мы с бабой ходили в настоящий большой тир. Я из самого настоящего ружья по настоящей мишени стрелял!

— Попал?

— Попал... в большого тигра. И в танк!

— В следующий раз в самое маленькое яблочко попадёшь!

Подошла Зоя Сидоровна. Она приветливо улыбнулась бывшему разбойнику. Она давно поняла, насколько это открытый и добрый человек. Несколько раз он приходил в её общежитие, приносил макароны, консервы, шоколад — посылки из Москвы. Всегда был приветливым и жизнерадостным. Потом она сменила место жительства и несколько лет не встречала его.

— Дорогая Зоя Сидоровна! — Сергей склонил голову перед женщиной. — Я признателен вам. Вы спасли меня.

Женя подошёл к бабушке и восхищённо посмотрел в её добрые глаза. Вот как! Она и дяденек спасает!

— У меня сынишка такой же растёт, чуточку поменьше. Жена прекрасная! Ничего бы не было, оступись я тогда, — Сергей поцеловал мягкую руку женщины. — Затмение на меня нашло! Это сейчас я понимаю, что навечно скраться

невозможно даже в самой глухой тайге... Да и что за жизнь — по лесам да по хатам скитаться, как зверь!

Просветлённым взором он посмотрел на небо и сказал:

— Представляете, в тот миг я перед собой воочию увидел лицо моей мамы. Думаете, я сумасшедший? Или мне приснилось?

— Нет, я вовсе так не думаю!

— Вот и моя мама тоже говорит. Она добрая женщина... как вы...

Пока Зоя решала некие дела в белой двухэтажной конторе, Сергей успел куда-то сбегать.

— Это вам, — Сергей протянул Зое флакончик с духами.

На мягкое протестующее движение руки он ответил новым подарком:

— И малышу сюрприз, — Сергей подал мальчику коробку. — Хотя какой это малыш? Он настоящий мужчина!

Женя осторожно открыл крышку и увидел десяток моделей самолётов, не смея поверить, что это для него.

— Спасибо...

— Не мне спасибо говори. Это заслуга твоей бабушки.

Женя недоуменно посмотрел на любимую бабу Зою.

Из коробки вылетел самый красивый, самый геройский самолёт и полетел над скамейками, тротуарами, клумбами, высоким крыльцом. Всё выше, выше... Приземлился возле бабушкиных ног. И снова взмыл в синее-синее небо выше гор и облаков.

4. НАШИ ДНИ

— Сергей приходил ещё несколько раз, — продолжил Евгений рассказ. — Он с благодарностью, даже с любовью, относился к бабушке. Всегда приносил гостинцы, которые получал из Москвы от своей мамы. И каждый раз говорил о чуде, когда, крепко сжимая в руке нож, вбежал в автобус, но вместо женщины в форме вдруг увидел родную мать... Я сам об этом слышал.

Вечер был тёплым и безветренным. После полёта к Телецкому озеру на маленьком патрульном вертолёте Авиалесоохраны мы отдыхали у Евгения в палисаднике. Перед нами на столике лежал открытый семейный альбом. На фотографии — Евгений в лётной форме на фоне уже знакомого ярко-красного вертолёта “Robinson”.

— Потом Сергей уехал на родину...

Тогда я не мог понять всю глубину Божией премудрости.

Я ещё раз открыл альбом на первой странице... Женщина в красивой форме с открытым добрым лицом. Рядом — восьмилетний мальчик Женька. Он держит большой самолёт. Тот самый, подумал я...

— Когда я был маленьким, бабушка Зоя рассказывала обо всём на свете. О путешественниках и учёных, о великих полководцах и лётчиках. Много говорила о вере. Бабушка была очень верующей: ходила в церковь, читала молитвы. В начале восьмидесятых мы уехали в Якутск, потом на Алтай, потому виделись не часто. В девяносто восьмом она приехала жить к нам в Карлушку. Необыкновенная женщина: добрая, отзывчивая, скромная. Она была активной, бодрой, работала в огороде, ходила за грибами, рыбачила. Не раз ездила в Братск. Вот такой была моя бабушка Зоя.

Евгений открыл альбом на странице, что ещё ждёт свою

фотографию. В калитку забежал его пятилетний сынишка Миша. В руке мальчика был самый настоящий корабль с большими белыми парусами. Море штормило, парусник раскачивался так, что едва не достигал неба.

— Что, сыночек, в Африку плывёшь?

— В Африку!

Миша забрался к Евгению на колени и прижался к отцу. Как они похожи, думал я. И представлял, как в далёкие годы такой же маленький крепкий мужичок Женька Ямшитов раздавал соседским мальчишкам пули и пустые гильзы, которые баба Зоя приносила со стрельбищ. Как он мерился силами со страшным разбойником Сергеем, который не стал больше разбойником, потому что баба Зоя победила его некой особенной таинственной благодатью.

P.S.

Рассказ полностью основан на реальных событиях и написан со слов Евгения Николаевича Ямшитова, лётчика Авиалесоохраны, внука Зои Сидоровны. Вымышлен лишь эпизод подготовки к преступлению (как бы я мог узнать, о чём думали готовые на убийство преступники?).

Зоя Сидоровна Ямшитова родилась в 1927 году. С 1998 года жила в Республике Алтай (село Карлушка Майминского района). Умерла Зоя Сидоровна в 2004 году в возрасте 77 лет.

Случай, описанный в рассказе (то есть, попытка ограбить инкассаторский автобус), произошёл около 1970 года.

Великан поверженный

Я шёл с работы. Как обычно — пешком, неторопливо, пытаюсь хотя бы за двадцать минут пути восполнить душевный покой, надышаться свежим вечерним воздухом, ароматом цветущих яблонь. Позади рабочий день: обход, операция, приём больных. Главврач на пятиминутке совершенно несправедливо на всех накричал, а на меня — наорал сугубо. А под вечер ещё внеплановая операция, которая оказалась особенно сложной...

Несмотря на поздний час, вечер был тёплым. Я шёл неторопливо, оттягивая момент возвращения домой, где меня никто не ждал. Жена с сыном на несколько дней уехала к своим родителям в деревню — в огороде помочь.

Когда я проходил по детской площадке, окруженной бело-кирпичными пятиэтажками, то слышал наглые голоса. Во мраке я разглядел: несколько молодых парней окружили невысокого подростка и куражились над ним. Такие встречи небезопасны, но меня возмутила холопская удаль этих недоростков — толпа дядьёв на ребёнка. К тому же навики рукопашного боя у меня есть.

Как я и ожидал, после первого моего окрика хулиганы трусливо разбежались.

— Холопы продажные! — кричал я вдогонку.

Убегая, они грязно огрызались в ответ.

— И такие шкуры станут защищать нашу родину! — я надеялся, что язвительный тон вызовет в них хоть видимость стыда. — Отмазку от армии, небось, уже купили?

— А на шиша нам твоя армия далась! — наглый хохот растворился в черном провале между пятиэтажками.

Я подошёл к подростку и хотел взять его за руку, но увидел, что он распрямился, встал с колен и возвысился надо мною на целую голову. Передо мною стоял крупный молодой мужчина, в присутствии которого я мог бы испытать ро-

бость... Как? Почему такой крепкий с виду человек оказался на коленях перед трусливыми салагами? Они напали на него сзади и огрели по голове доской? Или он безвольно пьян?

— Вам повезло — я хирург, — сказал я, хотя предпочёл бы скорее отвязаться от него. — Помощь нужна?

— Нужна.

— Какая?

— Психологическая, если можно...

Усталость навалилась на меня — скорее бы домой. Приглашать в свою квартиру никого не хотелось. Но я пересилил себя и потащил великана за собой — на чашку чая. Он послушно шёл за мною. Двигался почти бесшумно, но я физически ощущал его дрожь.

В дверь он входил медленно, согнувшись, будто опасаясь занять собой весь небольшой коридор. Пока я переодевался, ставил чай и звонил супруге, он терпеливо сидел на самом маленьком, почти детском стульчике.

Я не знал, чем смогу помочь этому тюфяку... Я так прямо и сказал.

— Мне много не нужно. Мне бы выговориться... Я и сам всё понимаю.

Я осмотрел припухлость под глазом: ничего особенного, но будет яркий синяк. Больше никаких следов от сегодняшнего происшествия не обнаружил.

— Может, нужно...

— Только в милицию не надо, а то милиционеры опять смеяться будут.

— Я не про милицию... Валерьянки могу дать.

Пока я капал в стакан успокоительное, он представился:

— Зовут меня Мишкой. Но так меня звали родители да друзья детства, когда мы жили в Сибири, в деревне. Здесь — только обидные клички. Однажды к нам в школу писатель приходил. Он позвал меня: Добрыня-богатырь. Это мне так понравилось. Но никто меня не хотел так называть.

Я налил душистого чаю из лесных трав, разложил по вазочкам мёд и настряпанные супругой ватрушки и сказал:

— Ну, пациент, с чего начнём? Да ладно, успокойся, никаких формальностей! Будь, как дома.

Он с удовольствием вдохнул травяной аромат чая и начал рассказывать:

— Я не выдержал бы жестокой жизни, если бы не воспоминания о детстве. Это что-то невообразимо светлое! Сибирская деревня среди пшеничных полей и светлых берёз. Вокруг жили прекрасные бесхитростные люди. Тётъ-Маша, соседка-вдова: её муж не пришёл с Афганистана, так она и жила одна, воспитывая троих сыновей... Они были самыми лучшими друзьями, я им продолжаю письма писать, только про свою негодную жизнь молчу... А чуть дальше жил одноногий инвалид с женой, у которого были такие милые дочки-близняшки. Мне кажется, они обе влюбились в меня. Я стыдился внимания к своей персоне, а ещё думал: как я смогу выбрать одну из них — ведь другой придётся отказать. Не жениться же сразу на двух! Теперь у одной прекрасная семья, а другую муж-алкаш бросил с двумя маленькими сыночками, и никому она с детьми не нужна.

Конечно, в деревне тоже жили грубые и пошлые люди. Они-то и научили меня нехорошим словам. Однажды, а было мне три года, я загнул трёхэтажным. Мама стала шлёпать меня, как и положено, по губам, приговаривая: “Я тебе покажу, как материться”. Но меня ещё учили “давать сдачу”. Непременно: тебя бьют — сдачи дай. И я начал её колотить своими детскими ладошками. Что тут произошло! Я был так избит! А как же сдача... Но тогда я понял: есть авторитет взрослых, которые всегда правы. И много раз я убеждался, что взрослые всё знают, всё умеют. Они всемогущие и всезнающие, даже покушать невозможно, если они не принесут и не приготовят.

Я ждал, когда он закончит свой монолог, чтобы остаться наедине с книгой. Но старался не показывать нетерпения.

— Но между родителями пробежала чёрная кошка, — продолжал он. — Это сейчас я так говорю, а тогда, в девять лет, я просто часто слышал скандалы между папой и мамой.

Мы тогда только что приехали из Сибири в этот город. Ещё я впервые узнал, что можно получить за малейшую провинность. Однажды папа по-особенному попрощался со мною и уехал... Мама говорила, что он сбежал в Сибирь в командировку... Не знаю, правда это или нет, но, кажется, она его просто выгнала.

В ярко освещённой комнате, когда разглядел его лицо, я даже залюбовался его открытым и простодушным лицом со светлой юношеской бородкой. Встреть его на сенокосе или на пасеке, я бы сказал: вот идеальное воплощение русского богатыря или лесного странника. Но я видел его на коленях перед салагами, и это мешало испытывать к нему полное расположение.

— Но ребёнок есть ребёнок. Погрустил, а жизнь-то продолжается. Через неделю после отъезда отца я играл в войну. Папка перед отъездом подарил мне настоящую пушку. Она стреляла пулями и счётными палочками по пластмассовым солдатам и танкам. Когда мама зашла в мою комнату, то сразу заметила подбитых солдат. “Мама, смотри как хорошо я научился стрелять из пушки”. Но она почему-то не оценила моих способностей, а сразу начала выговаривать: “Почему в твоей комнате всегда игрушки раскиданы?” Только я начал объяснять, что русские победили всех фашистов, как она вдруг страшным голосом завопила, что все против неё, и даже я никогда не прибираю в своей комнате. Истязание продолжалось, наверное, целый час. Мне было больно, страшно. И стыдно — потому что взрослые всегда правы...

Его губы задрожали, а в глазах появились крупные-крупные капли.

— С тех пор истязания повторялись каждые два-три дня. Я был послушным и понятливым ребёнком. Я старался выполнять все свои обязанности: заправлять постель, поливать цветы на окошках, убирать за собой со стола. Я научился жарить картошку, варить суп, и всегда встречал с работы маму простым, но горячим ужином. Иногда я забывал это сделать: детская память коротенькая. Если мама приходила в хоро-

шем настроении, она обнимала и целовала меня, давала шоколадку или мороженое. Но если её настроение было плохое, то неполитые цветы, незаправленная постель, игрушка посреди комнаты или ошибка в тетради могли оказаться причиной очередного истязания. О! Это была не просто ругань. Это были целые мистерии, где у меня — главная роль.

Через час или полчаса её злость бесследно проходила, настроение улучшалось, и тогда ей было стыдно передо мною. — Сыночек, ты простишь меня, спрашивала она, когда проходила её хандра, — в глазах парня вновь засветились огромные слёзы. — Да, отвечал я. И я действительно прощал. Но забывал ли? Сначала забывал и всё так же нежно любил её. Однажды после очередного истязания из-за пустяка в горькой обиде я думал: почему каждый раз забываю, что мама плохая, что я её не люблю. Чтобы этого больше не забыть, я записал в своём блокнотике некой тайнописью — чтобы мама не прочитала — “я маму больше не люблю”. Через несколько часов я заглянул в блокнотик и увидел свои тайные каракули. «Как я могу не любить маму?! Я её очень люблю!» — и с негодованием на себя вырвал листочек со страшной тайной. Ведь она была мне и за мать, и за отца. У меня были самые красивые игрушки, самые лучшие книжки. Она научила меня кататься на велосипеде. Мы с ней даже на рыбалку ходили и в настоящие путешествия ездили. Я очень любил свою маму. Я и сейчас её люблю... Но детская душа очень хрупкая. Постепенно моя непомерная любовь к ней заменялась страхом. Я не обвинял её за регулярное битьё. Из разговоров с другими детьми я знал, что их тоже дупят. Я был убеждён, что родители должны бить своих детей.

Однажды я с одноклассником пришёл к нему домой. Он боялся заходить в дом, говорил, что мать “прибьёт” его. В школе он попался на воровстве: не выдержал искушения и стянул у учительницы кошелёк, когда та вышла на перемену. Меня он взял, наверное, для уверенности. Но его мать меня не заметила и стала ругаться. Несмотря на повышенный тон, голос её был мягким и добрым. Она шлёпала его

ремешком по заднему месту, приговаривая: “Будешь ещё воровать? Попробуй только украсть — сам деньги будешь зарабатывать, ничего от нас с отцом больше не получишь!” За воровство я ожидал вселенской бури, но через пять минут она уже обнимала своего сына, приговаривая: “Сыночек, мне стыдно за тебя. Ты больше не будешь нас позорить?” Одноклассник плакал от стыда и обещал никогда ничего чужого не брать. Ведь правда, он хоть учился на тройки, но первым тимуровцем был. Я же тогда впервые — почти по-взрослому — задумался о справедливости и наказании.

Он на некоторое время умолк и принялся осторожно, будто на ложке балансирует хрустальный шарик, отправлять салат в свой большой рот.

— Я ещё добавлю салат, — начал было я, но он отказался.

— Особенно жестоко мама избивала меня за проявление своей воли. Маленькому человечку свойственно осознавать себя через утверждения своих действий. Совсем не обязательно это должны быть плохие поступки, это могут быть поступки хорошие и правильные, но главное — свои. Так именно из-за них я был участником самых страшных драм. Я не мог даже слова в свою защиту сказать. Я должен был только говорить: “Да, мама. Прости, мама”. И всё равно любил её, потому что она была всегда права, — он схватился за свои лохматые светлые волосы. Я понял, что сейчас он скажет о самой главной трагедии своей жизни: — Но постепенно, через годы, во мне надломилась сама способность любить. Страх и нерешительность полностью заслонили нежность, привязанность, любовь к людям.

Тут он по-настоящему зарыдал. Мне было стыдно за него, будто я при своих больных начал бы вдрут реветь.

Он быстро успокоился, вытер слёзы рукавом и продолжил:

— Моя трагедия началась сразу, когда мы переехали в этот городок. В деревне всё проще, всё родное и люди родные. А здесь на правах новенького я ежедневно заполучал сначала только от старших. Но когда мама изломала всю мою волю,

я не мог дать отпор даже одноклассникам. Однажды в школе ко мне подошёл мальчишка младше меня и наглым тоном начал требовать деньги. Потом стал меня бить. Я стоял и удивлялся своей беспомощности. Я плакал от боли и обиды не столько на мальчишку, сколько на свой страх и безволие. С тех пор почти перестал выходить на перемены: в классе я был под защитой девчонок. А из школы бежал, лишь бы скорее домой. Дома хоть мама бьёт, но не так обидно — она родная, она бьёт всегда только за дело, и то не каждый день. Тот мальчишка рассказал своим одноклассникам, и они всегда ждали меня возле школы. Обычно я убегал от них — по задворкам, или пристроившись к кому-то из учителей. Но иногда... Вы не думайте, я даже несколько приёмов убойных знаю, только применить ни разу не получилось.

Он вновь совсем по-детски заплакал. Я не стал его утешать: просто не представлял, что говорить. Я ждал, когда он затихнет, обдумывая, чем смогу его успокоить.

— Меня родители тоже частенько наказывали, особенно отец. Да уж, видно, характер у меня другой — рано научился защищать себя. Главное моё оружие — честность и открытость. Отец однажды понял, что я зрелый и достойный мужчина, он сам так сказал. С тех пор он для меня не только прекрасный отец, но и хороший друг. Твоя ситуация мне не знакома, трудно тебя понять. Честно сказать, трудно уважать... м-м...

— ... такого рохлю, как я, — продолжил он за меня. — Я вас хорошо понимаю. Я и сам презираю себя... Да вот, словно что-то душит, парализует меня! Иногда думаю: пусть хоть убьют, но я за себя постою... И сегодня так думал... Да что там?! Я — ничтожество!

— Всех нас воспитывали рабами, в каждом из нас осталась хоть частичка раба. У кого меньше, у кого...

Он посмотрел на меня так жалостливо и тихонько попросил:

— Можно немного вина... если не возражаете...

В холодильнике стояла бутылка сухого вина. Я налил ему

полный стакан. Потом, вспомнив главврача и его подлизистых приспешников, налил себе. Великан пил маленькими глотками, наслаждаясь вкусом виноградного вина.

— Моя мама хорошая. Она меня очень любит и жалеет. Я вижу, что ей стыдно за всё прошедшее. Порой хочу сказать: я уже ничего не помню. Что я всё забыл и все страдания позади... Что страдания возвышают человека...

Да, он затронул тему, волновавшую меня в ранней юности. Но и сейчас я порой недоумеваю: как в этом прекрасном мире столь разумных людей существует абсурдное зло. Я вдруг понял, что именно великан сможет разрешить вопрос, который меня занимал достаточно давно — отношению к страданию чужому и своему. Опасаясь, что он высмеет меня за кощунство, я начал:

— В пятнадцать лет, начитавшись приключенческих романов, я этак по-наивному объяснил смысл страдания. Я даже в сочинении по литературе написал, что страдание (понимай: приключение) — это осколок цветного камешка. Со временем из этих камушков складывается узор, прекрасная мозаика, то есть — рассказ, повесть, книга. И когда мы видим интересную повесть, то понимаем, что эти осколки-приключения-страдания были необходимы именно ради неповторимого узора-книги. Ох и досталось мне от нашей учительницы, которая привела в пример книги о войне и концлагерях. И всё же: сколько мне пришлось выдержать порой неприятностей! Их я, естественно, не воспринимал приключениями, потому что они — свои, это — больно. Но к страданию вообще по юношеской привычке продолжал относиться как-то “эстетически” — это для нашего развлечения, чтобы нам было жить интересней, в свете чужих страданий своя жизнь кажется более счастливой. И вообще — это перчик, глутамат натрия, усилитель вкуса жизни. Почему с таким интересом всегда слушаешь рассказы о чужом несчастье. Но у врача есть свои искушения — столько видишь боли, горя, болезней, а превращается это даже не в книгу — в маленькую страничку из истории болезни.

— Когда боль в прошлом, она и становится болью без боли, смутным воспоминанием, страничкой, формирующей нашу судьбу, ускоряющей зрелость, — примирительно сказал великан. — Только у меня всё не как у людей. У меня получается некий антироман, антиприключение, антикнига, мнимое число. Если от тела отнять кусочек, то получается сначала рана, потом шрам. А если от души...

— ...от каждой душевной раны тоже остаётся багровый рубец! — воскликнул я, ужаснувшись. — Уверен, с сего дня вряд ли смогу воспринимать страдание иначе, чем твоими глазами. Не представляю, как люди переживали страдания в концлагере от врага-фашиста. Лишь одно проще: там — враг очевидный! Безысходность усугублялась тем, что некуда спрятаться не только от врага-фашиста, но и от своих родных тиранчиков или стукачей. Но абсурдные мелкие пакости, что нам приносят наши родные, соседи и одноклассники в благополучные времена страшны именно своей будничностью и обыденностью.

Под руку попался пульт от телевизора. Дрожащим пальцем я машинально нажал кнопку. Весь экран заняла искажённая ненавистью рожа бандюка. Я сразу переключился на DVD. Мой сынок оставил там диск с мультфильмами, и на экране засияли светлые терема. Девицы-красавицы проводжали на честную битву своих суженых, сверкали доспехи русских богатырей.

У великана от вина порозовело лицо. Он со всем вниманием чуть ли не прилип к экрану. Когда мультфильм закончился, великан с необычайной улыбкой сказал:

— Я этот мультик видел только в детстве. Дома есть видеокассеты со старыми фильмами. Мультики такие добрые — я люблю их смотреть. Мама говорит, что я уже взрослый: все книги Мартина Гарднера по математике прочитал, ядерную физику самостоятельно изучил, а как ребёнок — только мультики. Лучше бы, говорит, в кабак сходил, да с девушкой познакомился. А я рестораны знаешь... знаете, как ненавижу! В кино посмотрелся, даже близко подходить не хочу.

— Я и сам не люблю ресторанную обстановку. Дома — с женой и сыном. Да с лучшими друзьями намного уютнее. А как ты таким великаном вырос?

— В деда уродился огромным. Мой дед — настоящий сибиряк! Работал кузнецом да токарем, даже патент на изобретение получил. Дед был самым сильным, добрым и уважаемым человеком в деревне. К нему односельчане шли за советом. Поссорившиеся уходили от него примирёнными, неуверенные становились решительными. Если бы я остался рядом с дедом, то всё было по-другому. Часто мечтаю, как живу в той деревне. Тоже стал мастером на все руки, хорошим отцом, мудрым советчиком для односельчан. — Он благодарно посмотрел на меня и улыбнулся. — Вы — как мой дед, мне так хорошо с вами, тихо и мирно. Вы — мудрый и добрый.

Я смутился от его похвалы: не знаю, как насчёт добра, но мудрости мне явно недостаёт. Чтобы он не заметил моего смущения, я начал деловито хлопотать: добавил в его тарелочку салат, приготовил новую порцию бутербродов... Чтобы он без смущения подкреплял своё богатырское тело, я рассказывал о себе:

— После института я работал в сельской районной поликлинике... Молодой, неопытный. Но всегда старался со вниманием относиться к людям, и они это ценили. А здесь... Вроде тоже самое, больных всегда стараюсь заботливо осмотреть. Но почему-то больше устаю, и обстановка на работе непростая... Некто разделил в больнице весь персонал на касты. В низшую касту попадают не за разгильдяйство, не за прогулы, в высшую — не за таланты и не за героизм... Да что про меня? У меня всё благополучно. А вот у тебя неужели никаких радостей в жизни нет, кроме книжек да мультиков? С кем общаешься?

— Приходится общаться только с детьми: я работаю сторожем в детском садике. Там так хорошо, жаль, что работаю не каждую ночь. Так бы здорово: сторожить каждую ночь, да ещё целый день. Садик в другом конце города, где меня

никто не знает. В шесть вечера, когда детишек забирают из садика, начинается моя работа. Я проверяю все двери, закрываю ворота, летом подметаю, зимой убираю снег. А во дворе садика начинается вечерняя жизнь: через забор лезут дети из соседних домов. Два-три мальчишки иногда досаждают — сорят, дразнятся, хулиганят. Да я не обижаюсь. С остальными я дружу. Девочки помогают убрать мусор, а мальчишки помогают унять хулиганов. Я им книжки разные читаю. Они первые слушают мои стихи для детей. Они так смеются над моими весёлыми стишатами, а я даже не говорю, что это мои — неудобно хвастаться.

На его лице засветилась такая светлая улыбка, что я даже подумал, что это самый счастливый человек на свете.

— А то вдруг подумаю: такие добрые дети, вот вырастут, станут взрослыми — вдруг будут своих деточек бить!? Я их пытаюсь добру и сердечности учить. Девочки плачут над моими сказками. Мне станет стыдно, что я так плохо про них думал, сразу начинаю весёлую сказку сочинять. Они смеются, и я счастлив. Жалко, что не каждый день там дежурю.

— Слушай, Добрыня Никитич! Давай что-нибудь придумаем, как изменить твою жизнь. По-моему, есть два выхода. Сузить круг общения, до того же детского садика. Но это выход временный. Значит — самому меняться надо. Но на такой коренной поворот и советчик нужен помудрее меня. Я всего-то на пять лет старше тебя. Но я тоже подумаю. Обязательно! А начать можно со спортивной секции и мужского дела. Добрыня-богатырь! Мужайся! Ты по натуре настоящий герой и защитник!

Он сильно покраснел и суматошно засуетился.

— Ой, мама, наверное, всю милицию на уши подняла — меня ищет. Я сотовым телефоном никогда не пользуюсь — всё равно отнимут, — он засобирался, отворачивая от меня лицо, чтобы я слёзы не увидел. — Она меня в дежурный магазин за сахаром отправила, а те хулиганы деньги отняли.

Когда парень уходил, было уже около двух часов ночи. Он попросил у меня прощения за беспокойство, сердечно по-

благодарил меня за всё: что я выслушал его, утешил и даже воодушевил на подвиги. Я удивился: на что — воодушевил?! Но он ничего не ответил.

Из кухонного стола я достал килограммовый пакет сахара, от которого он категорически отказывался, но я насильно впихнул ему пакет в руку.

— Проводить? А то хулиганы опять поймают...

— Не нужно. Наш городок спокойный, в это время совершенно тихо.

— Крепись, Добрынюшка, не гоже богатырям на колени перед прыщиками вставать.

Он легко и бесшумно сбежал по лестнице. Лишь дверь скрипнула, когда он выходил из подъезда.

Я лежал на диване и думал о парне-тюфяке. Завтра обход больных, потом операция, я не выспавшись... Но не мог я сердиться на него — сегодня ночью операция была более важная, я даже подумал: самая главная... Я вслух рассуждал, как бы делился с сегодняшним гостем своими думами:

— Теперь я не оставляю тебя в беде. Такие люди должны в России жить, не прячась по задворкам и садикам. Думаешь, у меня всё гладко? Конечно, мои проблемы в сравнении... Да, я мог быть счастливейшим человеком, если бы не главный врач. Вот сегодня: и так трудный день, Данилыч совершенно несправедливо наорал на меня, поэтому на вечернюю операцию пошёл с огромным грузом на душе. Пришлось всю операцию молитвы про себя читать, чтобы не напортачить. А ты не пробовал молиться, когда вечером по улице идёшь?

— Я всегда молитвы читаю, но ко мне непременно все напасти липнут, — отвечал великан. — Один добрый человек мне сказал, что только терпение ради Господа благодать даёт, терпение из малодушия тоже спасительно, но не благодатно.

— А как узнать, я ропщу по малодушию или из гордости? Я, может, просто сержусь! И только из мести готов в детский садик идти сторожем: в садике тоже хирурги нужны...

Я уже видел детский сад, операционный стол на кухне

и себя с огромным кухонным ножом и двумя вилками за поясом. Я делал операции мальчишкам, которые дразнили бедного парня, а теперь дожидались своей очереди к вивисекции. Я с негодованием выговаривал:

— Вот я буду сейчас вас резать без наркоза. Чтобы не дрались!

Но главврач и на кухне меня нашёл. Он принялся угрожать:

— Хирург, три дня подряд не делавший операцию, теряет квалификацию и лишается лицензии. А ты сколько месяцев сторожем? Вышел из-под моей власти, так сразу начал распускать сплетни, — голос его стал гнусавым: — что моя власть формальна и вес в обществе призрачный. Кто говорил, что я приближаю к себе только бездарей и продаю призывникам липовые справки?! — Он грозно крикнул: — Под суд его!

Мальчишки надели на мои запястья наручники и повели в тёмный двор. Я совершенно безвольно повиновался им.

— Так тебе и надо! — орали мальчишки, махая перед моим носом заверенными огромной подписью главврача отмазами от армии, где разноцветными чернилами красовался целый букет страшных болезней, а главврач продолжал фломастерами вписывать всё новые болезни. — Будешь знать, как не подписывать справки бедным детям! Будешь зна...

...Утром я едва не проспал: забыл завести будильник. Я обнаружил, что кровать не расправлял, зубы не чистил и даже не разделся.

Весь день я был какой-то возбуждённый. Мелкие неприятности воспринимал совершенно легко, так как сравнивал свои проблемки с трагедией великана.

Так же всю следующую неделю. Я окружил супругу особой нежностью. У сына со слезами попросил прощения, что из-за пустяка прикрикнул на него месяц назад, когда главврач опять... эх, да что там вспоминать...

Я твёрдо решил поговорить с великаном и попытаться коренным образом изменить его жизнь — вместе с ним при-

думать выход из положения: снять комнатку возле сада, где он работает, найти круглосуточную работу без выхода на улицу, придумать бизнес на дому, устроить его в секцию бокса и одновременно на психологические курсы, убедить уехать в Сибирь, наконец, в деревню, где его дед жил, а сейчас живёт отец.

Но дома великана не оказалось. Соседка сказала, что он в тюрьме.

— Как — в тюрьме?!

— Это он только притворялся тихим. А в самом деле он маньяк и насильник!

Позже я выяснил подробности этого дела.

Великан увидел, как в сквере возле “Детского мира” молодая мамаша била пятилетнего ребёнка. Мальчишка плакал от страха и боли. Парень подбежал к ней и неловкими движениями попытался поймать её руки, чтобы она не била малыша... Но она восприняла это по-своему. А, может, работало самолюбие или женское лукавство...

— Помогите! Насилуют! — вопила она.

К парню подскочили несколько прохожих и мигом скрутили его. Он не сопротивлялся, а только твердил:

— За что же она ребёнка... Несчастный мальчишка... Я знаю, как это страшно больно... За что она его... — со слезами пытался он убедить зевак и прохожих, но его никто не слышал — все были поглощены обсуждением огромного и страшного маньяка-насильника.

— Быстрее вызывайте милицию, — галдели вокруг прохожие.

Его поместили в сизо. Я знал, что он не выживет среди уголовников, поэтому пытался что-нибудь срочно предпринять. Я брал отгулы и пытался убедить следователя в абсолютной беззлобности парня. Опрашивал жителей домов близ “Детского мира”, детей во дворе, бабушек, которые всегда всё видят. Десятки раз за день слышал про тихий омут, где... И всё

же нашёл двух свидетелей, готовых дать показания об истинных причинах происшедшего.

Совершенно готовый идти освобождать невинного пленника, я вдруг узнал о невероятном инциденте. Когда в камере в один из дней он всё же решился дать отчаянный отпор уголовникам и применил свой “убойный” приём, его забили почти до смерти, потому что он неумело, но отчаянно сопротивлялся. Полдня он провёл в больнице, прежде чем умер.

Хоронили великана в огромном гробу. Я любовался бы его умиротворённой улыбкой на детски-простодушном лице лесного странника, если бы не знал, что он вынес в жизни и как он мучился перед смертью.

На похоронах было всего несколько мужчин. Остальные — женщины: работницы с местной швейной фабрики, где работала его мать, и воспитатели из детского садика. Его мать я узнал по фотографии, которую парень показывал в тот первый вечер. В свои сорок пять лет она выглядела превосходно. Негодование нахлынуло на меня. Я с трудом сохранял внешнее спокойствие.

— Я знаю, кто убил его, — я смотрел ей прямо в глаза.

Она отвела взгляд и холодным тоном сказала:

— Убийцы известны. Но если вам есть что рассказать — идите в милицию и скажите.

Я понимал, что холодный тон дался ей нелегко. Это была её защита. Наверное, она сама хорошо понимала свою вину. Но признаться в этом постороннему человеку, и даже себе, у неё не было решимости.

Потом она несмело подошла ко мне и сказала:

— Запишите свой телефон. Я свяжусь с вами. Миша очень просил у вас прощения за беспокойство и наказал передать вам свои стихи и рассказы, чтобы вы распорядились по своему усмотрению...

Визитки с собой не оказалось, поэтому я написал на клочке бумаги свой телефон и адрес. Я был уверен: она не позвонит, мы больше никогда не увидимся, рассказы будут

выброшены в мусорный контейнер... Приятно жить невиновным...

На поминальный обед меня не пригласили. Может, я слишком спешно покинул кладбище... Когда все направились к служебному автобусу — занимать места, мать ещё стояла у могилки. К ней подошёл хорошо одетый мужчина лет пятидесяти, взял под руку и повёл в сторону автобуса... Отец? Но отец, судя по всему, тот светловолосый высокий мужчина, который всё время стоял на коленях возле могилы. Он и сейчас там стоял, приклонившись головой к деревянному кресту.

Могилка и тетрадки в мусорном контейнере! Вот что осталось от страдающего человека! Я почему-то был уверен, что сказки и стихи отправятся именно на свалку. Я понимал, что не прав, что никакая мать не выбросит первые детские ботиночки своего сына, но ощущение утраты не только человека, но и всего сокровенного, что от него осталось, не оставило меня.

— Тетради с рассказами я заберу прямо сейчас! — твёрдо сказал я, догнав медленно идущую парочку.

Она пыталась говорить про поминальный обед в фабричной столовой. Мужчина стал то настойчиво приглашать меня на трапезу, то ссылаться на неотложные дела, которые необходимо сделать непременно сегодня, но я жёстко прервал их:

— Прямо сейчас! Моя машина стоит рядом. Потом я вас повезу и на обеды, и куда ни попросите.

...И только высадив возле швейной фабрики мужчину и мать, у которых ручьём вдруг хлынули слёзы, я стал громко рыдать, перелистывая тетради, исписанные ровным, почти детским, почерком и разрисованные солнышками, цветами, весёлыми овечками и держащимися за руки дружными детьми.

Пескари

— Замухрышка! Замухрышка! — слышу позади.

Я не оборачиваюсь, но затылком вижу: мальчишки берут глиняные комки, чтобы запустить мне в спину.

Ничего поделаться не могу! Я — новенький, я — замухрышка. У меня нет друзей-старшеклассников — здоровых и сильных. Нет поблизости старшего брата, который защитит от всех обидчиков.

Мои друзья — первоклашки, на два-три года младше меня. Они любят меня за то, что я им даю книжки про животных с чудными цветными картинками. Бегемоты и слоны, необычные разноцветные рыбы, огромные бабочки и радужные колибри — такой чудный мир. Он где-то там, далеко на юге. А здесь... Здесь мы только мечтаем, как однажды вырастем да поплывём в амазонские джунгли, будем продираться сквозь непроходимые сплетения лиан, искать заросли орхидей, где порхают сверкающие колибри, а попугаи ара декламируют: “У лукоморья дуб зелёный...”

Первый камень упал возле моих ног. Я не стал дожидаться, когда следующий камень попадёт мне в спину, и побежал.

— Трус! Замухрышка трус! — в три голоса звучали обидные слова.

Я не трус. Просто самый маленький в классе. Поэтому боюсь драться с тремя пятиклассниками сразу.

Я забрался в кусты возле нашего дома и заплакал.

Вот раньше, — вспоминал я, когда обида немного прошла, — я жил в Новосибирске. Меня защищал старший брат Андрей. Но он прошлым летом поступил в университет и остался в городе.

А мы в конце апреля переехали жить в Маслянино. Я сразу окунулся в недружелюбную атмосферу: как же — новенький, замухрышка, да к тому же отличник! Пятиклассники, пользуясь тем, что за меня некому заступиться, выгребали из моих карманов мелочь, приготовленную на обед. В на-

шем четвёртом “б” классе учились несколько мальчишек из местного детдома, и они постоянно держали меня в центре нездорового внимания за то, что я не понимал их странных законов.

Друзей пока было совсем немного. Это были соседи, на год-другой младше меня. Самым лучшим другом я считал соседа — второклассника Женьку. Я помогал ему делать уроки по математике. А он показывал мне все мальчишечьи тайны в округе.

Наступления лета я ждал, как праздника. Ещё бы: целых три месяца не нужно ходить в эту недружелюбную школу!

С первого же дня каникул Женька стал для меня проводником по местным достопримечательностям. Первым делом он показал огороженное зелёным деревянным забором хозяйство с огромными таинственными складами. Мы пролезли через дыру в заборе и оказались возле старого трактора с треснувшим лобовым стеклом.

— Садись за руль! — распорядился Женька. — Я сколько угодно нарулился, даже надоело.

Я забрался на сиденье и только задумал повернуть трактор-бронетанк в гущу врагов, как увидел идущего в нашу сторону деда.

— Сторож идёт! Бежим! — горячо зашептал я.

— Не бойсь. Ничего он нам не сделает. Это деда Петя, наш родственник.

Сторож оказался добродушным старичком. Он не только нас не прогонял, но и угостил пряниками, которые брал себе на обед.

Мы пили духмяный травяной чай, а дед Петя рассказывал, как рыбачил на Тихом океане. Я воображал: вот он сильными руками закидывает большущие сети прямо в глубину, потом с огромным усилием тащит на берег сети, полные бурно плещущих здоровенных рыбин.

На следующий день Женя позвал меня на речку. Дорога проходила мимо маслозаводских очистных. От огорожен-

ного проволокой земляного бункера вытекала грязно-белая вода — отходы нашего маслозавода.

До реки в тот день мы не дошли. На полпути показалась заброшенная деревня: десяток крепких домов. Избы выглядели, как жилые, даже стёкла в окнах были почти целые. Я очень хотел поискать несчастных домовых, скучающих в оплетенных паутиной комнатах. Мы спрятали удочки в кустах и ступили на таинственные древние ступеньки.

В домах хранилось нечто от прежних хозяев, и ЭТО заставляло нас трепетать от первобытного страха. Поэтому куда как лучше развести в пустом огороде костёр, разыскать не выкопанное осенью гнездо картошки и испечь в горячей золе несколько крупных картофелин. А в заброшенный дом — только в гости, благоговейно внимая тихому шороху и скрипу ставней.

На другой день мы прямо-таки заставили себя пройти мимо заброшенных домов и добрались до реки. Женька привёл меня к тому месту, где в реку впадал мутный ручей с заводских очистных. По ручью плыли крыски — неуклюжие толстые личинки с длинным-длинным тонким хвостом. Противный ручей впадал в Бердь, белёсым грязным шлейфом замутняя реку ниже по течению. Запах молоканки и длиннохвостые личинки отбивали охоту здесь рыбачить. Но крыски привлекали в это место рыбу, и здесь была сама успешная рыбалка. По крайней мере, туда закидывали удочки несколько мальчишек, поминутно вытаскивая из воды чебаков и пескарей.

Женька нацепил на крючок червя и закинул удочку в самую муть. Через полминуты в его руках трепыхался первый чебак. Мне было противно даже смотреть на эту грязь, поэтому я отошёл выше по течению, закинул удочку в светлый омут и стал ждать.

Я просидел минут двадцать, но поплавок ни разу не нырнул радостно под воду. Он лишь судорожно трепыхался, когда его подхватывало мелководное течение.

Наконец, я пересилил себя и, краснея от стыда, забросил

крючок недалеко от грязной воды. Течение как бы невзначай толкнуло мой поплавок в мутный круговорот. Мне казалось, все так и смотрят с усмешкой на меня. Поэтому я, стиснув зубы, сделал вид, что мне всё это совершенно безразлично.

Я был в самом центре буйного рыбацкого везения: все мальчишки так и выдёргивали чебаков прямо у меня из-под носа. Мой же поплавок равнодушно застыл на конце натянутой лески. Я проверил крючок, но червяк был на месте. Тем временем Женька вытянул крупного пескаря. Я тут же закинул удочку на место, где только что вслед за поплавком вынырнул пескарь. И опять мой поплавок благополучно успокоился. Женька уже прицеливался удочкой в неведомую цель, и через пять секунд в стеклянной банке трепыхался ещё один пескарь.

Теперь было уже не до брезгливости. Я сам зашёл по колено в мутную воду, желая доказать, что я не просто рыбак, но рыболов, знающий из книжек секреты рыбной ловли.

Целый час я безуспешно пытался поймать хоть одну рыбку. Забрасывал удочку туда, где какой-нибудь салага только что вылавливал крупного чебака. Закидывал и в мутную, и в прозрачную воду, в спокойные струи и в водовороты, шептал над крючком разные слова. Но, хоть тресни, даже ни разу не клюнуло.

Тогда я решил попробовать, как другие мальчишки, ловить на крысок. В ручье они казались омерзительными. Насадив их на крючок с десятков раз, я не испытывал к ним такой неприязни. Но рыба, похоже, объявила мне полный бойкот.

— А ещё биолог! — съехидничал низкорослый сопливый мальчишка, перед которым я накануне похвастал, кем хочу стать.

Тогда я не выдержал, бросил удочку в заросли тальника и побежал купаться. На песчаной отмели выше по течению резвились в воде мальчишки и девчонки. Но я выбрал неглубокий омут и стал выписывать в воде самые виртуозные фигуры, какие только умел, надеясь хоть этим вызвать внимание к своей персоне.

— Семидырка, — завизжали вдруг девчонки, заорали мальчишки и дружно бросились из воды. Выскочили из речки и рыбаки с Женькой во главе.

Мне захотелось непременно посмотреть, что за страшное существо наделало столько шума. Я пошёл в то место, где только что кипело веселье, а теперь солнце плескалось в гладкой воде. Долго искать не пришлось: по поверхности реки, извиваясь, неторопливо плыла минога. Раньше я видел миногу только на картинках, но сразу узнал её по змеевидному телу и боковым “дыркам”-жабрам. Я знал, что если переверну её, то увижу круглый уродливый рот, усеянный мелкими зубами.

— Это же минога, ничего страшного в ней нет, — пытался я убедить малышей.

Все дружно доказывали, что семидырка страшнее змеи:

— Я сам видел, как корова пила воду, а ОНА — ка-ак выскочит! — и прямо к морде присосалась!

— Я сама видела, как пьяный дядька утонул — это ОНА его ядовитым зубом ужалила!

— А если дырками присосётся, то всю кровь выпить может! Я сам видел: утопленник совсем белый по речке плыл, ни капли крови в нём не осталось!

Гвалт был настолько убедительным, что я чуть не поверил в эту чушь.

Превозмогая холодок жути, я всех успокаивал, что “дырки” — это всего лишь жабры, что минога не присасывается, кровь не пьёт, даже поймал её и, холодея от ужаса и омерзения, прижал жабрами в своему животу. И всё же целых полчаса дети боялись подойти к воде.

Зато в глазах салаг я стал самым настоящим героем. Но пескарям на это было наплевать: они ловились на любую приманку, на самую задрипанную удочку. Но только не на мою!

Не поймал я ни одной рыбки и во второй день, и в третий, когда я привёл на речку своего отца.

Лишь на четвёртый день я поймал своего первого чебака. С тех пор я стал самым удачливым рыболовом. Даже теперь,

много лет спустя, я не могу объяснить причину полного невезения, а после — непременно удачи. Мой улов был даже больше, чем у отца. А мой папа с военного детства был самым везучим рыбаком.

Но перед этим со мною произошли необычные события.

Утром мы с близняшками Игорем и Олегом сидели возле нашего дома и смотрели книгу о тропической природе. Это была большая книга с цветными фотографиями. Мы мечтали, как будем путешествовать по Амазонке, бороться с анакондами, ловить в Ориноко самых красивых рыбок для нашего аквариума.

Издавелека я увидел своих родителей.

— Саша, встречай нас! — они загадочно улыбались.

Я понял, что сейчас может случиться чудо.

Так и оказалось: родители купили полный водолазный набор: ласты, маску и дыхательную трубку. Мне не терпелось опробовать новое снаряжение, поэтому я не стал дожидаться Женьку, которого родители заставили идти с ними “по магазинам”.

Чтобы сократить путь к реке, я решил не обходить по дорожке лесочек, а пройти напрямик. Я так решил потому, что сегодня шёл один. Всего сотню метров нужно пройти по зарослям — и река. Но через несколько шагов я окунулся в густые, почти непроходимые сплетения деревьев и кустарников, густо скреплённых сетями хмеля. Идти было почти невозможно. Спуски и подъёмы, полусгнившие стволы... Я сильно исцарапался о сухие ветви. Крапива довершала все мои несчастья.

— Настоящие таёжные джунгли! — несмотря на заливающий глаза пот и полученные ссадины, я был в восторге от приключения. Я был готов сам страдать от цепких ветвей и крапивы сколь угодно, но водолазное снаряжение бережно прикрывал своим телом.

Наконец, я вышел к реке. Было достаточно рано, на речке было тихо и безлюдно. Это была почти та же река Берда.

Но, пройдя через непролазные заросли, я был почти уверен, что попал в совершенно иной мир: мир тропической жары и амазонских джунглей, океанских лагун и сказочных животных.

Я нетерпеливо нацепил на себя “водолазное” снаряжение и окунулся в волшебный подводный мир. Там не было крабов, медуз и актиний, радужных рыб, волшебных подводных цветов и удивительных перламутровых моллюсков, каких я видел в книгах. По илистому дну ползали лишь тихоходы-беззубки. Но всё было намного интереснее, потому что я сам был участником подводной жизни.

Но главное — впереди! На мелководье я увидел перед собой стайку пескарей, которые искали на илистом дне нечто неведомое. К моей безмерной радости, они не уплыли от меня, а спокойно продолжали двигаться в мою сторону. Они приблизились к моим рукам и даже начали пощипывать мои пальцы. Было немного щекотно, но я заворожено смотрел на них и старался не шевелиться.

У самого крупного и смелого пескаря было поврежден плавник. Верно, он самоотверженно защищал своих деток, чуть не погиб, но в жестокой схватке потерял полплавника. Я сразу проникся уважением к новому другу.

— Как тебя зовут? — я спросил его молча, потому что рыбы говорят беззвучно.

— По пескариному ты не услышишь, но на человеческий язык это можно перевести как “мужественный защитник”, — также молча ответил он.

— По-нашему, по-человечьему — Александр?! Значит, мы тёзки! — обрадовался я.

— Ты молодец, что пришёл сюда по зарослям. За это я открою тебе много тайн.

— Каких?

— Не всё сразу. Первая тайна: ты взаправду попал на Амазонку, только об этом никому нельзя рассказывать!

Пескарь замолчал. Я решил, что не буду досаждать ему вопросами. Всему своё время: тайны открывают, лишь если

проверят верность в малом. Но он сам решил открыть мне и второй секрет:

— Ты всегда должен неизменно хранить терпение. Тогда тебе откроется множество тайн.

С тех пор с удочками мы с Женькой или с отцом подходили к реке по дороге. Ловили много пескарей и чебаков, купались в реке и возвращались домой.

Но с подводным снаряжением я всегда в одиночестве шёл через джунгли. Я знал: возле мутного ручья живут другие пескари — глупые и жадные, готовые схватить чуть ли не голый крючок. А здесь — в протоке Амазонки — другие рыбы, иные законы. Сейчас засуха, Амазонка пересохла, зато весной река разливается на десятки километров вширь. Амазонские миноги реально присасываются своими присосками к телу и пьют кровь. И пескари здесь говорящие. К тому же они знают все тайны моря.

Когда я, обожженный крапивой, вываливался из джунглей на амазонский берег, меня окружали местные индейские дети: во-он тот мальчик, что семидырок не боится! Я по очереди давал им подышать под водой в дыхательную трубку и посмотреть сквозь стекло на амазонских моллюсков. Потом сам погружался в искрящиеся струи мелководья и стучал камушком о камень — этакий условный знак. Мои друзья, амазонские пескари, мигом приплывали, радостно приветствуя меня. Они неизменно пощипывали мои руки и благодарно брали с моих ладоней хлебные крошки, рассказывали последние амазонские новости и открывали мне самые глубинные тайны океанов.

Я никому не раскрывал моих секретов. Даже Женьке говорил о подводных одиссеях очень расплывчато: Так, ил да беззубки — ничего интересного. Частенько мы брали маску и ласты на рыбалку, по очереди плавая вблизи грязного ручья. Иногда я нехотя на весь день давал другу снаряжение, которое он вечером возвращал, взахлёб рассказывая о чудесах подводного мира. Но Женька был реалистом: видел толь-

ко то, что зримо и реально. Наверное, потому, что ходил по протоптанной тропинке... А, может, Женя потому и не говорил мне о своих приключениях на Амазонке, что старый пескарь не позволил ему рассказывать о раскрытых тайнах...

— Жень, когда плавал под водой, ты видел пескарей? — осторожно, чтобы ненароком не выдать себя, спрашивал я.

— Нет. Только беззубок да всякие ветки.

— Я тоже.

Я оставался в ещё большем неведении, посвящён мой друг в тайны подводного мира или нет.

В тот жаркий июльский день клёва у меня почему-то снова не было — как в первый день. У других уже по десятку-другому пескарей, а у меня — ни одного. Я был даже в большем отчаянии, чем в первые безрыбные дни.

Наконец, поплавок уверенно пошёл под воду. Вытащив пескаря, я не успел даже обра... это же тот пескарь, с оборванным плавником!

— Эх ты, предатель! Я-то думал... ты не будешь в этой мути искать противных крысок. Но я буду великодушным — отпущу тебя, — и я осторожно выпустил его в чистую воду. Пескарь вильнул хвостом и мгновенно скрылся в глубине.

Для меня разом рухнул целый мир. Я свернул удочки и понуро сидел в тени деревьев.

— Что случилось? — забеспокоился Женя.

— Так, настроения нет да голова болит. Ты рыбачь, а я домой пойду.

В ужасном унынии я плёлся домой через берёзовый лес, мимо заброшенной деревни, очистных и мутного ручья...

— Почему ты оказался таким, как все? Предатель! Я больше никогда не пойду на Амазонку через джунгли! Потому что Амазонки — НЕТ! — громко крикнул я.

Когда я почти дошёл до дома, то вдруг понял: это ради меня мой друг пескарь приплыл из своей Амазонки через два океана в нашу Бердь — чтобы утешить. Ради меня он решил пожертвовать своей жизнью — лишь бы я не огорчился!

Я бросил посреди комнаты удочку, схватил ласты и маску и со слезами побежал к реке — напрямую. Я никогда раньше не бегал через заросли крапивы и хмеля так быстро. Я отчаянно вырывался из жутких объятий тропических лиан, перелетал через покрытые столетним мхом прогнившие брёвна. Я желал искупить свою вину перед моим другом — Мужественным защитником.

Погрузившись в воду, я долго искал моих пескарей. Я много раз стучал камешком о камень. Но так никто и не приплыл.

Наконец, я увидел стайку пескарей. Среди них, как ни в чём не бывало, плыл мой добрый старый друг. Сегодня рыбок было даже больше, чем обычно.

Они принимали из моих рук угощение и благодарили меня.

— Простите меня, добрые пескарики! Особенно ты, Мужественный защитник... ты ради меня был готов пожертвовать своей жизнью, — и я высыпал на руку лакомства, которые я для них припас: крошки от торта, червей, оставшихся от сегодняшней рыбалки и даже карамельку, на которую они не обратили внимания.

— Правильно! Конфеты есть вредно, — похвалил я, глядя, как пескари подбирают червей и крошки.

Я тем временем смотрел на пескаря с повреждённым плавником и искал следы сегодняшнего крючка. Но раны не видел...

Много лет спустя я всё думаю — может, это другой, похожий пескарь: мало ли рыб плавает с повреждёнными плавниками. Просто нужно было лучше приглядеться. Нет! Это был именно он — кто же ещё так быстро приплывёт на условный звук?

Всего год мы прожили в Маслянино. Больше ни разу не довелось мне там побывать. Иногда в суете бытовых хлопот вдруг какая-то тоска нахлынет, так захочется оставить повседневные заботы и отправиться в паломничество по местам

детства, где верил в сказку и воочию видел чудо. В маленькую деревню, где я родился. Мне было лишь два года, когда мы уехали из Вдовино. От этой деревни на севере Новосибирской области остался лишь десяток домов, но я в ней видел целую вселенную. Поехать в Маслянино и пройти с ластами и маской через непроходимые заросли черёмухи, хмеля и крапивы, чтобы сквозь листву смородины увидеть блики солнца на воде.

Вдруг это взаправдишные джунгли и настоящая Амазонка, и тот самоотверженный пескарь с повреждённым плавником всё ещё жив. А когда я постучу камешком о камень... он приплывёт со своей дружной стайкой, приведёт с собою всех своих деток и внуков... Потом по секрету откроет ещё одну, самую великую, тайну мироздания. Но для этого я должен буду забыть хотя бы на час всяческую суету. Забыть, сколько заработал за этот месяц, что из этого предстоит потратить на развлечения и безделушки. Перестать сердиться на тех мальчишек, теперь уже взрослых дядечек, которые работают шофёрами или директорами корпораций, отцов семейств, которые тридцать лет назад обзывали меня замухрышкой и швыряли комья глины в мою... Да ладно, не сержусь...

Потому что старый пескарь раскрыл мне тайну Мироздания... по великому секрету. И даже позволил чуточку приоткрыть этот секрет тебе, читатель.

В еловый лес

Если после школы успеть на наш автобус, то через десять минут можно заскочить домой, бросить портфель под стол, быстро переодеться да бежать на улицу. Прозеваешь — придется долго тащиться из центра на самые окраины Маслянино.

Но я сегодня не тороплюсь...

— Пошли быстрее, займём места возле окошек! — это меня обгоняет сосед, третьеклассник Женька.

— Мне ещё в музыкальную школу.

— Начихай на музыкалку! Пошли по складам лазить! В один склад пролезть запросто можно. Там мотороллер стоит, я уже порулил!

— Жень, я лучше пойду. Учителя обижать не хочется. Он думает, я талантливый баянист. Он так расстроился, когда я ангиной заболел. Даже к нам домой приходил.

— Да идём же! Мотороллер — пустяк! Представляешь, на складе целая куча противогозов!

Женька ещё пытался меня уговорить, потом побежал к остановке.

Я тоже прибавил ходу. Я проболел ангиной почти весь октябрь и сегодня первый раз после болезни шёл в музыкальную школу. Хотя я новенький, пусть и называет меня учитель талантом, но опаздывать не хочется.

Ещё в сентябре Виктор Иванович, учитель музыки, сообщил невесёлую новость: в конце года на районном конкурсе мне предстоит не только показать своё умение, но и отстаивать честь целой музыкальной школы. Не одному, конечно, но от этого было ничуть не легче.

Для конкурса решили разучить достаточно сложную, но главное — красивую пьесу для баяна. Точнее, так решил учитель.

— Саша, разминай-разогревай пальчики, а я подумаю, что бы нам сыграть такого, чтобы все ахнули.

Пока я играл арпеджио, Виктор Иванович снял очки и раскрыл толстый нотный сборник.

— Понимаешь, если мы выучим что-нибудь простецкое, то какая заслуга в этом будет? Простое любой двоешник запросто сыграет. А ты — молодец! Негоже тебе на детские песенки время тратить.

Наконец, он заулыбался, пролистал несколько страниц назад и, напевая некий мотив, с видом победителя воткнул указательный палец в заголовок пьесы.

— Давай-ка попробуем разучить эту пьеску, — торжествующе воскликнул учитель.

“Переливы”, — прочитал я крупные буквы заголовка,

и чуть ниже: “Утро в лесу”. Я пролистнул три страницы и ужаснулся: такого количество шестнадцатых нот я ещё никогда не играл.

— Шестнадцатых испугался? Ничего, поиграешь-потренируешься, тридцать вторые и шестьдесят четвёртые запросто сыграешь! Ты же талантище! — Виктор Иванович уже устанавливал передо мною пюпитр. — Я знаком с композитором, автором этой пьески. Мировой мужик! Поэтому не посрами. Я на тебя возлагаю особую ответственность.

В ту ночь мне снились массивные коромысла шестнадцатых нот, запятые и зигзаги пауз. Они цепляли меня за пальцы, больно кололись и не давали мне сыграть пьесу.

Но я простудился, из дома почти не выходил. И пьесу за время болезни разучил так, что играл совершенно без запинок. Теперь я выздоровел, конкурс в декабре, время на оттачивание ещё есть.

...На урок я поспел вовремя.

— Молодец: пока болел, время не терял даром, — Виктор Иванович сразу вручил мне баян. — Но поболел-отдохнул — пора за настоящую работу!

...Я отодвинул от себя подальше нотный сборник и стал уверенно нажимать заученные назубок ноты.

— Ничего, неплохо... — рассеянно произнёс Виктор Иванович. Своим равнодушием он сразу охладил мой пыл. После он произнёс чуть ли не приговор: — Но не техника — главное. Думаешь, без ошибок сыграл, так сразу медаль заработал? Нет! С душой надо играть! С душой, — многозначительно сказал учитель. — Знаешь, что такое душа? Ну-ка попробуй.

Я опять начал с первого такта, пытаюсь вообразить, что играю с душой. Эта душа усердно нажимала на кнопки, бойко выводила трели, умилительно пере...

— Ах ты, опять зажимаешь пальцы! — неожиданно вцепился Виктор Иванович в мою руку. — Ну кто так играет!? У тебя рука словно костыль. А она должна порхать, как невесомая бабочка, как шустрая мышка! Вот смотри, — и учитель легко прошёлся по клавиатуре. — Попробуй.

Он попытался притянуть мою руку к себе, но рука словно приросла к кнопкам.

— Рука должна быть расслабленной, невесомой. Ну-ка смотри, — преподаватель поднял свою руку и безвольно опустил её вниз. Рука даже закачалась, словно она была куском толстого каната, по которому старшекласники лазят до самого потолка. — Ты должен так же расслабить руку!

Виктор Иванович поднял мою руку и отпустил её. Рука почему-то осталась вверх, словно стремящаяся в небо ракеты. Я побоялся, что рука не упадёт, поэтому натужил её ещё больше.

— Почему твоя рука не падает?

В угоду учителю я опустил руку, да так, что она больно хлопнула меня по боку.

После двух десятков попыток рука, наконец, научилась безвольно падать вниз, словно убитый соседскими мальчишками уж.

— Вот! Так и надо играть.

Я зарделся от похвалы. Для верности ещё пару раз шлёпнул руку с высоты плеча. Теперь-то любая пьеса всегда будет даваться легко.

Я сыграл без ошибок от начала до конца. Но вместо похвалы услышал:

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу ... Ну кто так играет?! Как я говорил? С душой играть нужно!

Я не знал, что делать, чтобы в пьесе появилась душа, поэтому оттягивал начало игры. Лишь слёзы выступили на моих глазах. Чтобы Виктор Иванович не увидел мокрых глаз, я снова начал играть, представляя душу музыки в виде пушистого цыплёнка, порхающего в небесной вышине.

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Так однотонно, аж скучно. Динамики у тебя нет! Надо где-то громче, где тише. Иногда надо замедлить. А то и побыстрее играть.

Я был понятливым мальчиком. Поэтому сразу начал быстро-быстро, потом внезапно стал играть так медленно, что учитель громко хлопнул в ладоши:

— Нет, нет, нет! Зачем так тоскливо? Это не похороны.

Я не смог удержать слёз и надеялся только на то, что Виктор Иванович не посмотрит на моё лицо.

— Ладно, моё упущение: вовремя не разъяснил. Понимаешь, музыка живёт во времени. Музыка — это жизнь, движение, полёт, течение, да хоть беседа. Вот разговаривают два человека. Например, мы с тобой. Представь, что я тихонько спрашиваю: куда ты идёшь? А ты весело так отвечаешь: я иду в лес! Что ты там будешь делать? — опять тихо спрашиваю я. А ты так задорно говоришь: я буду там собирать грибы и ягоды. Музыка — тот же диалог. Понял? Каждые два такта — это фраза, реплика. Первые два такта играй тихонько: куда ты идёшь. Потом — громче: я иду в лес! — отвечаешь ты. Третью фразу опять тихо, четвертую — совсем громко. Давай попробуем ещё раз.

Я тихо сыграл два такта, якобы Виктор Иванович и впрямь спрашивал меня, да ласково так: куда ты идёшь? Вторые два такта — я иду в лес — я грохнул с такой силой, что учитель вздрогнул:

— Что ж так орёшь? Я тебя тихонько спросил: куда ты идёшь? А ты крикнул на весь лес, будто я глухой. Давай снова!

Снова, снова, снова, одно и то же — на следующем уроке, на позаследующем, и через месяц...

Перед концертом все спокойно рассаживались в зрительном зале. Лишь бедные конкурсанты рассматривали список выступающих — кто за кем выходит.

Свободного баяна, чтобы ещё порепетировать, не было. Поэтому я стоял за кулисами, почти не слышал выступающих, то и дело поднимал и опускал мёртвую от волнения руку, приговаривая: — Куда ты пошёл? — Я пошёл в лес! — Что ты там будешь делать? — Я буду там собирать грибы и ягоды!

На сцену выходили девочки в белых кружевных фартучках. Они с прилежным и очень важным видом садились за рояль и играли этюды и вальсы. Бухая басами, прогремел

песню о Щорсе веснушчатый пятиклассник. Теперь — моя очередь.

Огромный зрительный зал районного Дома культуры сузился вдруг до единственного пустого сиденья в центре. Куда, куда ты пошёл, ну куда ты прёшь?! Я уцепился взглядом в этот стул и нажал первую нотку трели.

— Куда ты пошёл? — громко спрашивает Виктор Иванович.

Я отрываю взгляд от пустого места и вопросительно смотрю на учителя, который стоит за правой кулисой.

— Я пошёл в лес! — стыдливо отвечаю я, увидев сердитое лицо.

— Что ты там собираешься делать? — ещё громче спрашивает учитель.

— Я собираюсь собирать там грибы и яблоки, — обречённо отвечаю я, краснея от волнения.

— Где ж ты видел яблоки в лесу? — учитель от негодования сверкает глазами.

От страха я мощно всаживаю пальцы в кнопки, отчего септаккорд гремит, словно майский гром.

Чтобы не расплакаться, я отвожу взгляд от сверкающих глаз Виктора Ивановича и снова гляжу на пустое сиденье в центре зала. Но учитель и здесь не оставляет меня в покое. Он грозно хрипит:

— Что ты там собираешься делать?

Чтобы меньше злить учителя, я вовсю стараюсь расслаблять руку и попевать мыслями за пальцами: куда ты пошёл куда ты пошёл? Я пошёл в лес. А что я там буду делать? Ах да, собирать грибы и яблоки.

— Ты всё перепутал, малыш! — тихонько сказал Виктор Иванович, когда я незаметно для себя оказался за кулисами.

— Как я тебя учил?

— Я всё забы-ы-ыл, — из моих глаз хлынули слёзы.

Вместо грома аплодисментов в ушах звучит грозный окрик: куда ты опять попёрся? Вместо ласковых слов учи-

теля “Но ты молодчина” я слышу: что это ты там собрался, поганец, делать? Я не замечаю, что сверкание глаз Виктора Ивановича объясняется всего-то отражением прожекторов в его очках.

Я отдаю за кулисами баян очередному конкурсанту и бегу по коридору на улицу, чтобы никто не видел моих слёз. Мне кажется, что Виктор Иванович сейчас догонит меня, вернёт назад на сцену и заставит снова и снова играть в этот странный, жуткий диалог про лес, пока не получится безукоризненно.

На улице я реву, не обращая внимания на проходящих мимо Дома культуры людей. Выходит Виктор Иванович, я готов бежать ещё дальше. Но он почему-то улыбается.

— Иди, поклонись публике. Тебя на сцену требуют.

На мой вопросительный взгляд учитель едва слышно говорит:

— Ты первое место заработал.

Я не верю ушам. Поэтому безвольно подчиняюсь учителю, который заставляет меня умыться и за руку выводит на сцену.

Когда меня награждали, я чувствовал, что слабыми стали не только руки, но и ноги. Кроме огромной грамоты и коробки конфет, я получил в награду книгу. Она так и называлась: “Я иду в лес”. В ней были прекрасные иллюстрации и интересные рассказы про лес. Я жил с этим лесом целых два месяца. Зато теперь я вознаграждён.

Зинаида Бузырёва

Бузырева (Ломакина) Зинаида Александровна, 42 года. Родилась и проживает в с. Майма. Образование – 11 классов средней школы.

Замуж вышла в 18 лет, в 24 стала вдовой. Имеет двух уже взрослых дочерей и четырёхлетнего внука. Работала дояркой, штукатуром-маляром, а последние 16 лет – почтальоном в родном селе.

Стихи пишет с детства, они являются для неё способом самовыражения.

Счастье

*Есть счастье кратковременное, ключьями,
Оно продаётся без очереди
Любому, кто в нём нуждается.
Всем, кто без счастья мается.*

*Иногда и такое сгодится,
Когда хочется утопиться.
Средство от боли отличное:
Лёгкое, эйфоричное!*

*Увы, это счастье – пропащее,
Фальшивое, ненастоящее.
Говорят, есть счастье – другое.
Знать бы, оно какое...*

*Говорят, даже недорогое
И с виду совсем простое.
Найти бы такое счастье,
Чтоб жизнь обрела Настоящее.*

Басня про барана

*В обычной школе для зверей
Баран учился.
Не выделялся средь друзей
И к звёздам не стремился.*

*Баранов было большинство,
Вполне закономерно,
И поголовье их росло,
Стадный закон, наверное.*

Учителя любили лис,
Лань стройных, горностаев.
И редкие породы птиц
Особо отмечали.

А что баран наш? Да никак.
Свою баранью долю
Он понимал: «Да, я – дурак
И выбирать не волен!

Мной будут править лев и лис!
Потом съедят в итоге.
Зачем учиться? Чей каприз
Заложен в нашей школе?»

Баран задумчиво бродил
По коридору.
И вдруг его остановил
Учитель новый.

Каким он был и кем он был, –
Молчит история.
Но после встречи с ним забыл
Баран свою историю.

Упёртым быть, он понял вдруг –
Так это здорово!
Баранья въедливость моя –
Подобна золоту!

Пусть не блещу я красотой
И львиной грацией,
Дом не сверкает мишурой,
И жизнь овацией.

Да, я – баран! Но никому
Не дам себя в обиду.

*Я очень многое могу.
И знаю свою силу.*

*Промчались осень и зима,
Что стало с тем бараном?
Время упорного труда
Не пролетело даром.*

*Он правит лесом, наш баран.
Находчив и силен.
Мораль сей басни – будь упрям!
Неважно, кем рождён.*

Фонари

*Среди белого дня, посмотри,
На районе горят фонари.
Свет рассеянный, тусклый, больной.
Эй, фонарщик, что стало с тобой?*

*За холмом, на отшибе села
Его маленький дом я нашла.
Но фонарщик открыть мне не смог.
Вышел сам он сквозь дверь на порог.*

*Невесомый, прозрачный почти.
Прошептал он: "Не уходи!
Если хочешь, тебе расскажу
Невидимкой я стал почему.*

*Тридцать лет зажигал я огни
И любил лишь свои фонари,
Ни жены не завёл, ни детей
И всегда сторонился людей.*

Словно тень по району бродил,
Сам с собой иногда говорил.
А потом стал я вдруг замечать
Начинаю совсем исчезать.

И сегодня с началом зари
Я не смог погасить фонари.
Никому не пытался помочь,
В моей жизни была только ночь.

Быть не нужным, никем, зачем?
Может, лучше исчезнуть совсем?
Я забыл даже имя своё,
Помню лишь, что всегда был никто".

И тогда засмеялась я зло:
"Мне, фонарщик, не жаль тебя.
Я скажу тебе имя твоё
Только, может быть, зря.

Просто знай – это трусость – уйти,
На земле не оставив следа.
Ты умеешь любить фонари,
Так борись же за них до конца!"
Среди белого дня, посмотри,
Парень чинит свои фонари.
Он вернулся, поверив в себя,
Может, так же смогу и я?

Мария Ломакина

Ломакина Мария Дмитриевна, 22 года. Родилась, окончила школу и получила специальность «Бухгалтер, специалист по налогообложению» в Республике Алтай. Закончив обучение, переехала на постоянное место жительства в Ставропольский край. Работает бухгалтером, в свободное время занимается танцами.

Стихи пишет с раннего детства. По натуре человек творческий и разносторонний.

Есть люди...

*Есть люди, излучающие свет,
И манят, как магнит, к себе лучами.
Их доброта, как тёплый мамин след,
Нас согревает злыми вечерами.*

*Есть люди, поглощающие свет,
Что оставляют нам одни лучины.
Растерянные, ищем мы ответ,
Не замечая, щупальца на спинах.*

*Но есть такие, кто готов дарить.
Тебе их выдаст огонёк в глазах.
Им любо наблюдать, как вьётся нить,
Улыбкой плавясь на твоих губах.*

*Им нравится собою заряжать.
Энерго-проводник, без подзарядки,
Но..., если ты решишь от них бежать,
Сгорят, как лампочка на лестничной площадке...*

Боюсь однажды...

*Боюсь, однажды мне изменит память.
Сотрутся даты, а важнее — Вы.
Как та звезда. Вы помните? — Растает...
И золотом польётся с высоты.*

*Знать бы когда. Я б зонт не захватила,
А руки бы тянулись к небесам!!!
Мне только малость, капельки хватило б
На миг вернуться в негу, к небу — к Вам.*

*Как я боюсь, что память мне изменит,
Ведь это всё, что дорого храню.
Пусть это Вас ни капли не заденет.
Болею мыслями, но больше не люблю...*

Вы не заметили меня...

*Вы не заметили меня,
Я, так же как и Вы, теряю время.
Бью о пороги слабые колени,
Всё те же мысли выдают мои уста.*

*Вы не увидите меня.
Жизнь потому что с Вашей схожа,
Ничем не отличаясь от прохожих,
Бегущих на рабочие места.*

*Хоть я живу, душа погребена
В рамки устоев, тусклых одиночеств.
Для Вас нет ни имен, ни отчеств,
Хотя одна обитель бытия.....*

Ответ же...

*Ответ же, кто тебя хранит?
Кто служит вечною преградой?
И сколько сил потратить надо,
Чтоб нанести тому визит?*

*Моё величество перестаёт терпеть,
Косая сталь не высекает облака!
Впервые так беспомощно слаба
Пред смертным человеком Смерть.*

*Быть может твоё с Дьяволом пари?
Иль всё же ты в расположении у Бога?
О, нет, мне знать дано, куда ведёт дорога –
К самой всевластной на земле... к Любви.*

Тебе бы...

*А ты ничуть не изменилась.
Всё те же мысли, та же жизнь.
Мечта забылась и не сбылась.
Всё по прямой, ни вверх, ни вниз.*

*Тебе бы — стук колёс, попутный ветер,
Закаты у костра и мотыльки.
Забыть ненастья те да эти,
И потушить обиды-угольки.*

*Тебе бы паруса, моторы, крылья,
Ночей бессонных, в танце, босиком.
Тебе бы эту сказку сделать былью
Сейчас, сегодня, но не завтра, не потом.*

*Но год за годом судьбы пролетают
Людей, чья жизнь от скуки запылелась.
Как жаль, что ты в обыденность влюбилась...
Как жаль, что ты ничуть не изменилась...*

С тех пор так и живу...

*С тех пор так и живу – ежом в тумане.
Он усыпляет память, прячет лица.
С колючками приходится по краю
Идти, чтоб ни за кем не зацепиться.*

*Мне нравится. В моём углу комфортно.
Я наблюдаю, хоть ни зги не видно,
Но есть ошибка в этом «непогодном» —
Я остаюсь всё той же беззащитной.*

*От глаз чужих не спрятаться в иголках,
От слов не скрыться в одеяле белом.
В моём убежище нет никакого толка,
Но остаюсь в попытках всё закрасить мелом.*

Валентина Пестенёва

Пестенева Валентина Дмитриевна, родилась 31 декабря 1957 года в маленьком горняцком городке Зыряновске Восточно-Казахстанской области в простой рабочей семье.

1975 г. - 1978 г. обучение в ТГРТ по специальности Геофизические методы поисков и разведки МПИ. По окончании ТГРТ по распределению работала в Солнечном горно-обогатительном комбинате от Комсомольской-на-Амуре ГРЭ.

В 1979 году вышла замуж за Пестенева В.М., окончившего ТГРТ по той-же специальности.

Проработав на Дальнем Востоке четыре года, всей семьей уехали в Казахстан, в город Зыряновск. С 1983 г. - 1995 г. работала геофизиком в Зыряновской ГРЭ, а с 1995 года перешла

работать администратором в гостиницу при Зыряновском свинцовом комбинате (ныне ТОО «Казцинк»)

Мать двоих взрослых сыновей, которые проживают в России в г. Барнауле. С 2015 года находится на заслуженном отдыхе, помогает в воспитании внуков.

Мне снился сон...

*Мне снился сон. Той ночи теплоту
Храню в душе я с нежностью и грустью.
И боль в груди, печаль, любовь, – всё тут!
Теперь меня надолго не отпустят.*

*Я маму видела опять во сне,
Себя — совсем ещё девчонкой,
Как мама косы заплетала мне,
И младший брат стоял в сторонке.*

*Как гладила меня по голове,
Вплетая банты в жиденькие косы,
И тут же успевала отвечать
На наши детские нелепые вопросы.*

*А с кухни дразнит запах пирога
И свежего клубничного варенья.
И мы с братишкой, ложки в руки взяв,
Ждём пенки, предвкушая наслажденье.*

*Опять пьём чай на солнечной веранде,
Поставив вазу полную конфет,
И булочки с присыпкой и повидлом,
Их ароматней и вкусней на свете нет.*

*Но, снова утро... Зазвонил мобильник,
И первый солнца луч играет на стекле.
Я сон свой спрячу в уголок сердца,
В нём детства след и память,
МАМА, о тебе!!!*

А жизнь даётся нам не на века

Закон природы изменить нельзя,
Хоть сто дорог пройди,
Хоть сто морей исплавай,
И всё, что сделано тобой, — не зря!
Хоть ты достиг высот,
Но не испорчен славой.

Друзей по жизни новых обретаем,
Чего греха таить,
То невеликий труд,
А волею судьбы порой теряем
Тех, с кем по жизни
Съели соли пуд.

Бежим куда-то, мчимся, улетаем,
В наш быстротечный
Сумасшедший век.
И позвонить не успеваем,
Сказать: «Люблю,
Родной мой человек!»

И в суете мы забываем,
Что жизнь у нас не на века.
Застонет сердце вдруг,
Когда мы осознаем,
Что слышали в последний раз:
"Люблю!...
Прости!...
"Пока..."

Родные просторы

*Лучами солнца по плечу скользнёт,
Целуя на щеках веснушки,
В тугие косы блеск вплетёт
Русоволосой, озорной девчушки.
Нарядит в сарафан под стать,
Закружит, разбросав по ветру косы,
И будут долго с нежностью ласкать
Босые ноги утренние росы.*

*И солнца луч, пробившись меж ветвей,
Обнимет белоствольный стан берёзки,
Ревниво наблюдая, как на ней
Задира-ветер теребит серёжки.
А травы и дурманыт, и пьянят,
Блестят на солнце бусины-росинки,
И земляничные поляны вглубь манят
Наполнить до краёв корзинки.*

*А вдоль тропинки, что ведёт к реке,
Стоят молоденькие, стройные осинки,
Кокетничая, наскоро надев
Свои ажурные зелёные косынки.
Вдыхая терпкий, хвойный аромат,
Лесным нектаром насладиться,
И красотой елей, вставших в ряд,
Надолго снова восхититься.*

*И захмелев от этой красоты,
Спускаюсь к роднику напиться,
Тот вкус воды кристальной чистоты
Ночами зимними мне будет сниться.
Здесь всё родное — горы и леса,
Ширь моря, без конца и края,
Простор родной, родные небеса, —
Я в жизни ни на что не променяю!*

Места родные

*Места родные тем нам дороги,
Что с ними связаны воспоминанья
Тех лучших лет, что здесь мы провели,
Росли, мужали, получив признание.*

*Здесь дети незаметно подрастали,
И из девчонок, в статусах невест,
Как лебеди, покинувшие стаи,
Вдаль улетели из родимых мест.*

*Здесь ждут друзья и верные подруги,
Кому ты доверяешь, как себе,
И радость, грусть, и все твои недуги
Разделят, не доставив боль тебе.*

*Здесь голосистые подружки,
Глаза как искры, как огонь,
С кем пели с озорством частушки
Под разудалую гармонь.*

*Мы над судьбой своей не властны.
И сколько б не прошёл дорог,
А сердце вновь замрёт от счастья,
Лишь вспомнишь тихий городок.*

Оксана Холманская

Живёт в селе Майма замечательный, талантливый человек — Оксана Воронцова.

Родилась 31 октября 1971 году, в г. Алейске, Алтайского края. Стихи начала писать в школе, первое было о природе.

После школы поступила на театральное отделение актёрского мастерства г. Красноярск. Там вдалеке от дома начала писать первые грустные стихи.

Поступила на работу в Горно-Алтайский драматический театр. Гастролировала много, людей посмотрела, себя показала. Через некоторое время затишье наступило. Ни работы,

ни денег. Поэтому и пошла в медучилище. В 2000 году закончила Горно-Алтайский университет и получила диплом психолога.

Приняла участие в двух молодёжных конкурсах, стала победительницей конкурса «Деловая женщина».

В 2006 году — призёр фестиваля молодёжи Майминского района «Мы любим тебя, Алтай! Мы вместе с тобой Россия!» и представлена на соискание республиканской творческой стипендии им. Л.Кокушева. Выпущен сборник стихов «Дыхание», где оформитель — художник Софья Осипова, редактор — Сергей Решетнёв.

До этого стихи публиковались в газете «Звезда Алтая»

Творческая, искренняя и весёлая Оксана Воронцова радуется своей романтической и доброй поэзией.

*Когда ты под утро тревожно спишь,
я выхожу из твоей груди.
Я изгоняю окурки, пыль
и подливаю живой воды
в стакан, допитый еще вчера,
случайно целый — "на посошок".*

*Я заклинаю все зеркала
забыть сюжетно-пустой поток.*

*Смываю память по часовой —
потухший взгляд и усталый вид,
дыру в груди, что хоть волком вой,
насквозь же видно — дымит... болит...
Смываю.*

Память зеркал крепка.
Открылся новый не трезвый слой.
Ты здесь моложе.
В руке стакан.
Друзья и девушка.
Выходной.
Обидел.
Девушки больше нет.
Небритый.
Мутный, тяжелый взгляд.
Смеешься.
Резко ломаешь смех.
Осколки стопок на пол летят.
Смываю.

Бравый лихой моряк.
Открыты окна. Весна в груди.
Вобравший море поющий взгляд.
Оставим юность.
Гляди.
Гляди!
Пусть он вспомнит свои глаза..

Ты дышишь ровно и мирно спишь.

Я возвращаюсь.

В груди весна восходит ярким рассветом с крыш.

Просей меня сквозь звёздное сито своих стихов.
Раскали огнем.
Остуди студёной.
Я твой послушный металл — к любому бою готов.
Под пальцем поэзии курок взведенный.

Косая челка. Вертелась да.
Мама выравнивала, как могла.
Короткая юбка-солнце и вечно сбитые в кровь коленки.
И лето, одуряюще одуванчиковое лето.
Да я покажу тебе эту фотку — кривая улыбка, кривая челка,
одуванчики выше головы и бразильская юбка-солнце.
Но счастье, ты понимаешь, по ту сторону и по эту.
Я ещё тогда и не знала, кто такие поэты.

Боевыми — товсь! пли!
Мое слово прицельно кратко.
Я послушный металл.
Я у тебя внутри.
Поэзия — это больно, местами — гадко.

Потом у меня были другие челки.
Разной длины и разных наклонов.
Но они уже никогда не совпадали с таким количеством
величественных одуванчиков и восхитительной солнц-
еюбкой.
Я узнала кто такие поэты.
Научилась отделять поэзию от прозы.
Способность разбиваться перешла от коленок к душе.

Распили меня, демонтируй, плавь — я послушный плуг
— ты засеешь поле.
Поле одуванчиков — там меня оставь...
Я вернусь, поэзия — лишь подрежу челку.

Я уже выпала из обоймы стандартных принципов,
бьющих в цель.

Уже приказано громко — вольно!

И лето, взрезавшее метель,

уже проявлено цвето-светом,
зеленым всполохом сочных трав,
смешливым взглядом, плечом прогретым,
травинкой пряной в изгибе рта.

Но жизнь диктует крутящий принцип
от зажигания до колес.

Крутить планету в прицеле истин?

Легко. Конечно.

Да не вопрос.

Единым вдохом, единым тактом,
единым взглядом на этот мир,
и в закулисы — единым актом —
я утверждаю в сознании — "мы".

И проявляюсь в тебе вселенной,
и отражаю момент весны,
и слышу море твое по венам..

Кричу, в окно уже — не простынь!

Весна, мой мальчик, не лето — слышишь?

Смешливый взгляд и плечо — потом.

Сейчас — прохладно-капельно с крыши..

..пуста обойма..

И "мы" — итог.

Птицы не строят дома — птицы — вьют гнезда.
Жизнь на завязках скучна — птицы — свободны.
Птицы мы, мальчик мой, певчие птицы.
Сытый земной покой нам только снится.
Небо целует нас в синие крылья.
Небо дарует джаз, голос и силу.
Ветрено. Мы летим — с миром созвучны.
Птицы ищут экстрим — рваные тучи.
Крылья сильны в ночи — вязкой и стылой.
Только лети, звучи, мальчик любимый!
Завтра особый день зимнего неба.
В крыльях твоих — апрель.
В песне — победность, рыжесть и солнца стяг,
жизненапевность...
Мальчик, люблю тебя — песнеприцельно.

Я выбираю "берцы".
С сеточкой или без?
Черные, цвета сажи,
или песочный "беж"?
Демисезонки?
Зимние?
Ценник изрядно мал.
Я выбираю именно
девичий вариант.
О, и рюкзак прикольный,
Стильно — фасон, объем,
цвет камуфляжно скромный —
нежный побег с листом
цвета весенней дымки
далью манящих гор.

Хаки — заполнил рынки.
Хаки — как приговор
знойно-палящего лета,
пыльной травы, листвы.
Хаки кружит планету
и проникает в сны.

Я примеряю "берцы" —
легки они и прочны.
Беру...никуда не деться.
..зреет чирый войны..

Май. Камуфляж не броский.
Май. Закипает жизнь.
Май обнажен и просит —
жизнь удержи..держи
зная весны и жизни!
Сдай камуфляж назад!

Я не купила "берцы".
Я побелила сад.

Бродить по горам, отпуская сны.
Быть облаком и водой.
Пляшущей птицей, слезой росы,
в Млечном пути звездой.
Быть выдохом сонным
в изгибе дня —
туманом, паром Земли.
Кедровой веткой после дождя,
капель, вобравшей мир.
Костром и пламенем,
действом сил,
танцем, игрой огня.
Фигурой в небо
из снопа искр.
Тайной пепла в камнях.
Быть ветром, вольным,
вобравшим трав
пряный дурман хмельной..

Листом осенним в подножии став —
знать, что идешь домой.

А давай босиком по небу
Нынче ватно и повод есть..
Мы захватим немного хлеба,
сыра, яблок, вина глоточек,
Наших самых любимых строчек..
Потому что только сегодня
Так пружинисты облака.
Мы заглянем летящим птицам
В омут глаз, что бы завтра сбыться,
Мы погладим крыло самолёта
Оно нежное и блестит.
Здесь такой офигенный ветер
Он так ласково мысли треплет
В голове наступает ясность
Звуки тоньше, краски острей..
А давай вон до той вершины
Семимильно так допружиним
Там на пике статуя Будды
Он мне снился, я знаю есть.
Падай в ватность, глаза закроем
И послушаем шёпот моря
Слышишь... слышишь
Как много сказок..
Голос леса, ворчание гор,
В поле травы звенят стозвоном,
А цветы в молчании томном
Лишь вздыхают,
Пьют ароматы,
Воздух полнится и дрожит.
Ты сегодня самый чудесный
Ты в груди самой звонкой песней
Здесь на облаке
Очень близко
Дай мне руку
Люблю тебя..

*Мир нараспашку в прицеле весны — он девственнен,
светел, юн.
Он беззастенчиво говорлив, влюблен в переборы струн.*

*Он крутит гитары своей колки,
Он смотрит в ее глаза,
В глазах свобода, упрек зимы,
Охра и бирюза.
В глазах насмешка, задиры тон —
Ну же, брат, удиви.*

Мир молчаливо берет аккорд в тональности визави.

*Весна теплеет, туманит взгляд, смотрит в его глаза.
В глазах — дороги, чертей азарт, яшма и бирюза.*

*Хаки — как приговор
знойно-палящего лета,
пыльной травы, листвы.
Хаки кружит планету
и проникает в сны.*

А мы будем?

А мы будем гулять по небу?
А по солнцу? А по луне?
А мы будем нежнейшим бредом
Растормашивать хмурый день?
А мы будем слепить прохожих
Хитрым зайцем, скакнувшим ввысь?
А ещё я люблю мороженое,
Киви, «Прагу», крутой карниз,
Ночь до неба, острые скалы,
Самый тонкий пресиний блюз,
Кофе часто, а ем я мало:
Зёрна, йогурт... — фруктовый вкус.
А мы будем в открытые окна
Кричать громко — Люблю тебя!
А потом целоваться звонко
До рассвета, до сентября,
До той самой зимней метели,
Что кружить будет вдоль свечи,
До весны, до сквозной капли,
До пронзительного — Молчи...

Остались мальчишками, всем назло

Ты знаешь, а я в детстве играла
в футбол и в хоккей, с мальчишками.
Они мне из класса доверяли одной —
такая фишка.
— Пас, Ксюха, пас! — и, — гол забит! —
и счастья сладка минута...
И с хулиганами я на "ты" была почему-то.
Не знаю даже, как это назвать... —
уважали, любили?
До сих пор в ушах: «Ксюха, дай списать», —
слова не остыли.
В шахматный клуб весёлой гурьбой,
помню, играть ходили.
Всё чин по чину — часы, отбой —
девчонки сильнее там были.
Второе место я заняла? Третье? Не помню.
Помню, одна среди вас была,
когда мы шли под луною.
Смеялись, толкались, шутили — класс!
И от того не робею —
всегда, пацаны, была частью вас.
И остаюсь ею.
Везло мне с вами, всегда везло...
Буря ли, лихолетье...
Остались мальчишками всем назло
и по фигу на столетие!

Отвоюй меня

*Отвоюй меня у молчания, у голодных стен,
у несбывшегося венчания, у военных тем.*

*Отвоюй у бездонной пропасти потускневших глаз,
у бессилья, обиды, робости,
у несмелых нас.*

*Отвоюй у сиюминутного, что не длится в ночь,
не пророчит судьбу на рунах нам,
не качает дочь.*

*Отвоюй у озябшей комнаты без огня свечей,
у окна, стылым днём закованного,
где идёшь ничей.*

*Отвоюй у болезни, старости,
у стрелка.*

*Попрошу лишь о самой малости —
мне оставь меня.*

Мы скреплены, детка

Мы скреплены, детка, спаяны. Обвиты шнурком — змей. На лбу уже нет испарины — ровный загар сухой. Сложены геометрически, сглажены по углам. Но проступает кубически — осень, листва и шрам. Шрам, как бескрылие ноет, осень огнём горит. Лист еще зелени полон, но по краям дымит. Лето. Постель. Мы в теме. Тема проникла в нас. Я собираю время шёпотом с твоих глаз. С этой беззвёздной бездны, с горной страны веков... ...И постигаю детскость первых твоих шагов.

Галина Свириденко

Родилась в 1955 году в селе Бобково, Алтайского края, Рубцовского района. С 1969 года проживает в селе Майма, Республики Алтай.

После окончания школы работала токарем на мотороремонтном заводе. Окончила Горно-Алтайское медицинское училище, Горно-Алтайский педагогический институт. Считаю, что это не последняя обучающая инстанция в жизни. До сих пор меня учит встреча с любым человеком. Что принесу в свою жизнь, или мимо чего следует пройти – все это школа каждого дня.

Дальнейшая работа журналистом способствовала продолжению творческого начала, которое иногда прорывалось наружу созданием сценариев дружественных встреч, стихов и прозы.

Дважды номинант международной премии «Филантроп». С 2007 года член Союза журналистов, а с 2017 года стала членом Петровской Академии наук и искусств. Член Майминского литературного объединения «Лира».

Мои стихи изданы в журнале «Чудо рождения мысли», в поэтических сборниках «Пусть откроется жизни страница», детском поэтическом сборнике «Повозочка», общих сборниках стихов и прозы: «Параллельные миры», «Снова память распахнута настежь», «Отражение веков», альманах «Майминское прикатуны», «Майма литературная» и «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить, авторский сборник «И снова день».

Мы становимся другими...

*Каждый носит своё имя.
Мы становимся другими,
Хотя юность так нетленна.
Не в один день, постепенно,
Исчезает златокудрость.
Ей взамен приходит мудрость.
Кажется, что есть возможность,
Но на плечи — осторожность
С новым смыслом: что потом
Из того, что прожито?
И сомнений мысли липки,
И без права на ошибки
Остаёмся. Так в скрижалях.
И сказуемое «жалить»,
(Равносильно слову плеть)
Заменяем на — ЖАЛЕТЬ...*

Приходим на землю...

*Приходим на землю без чая и чашки,
Не только за тем, чтоб гадать на ромашке,
Есть скорости жизни, а есть передышка,
Ещё не до дыр вся зачитана книжка.*

*Ещё есть пространства, картины, абзацы,
И смыслы постигнуты только лишь вкратце,
И рядом соседствуют травы густые,
В земле есть пробелы и тоже пустые.*

*Пещеры и камни, и льды, и болота,
И все ждут открытий, и всё ждёт чего-то,
Как люди и звери, как море и птицы,
И смотрят с тревогой они в наши лица.*

*И ждут перемен, может быть, постоянства,
И мы, постигая возможности «царства»,
Живем, пребывая, и странно уходим.
И всем непонятно, зачем мы приходим.*

*Приходим, проходим, бредём отдыхая,
С трудом, понемногу и часто вздыхая,
Глаза раскрывая и прячась в подушку,
Себя утверждая, не видя друг дружку.*

*И нет остановки. Барьеры, рельефы,
Скупой полуправды надежды и блефа.
Часть жизни сменяя, другую храня,
В границах сегодняшних ночи и дня...*

2018 г.

За нами жизнь...

*А за окном сегодня снова стынет
И походя, входящая в зачёт,
Жизнь, нам подаренная ныне,
Продолжится и в завтрашней ещё.*

*Время идёт скорее по наитию
Днём, навсегда ушедшим в год,
Где мы храним различные события
Настойчиво, как память у ворот.*

*Выстраивая карточный расклад,
Ничто не поддается возвращению.
Не сознавая: прав ли, виноват,
Надеемся на шансы всепрощения.*

*И на проспекте жизни зависая,
Вы, новые и старые друзья,
Себя и человечество спасая.
За нами жизнь, как форма бытия...*

2018 г.

Мне досталось...

Мне достало того, что есть.
Будет лучше — благодарность Всевышнего.
Это счастье, что минуета мечь,
То Господь меня избавил от лишнего.
От слезы скупой, от травли, обид
Поразмыслишь, а ведь это немало...
Как положено, так и лежит
Столь загадочной судьбы одеяло.

Ну, а лучше могло бы быть:
Интересней, весомей, богаче?
А и впрямь, ну-ка, будь всё иначе,
Чем бы стала за всё платить?

Все уже случилось...

Всё уже случилось. Просто жизнь
За окном, с утра на перекрестке.
И всего делов-то, продержись,
Как вот этот камень держит доски.

Всё уже пришло сейчас, теперь,
И мелькают в переулках лица.
Ручка есть, а, значит, открой дверь,
Этого могло и не случиться.

Что уж есть, — на праздничном столе.
Улыбнись глазами лучезарными,
И за миг за каждый на земле
Оставайтесь просто благодарными...

2018 г.

*В каждой молитве – картотека,
На осознание мысль и плоть.
И создавая человека,
Нас чувством наградил Господь.
И это многому мешало,
Когда чувствительное жало
Врывалось на передний план.
Тогда любовь, смерть и обман
К созданию возвращались снова,
И не было пути иного.*

*Что, если б чувств лишили человека?
Он был бы нравственным калекой?
Сама возможность испытанья чувства –
Рефлекс? Потребность? Уровень искусства?
Всей разноликой человеческой братии
От ненависти, страсти до симпатии...
Со временем бывает, затихают,
Возможно, они просто отдыхают.
На время, чтобы вновь возродить
И нет возможности предвидеть, упредить...*

2011 г.

Истина рядом...

*Истина — рядом, в чёт иль нечет,
Молчаньем смысл опять её сокрыт.
Казалось, что до вечера далече,
Двенадцать дня и всё ещё парит...*

*Ночью родится месяц из-под тучи,
Пролёткам облаков не нужен счёт.
Реально жизнь нас ежедневно учит
Не завершением своим. Пока ещё...*

*Текст дня не утверждён и не заверен,
И на планете солнечной рассвет.
Цитатой дня:*

*«...Не узнано веков пройдет и лет,
Именно Ты
Когда во всём будешь уверен,*

*Явится Некто.
И ничем он снова будет не измерен»...*

2018 г.

Исповедь...

(Воспоминание ...надцатого года)

Человеком в педагогическом коллективе я оказалась новым. Знакомиться с людьми приходилось где-то по необходимости, где-то по симпатиям. Случился перерыв, и многие вышли получить удовольствие от тёплого солнца и ветра, который одинаково причёсывал всех. Моё внимание привлекла задумчивая, средних лет женщина.

— Кто это? — спросила я у одной из знакомых.

— Да, это историк, Нина Андреевна.

— А почему же мы с ней никогда не пересекаемся?

— В разные смены работаете, — последовал ответ.

Вскоре мы подружились с Ниной Андреевной, и она пригласила меня в гости. Она оказалась очень гостеприимной женщиной. Было приятно, ещё бы, я только после вуза, а у неё такие кладези профессиональных знаний! Есть чему поучиться. В коллективе говорили о ней много хорошего, но однажды одна техничка бросила мне в лицо:

— Как Вы, вообще, с ней дружите? Она же бывшая алкашка!

Как будто ледяной водой окатили меня, и следующая встреча не могла пройти мимо открывшейся для меня новости.

— Что ж, звание дано по праву, — последовал её ответ в одну из следующих встреч.

А на мой вопрошающий взгляд она сообщила: «Никуда мне теперь от этого не уйти. Действительно, я — бывшая пьяница, самая настоящая. Хотите, исповедуюсь перед Вами, чтобы никаких недомолвок больше не было?»

Заинтриговала меня судьба этой женщины, и стала я внимательно слушать то, что предпочитают держать в себе, в глубокой тайне, в глубинах, на которое у многих вечное табу, до самого скончания жизни. Не каждый на такую исповедь отважится.

— В начале создания семьи у меня всё было как у всех: дети, муж, заочная учёба в ВУЗе. Как-то незаметно, с устатку стал выпивать муж, угощать друзей, меня и, казалось, ничего страшного не происходит. Однако, не прошло и трех лет, как я потеряла контроль над собой, а потом, вообще, страшно вспомнить: где пила – не помню, откуда принесли – неизвестно.

Настал момент, в коллективе об этом узнали, но работу свою я выполняла добросовестно и претензий ко мне не предъявляли. Просто молчали, да и не одна я этим делом грешила, если честно. А в один из дней поняла – всё, не могу больше! Дальше пить некуда. И решила я закодироваться. Специалистом, к которому пришла, оказалась удивительная женщина.

— Да, вы уже сами без кодировки можете бросить, — твёрдо сказала она, — Вы подошли к этому.

— Нет, сама, боюсь, не выдержу, помогите мне утвердиться. Сделайте всё необходимое.

И вот прошло больше двадцати лет...

— А теперь как дело обстоит? — спрашиваю в далеко не праздном любопытстве.

Было в ней что-то такое, что выдавало сильную личность.

— А с тех пор и совсем не употребляю. Отпила я своё, — улыбнулась Нина Андреевна, — а вот спиртное в доме иногда держу. Муж у меня так и пьёт. И ничего с этим я не смогла сделать. Ну, не захотел человек в этом вопросе со мной пойти. На работе его тоже ценят, а дома одна я вижу, что он делает. До сих пор не могу отказать тем, кто с похмелья болеет. Слишком хорошо знаю, чем это может кончиться. Хотя людей таких приходит теперь ко мне всё меньше.

Разное отношение у людей к этой женщине. Мне понравилось, что большинство членов коллектива не потеряло к ней уважение. Она сумела не деградировать, а остаться пользующейся авторитетом женщиной. Однако были и другие, откровенно презирающие ее. Их — меньшинство.

— Я сама не могу понять лютую ненависть ко мне и не-
прощение этого периода моей жизни. Может, из-за того, что
выстояла, простить они мне не могут? Зависть что ли чело-
веческая ими движет? Мои дети, насмотревшись на меня, не
пьют, а их дети спиваются, хотя сами родители не пили, —
не то со мной, не то с собой проговаривала она вслух...

От празднеств семейных никто меня не освобождал. Род-
ственников по-прежнему к нам приходило много. Они не
могли себе представить, что прежнего застолья и спиртного
на столе больше не будет. А я уже не имела права спаивать
никого! Как же мне трудно было держаться! На работе не
поговорить ни с кем об этом, от мужа поддержки не было,
и пошла я тогда в церковь, а годы-то 80-е. Начались нападки
еще сильнее. Педагог и верующая?! А я стою перед алтарем
и шепчу: «Господи, помоги мне, укрепи меня...»

И придумала я вот что. На очередной праздник постави-
ла на стол спиртное и говорю: «Кто имеет желание выпить,
наливайте и обслуживайте себя сами».

Вначале уходила на момент тостов заздравных, а потом
привыкла сидеть за общим столом, беседы поддерживала и
наблюдала за пьянеющими людьми, теряющими контроль
над своим поведением. И не хотелось мне снова становиться
такой. Не каждый сам себе мог наливать спиртное, иным это
было стыдно. Некоторые родственники и знакомые стали
употреблять алкоголя значительно меньше, а другие совсем
в гости ходить перестали.

— А не боитесь ли, Нина Андреевна, случая такого, по-
сле которого захочется это сделать, — задаю ей провокаци-
онный вопрос.

— Не для того я бросала пить, чтобы начинать заново, —
успокоила она меня.

P.S. После исповеди коллеги я вдруг поняла, что своим
знакомым, находящимся в такой же ситуации, кроме конста-
тации факта, я ничем не помогла. Хотя сейчас понимаю, что
помочь можно только тогда, когда человек сам того захочет.

Много это или мало — выясняется с годами, но выходит, это и есть то самое, в чём нуждаются люди, попавшие в сеть, имя которой — алкогольная зависимость.

Хрущёвка

Если поверить в то, что существует «Всевидающее око», то по логике должно существовать и «Всеслышащее ухо». Прототипы этих уникальных персонажей, как выяснилось, проживают до сих пор. Но чтобы не томить читателя, можно начать всё по порядку.

Тамара Ивановна Веселова — пенсионерка со стажем, бывшая служащая одной из приказавшей долго жить строительной организации. Именно она проживает в собственной квартире в «хрущёвке» без улучшенной планировки. И поскольку наш народ для сокращения всегда называет вещи своими именами, то соседи за глаза, разумеется, нарекли и как приклеили ей второе имя — «Всевидающее Око».

Просто так, известно, ничего не даётся и не делается. Чем же заслужила такое звание вроде бы воспитанная женщина, кстати, весьма яркой и привлекательной наружности? А тем и заслужила, что видела на самом деле — всё! Как ей это удавалось? Да очень просто. Можно запросто видеть любого человека, описать его внешность, предположительно статус. А вот подноготную!

То, что человек скрывает ото всех. Дома! В своей квартире!

Именно там человек становится таким, каков он есть. В своей квартире он по наивности считает, что только тут-то и можно расслабиться. Таковое может, конечно, быть, если человек, допустим, в гостинице чужого города или в собственном особняке, где добротные стены и никаких соседей, но в коммунальной квартире, где чихнёшь, а тебе через стену желают доброго здоровья, — извините.

Когда бельё вешают во дворе на одну веревку, и все видят, чьё это бельё, какой новизны и кривизны, — это же совсем другой коленкор. Пьёт ли, бьёт ли посуду, однако ничего

худшего не хотелось бы говорить о людях в доме. А и не надо. Обо всём этом, если некоторые могут только догадываться, то о достоверности в подлиннике, так сказать, может знать только «Всевидающее Око».

Не единожды её засекали пригнувшейся и буквально влипшей в замочную скважину, разумеется, не своей квартиры. И тут соседи поняли, почему всё тайное в их доме становится явным. Скандалов после этого не было, а зачем? Ну, знает весь дом и знает. Мало ли так живут? Да и поговорить ежедневно есть о чём. А если кто вдруг усомнится и напрямую решится спросить, так можно наткнуться на удивлённый взгляд соседа. Но если сразу же услышишь яростное отрицание — так это ещё раз и послужит подтверждением свершившихся в его квартире событий. Поэтому бабу Тому и принимали за своего «юнкора» в миниатюре.

Но разве может коммуналка быть обладателем только одного уникального индивидуума? Конечно, нет. Еще классик сказал, что каждая семья счастлива по-своему. Поэтому некоторые даже обижались, если «Всевидающее Око» кого-либо игнорировало. Хотя другие облегченно вздыхали, если обсуждение конкретного лица было не сиюминутно или забывалось на весьма отдаленный срок.

Все знают: для того, чтобы вступить в диалог, нужен слушатель, он же советолог, и он же — лицо заинтересованное в обсуждении. Однако тут требовались ещё и дополнительные условия, чтобы число участвующих в прениях было больше двух, иначе, что же это за обсуждения? Тут надо, чтобы мнения сходились и расходились, кстати, на соседей, спешащих и воздерживающихся от этого, всегда смотрели укоризненно.

Как вы уже заметили, скукой в этом доме и не пахло. Да и откуда ей было взяться в развитом социализме двадцатого века, когда все работали, учились, серьёзно занимались спортом и воспитанием детей, причём всем двором вместе. Ни застоя, ни простоя — этим делом дом похвалиться просто не мог. Не до того было.

Что касается зрения нашей безвредной бабушки, то люди только удивлялись, почему она без очков и читает и видит всё, когда другие щурились и долго протирали свои очки, если читать предстояло. Бог с ней. Видит отлично, и слава Богу. А если не увидит иной раз, в гости уедет, допустим – всё! Уже не о чем будет «секретничать» тёплыми летними вечерами, зимними чаепитиями. И скучно становится домо-чадцам. Справляются сразу друг у друга, что в доме творится, потому как произошло отсутствие звена, воссоединяющего и решающего проблему — что в нём сегодня и чего завтра приключиться может.

Нет не всё так просто в этом доме. Среди полного разнообразия жильцов было ещё разнообразие их интересов, наполняемости семей детьми и, конечно, состояния их здоровья. Ни для кого не являлась секретом та данность, что напротив словоохотливой «всевидящей» и знающей себе цену женщины жила другая – полная ей противоположность, Елена Петровна Нелыхова.

Отчего-то досталась ей такая фамилия. С годами у людей пожилого возраста слух частично утрачивается, а тут тоже наоборот. Со зрением вот у неё худо было, а слышала она, как никто другой. Ей была совершенно не нужна чужая замочная скважина, или что-либо в этом смысле. Поэтому в освещении происходящих событий в той или иной квартире она иногда поправляла соседку, сообщая, что та малость квартиры попутала. В общем, когда приходил участковый добиться полной ясности, что же в доме произошло, другие свидетели не требовались. Хватало двух. Жизнь есть жизнь, знаете ли.

Всё бы было хорошо, но существовало между этими женщинами не тайное, а явное соперничество, не то чтобы до ненависти, но некоторая нотка недовольства проскальзывала. Никто не обвинял «Всевидящее око» в том, что она недослышит. Но на фоне абсолютного слуха другой — это становилось аксиомой. Проживающим же было до определенной

степени всё равно, но только не этим двум.

— Ты знаешь, что из-за тебя люди в своих квартирах уже шёпотом говорить стали? — стараясь выбить ясно слышащую соседку из колеи, поднимала голос особенно зрячая.

— Не шуми, это они из-за тебя, — парировала сторона, задетая наездом.

Им бы дружить, обладательницам уникальных особенностей, но как это бывает в жизни женщин, не тут-то было. Хотя, возможно, именно это и помогало поддерживать их раритет на должном уровне.

Надо сказать, что окна смотрящей Тамары Ивановны выходили во двор, в котором она наблюдала наряду с идиллией цветущих клумб, их бордюров и весь люд, который приходил в магазин напротив. Иногда казалось, что она всю жизнь проводит в стойке, опираясь локтями на подоконник.

Её «подруга», Елена Петровна, пеняла ей иногда, что не переходит ли её маниакальная наблюдательность все мыслимые границы слежки, на что ущемлённое в своих интересах всевидящее звено недвусмысленно отправляло её в огород — любоваться на свою ботву, добавляя, если тебе помогут твои глаза попытаться отличить куст огурца от помидора...

Но и на старуху бывает проруха. Когда однажды участковый пришёл к ней за помощью поинтересоваться, не видела ли она, кто снял выстиранное бельё с общей верёвки у соседки напротив. Видеть-то она видела и хорошо знала эту соседку с первого этажа, но тут растерялась. У той были мускулистые сыновья, а ясно видящая жила одна.

— Давай я тебе расскажу, обратилась она к ясно слышащей, а ты ему и расскажешь всё.

— Не получится, — не пошла ей навстречу соседка. — Меня все знают слабо видящей, да и окна у меня в противоположную сторону глядят. Я уж там со своей ботвой лучше разбираться буду. А за сообщение благодарим тебя от лица всего дома, знать теперь будем — кто есть кто. Да ты сама сходи к пострадавшей женщине, и пусть они разбираются.

Ситуация вскоре разрешилась сама собой. Хозяйка ис-

чезнувших вещей вдруг опознала на одном из сыновей виновницы свитер своего мужа. И сразу нашёлся виновник частенько исчезающего постельного белья.

Как же это всё оказалось неприятно. Более того позорно. Дом гудел на ровном месте. Но и это еще не всё. Сошедшее с рук происшествие повлекло за собой новое. На этот раз чуть ли не со слезами на глазах делилась с народом заведующая садиком. У неё вскрыли погребок детского сада, из которого исчезли все овощи и несколько мешков сахару. (Непонятно только почему сахар хранился в сыром погребеке). Но методы, которыми пользуются проживающие, всё же возымели свое действие.

В одной из квартир проживала женщина, особенно уважающая себя. Кстати, именно она всем и преподнесла мастер — класс самоуважения. Дело в том, что муж этого же проблемного семейства взял в привычку нецензурно выражаться, не взирая ни на кого, и на детей в том числе. И попади же под его «краснобайство» наша фрау Елизавета Карловна. Что из этого вышло?

Здесь, конечно, нашла коса на камень. Она спокойно и при всех заставила его извиниться перед ней. Такого поворота общения никто не ожидал, и больше всего сам нарушитель спокойствия. Ну, не мог же он перед всеми ударить в грязь лицом! (Так ему показалось на тот момент.) И он, решив остаться на плаву, ещё громче произнёс то же самое, усиливая свои акценты.

— Хорошо, я услышала тебя, — довела до его сведения Елизавета Карловна и скрылась за своей дверью. Довольный ситуацией, в которой мужичок оказался «победителем», он спокойно жил дальше. Каково же было его недоумение, когда ему пришло извещение оплатить штраф за нанесённое оскорбление. Он, естественно, пошёл разбираться к мадам, — за что? И когда ему было подробно разъяснено, взбешенный, он сделал это ещё раз. И пришлось этому товарищу заплатить двойной приличный штраф. Всё! Перестал дяденька сквернословить. А делая это в кругу мужчин, стал предвари-

тельно оглядываться.

Если читателю показалось, что за этими событиями мы потеряли своих героинь, это совсем не так. Шли годы, выезжали жильцы других квартир по самым разным причинам, а к ним судьба была милостива, впрочем, как и ко многим, проживающим в этом доме.

И вдруг, как гром среди ясного неба, на собрании жильцов им объявили о сносе этого дома, их дома. Кто-то возрадовался, а кто-то запереживал. Всё-таки в нём прошла жизнь не одного поколения. Только квартирантам было всё равно. Жильцам было предложено на выбор несколько квартир улучшенной планировки в разных микрорайонах жилищных массивов региона.

От неожиданности далеко смотрящая Тамара Ивановна догнала Елизавету Петровну и крикнула ей: «Наконец — то я от тебя избавлюсь!»

— Ну, раз тебе хочется, я не возражаю, — тихо ответила та и скрылась пока ещё в соседской комнате напротив.

Тамара Ивановна поняла вдруг, что переборщила, но не в её правилах было извиняться.

Вскоре множество машин перевозили двухэтажный двадцати четырёх квартирник. Люди старались по своим параметрам подыскивать себе и размеры жилья, и микрорайоны. Наступил момент, и отжившее здание опустело.

Прошло некоторое время. Люди, конечно, радовались горячей воде и улучшенной планировке, но они уже не встречались с бывшими соседями, мало кто знал толком, где и кто живёт. В новом доме на первом этаже жила Тамара Ивановна, никому не интересная и никем не востребованная. Однажды, выходя из супермаркета, кто-то сзади тронул её за плечо. Она обернулась и увидела Елизавету Петровну. Слёзы от неожиданности брызнули из обеих её глаз, и она произнесла:

— Прости ты меня, Лиза, дуру старую. Давай вернемся в магазин, тортика я куплю. Чай пойдём ко мне пить, я тут недалеко живу.

— А пойдём, когда ещё встречу с тобой, я совсем в другой стороне живу!

С улыбкой пошла навстречу ей обладательница феноменального слуха. Встречные люди принимали их уже за близких родственников.

Чаепитие бывших соседок закончилось тем, что они обменялись адресами и телефонами. Случайная встреча оказалась для обеих просто манной небесной.

Только напрашивается мысль, неужели иногда нужно разрушить дом, чтобы наладить человеческие отношения...

«Да, не будь я Серёгой?»

«Лето – это всегда хорошо. Это волшебный луч, царапание зеленой ветви по стеклу, солнечный свет! Его ни с чем не сравнить и не измерить. И день, вроде, самый обычный, один из начала третьего десятка моей жизни.

Здорово, что мне ещё не столько лет, чтобы сказать человечеству: «Разрешите откланяться». Просто я еду в одно из мест своей юности, где жил некоторое время — молодой и непутёвый. Жил полу сиротой, а потом и вовсе сиротой остался, а, значит, — «самостоятельный». Милости от природы не ждал, отслужил армию и там, по божьему промыслу, получил водительские права. Одноклассники заканчивали ВУЗы, а мне это было не нужно. Просто у меня была — д о р о г а», — делился воспоминаниями дальнбойщик Серёга со своим очередным попутчиком.

Именно Дорога была самым главным смыслом моей жизни. Сказать, что тогда, не совсем верно будет, она и теперь даёт мне силы жить и согревает встречами с шоферской братией, воспоминаниями, отношениями. Дальнбойщик я, а это значит, есть остановки, где должны ещё жить мои бывшие подруги. Скорее всего, теперь они были бы удивлены, встретив меня случайно.

Вот, например, именно в этом городе всё было смешано в моей юности. И если жить по принципу известного поэта

«Никогда ни о чем не жалейте», значит и не будем, — рассуждал он.

Однажды, проезжая по этому городу, в моей голове созрела мысль: попробовать навестить Её. Не ночевать же одному в машине, а в тайге и вовсе одному невесело. По жизни знаю, что женщинам нужно делать подарки, и чем дороже, тем лучше. Да, не в большой напряг, попутчиков до сих пор на трассе сколько хочешь. И, не откладывая это дело в долгий ящик, постучал тогда в памятную дверь.

На стук в дверь, которая внезапно открылась, я увидел глаза. Такой взгляд давно уже видеть не приходилось. Ну, да, исчез тогда я без предупреждения надолго, как выяснилось позже. А для Нее — навсегда. Но не до такой же степени, чтобы, увидев меня, дара речи лишиться.

Да, не будь я Серёгой, — чтобы отказ получить. Сваливаю до отказа забитые тары с пищевыми продуктами на Её кухонный стол и кольцо достаю, которое не стыдно подарить, золотое, конечно. В качестве «реабилитации».

Извлёк спиртное, соответствующее назревающему событию. Глаза Её ещё шире делаются. Понимаю, что пауза нужна, чтобы речь вернулась к женщине из прошлого. Поедем, — говорю, — на заправку, заполниться по полной программе, вдруг завтра очередь будет.

И опять была дорога. Она всем язык развязывает. А «бывшая» моя всё равно испугана была.

— Да что ж ты, навсегда голос потеряла что ли? — хохочу.

— Я думала, ты давно уже умер, — наконец сказала Она, — ты не должен был жить долго.

— А почему это ты меня схоронила? — уже я оторопело спрашивал Её.

— Так ты же, наркоман конченный был, — и Она опять замолчала.

— А как ты думаешь, кто бы мне эту махину доверил, если бы им был? — теперь я спрашивал с некоторой злостью. Вижу, Она и верит, и не верит мне.

Попутчик, если до этого разговора и думал о чём-то своём, теперь уже заинтересованно следил за ходом мыслей водителя.

А Сергей продолжал свои воспоминания:

— Вспоминаю, как вёз Её с подругой по тракту. Оглянувшись тогда и почувствовал, что за мной гонятся, и не просто так, — как я сразу уразумел, — а убить норовят.

— Девчата, — говорю им, — Мне бы высадить вас на чуток, но уже не получится, убегаем мы. Через время понял, — оторвался. Девушек я привёз на место чуть позже, но бесполезно было скрывать. Они каким-то образом поняли, что на игле я был уже. А эти догонявшие, долг с меня взять хотели.

— Так ты что, в самом деле, кумарил в юности? — удивился сиюминутный попутчик.

— Было дело по молодости, я ведь жил непонятно тогда, — и Сергей снова провалился в места своих ошибок:

— Как тебе удалось выжить после всего этого? Я от специалистов слышала, что только один на тысячу наркоман может выжить в этой ситуации, — прорезался, помню, Её голос.

— Потому и исчез тогда, — что я Ей еще мог ответить?

— Потому и похоронила, — пожала плечами.

Как-то после очередной ломки понял, что линять отсюда надо навсегда и начинать новую жизнь. Сложно было, но если хочешь знать правду, женщину я тогда встретил на новом месте, брошенку одну, с двумя детьми. Жить — то где-то надо было. А дети есть хотят каждый день. Вот я и стал таксовать, к детям её привязался, а своих так и не завёл. Эти стали папой звать. Куда было деваться?

Словно оправдания хотел услышать Сергей от временно-го слушателя.

И снова ушёл в воспоминания:

— Ну, а ко мне зачем приехал? По пути что ли? — как сейчас помню резонный вопрос, который задала Она мне тогда.

— Так ведь я был уверен, что ты жива. Всегда надеялся. Знаешь, завтра у тебя выходной, поехали со мной в горы за лесом. Одному скучно будет. Поедем, тайгу посмотришь.

— А почему ты считаешь, что у меня никого нет?

— Даже, если и есть кто, разве он лучше меня? — хохотал я самоуверенно.

Утром мы поехали в горы. В дороге Она заметила крест — накрест соединённые руки, которые показал обгоняющий нас водитель. Я сразу по тормозам, и как это не понял, я — водитель со стажем, что с прицепа моего колесо слетело.

Представляешь, в каком состоянии находился, встретившись с Ней?

— Вот женщины, на рыбалку взять грех, а тут..., — аж холодным потом покрылся. Неужели тоже плохая примета? Хотя не змея же дорогу переползла...

Ещё можно было Её высадить, денег на дорогу дать, но ведь сам пригласил, поэтому подъём продолжался. И тут вдруг, надо же, дождь мелкий затяжной навязался. Это уже хуже. Сам ведь сменщика не взял. Случись что..., — и отогнал мысли прочь.

И вот оно. Знал ведь — глиняная с поворотами одноколейка... Назад нельзя и вперёд неизвестно что случиться может. Сидит Она, плохо понимая, чем это чревато.

Остановился я всё же.

— Выйди, — говорю, — из кабины, поднимусь на перевал, ты потом подойдешь. Если я поднимусь..., — добавил.

— А как же я тут одна, если...? — она правильно понимала это — если...

— Спустись пониже, вдруг Камаз перевернётся...

А она смотрит на меня, — в глазах слёзы.

Тут мой попутчик о своём, видимо, совсем забыл: «Ну а дальше — то что было?»

— Подняться я всё-таки смог. И понял, что Она и есть мой сегодняшний сменщик. К вечеру добрались до места. Много молчали, оба уже понимали, что обратная дорога будет не

сахар. Хуже было и то, что погрузчик ушёл, видно решил, что умный большегруз в гору в такую непогоду не потянет.

— Да, не Серёга я, что ли, если бы сам не смог загрузить свой прицеп? В какой-то момент понял — одному не справиться. Знал, что никогда Она не держала в руках руля машины, и всё же показал ей, на что нажимать и когда тормозить, чтобы мне удобнее было лес переваливать.

Видно, сам Господь решил нам тогда помочь. Загрузил я прицеп под самую завязку и говорю ей:

— Раз сегодня с нами Бог, может, и спустимся сейчас? Это легче, чем подниматься.

Хорошо, что она ничего не понимала, и мы двинулись. Какая же тёмная была ночь! Включаю фары. Противный дождь продолжается.

На каком-то моменте вдавленный в колею до отказа гружённый прицеп с неуправляемой силой начал давить в кабину, набирая скорость. Сбавить её не было никакой возможности. Если бы она знала, чем рисковали мы. Речь не шла о сохранности груза. Он мог запросто раздавить нас брёвнами, перевернуть, сойти с колеи. Всё зависело от моей реакции, движения рук. А если точнее, мало что от меня уже зависело.

— Да, не Серега я, что ли? ... — только и бормотал я, скорее успокаивая себя. Сам не знаю, каким образом вскоре мы сползли с этого смертоносного для нас спуска.

Спала Она на моём плече, я смог прикрыть её тем, что было в кабине. Через время попросил у неё разрешения уснуть тоже, потому что дальнейший путь был так же непростым и неблизким.

Рассвет стал для нас таким, как будто мы никогда не расставались.

— Да ты знаешь, как я вообще-то жил! — крикнул я Ей тогда.

— Знаю. Не Серёга ты, что ли?

Мы молчали и смеялись. А потом напились, когда приехали в её квартиру.

— Поживи со мной один день, — попросила она вдруг.

И это был наш день. День, когда не существовало ничего и никого.

— Давай купим моим дочкам подарки, — обратился, плохо соображая, о чём просил, — я могу не успеть, — ты же понимаешь толк в этом.

Не об этом надо было, конечно, ей говорить, но в тот момент я думал, — ну, должна же она правильно меня понять!

Подарки Она всё же помогла мне подобрать.

Я видел, как ей непросто сохранять самообладание. Она тоже искала выход из создавшейся ситуации и ждала...

— Как тебе удалось купить кольцо по размеру? — спросила, когда я уже сидел в кабину.

— И тут, представляешь, сам себя до сих пор простить не могу. На секунду притянул Её к себе и, уже набирая скорость, боясь взглянуть в Её глаза, крикнул из кабины:

— Да, не Серега я, что ли! Случайно...

Мой попутчик после этого долго молчал, а что ему было сказать, он ведь тоже, как и кольцо, оказался просто случайным...

Хорошие люди

Так случилось, что последним пригородным рейсом довелось ехать в пустом автобусе. Кондуктор, уставшая за смену, не боялась потерять пассажиров. Их просто уже не было. А значит, остановки никто не оповещал. Не учтено только было то, что перемороженные окна совершенно не давали видимости.

Сама ситуация подвигла к приятному общению кондуктора с пассажиркой, которой и стала я. Общение наше стало всё более свободным и доверчивым.

И когда я опомнилась, что по времени как бы давно уже нужно прибыть к своему месту назначения, было поздно.

Позднее позднего. Автобус шёл по кругу обратного возвращения в город. Им что, они с водителем уже откровенно хотели, не зная, куда меня девать.

— Ну не бросать же её ночью на улице, — убеждала водителя кондуктор.

— Так что, новый круг что ли? Мы уже в парк должны! Спать что ли не хочешь? А ей такси можно вызвать.

— Ну, ситуация такая сложилась. За окном — 30. Ночь.

— Как скажешь, путешествуем дальше.

И снова общение.

— А знаете, с вами ехать веселее, чем с дедушкой «вставо-ранником», — общение пошло по новому кругу, — тот ежедневно посещает наш автобус, да и не только наш, думаю. Одиноким такой дед, садится для общения. Не со мной. Днём мне особо некогда это делать — есть чем заняться. Так вот он с нами до обеда ездит. Понимаете — он едет в никуда! Билет у него льготный, пробиваю его исправно на начальной остановке или конечной. Кстати, что-то полмесяца его нет уже. Не стал ездить. Никому не мешал, изредка спрашивал что-то, что уж не припомню.

Каких только пассажиров не встречаешь в пути. Бабушки всякие: обиженные, смешные, правдоискатели есть. А иные за 15 – 20 минут всю душу наизнанку вывернут. Как будто я им чем-то помочь могу. Иногда мне кажется, под следствием такого откровения не бывает. А мне что? Вошёл человек – вышел, его жизнь. Не поверите, я жить учусь на этой работе. Ситуации, переплёты и события у людей происходят самые разные. Загрузят они меня своими проблемами, выйдут, а я осмысливаю свою жизнь. Может, и придумаю, чем помочь, иногда, а человека и нет уже со мной. А иной раз и забыть всё хочется. Устаёшь от этого. Врачам или кому другому за это больше денег платят. Не все люди понимают, о чём, что и где говорить можно. Облегчают души и всё тут. Видно, не всем в храме поделиться можно.

Да, кстати, следующая ваша остановка. Извините уж, что и я с вами разоткровенничалась. Не со всеми, но, видно, ино-

гда и мне пообщаться хочется.

Водитель продолжал следить за ночной дорогой. Доканчивать затянувшийся рабочий день им без остановок. Прониклись ситуацией. Хорошие люди. Вот бы все так...

Я же — мужчина

Всё когда-то случается. Плохое и хорошее, близкое и далёкое, чужое и своё. С годами всё рассортировывается, что-то забывается, уходит, а что-то остаётся, чтобы в нужный момент проявиться и стать тем компасом, с которым кто-то уже прошёл, оставив нам разметки.

Как-то вошла я в рейсовый автобус, а народу там оказалось, что называется битком — встать негде. Потом, по мере следования, обычно, всё устаканивается, как говорят, но в этот раз было кучновато.

Мне, женщине предпенсионного возраста, можно было бы и постоять. Однако, смотрю, поднимается мужчина постарше меня, с костылём в руках и предлагает сесть. Не соглашаюсь, вижу, что в годах человек, да ещё с костылём. А он засмеялся и сказал, что костыль носит для красоты, для того, чтобы по льду удобнее передвигаться было. Поблагодарила я его и села, а вскоре так вышло, место возле меня освободилось, и он присел рядом.

Решила я прояснить, почему всё-таки он уступил место.

— Я же мужчина, — говорит, — а если ты им являешься, будь им, пока ноги носят. — И стал мне рассказывать потихоньку, кто он, откуда и чем всю жизнь занимался.

Оказывается, до определенных лет был кадровым военным.

Рослый и небритый, ещё молодо смотревшийся, он привлекал к себе внимание многих и внешним видом, и голосом.

— А Вы знаете, с некоторых пор я особенно стал уважать свои ноги.

— Потому и место уступили? — с лёгкой иронией спрашиваю.

— Пусть будет и так. Было время у меня, — продолжает, — когда я, можно сказать, без них очутился.

И прочитав мой заинтересованный взгляд, ушёл в свои воспоминания:

— В какой-то момент вошёл я в лифт, решив спуститься побыстрее, а он возьми на ту беду и оборвись. Это я потом понял, когда ногами ударился. А дальше очнулся в травматологии, и доктора намыливают руки отрезать мне обе ноги, потому что, с их слов, от них крошево осталось. И давай меня успокаивать, что сейчас, мол, хорошие протезы делают и жизнь возможна...

— А вы бы захотели без обеих ног остаться в 25 лет? — спрашиваю я этого доктора. Смутился он и говорит:

— Не собрать их, понимаешь?

— Да, ты понимаешь, сколько это канители, сколько операций тебе предстоит, что овчинка выделки не будет стоить? Сколько боли, а, может, и не срастётся всё как надо? Подписывай своё согласие, — закончил он сердито.

А я ему отвечаю:

— Согласия моего на ампутацию ног — не будет! Склеивай меня, складывай, как надо. Выдержу я всё, что предстоит, не переживай.

Крякнул он, глядя мне в глаза, потом других докторов привёл, и решились они на отчаянный шаг — заняться гипсованием моих ног без ампутации.

— Я даже не представлял сколько это будет боли. Сколько операций разных повторных! Может, и помнил раньше, а с годами — забыл. И как заново шевелить ими учился, и шаги первые делать.

Время шло, молодой был, хромал поначалу, но желание вернуть движение было как наваждение. И ведь получилось. Плясал даже иногда, семью создал, дети у меня. Казалось бы, живи и радуйся. Благодарю всю жизнь Господа и врачей. Или, может, слишком радовался я своим «новым ногам» как никто другой, но в один неожиданный момент хватил меня инсульт. И оказался я в неврологии, это я потом уже понял.

Па-ра-лич, проще говоря.

Не знаю, сколько дней пролежал, а как пришёл в себя, к ужасу своему понял, что ни рук, ни ног своих не чувствую! Но так быть не должно! Ко мне уже и доктора ходить перестали, капают что-то, а ничего не меняется.

И понял я тогда, что опять вся надежда только на себя. Хорошо, говорить мог. Когда приходила на дежурство сердобольная няня, я просил её переворачивать меня потихоньку. Боялась она в нарушение режима это делать, а я просил: «Не дай мне погибнуть, ради Христа!»

Разрабатывал свои пальцы ног и рук, колол их иголками мысленно и ходил! Бегал! Прыгал! Я не давал себе никаких сомнений в том, что встану. И где-то через неделю невыносимых процедур я вдруг почувствовал, что на одной ноге шевельнулся большой палец. Радости моей не было предела! Надо ли говорить о том, что я не прекратил свои занятия. Я их преумножил.

Вскоре у меня зашевелились и пальцы рук, стали сгибаться, и я криком кричал своим сопалатникам: «Не лежите брёвнами! Слушайте и делайте, как я! Я был свеженький, попавший в эту палату, девятый. И, представляете, они меня не услышали, никто из восьми! Они ждали исцеления от уколов.

Через какое-то время я уже садился на кровать, но встать пока не решался ещё.

Мой лечащий врач, похоже, уже не рассматривал меня как жильца в будущем ходячего. Подойдёт:

— Лежишь?

— Лежу, — и уходил.

А я сам хотел сделать себе подарок. Однажды я попросил «свою» санитарочку придвинуть ко мне стул со спинкой. Она сделала это, когда ушли все врачи.

Я перекрестился, встал на дрожащих, как после обрыва лифта ногах и, передвигая руками стул, начал пробовать делать заново свои первые шаги. Как мы радовались с этой нянечкой! И надо же было в этот момент вернуться врачу,

который видно что-то забыл, в нашей палате. А увидев меня, стоячим, держащимся руками за стул, в трёх шагах от кровати, он закричал, не веря своим глазам:

— Вон! Вон отсюда! ...

— Так, что ж, Вы место-то мне уступили??? — вновь спросила я, не в силах осмыслить его двойной пережитый травматизм.

— Я же мужчина, и пока жив, им и буду...

Рокировка по-русски

Каждое место обрастает со временем не только мхом, но и своеобразными историями, байками, которые тем и славятся, что происходят они с лицами там живущими, а не привязанными извне.

Фёдор Девяткин — мастер на все руки, жил в небольшом горном селе уже много лет. Был он Богом обиженный — глухонемой, земляки относились к нему, в основном, с пониманием. Но был в деревне мужик — Мишка Разов — настоящая язва, которому, как это водится, до всего есть дело. То ли завидовал он мастерству Фёдора, то ли от природы своей был обидчиком, но всегда, когда их пути пересекались, не упускал случая поиздеваться над убогим.

Однажды, когда в очередной раз он подставил «козью ножку» Фёдору, чаша терпения того переполнилась.

Увидев рассвирепевшее лицо Девяткина, тот понял, что перегнул палку, и наступила пора уносить ноги. Уже убегая, он почувствовал тяжёлое дыхание в спину. Скорость догонявшего была не шутейной. Хуже оказалось другое, ситуация складывалась не в его пользу. Вокруг Мишки в этот момент оказалась сплошная пустошь — спрятаться негде. Впереди лишь маячила небольшая лесина, без единого сучка. Обидчик с удивительным проворством вмиг взлетел на самую её вершину и сидел там, покачиваясь из стороны в сторону, продолжая корчить рожи догнавшему его Фёдору, крутя пальцем у виска.

Догонявший остановился и, абсолютно не собираясь retirроваться, неожиданно достал из висевшей через плечо плотницкой сумки топор и, чуть примерившись, стал ритмично наносить пробные удары по стволу.

Сидящий наверху Михась, всё ещё веселился, надеясь на то, что азарт немного скоро иссякнет, и он уйдет. Однако, отнюдь. Топор как приклеился к его рукам, а силой Фёдора Господь не обидел. Через несколько минут схоронившийся в кроне дерева обидчик уже не улыбался, понимая, чем это ему грозит.

Фёдор позволял себе изредка передохнуть и снова брался за дело, работая по-шолоховски: «Умру, а вспашу десятину с четвертью».

Звук удара топора далеко разносился в округе. Зрелище становилось уникальным. Любопытный народ начал потихоньку собираться. И хотя, как говорится, «на народе и смерть красна», но в этот момент обидчику думать об этом не хотелось.

Вскоре дерево начало подаваться. Надежда Мишки на усталость лесоруба окончательно иссякла, тем более что, отбросив топор, Фёдор с удовольствием потёр руки и стал раскачивать лесину. Раздался долгожданный треск, и дерево, как в замедленной съёмке, рухнуло на землю во всю длину вместе с незадачливым шутником. В толпе стало тихо. Оваций не было. Поверженный шутник лежал какое-то время на животе, ожидая в любую секунду гильотину на свою голову.

Фёдор с поднятым топором подошёл к лежащему «извергу», потрогал пальцем затупившееся остриё топора, вздохнул и плюнул на оцепеневшего мужичонку. Потом аккуратно положив топор в сумку, неожиданно покинул место происшествия.

Потеряв дар речи, Михаил неподвижно сидел, не двигаясь, рядом с поваленной берёзой. В своей дальнейшей жизни красноречием больше не выделялся.

Золотое озеро

У каждого человека есть в душе своё: детское, тайное, сокровенное. Часто именно оттуда мы черпаем силы и желание жить. Детство. Сколько же сокрыто в нём? Тебе говорят что-то сверхполезное, а ты не соглашаешься. Усыпаешь под одеялом, а сам решаешь проверить: так ли глубока речка, снесла ли яйцо курица и действительно ли глубокий снег?

Окружающие люди всегда хотят помочь, но в этом вопросе их проверенные жизнью знания и подсказки действуют с точностью до наоборот.

А ещё хочется летать. А взрослые, они же вообще не летают, им и в голову это не придёт. Вот и дожидаясь того момента, когда родители уйдут на работу, уснёт бабушка, и появляется сокровенная возможность забраться на крышу дома и, наконец-то, измерить глубину притягательного снежного бугра. И если бы не сорвавшийся с цепи пёс Дружок, который вырыл меня оттуда своими мощными лапами, вряд ли смогли бы меня найти. Это был мой самый первый полёт и даже не один. Моего падения с деревьев, заборов никто кроме меня достоверно не знает. Невозможность сделать из рук крылья вела к отчаяниям и различным повреждениям тела.

Красивые новые платья оказывались разорванными в первый же день их появления, как бы тайно не починая их моя десятилетняя сестра. Теряли терпение родители, смеялись соседи и друзья моего детства, но не могла я поверить в тот момент, что научиться летать человеку без всяких приспособлений нельзя.

Отчаявшись «приодеть» свою среднюю дочь, а надо сказать, что опрятность старшей мне всегда ставили в пример, мама, как-то раз, очень серьёзно сказала, что новых платьев у меня больше не будет! Возможно, это поставило меня с головы на ноги. Да и отец убедил в том, что родилась девчонкой, значит, и надо быть ею, хотя на рыбалку любил ездить только со мной. А шить я не любила. Однако, видеть как за-

кручивается из-под его рубанка древесная стружка, гудит токарный станок в цеху, было для меня большим счастьем. Даже сам запах машин, двигателей и вся суета в авторемонтной мастерской были гораздо привлекательнее всего другого. Это позднее, будучи взрослой, приходит понимание того, что именно падения всякого рода, возможно, и есть начало будущих взлётов во всех сферах бытия.

Никто не знает и о том, как я искала брод в речке. Я же видела, как бабушка брела по ней с грибами в переднике, но песчаная река неожиданно углубилась в этом месте, и меня понесло. Нырjala и выныривала и снова захлебывалась, но на мель всё — таки вынесло. Однако любопытство самой познать жизнь продолжалось. Проверить глубину погреба, из которого потом вытаскивали с синяками.

Не лепить из пластилина, а тайно закапывать в землю клады было любимым развлечением, благо степная почва была податлива даже ребенку. И пусть тех кладов никто не искал, но попыток пропустить через себя всё мыслимое и немыслимое хватало. Убедиться в том, что, только изорвав кожу рук и плеч, можно влезть на боярышный куст, в общем, всё то, что не может прийти в голову любому здравомыслящему взрослому, читается в любопытных глазах детства.

В тот день мы были уже «взрослые», перешли во второй класс. И я пригласила свою подружку Нинку походить по лесу. Надо сказать, что за лес в степи мы принимали редкие кусты ивняка, солодку, полынь, степные кочки осота, колосья которого гладили руками и радовались лету. А идти мы собрались в чужой огород. Мы, конечно, знали, что нельзя, но не воровать же шли.

Просто в их огороде находилось озеро. А я разведала ещё раньше, что там в этом самом озере живут жёлтые лилии. Лилии — кувшинки, с мою ладонь. И мне захотелось поделиться этой тайной с подружкой Нинкой. Когда мы пробрались туда через густой забор шиповника, чуть не улетели в это озеро. Мы и лягушки, и никаких сторожей! Хотя нет, пугало огородное, как и положено, в смешной зимней шапке,

в старом выгоревшем платье, болтавшемся от ветра на колу, стояло среди огорода, оберегая подсолнухи от птиц, но оно было неживое, ненастоящее.

А мы шли потрогать раскрытые солнышки, лежащие на воде. Золотое озеро, в котором мы топтались, ходило ходунном. Коряги впивались в подошвы. Пусть мы и промочили платье, но лилии были в наших руках. Странно, что они оказались без запаха, точнее отдавали болотом. Однако, какими же длинными были их стебли мокрые, совсем не рвались и не ломались.

Кое-как, вытянув пару водных красавиц из воды, понесли их домой. Мы даже не предполагали, что болотные цветы сразу убьёт горячее степное солнце. Позднее ещё не раз ходили туда просто любоваться ими, пока в один момент, к нашему огорчению, они не превратились в семена. Но у нас был ещё запас лета, и мы старались извлечь из него то, чего не увидишь и не потрогаешь зимой.

Но разве можно об этом рассказать взрослым? Ведь они постоянно заняты, а ещё могли рассердиться. Проследят за тем, чтобы дети сытые были, поверят в то, что спим и успокоятся. А мы смотрим свои сны — наши завтрашние заботы, в которых будут новые приключения и открытия.

Из других воспоминаний детства снова всплывает озеро. Рассказав Нинке, что летом в озере мы с отцом наловили сетью целую ванну карасей, и раздали их соседям, решили вдвоём найти зимой это озеро и узнать замёрзли ли в нем караси. Это обязательно было нужно проверить.

В тот день был большой мороз. Но мы договорились идти, поэтому, утеплившись, всё же двинулись к назначенному объекту. Не учли только того, что озеро оказалось глубоко занесено снегом. Ничего не взяв с собой для очищения льда, стали чистить его небольшую частичку варежками. Было очень трудно, но мы сделали это. Упав на снег, любовались плавающими подо льдом карасиками величиной с нашу ладонь. Там ещё сказочно шевелилось дно, а в нём растения тёмно-зеленые, всякие.

Это, конечно, поднималась тина, которая мешала чёткой видимости из-за взбодрившихся карасей, всплывших на свет. Да и вечер уже начинался. Идти назад было далеко и долго. Знали, что лежать и сидеть нельзя. А ещё забыли о том, что после обеда быстро становится темно, и мы с трудом находили свои перевёрнутые снежные следы-дырочки.

Наконец, появились первые светящиеся окна села. Сначала попали к Нине домой, её дом был ближе. Наши ледяные варежки бросили на печь, сразу же накормили нас. Нина была дома, а мне ещё предстояло преодолеть несколько улиц. Никто не пошёл проводить до дома. Когда я пришла с отмороженными щеками, меня уже собирались искать родители и соседи. Наказывать не стали, потому что я сказала, что катались на ледяной горке. Нина тоже не стала нас выдавать. Впрочем, она потом навсегда забыла это путешествие. Что ж, возможно, её душу по жизни греют другие воспоминания, гораздо более интересные и приятные.

Сергей Дыков

Родился 13 мая 1957 г. в г.Горно-Алтайске.

Окончил в 1976г. художественное училище в г.Новоалтайске, Алтайского края.

Преподаватель истории искусств в Горно-Алтайской художественной школе, художник-постановщик республиканского драматического театра, художник-оформитель, участник областных, республиканских, всероссийских, зарубежных выставок.

Член Союза художников России, член Союза театральных деятелей России, заслуженный художник РФ.

Ничего нет страшнее забвенья.
Ты забыт, и тебя уже нет...
Ты живешь, задавая вопросы,
Не заметив ни слова в ответ.
Кто поверит, что не от забвенья –
Просто с голоду умер поэт?

Осенние леса
С листвой растались,
То птицы тень мелькнет,
То ветер зашуршит.
Так дышится легко,
А на сердце усталость,
Ум горячится,
А душа молчит.

За минуту до потопа
Мы идем, бредем с тобой,
И ни в чём вокруг не видим
Обреченности земной...
Разве только птицы выше,
И тревога над водой,
И с высокого ковчега
Нам кивает рулевой...

Мшистые скалы,
Простор ветровой,
В небе пустом
Одинокая птица.
Здесь я один на один
С тишиной.
Можно без слов
И петь, и молиться.

Углы твоих глаз
Углубились печальной тенью,
В углах твоих губ
Складки горькие залегли...
Помнишь ли ты –
Мы дикой любви растения
В узлы сплетались
В весеннем пожаре земли?
Ни слов, ни вздохов –
Дно твоих глаз поблекло сухо...
Плесни напоследок –
Крохи смети со стола!
Помнишь, была у нас
Золотая луны краяха,
Поцелуев мёд
И шампанская кровь была?
Что теперь?
Лету дней, сквозь сито просеяв,
Золотые крылышки
Легкой любви отыскать,
Закружить, обласкать,
Словесной силой взлелеяв,
И тебе подарить –
В ответ на твою благодать!

Кто-то музыку закажет
И за столиком молчит,
Кто-то музыки не слышит
И навстречу ей кричит.
В ком-то музыка заплачет,
В ком-то тихо запоет,
Кто-то музыкою мучит,
Кто-то музыкой живет.
Лишь она одна свободна –
Где захочет гнезда вьет.
Всё ей тихо отвечает,
И она во всём живет.

Стихи приходят, как судьба
И изменяют всё на свете.
Стихи из прошлого растут,
Стихи приносит встречный ветер.

Долгий, мелкий
Дождик идет и идет,
Землю полусонную
Клюёт и клюёт...
Где ты, долгожданная
Зимушка-зима?
За туманным, за окном
Только дождь и тьма.

Запах ночи,
жасмина,
и грозы,
и соленой крови...
Все забыть!
Одно лишь
запомнить –
запах первой
любви!

Опьяней осенней тишиной,
Охрой, киноварью, чернью .
Я смотрю в боярышника куст
Полный ягод драгоценной зернью.

Размокают под дождём грибы,
Ель поникла сонными крылами.
Не уйдёшь из-под небес судьбы,
Небеса – они всегда над нами.

Я присел на хвою у сосны,
Сверху на ветви присела птица –
Иноки осенней тишины,
Чтобы взглядом и умом молиться.

Я лежал на земле.
На меня опрокинулась ночь -
Аспидная чаша,
Полная глаз...

В каком-то ящике,
Глухой фанерке,
Под разговоры
И громкий смех,
Смотреть,
Как любят марионетки,
Дрожать на нитках
На глазах у всех...

В.К.

Полубогов, что в долларовой выси,
И муз, поющих в зарослях рублей,
Любить в ущерб и творчеству, и мысли,
И предавать своих учителей.

Пускай приснятся брошенные тени
И нищеты прозрачные черты,
Вся тяжесть всех невольных преступлений
Растёт из суетной бездушной немоты.

Горят леса, убитые морозом,
Молчит душа, омытая стыдом,
Всё закружилось словно под наркозом,
И кровь охвачена октябрьским ранним льдом.

Есть злое добро,
Есть доброе зло.
Коль их разлучишь –
Тебе повезло.

*За такую благодать
Нужно было пострадать.*

*Мир обесцененных идей,
Дистиллированных людей.*

*Есть в этих опытах черты
Корявой, дикой красоты.
Чтобы построить –
Нужно очиститься.
Чтобы очиститься –
Нужно покаяться.*

*Друг к другу глухонемые,
Завидующие друг другу –
Мертвые и живые.*

*Колокольным звоном
Чуму изгнали –
Без костров, докторов
И слов....*

*Ввысь к пресветлому Богу
Душа восходит
Звонкой лестницей колоколов...*

На берегу
Дремлющего озера,
Отвыкшие от тишины,
О чем мы так громко
Кричим друг другу,
Боясь не услышать
Друг друга?..

Милые рыбы,
Мы вас разбудили –
Простите за это нас...

Помолчим, мой друг, помолчим,
Желтый ветер гуляет в лесу...
В этот час всё, что было, таим.
Я в ладони тебе принесу...
Завиток наших зимних вьюг
И фиалку весенних дней,
Журавлиную песню разлук
И любовь... Не забудь о ней.

У всякого предмета
Есть душа,
И можно жить,
Её не замечая...
Проснёшься ночью –
Смолкнут голоса,
Во тьму отпрянет
Тишина живая...

Из земли
Растут каменья
Угловаты.
То не камни,
То убитые
Солдаты.

Всю жизнь проплакала
У двери, которую не открывают.

На нас Зауралья Луна
Разбойный румянец наводит...
А дальнее солнце Москвы
Не всходит — и не заходит!
А каторжный Север горит
Холодным и чудным сияньем.
И смертью, и мукой грозит
И кровь заражает страданием...
Сибирь — труба ветровая
Судеб, дорог и страстей,
Где вьётся душа огневая,
И вьюжный свистит соловей!

Знает река и не знает,
Что такое число...
В белый песок вращается
Брошенное весло.
Знает вода и не знает,
Как, зачем, почему...
В камень лишайник вращается,
Словно звезда во тьму.

И Парижу настало
Очищение огнем —
Кружит черным суфием
Дым под редким дождем.
Серой розы Парижа
Потемнел оком...
А в свободной России
Нет свободы ни в чём...
Душит белая вьюга
И похмелье трясёт,
И бояре продажны,
И безмолвен народ...

Светел, тих
И прозрачен
Одиночества круг.
Громоздясь
И толкаясь,
Жизнь пасётся вокруг...
Припечатать загадку
Не может печать —
Так пиши,
Чтобы утром
Снова повесть начать...
Светел,
Чист и прозрачен
Одиночества круг —
Слепо мимо
Проходят милый враг,
Строгий друг...

Чтобы все начиналось
И кончалось добром,
Успокойся и выпей
Свой спасительный бром...

Лелеют струи алкоголя
Натянутые страхом струны...
Какая здесь, дружок мой, воля?
Мы одиноки и безумны....

Большой кулёк
Несбыточных видений
Нёс, чуть дыша,
Перед собой –
И счастлив был...
Принёс домой.
Разворотил бумагу –
Шёл – и забыл,
Шёл – и забыл...

Что-то на улице
Посинело –
Колдует вечер
Веточкой тьмы.

От новых идеалов
Не скрыться никуда –
Неоновое солнце
Не гаснет никогда.

Идёт человек,
Навстречу другой.
– Здравствуй!
– Здравствуй!
– Что нового?
– Люди говорят
плохое время идет...
– А скоро ли придет?
– Да, оно уже здесь, пожалуй!..

Кто играет по-над полем
На дуде –
Не о радости,
О тягостной беде?
Натекла печаль туманом,
Слёзы пролились дождём.
Может и беда такая,
Что укрывшись, переждём?

У девочки маленькой жилочка
Бьётся в прозрачном виске.
Чистых мыслей копилочка
В любом золотом волоске.

Философ, склонясь, расплачется,
Увидев росточек живой,
Над ясностью мысли истиной,
Над этой неясной судьбой.

Он нажил
Горы барахла
Путем предательств
И обманов.
И всё, что сгрёб,
Унёс бы в гроб,
Да жаль, что нет
В гробу карманов.

Проза ворожит и настораживает,
Стихи веселят и омолаживают.

Газ дорожает,
Совесть дешевет.
За землю убивают,
Но землю не жалеют.

Проснёшься ночью полнолунной,
Послушаешь собачий вой.
Тьма Запада и свет Востока
Смешались в чаше мировой...

Молитва или отвращенье,
Смех на ноже иль мёда яд,
Созвездие или прощенье —
Миллионом глаз с небес следят...

Детство под козырьком взрослых,
Мешающих расти вверх.

Когда-нибудь в день обычный
Увижу свою «косую»...
Чужой судьбы не снести,
Вину не снести чужую.

Пусть тяжек собственный крест,
Крива и корява дорога...
Вмешаться в чужую судьбу
Есть воля только у Бога.

Увидеть смерть в тени жизни
И жизнь в тени смерти.

Ну, где же тот,
кто жизнь заставит замолчать?
Ну, где же тот,
кто сможет смерть перекричать?

Ничто
В бездонной
Памяти
Не тонет...
Сердце
Всех оплачет,
Но не похоронит.
Может,
По дороге,
Вымощенной нами,
Чье-то сердце
Живо нашими
телами...

Мне довольно
своих Прокрустов,
и знаком мне
удел Танталов-
боль в спине –
(нет поддержки
близких),
в животе –
(от семейных скандалов).
Пусть ты псих,
но не будь
неровен,
скромен будь,
хоть не ладно
скроен...
И к страшилищам
ежедневным,
подходя,
оставайся спокоен!

Тёплая осень...
В такую осень
Так сладко
Лежать в траве
И видеть-
И не видеть,
Как ветер
Знакомый
Осыпает тебя
Золотом листьев-
Золотом любви,
Не кончающейся
Никогда...
По крайней мере,
Так бы хотелось...

Парни,
что смотрели
боевики –
сами стали
боевиками.

Я засыпаю,
засыпаю
глубоко...
Куда ты
стучишься,
сердце,
в этой
кромешной
тьме?

Богатые молились у аржанов,
Когда начинали беднеть и болеть!

Всё я жду,
Что мне скажет вода,
А вода всё течёт и течёт,
Добродетели не восхваляет,
За провинности не сечёт.
Оплошал –
С собой забирает,
А поплыл –
К берегам возвращает.
Потому,
что люди вольны,
Жить землею
Приручены...
Снилось мне –
Я – река,
Я – вода,
Я стремлюсь
Неизвестно куда,
След мой – русло,
Как лёгкий дым,
Не возвратен,
Неповторим.
Сроду я не встречал
У воды
Исправлявших
свои следы...
Да и как
Те следы отыскать?
Если только
Вернуться вспять?
Вспять попятиться
На Восток,
Отыскать пытаясь
Исток.

Дожди сменяются дождями,
А время к вечности течёт.
Лишь человека,
Будто пламя,
Вихрь тёмный
Схватит, унесёт.
За всё цеплявшийся
Мечтами –
Жив тем, ты
Будешь, человек,
Что ты оставил
За плечами.

О, Сириус светлый
В созвездии Пса —
В темнеющем небе
Беззвучное слово...
К чему ухищренья,
К чему чудеса,
Когда этот свет
Зажигается снова?
Он есть направление
И призрачный смысл
Блуждания в небе
Бездонно-холодном..
Он взрыв затаённый
Неведомых числ
Заверченный кем-то
В пространстве свободном!

Лишь омытые слезами
Глаза поэта
Видят вдвое больше.
Внутри грохочут
Булыжники
Невысказанных слов,
Дробя алмазы
Невыплаканных слёз.
Всё же, что ни говори,
Наивные слёзы поэта —
Прибой неумолкающий
На каменистом берегу
Истины.

— Как жизнь?
— Прошла как будто...
прошла,
мой друг,
прошла...
— А как дела?
— Какие
тут могут быть
дела...

Были мы как яблоки —
Терпкие, незрелые,
И как перец жгучие...
Чтобы выпить, чтоб суметь
Свежим ветром пролететь
Над навозной кучею...

Утро тихое
За околицей...
Лишь осина
Дрожит –
Плачет,
Плачет,
Молится.
Днём и ночью
Кается...
А прощенье –
Чудо...
Но народ ей имя дал —
Дерево Иуды.

Мы с тобой
Плыли, сливаясь,
В кипятке сентябрьской
Ночи.
Зная то,
Что мы скоро
Растаем, потому
Что мир наш непрочен.
Он непрочен
Как ветер,
Как воля,
Как вода,
Как свет,
Паутина.
Он живёт
Пока окликают
На краю –
Вот в чём
Вся причина.

Отыскать себя
В безразличии
Ледяных и чуждых
Времён.
Отыскать себя
Во враждебности
Незнакомых,
Тёмных племён.
Отыскать себя
В ожидании
Перехода рассвета
В закат.
Отыскать себя
В умирании,
Не внимая
В чём виноват.

Осенний день
И выцветшее небо
Прохладно веет
Сквозняком зимы.
И ярость увяданья
Беспокоит глаза,
А не горящие умы.
В полях ни звука,
И леса тихи,
И эхо не разносится
Далёко.
Листва слетела,
Небо — высоко.
А мысли бесприютные —
Высоко.

Как любить,
Если между нами
Протекает злая река,
Если я из другого племени,
Если я из стана врага?
Что по мне, то эти презграды
Вроде племени и реки
Лишь сильнее любовь разжигают,
Обстоятельствам вопреки.

На Семинском кедры поют,
В Коксе в небе льды проступают,
А Катунь – живой изумруд,
Когда осени наступают.
Кош-Агач – зеленое солнце
И жемчужно-красный песок.
Эти сны наяву навевает
Нам бездонно-синий Восток.

Есть в этом узоре
Ночи существо –
И звук её, и глубь,
Искусство...
Где ты, моя рубашка,
Цвета ночи,
Где руки мамыны,
Что штопали её?
Обрывок ткани жизни
Тёмно-синий,
Впитавший несказанное,
Моё...

Привычные слова —
Зачистка территорий.
Но на зачистку душ
Ввели бы мораторий

История сейчас —
Зачищенная память,
Что пишется пером,
Чтоб топором поправить.

Чем пустошь зачищать,
Столпы и храмы рушить,
Верните память вспять —
Спасите наши души!

Силиконовые губы,
Силиконовая грудь.
Ни за что не поцелуешь,
Ни за что не ущипнуть.

Забывтая книга.
Ветер весенний
Шевелит страницы —
Крылья убитой
Умолкнувшей птицы.

Слова ломаются,
Слова не клеются,
Слова съедаются.
Молчанье мается,
Бельем полощется
И задыхается.

С ложью ложимся в постели,
С ложью выходим в свет.
Глядя в глаза ребенка,
Лжём, что неправды нет...

Уже напиваться не хочется,
Не хочется жизни и хлеба.
А хочется, чтоб успокоиться,
Стать серым, как это небо.

На дереве ветви качаются
С друг другом никак не разлучатся.
А я влюблюсь в нелюбимую,
Чтоб вдоволь любовью намучиться.

Кровь на мече распустилась,
Время сквозит бедой...
Средневековые умылось
Грязной пещерной водой.

*Человек, которого хвалят
Не ответит: «Простите, я занят!»*

*Он грелся душой одинокой
У славы холодной костра...
А радость осталась в прошлом,
Где чудо творит детвора.*

*А стоит ли по воле волн
Идти к своей судьбе
И закрывать открытый мир,
Затерянный в себе?*

*Время злых и вороватых
Бюрократов удалых,
Стариков молодцеватых
И усталых молодых...*

*Это не старуха,
Что, склоняясь, у огня
Шелушит кукурузу –
Это время, что смыкаясь
Над моим дыханьем,
Жизнь мою шелушит,
Как початок.*

Лес, как история искусств —
В нём перспективен каждый куст.
Лес, как забытая флейта —
Тишь вкусил и от ветра.

Мы ушли в нелюбовь ненадолго
В час осеннего серого волка.
Но легла между нами река,
И не сдвинутся берега.

Отведи глаза,
Если стыдно.
За туманом
Ничего не видно.
Опусти глаза,
Если горько.
За слезами не видать
Нисколько.
Подними глаза,
Тяжко если.
Быть нам рядом век,
Да не вместе.

Отведи от лица
Свои зимние пряди,
Подними на меня
Свои звёзды дневные,
Влей в гранёный стакан
Обжигающей правды-
Отчего с первой встречи
Мы с тобою чужие?

Он шёл, не поднимая глаз,
Позабыв, что такое оглядка.
Он был настоящим,
Но вдруг исчез
За углом мирового порядка.

Ночь наступила, город притих,
Слышно как мертвые оплакивают живых.
Шум подземелья в ушах бессонницы,
Новый дворец на костях строится.
Ночь наступила. Город притих.
Мёртвые разыскивают живых.

Пепел волос обратился в алмаз.
Жизни кристалл не исчез, не угас.
В этом кристалле слились воедино
Линии матери, линии сына,
Свет праотцов, что из праха восстали...
Грани веков на грани кристалла
Влаги живой, что памятью стала.

Утренний, робкий,
Снежный вальсок
Лёгким хмельком кружится.
Много я в жизни мёду вкусил,
Но не успел насладиться.
Кружит вальсок,
Снежный вальсок
Тяжесть с души снимает,
Тайны мои, мысли мои
Снег понимает.

Тихо сыплет первый снег.
На исходе дней.

Начинаешь жизнь любить
Больше всех страстей.

О любви не позабыть —
Пуще всех огней.

Как узнать о чем молчат
Тишина и снег?

О тебе, лишь о тебе,
Станный человек...

В полночь проснёшься —
Полночь светла,
Небо отверзть...
В ночь покрова
Спит ли земля-невеста?

Вечерний снег — благословенье
Забытых в суете небес...
Иду, себя не понимая,
Навстречу сну сквозь снежный лес.
Ах, спеть бы в ритме снегопада,
Или чуть-чуть потанцевать...
Снег, осыпающий стихами
Весь мир, который будет спать.

2006 г.

Оглавление

Майминское литературное объединение «Ли́ра».
Майма, ул.Советская, 57.
Тел. 8-(38844)-22-9-76

Составители: *Ольга Ельдекова (Истомина),*
Галина Свириденко.

Вёрстка и дизайн: *Александр Кобзев*